This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav 4354.3.811

HARVARD COLLEGE LIBRARY

Bought with the income of
THE KELLER FUND

Bequeathed in Memory of
JASPER NEWTON KELLER
BETTY SCOTT HENSHAW KELLER
MARIAN MANDELL KELLER
RALPH HENSHAW KELLER
CARL TILDEN KELLER

Lettres inédites d'Ivan Tourguénew

recueillies et annotées

par M. E. Halpérine-Kaminsky.

И. С. ТУРГЕНЕВЪ.

НЕИЗДАННЫЯ ПИСЬМА

къ г-жѣ Віардо

и

ЕГО ФРАНЦУЗСКИМЪ ДРУЗЬЯМЪ.

(1846—1882.)

Т17
37

[illegible]
[illegible]ой
СПБ.

Изд[illegible]е Д. П. Ефимова, Москва. Тверская, д. Бахрушиныхъ.

1900.

410

Lettres inédites d'Ivan Tourguénew

recueillies et annotées

par M. E. Halpérine-Kaminsky.

И. С. ТУРГЕНЕВЪ.

НЕИЗДАННЫЯ ПИСЬМА

КЪ Г-ЖѢ Віардо

И

ЕГО ФРАНЦУЗСКИМЪ ДРУЗЬЯМЪ.

(1846—1882.)

Изданіе Д. П. Ефимова, Москва, Тверская, д. Бахрушиныхъ.

1900.

Lettres inédites d'Ivan Tourguénew

recueillies et annotées

par M. E. Halpérine-Kaminsky.

ПИСЬМА

И. С. ТУРГЕНЕВА

КЪ Г-ЖѢ ПОЛИНѢ ВІАРДО

и

ЕГО ФРАНЦУЗСКИМЪ ДРУЗЬЯМЪ:

Густаву Флоберу и г-жѣ Комманвиль, къ г-жѣ Жоржъ-Зандъ, Эмилю Золя, Гюи де-Мопассану, Сентъ-Бёву, Теофилю Готье, Шарлю Эдмонду, Ипполиту Тэну, Эрнесту Ренану, Амбруазу Томá, Жюлю Кларси, Андре Тёрье, Филиппу Бюрти, Жозефу Рейнаку, Дюрану-Гревилю и графинѣ де-Губернатисъ.

(Собранныя и изданныя г. Гальпериномъ-Каминскимъ).

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

Изданіе Д. П. Ефимова, Москва, Тверская, д. Бахрушиныхъ.

Slav 4354.3.811

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
NOV 16 1966
Keller Fd

Типографія Т-ва **Владиміръ Чичеринъ въ Москвѣ**, Марьина роща, соб. домъ.

1900.

Отъ издателя.

Предлагая въ настоящее время русской публикѣ переводъ французскихъ писемъ И. С. Тургенева, собранныхъ и изданныхъ г. Гальперинымъ-Каминскимъ въ періодъ времени 1896 — 1898 годовъ, мы должны оговориться, что, изъ числа опубликованныхъ г. Каминскимъ писемъ, нами исключены всѣ письма покойнаго писателя къ князю А. Голицыну, переводчику на французскій языкъ повѣсти «Дымъ», и одно письмо къ г. Шевыреву. Исключеніе это сдѣлано нами какъ на основаніи правъ литературной собственности на эти письма, всецѣло принадлежащихъ кн. Голицыну и г. Шевыреву, такъ и потому, что опубликованіе на русскомъ языкѣ первыхъ изъ этихъ писемъ—къ князю Голицыну—имѣющихъ интересъ единственно въ виду возстановленія покойнымъ Иваномъ Сергѣевичемъ, во французскомъ переводѣ, тѣхъ мѣстъ повѣсти «Дымъ», которыя оказались исключенными изъ нея, какъ при первоначальномъ появленіи ея въ русскомъ журналѣ, такъ и впослѣдствіи въ полномъ собраніи сочиненій Тургенева,—представляется еще неудобнымъ и несвое-

временнымъ, и имѣетъ значеніе только какъ фактъ литературной исторіи, который несомнѣнно и найдетъ себѣ мѣсто и надлежащую оцѣнку при послѣдующихъ изданіяхъ сочиненій Тургенева владѣльцами авторскаго на нихъ права. Поэтому мы считаемъ возможнымъ ограничиться лишь настоящимъ библіографическимъ указаніемъ относительно пропущенныхъ въ русскихъ изданіяхъ мѣстъ одного изъ наиболѣе тенденціозныхъ произведеній покойнаго нашего писателя *).

Что же касается до письма къ г. Шевыреву, то оно не представляетъ рѣшительно никакого интереса. Это простое рекомендательное письмо къ г. Шевыреву относительно одного француза (г. де-Турнефоръ) искавшаго мѣсто наставника въ Петербургѣ,—и написано въ обычномъ стилѣ подобныхъ писемъ. Изъ помѣщенныхъ въ настоящемъ сборникѣ писемъ наибольшій интересъ представляютъ конечно письма къ г-жѣ Полинѣ Віардо и къ Густаву Флоберу. Письма эти и помѣщаются нами впереди всѣхъ остальныхъ **). Въ предисловіи г. Гальперина-Каминскаго къ письмамъ къ г-жѣ Віардо читатель найдетъ подробныя указанія, при какихъ условіяхъ появились въ печати эти письма покойнаго Ивана Сергѣевича къ извѣстной испано-французской пѣвицѣ, т. е. съ сокращеніями, которыя вѣроятно во многихъ случаяхъ становились и искаженіями самаго текста. Однако и то, что осталось, пред-

*) Переводъ Тургеневскаго „Дыма“ появился въ 1867 году, въ издававшемся кн. А. Голицынымъ въ Парижѣ журналѣ „Le Correspondant“.

**) Также и у г. Гальперина-Каминскаго. Относительно другихъ писемъ порядокъ собирателя нами измѣненъ, и они сгруппированы нами въ соотвѣтствіи съ предисловіями г. Гальперина-Каминскаго.

ставляетъ несомнѣнный интересъ для характеристики того, какъ слагались общія воззрѣнія покойнаго писателя и его художественныхъ и литературныхъ взглядовъ.

Что жъ касается до ***истиннаго значенія*** въ жизни нашего писателя его отношеній къ супругамъ Віардо, то съ полной достовѣрностью судить объ этомъ на основаніи нынѣ опубликовываемыхъ отрывковъ переписки между ними и Тургеневымъ весьма трудно, да и врядъ ли окажется вообще возможно до тѣхъ поръ, пока не увидятъ свѣтъ въ полномъ объемѣ его письма къ четѣ Віардо, и пока не будутъ опубликованы и отвѣтныя письма супруговъ Віардо къ Тургеневу, если только эти послѣднія письма сохранились.

Письма къ Густаву Флоберу сохранились, повидимому, всѣ. Читатель очень скоро убѣдится, что Флоберъ является центральною фигурою во всѣхъ отношеніяхъ Тургенева къ иностраннымъ писателямъ, и занимаетъ въ этихъ отношеніяхъ совершенно исключительное мѣсто. Врядъ ли это не было единственное лицо, изъ писателей иностранныхъ, къ которому покойный русскій писатель въ дѣйствительности относился какъ равный къ равному,—за исключеніемъ развѣ Ренана, къ которому только ***одному*** изъ всѣхъ Тургеневъ пишетъ съ обращеніемъ «учитель» (cher maître)—и котораго надгробное напутствіе праху Тургенева, при перевозкѣ онаго на родину, необыкновенно по своему глубокому проникновенію, и духа самого почившаго писателя, и «славянской души» вообще.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти письма свидѣтельствуютъ неопровержимо, что Тургеневъ,—чистокровный ***западникъ***,

былъ вмѣстѣ съ тѣмъ *искреннимъ патріотомъ*, всѣмъ сердцемъ любившимъ Россію. Трогательны и необыкновенно характеристичны эти признанія (въ письмахъ къ Флоберу), что покойный Иванъ Сергѣевичъ, — годами проживавшій за границею,—нигдѣ не могъ работать такъ, какъ въ «своемъ Патмосѣ», т. е. въ селѣ Спасскомъ, въ своей орловской глуши...

Затѣмъ, мы должны оставить на полной отвѣтственности г. Гальперина-Каминскаго его сужденія о вліяніи на «развитіе таланта» Тургенева его друзей изъ иностранныхъ литераторовъ, которымъ онъ будто бы обязанъ своимъ «яснымъ, сдержаннымъ слогомъ» и «формою, достигающей совершенства». Читатель очень скоро убѣдиться самъ, что это личное мнѣніе собирателя Тургеневскихъ писемъ стоитъ не только въ противорѣчіи съ дѣйствительностью, но даже съ приводимыми самимъ же г. Гальперинымъ-Каминскимъ отзывами Мериме и Жоржъ Зандъ о сравнительномъ достоинствѣ русскихъ и иностранныхъ литературныхъ произведеній. То же самое мы должны сказать и объ отзывѣ г. Каминскаго относительно вліянія Жоржъ Зандъ на «талантъ» Тургенева и о параллели между *„Рудинымъ“* и *«Горасомъ»* французской писательницы.

Далѣе,—мы не можемъ не обратить вниманіе читателей на вопль, вырвавшійся у Тургенева изъ очевидно потрясенной до самой глубины души, по поводу смерти Гоголя (письмо къ г-жѣ Віардо 21 февр. 1852 г.). Этотъ вопль, на-ряду съ почти пророческими словами покойнаго Ивана Сергѣевича относительно графа Л. Н. Толстого, показываетъ, какъ глубоко и вѣрно понималъ

Тургеневъ кто суть истинные родоначальники всей нашей литературы, и гдѣ лежатъ дѣйствительные корни русскаго художественнаго слова и умственной жизни русскаго народа.

Наконецъ, обращаясь къ самому переводу французскаго текста писемъ, мы должны сказать, что хорошо сознавали всю отвѣтственность переводить ***Тургенева*** на русскій языкъ,—и что было бы не только непростительной дерзостью, но прямо ***безуміемъ***,— даже пытаться передать этотъ текстъ такъ, какъ ***написалъ бы его по-русски*** самъ Тургеневъ. Ибо врядъ ли бы даже онъ самъ— этотъ несравненный мастеръ слова и художникъ-стилистъ,—былъ бы въ состояніи сдѣлать ***вполнѣ однородный съ подлинникомъ*** переводъ собственнаго французскаго текста, и содержаніе этихъ писемъ, если бъ они писались Тургеневымъ по-русски, вылилось бы у него несомнѣнно въ иную, и далеко не схожую съ иноязычнымъ текстомъ, форму. Поэтому, при обработкѣ перевода, старались держаться лишь того, чтобы онъ ***точно выражалъ мысль*** покойнаго писателя, и былъ бы, въ русской передачѣ, по возможности близокъ къ тому, какъ ***выразился Тургеневъ по-французски***, хотя бы даже это покупалось цѣною нѣкоторой шероховатости въ русскомъ текстѣ. Первоначальный переводъ былъ сдѣланъ А. В. Перелыгиной, а затѣмъ просмотръ корректурныхъ листовъ, свѣрку перевода съ подлинникомъ и его окончательную редакцію, принялъ на себя одинъ изъ нашихъ публицистовъ, хорошо знающій французскій языкъ и французскую литературу. Ему же принадлежатъ и весьма многія изъ подстрочныхъ примѣчаній внизу текста. Примѣчанія, сдѣланныя г. Гальперинымъ-Камин-

скимъ, сохранены нами полностью, хотя бы они и казались намъ иногда излишними.

Отдавая настоящій сборникъ на судъ публики, мы смѣемъ выразить надежду, что онъ составитъ не лишенное значенія дополненіе къ собранію сочиненій нашего великаго писателя и серьёзное подспорье для лицъ, занимающихся изученіемъ его сочиненій и біографіи.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Письма знаменитаго русскаго писателя Ивана Сергѣевича Тургенева, адресованныя къ его французскимъ литературнымъ друзьямъ, представляютъ двойной интересъ: они цѣнны, во-первыхъ, по своему литературному достоинству, какъ все, что выходило изъ-подъ пера этого великаго стилиста, и, во-вторыхъ, они открываютъ неизвѣстную до сихъ поръ сторону его литературной жизни.

Русскіе часто упрекаютъ своего великаго писателя за то, что онъ провелъ большую часть своей жизни за границей, а слѣдовательно не могъ находиться въ непосредственномъ соприкосновеніи съ людьми и событіями, о которыхъ говоритъ въ своихъ произведеніяхъ. Нѣкоторые изъ его русскихъ біографовъ утверждаютъ даже, что та среда, въ которой онъ такъ долго жилъ, окончательно оторвала его отъ русской земли, не давъ ему взамѣнъ ни семьи, ни глубокихъ дружескихъ связей на этой французской землѣ, гдѣ онъ всегда оставался,—утверждаютъ они,—нравственно одинокимъ. „Пребываніе внѣ Россіи не принесло Ивану Сергѣевичу нравственнаго удовлетворенія со стороны чужихъ, а свои съ каждымъ годомъ все больше и больше отдалялись отъ него“, говоритъ одинъ изъ этихъ біографовъ, г. Ивановъ.

Этотъ писатель, недавно *) издавшій объемистый этюдъ, въ которомъ соединилъ всѣ до сихъ поръ извѣстные русскому обществу матеріалы, основывается на нихъ въ своихъ обвиненіяхъ французскихъ друзей русскаго писателя, и доказы-

*) Въ 1896 г.

ваетъ, что вліяніе ихъ на него ограничивалось застольной бесѣдой, обыкновенно вертѣвшейся около женщинъ и любви; и это потому, что Эд. Гонкуръ говоритъ гдѣ-то въ своемъ „*Дневникѣ*“: „женщины, любовь—вотъ обычная тема разговора умныхъ людей во время ѣды и питья. Сначала разговоръ немного игривъ, и Тургеневъ слушаетъ насъ съ удивленіемъ и даже съ нѣкоторымъ ужасомъ варвара, который умѣетъ любить только самымъ простымъ, естественнымъ образомъ“.

По мнѣнію г. Иванова, „судьба, связавшая Тургенева съ французскою семьей и французскимъ обществомъ, выказала мало материнскихъ попеченій о талантѣ и нравственномъ мірѣ русскаго писателя. Мы знаемъ,—говоритъ онъ, — въ чемъ состояло для Тургенева „семейное счастье“ подъ кровлей Віардо. Это въ дѣйствительности было многолѣтнее *недоразумѣніе*, которое породило въ его душѣ только горечь душевнаго одиночества и тоску неудовлетвореннаго чувства. Мы видѣли также, какихъ радостей могъ ожидать Тургеневъ отъ парижскихъ товарищей: дружба съ ними была не что иное, какъ простое знакомство людей, собирающихся въ однихъ и тѣхъ же ресторанахъ; обитателямъ виллы „des Frênes“ *) и завсегдатаямъ кафе Ришъ Тургеневъ былъ одинаково чуждъ“.

Если бы г. Ивановъ перелистовалъ „*Дневникъ Гонкуровъ*“, то онъ могъ бы убѣдиться, что когда завсегдатаи обѣда Маньи (носившаго также названіе „Обѣда пятерыхъ“:—Тургеневъ, Гонкуръ, Флоберъ, Зола и Додэ) или кафе Ришъ говорили о женщинѣ и о любви, то они говорили какъ психологи и литераторы, и что чтеніе этого „*Дневника*“, и находящіяся въ немъ замѣчанія относительно писателей представляютъ несомнѣнный литературный интересъ, и послужили самому г. Иванову для его критической оцѣнки нравственной личности Тургенева.

Изъ издаваемыхъ нами теперь писемъ можно видѣть, что отношенія Тургенева къ его французскимъ друзьямъ носили главнымъ образомъ интеллектуальный характеръ, и что многіе

*) Помѣстье Віардо въ Буживалѣ.

изъ этихъ друзей,—какъ г. и г-жа Віардо сначала, и Флоберъ впослѣдствіи,—имѣли благотворное вліяніе на развитіе его таланта. И конечно этому вліянію слѣдуетъ приписать его ясный, сдержанный слогъ, его простую форму, достигающую совершенства именно благодаря своей простотѣ,—качество, столь рѣдкое у русскихъ писателей, даже лучшихъ.

Когда въ 1843 г. Тургеневъ познакомился съ семействомъ Віардо, ему недавно передъ тѣмъ исполнилось двадцать пять лѣтъ, и имя его было совершенно неизвѣстно въ русской литературѣ. Тогда онъ страстно увлекался только охотой, и именно на одной изъ охотъ его и познакомили съ г. Віардо,—который уже живалъ въ Россіи, зналъ русскій языкъ и собирался познакомить Францію съ лучшими произведеніями русской литературы. Онъ уже былъ извѣстенъ своими учеными работами по искусству и иностранной литературѣ. Г-жа Віардо, тогда еще очень молодая, была уже знаменитою пѣвицей, соединявшей съ замѣчательною виртуозностью внутренній огонь, глубокое чувство, и тотъ изящный вкусъ, который такъ волнуетъ душу. Эта чета художниковъ должна была произвести сильное и прочное впечатлѣніе на эстетическую натуру Тургенева. И дѣйствительно дружба, которую онъ съ тѣхъ поръ сохранилъ къ семейству Віардо, носила въ продолженіе сорока лѣтъ, до самой его смерти, характеръ артистической и интеллектуальной симпатіи *).

„Чужая сторона давала ему то, чего недоставало ему въ родномъ обществѣ“,—говоритъ другой изъ русскихъ біографовъ Тургенева, г-жа Андреева.—„Тѣ потребности его художнически-изящной натуры, которыя у насъ находили мало оцѣнки и поддержки, нашли удовлетвореніе въ средѣ, созданной имъ въ семьѣ Віардо...“ И она говоритъ въ заключеніе, такъ же хорошо отзываясь о Віардо, какъ и о дру-

*) Г. Гальперинъ-Каминскій повторяетъ многія изъ свѣдѣній и отзывовъ, заключающихся въ этомъ „вступленіи“—затѣмъ въ отдѣльныхъ „предисловіяхъ“, которыми онъ сопровождаетъ ту или другую группу писемъ. Мы не сочли нужнымъ сдѣлать сокращеніе этихъ повтореній, и ограничиваемся лишь этою оговоркою для предупрежденія читателя.

гихъ французскихъ друзьяхъ Тургенева: „своей симпатіей къ его литературности, своей преданностью искусству, свободой и искренностью своихъ взглядовъ на вещи, они дали Тургеневу среду, которая лучше всего гармонировала съ его характеромъ... Эта семья и друзья дали ему возможность заниматься своимъ излюбленнымъ дѣломъ до конца, на славу родины, которой онъ никогда не забывалъ".

И въ самомъ дѣлѣ, развѣ не сказалъ самъ Тургеневъ въ своихъ *Воспоминаніяхъ*: „Я знаю навѣрно, что я, конечно, не написалъ бы *Записокъ охотника*, если бъ остался въ Россіи".

Откуда же эта меланхолія, которой дѣйствительно проникнуты его интимныя письма? Неужели причина ея лежитъ въ его нравственномъ одиночествѣ, какъ увѣряетъ г. Ивановъ? Конечно, нѣтъ, и самъ Тургеневъ объясняетъ ее намъ:

„Тотъ бытъ, та среда и особенно та полоса ея, если можно такъ выразиться, къ которой я принадлежалъ,—полоса помѣщичья и крѣпостная,—не представляли ничего такого, что бы могло удержать меня. Напротивъ, почти все, что я видѣлъ вокругъ себя, возбуждало во мнѣ чувства смущенія, негодованія, отвращенія наконецъ. Долго колебаться я не могъ. Надо было либо покориться и смиренно побрести общею колеей, по избитой дорогѣ, либо отвернуться разомъ, оттолкнуть отъ себя „всѣхъ и вся", даже рискуя потерять многое, что было дорого и близко къ моему сердцу. Я такъ и сдѣлалъ..." (Т. X. Полнаго собранія соч. Тургенева) *).

Нужно прибавить, что климатъ Россіи, по крайней мѣрѣ той части ея, которую онъ посѣщалъ, не благопріятствовалъ ему. Пріѣзжалъ ли онъ въ Петербургъ или въ Москву, или въ свое имѣніе Спасское,—онъ чаще всего страдалъ припадками подагры, или другой какой-нибудь болѣзнью. Рѣдко, когда въ письмахъ его изъ Россіи нѣтъ жалобы по этому поводу.

Но въ очень интересномъ и очень подробномъ письмѣ, которое я получилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ отъ извѣстнаго поэта Полонскаго, самаго стариннаго и самаго вѣрнаго друга Тургенева, я читаю между прочимъ:

*) *Литературныя и житейскія воспоминанія.* „Вмѣсто вступленія".

„Средства, которыми онъ (Тургеневъ) обладалъ, позволяли бы ему посѣтить и Кавказъ, и Крымъ, и Уралъ, и даже Сибирь, а онъ ограничилъ свой художественный горизонтъ только Московской, Тамбовской и Орловской губерніями. Какъ бы тогда расширился его кругозоръ, сколько бы новыхъ типовъ вышло изъ-подъ его пера! Но судьба рѣшила иначе."

И г. Полонскій перечисляетъ длинную серію поводовъ, которые помѣшали Тургеневу лучше познакомиться съ его обширной родиной, и которые неизмѣнно сводятся все къ одной и той же причинѣ, — къ глубокой дружбѣ, связавшей русскаго писателя съ семействомъ Віардо.

Мы видѣли выше объясненія самого Тургенева причины его долгаго пребыванія за границей,—вслѣдствіе чего объясненія г. Полонскаго грѣшатъ нѣкоторымъ преувеличеніемъ, свойственнымъ всѣмъ поэтамъ, или же служатъ выраженіемъ ревности къ дружеской любви, или же чувства досады соотечественника. Да и въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы узнать душу народа, чувствовать какъ вашъ пульсъ бьется въ унисонъ съ великимъ анонимнымъ сердцемъ родины, не было надобности непремѣнно посѣтить всѣ области обширной имперіи. Родиться въ одномъ изъ ея уголковъ, вполнѣ проникнутыхъ національнымъ духомъ, прожить тамъ до того времени, когда люди вступаютъ въ разумъ, образоваться тамъ подъ воздѣйствіемъ молодыхъ впечатлѣній, и въ продолженіе всего своего существованія внимательно слѣдить,—иногда вблизи, чаще изъ ясной, прозрачной дали,—за всѣми проявленіями національной жизни, — всего этого вполнѣ достаточно для темперамента избранниковъ, чтобы угадать и разсказать радости и страданія цѣлой націи,—чтобы безпристрастно судить о характерѣ и нравахъ цѣлой эпохи.

Мы знаемъ, что у Тургенева былъ такой темпераментъ; Орловская губернія, гдѣ онъ родился, принадлежала къ числу такихъ уголковъ. Вотъ почему онъ могъ написать самое русское и самое гуманное изъ произведеній—*Записки охотника*—въ глубинѣ Иль-де-Франса, и, только изрѣдка отправляясь подышать воздухомъ родной земли, дать вѣрную картину

общественной жизни своей родины за тридцатилѣтній періодъ, въ серіи работъ, которыя останутся навсегда историческими и художественными памятниками. Онъ не могъ и не долженъ былъ ограничивать свою богатую красками кисть изображеніемъ бытовыхъ фигуръ опредѣленнаго района, онъ могъ и долженъ былъ стремиться создать намъ вѣчныя, всемірныя творенія.

Но жизнь вдали отъ родины только еще больше усилила его привязанность къ ней, и онъ былъ русскій до мозга костей. Его французскіе друзья хорошо понимали это. Въ моментъ, когда его смертные останки имѣли навсегда покинуть Францію,—которую онъ такъ любилъ и которая такъ его любила,—Эдмондъ Абу сказалъ, обращаясь къ праху Тургенева:

„Вы прожили двадцать лѣтъ между нами, почти треть вашей жизни. Наше искусство, наша литература, наши утонченныя удовольствія сдѣлались для васъ потребностью, среди вашей парижской жизни. Вы не просто любили Францію, но любили ее такъ, какъ она имѣла право требовать этого! Она съ гордостью усыновила бы васъ, если бы вы того пожелали, но вы всегда оставались вѣрнымъ Россіи,—и хорошо поступили, потому что тотъ, кто не любитъ своего отечества всецѣло, слѣпо, до глупости, останется всегда человѣкомъ только наполовину. Вы не были бы такъ популярны въ странѣ, гдѣ ждутъ васъ теперь, если бы не были хорошимъ патріотомъ. Я прочелъ въ газетѣ, что нѣкто, изъ самой многочисленной и самой сильной касты,—изъ касты глупцовъ,—сказалъ: „Я не знаю Тургенева: это—европеецъ, а я—русскій купецъ“. Этотъ простакъ помѣстилъ васъ въ слишкомъ тѣсные предѣлы Европы. Ваше сердце принадлежало всему человѣчеству. Но Россія занимала первое мѣсто въ вашихъ привязанностяхъ, и ей-то прежде всего, и больше всего, служили вы.“

Другой французскій писатель, Шарль Эдмондъ, который въ теченіе всей своей долгой литературной дѣятельности пользовался дружбой всѣхъ знаменитыхъ людей Франціи того времени, и который самъ почти полвѣка былъ внимательнымъ наблюдателемъ различныхъ интеллектуальныхъ круговъ, пишетъ мнѣ въ одномъ изъ своихъ писемъ:

„Къ какой бы категоріи ни принадлежали различныя звенья парижскихъ обществъ, Тургеневъ былъ увѣренъ, что найдетъ вездѣ самый радуш-

ный пріемъ. Въ свою очередь и онъ широко платилъ всѣмъ. Его обширныя знанія, его обаятельный умъ, его кроткій нравъ, его тихій, мелодичный голосъ—все это вмѣстѣ взятое привлекало къ нему много друзей, которые потомъ дѣлались самыми интимными. Его бесѣды, его разсказы доставляли всѣмъ истинное наслажденіе. Наблюдатель и тонкій психологъ,—по наружности спокойный и твердый,—Тургеневъ выходилъ однако изъ своего спокойствія и легко возбуждался, когда разговоръ случайно касался одного изъ трехъ вопросовъ, на которыхъ казалось, вертѣлась вся жизнь его: во-первыхъ, уничтоженія крѣпостного права, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока русское правительство не издало указа объ освобожденіи крестьянъ. Второй вопросъ—искусство: живопись, представителями которой являлись для диллетанта художники-пейзажисты французской школы, а именно: Миллэ, Труайонъ—съ Руссо во главѣ; музыка, преимущественно Глюка, Моцарта, Бетховена, которую онъ по справедливости олицетворялъ въ благородномъ и идеальномъ геніи г-жи Віардо; и наконецъ, литература, въ которой, не говоря о современникахъ, онъ отдавалъ пальму первенства Диккенсу.

„Но, среди этихъ симпатій, первое мѣсто, конечно, занимали его соотечественники, русскіе писатели. Онъ восторгался ихъ талантомъ и даже иногда преувеличивалъ ихъ заслуги. Онъ гордился ими, какъ будто дѣло касалось его близкихъ или членовъ его семьи. Ни разу чувство зависти не смутило души славянскаго патріота. Онъ удивлялся Пушкину и восторгался Мицкевичемъ."

Можно было бы привести все письмо цѣликомъ, но я думаю воспользоваться имъ въ другое время. Здѣсь же упомянемъ лучше о нѣкоторыхъ фактахъ, относящихся къ пребыванію Тургенева во Франціи.

* * *

Въ 1849 г. Луи Віардо, съ помощью Тургенева, издалъ въ Парижѣ переводы нѣкоторыхъ произведеній Гоголя, между прочимъ: *Тараса Бульбу*, *Записки сумасшедшаго*, *Коляску*, *Старосвѣтскихъ помѣщиковъ*, *Вія*. Величайшій изъ русскихъ критиковъ, Бѣлинскій, съ большой похвалой отозвался объ этихъ переводахъ, говоря, что они были очень близки къ подлиннику, и отличались легкимъ и изящнымъ слогомъ. Г. Віардо перевелъ потомъ въ 1853 г., все съ помощью того же Тургенева, *Капитанскую дочку* Пушкина. Но въ 1847 году, когда

Тургеневъ поѣхалъ проводить въ Берлинъ семейство Віардо, онъ только-что напечаталъ первый изъ своихъ разсказовъ изъ серіи *Записокъ охотника* (Хорь и Калинычъ), и его новые друзья и не подозрѣвали, что его ожидаетъ славная будущность. Въ томъ же году онъ уѣхалъ къ Віардо въ Парижъ.

Какъ разсказывалъ позднѣе самъ Тургеневъ, онъ въ то время былъ совершенно безъ средствъ, потому что его мать, недовольная его отъѣздомъ и оскорбленная тѣмъ, что онъ, дворянинъ стариннаго русскаго рода, посвятилъ себя литературѣ, отказалась высылать ему деньги. Но онъ нашелъ у Віардо самое широкое гостепріимство, и Куртавенель, ихъ помѣстье въ Rosay-en-Brie, сдѣлалось, по его собственному выраженію, его литературной колыбелью. „Здѣсь,—говорилъ онъ своему другу Фету, — не имѣя средствъ жить въ Парижѣ, я провелъ всю зиму въ полномъ одиночествѣ, питаясь бульономъ изъ курицы и яичницей, которые мнѣ готовила старая служанка. Здѣсь, чтобы заработать себѣ денегъ, я написалъ большую часть моихъ *Записокъ охотника*, и здѣсь также, какъ вы это видѣли, жила моя дочь изъ Спасскаго“ *).

Въ 1850 г. смерть матери Ивана Сергѣевича вынудила его пріѣхать въ Россію. Онъ объѣхалъ затѣмъ почти всѣ центры Европы, пока не поселился съ семействомъ Віардо въ Баденѣ. Но война 1870 г. заставила ихъ отправиться въ Парижъ, гдѣ жилъ съ ними Тургеневъ, уѣзжая только на время то въ Петербургъ, то въ Спасское, свое имѣніе Орловской губерніи.

***

Черезъ семейство Віардо Тургеневъ познакомился съ артистическимъ и литературнымъ міромъ Франціи того времени. Въ ихъ же домѣ, пріѣхавъ въ Парижъ въ 1847 г.,

*) А. Фетъ—*Мои воспоминанія*. Дѣло идетъ о ребенкѣ Тургенева, котораго онъ въ молодости, еще студентомъ, имѣлъ отъ крѣпостной изъ помѣстья своей матери. Маленькой дѣвочкѣ очень дурно жилось въ Россіи; Тургеневъ открылся во всемъ Віардо, которая посовѣтовала ему привезти ребенка, и взяла ее къ себѣ на воспитаніе.

онъ встрѣтилъ въ первый разъ Жоржъ Зандъ, старинную пріятельницу Луи Віардо, съ которымъ она основала въ 1841 г. „*Revue Indépendante*“. Но болѣе крѣпкія отношенія между ними установились только впослѣдствіи, благодаря Флоберу.

Около этого же времени онъ познакомился съ Мериме, уже извѣстнымъ своими переводами лучшихъ произведеній русской литературы, но ближе всѣхъ онъ сошелся съ Шарлемъ Эдмондомъ, съ которымъ онъ познакомился въ Берлинѣ, и котораго снова встрѣтилъ въ Парижѣ, въ домѣ одной изъ своихъ соотечественницъ, г-жи Языковой, гдѣ бывали также извѣстный революціонеръ Бакунинъ и русскій писатель-изгнанникъ Герценъ.

Шарль Эдмондъ ввелъ Тургенева въ избранный литературный міръ того времени: Сентъ-Бёвъ, Теофиль Готье, Флоберъ, братья Гонкуръ, Тэнъ, Бертело, Ренанъ, Гаварни, Поль де Сентъ-Викторъ, Шёреръ, Шарль Бланъ, Адріэнъ Гебраръ, Фромантенъ, Брока, Рибо, Нефтцеръ и т. д.,—однимъ словомъ, всѣ посѣтители знаменитыхъ обѣдовъ ресторана Маньи. За исключеніемъ Флобера, котораго онъ зналъ съ 1858 г., Тургеневъ видѣлъ всѣхъ въ первый разъ. И дѣйствительно въ „*Дневникѣ Гонкура*“ мы читаемъ замѣтку отъ 23 января 1863 г.:

„Обѣдъ у Маньи. Шарль Эдмондъ приводитъ намъ Тургенева, этого иностраннаго писателя съ такимъ изящнымъ талантомъ, автора *Дневника лишняго человѣка* и *Гамлета* (Щигровскаго уѣзда). Это прелестный колоссъ, кроткій великанъ съ сѣдыми волосами, съ благодушнымъ видомъ горнаго или лѣсного духа. Онъ красивъ, величественно красивъ, безпредѣльно красивъ, съ синевой неба въ глазахъ, съ чудной пѣвучестью русскаго акцента, пѣвучестью, напоминающею немного не то ребенка, не то негра. Тронутый, ободренный сдѣланной ему нами овацiей, онъ разсказываетъ намъ много интереснаго о русской литературѣ, и говоритъ, что вся она, отъ романа до театра, стоитъ на широкомъ пути реалистическаго изученія“.

Гизо уже выражалъ желаніе познакомиться съ авторомъ „*Дневника лишняго человѣка*“, чтеніе котораго поразило его, а Ламартинъ съ восторгомъ разсказываетъ о своей первой встрѣчѣ съ Тургеневымъ.

Русскій писатель находился также въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Жюль Симономъ, Эдмондомъ Абу, Гуно, Ожье, Максимомъ Дю-Канъ, съ Викторомъ Гюго, Жюль Жаненомъ, Франсискомъ Сарсе, Жюлемъ Кларси, а позднѣе Флоберъ по-

знакомилъ его съ молодою натуралистическою школой: Золà, Додэ, которые вмѣстѣ съ Эдмондомъ Гонкуромъ, Флоберомъ и Тургеневымъ образовали маленькое *Общество пятерыхъ*, собиравшихся ежемѣсячно на обѣды у Флобера или у братьевъ Гонкуровъ. Наконецъ, черезъ Золà, Тургеневъ познакомился съ другими молодыми писателями, и главнымъ образомъ съ Гюи де-Мопассаномъ.

Мы уже сказали нѣсколько словъ о томъ вліяніи, которое имѣло на талантъ Тургенева знакомство съ французскими литераторами. Надо прибавить еще, что и онъ долженъ былъ съ своей стороны оказывать нѣкоторое воздѣйствіе на молодую школу натуралистовъ. Надо замѣтить, что натурализмъ или скорѣе реализмъ, ставшій школой во Франціи только съ Флобера, составляетъ характерную черту русской литературы еще со временъ Пушкина и Гоголя. Флоберъ,— замѣчаетъ одинъ изъ самыхъ прославленныхъ его послѣдователей, Гюи де-Мопассанъ,— еще болѣе возвысился во время расцвѣта романтизма и самъ подчинился его вліянію.

„Это одна изъ особенныхъ сторонъ этого великаго человѣка“,—говоритъ Мопассанъ (о Флоберѣ) въ своемъ предисловіи къ письмамъ Густава Флобера, адресованнымъ Жоржъ Зандъ.—„Этотъ новаторъ, пророкъ, этотъ смѣльчакъ былъ до самой своей смерти подъ вліяніемъ романтизма. Можно сказать, что онъ почти невольно, влекомый неудержимой силой своего генія, своего творческаго духа, таившагося въ немъ, писалъ свои романы въ новой, лично ему свойственной формѣ. По натурѣ своей онъ предпочиталъ эпическіе сюжеты, которые переходили въ нѣчто въ родѣ пѣнія, наподобіе оперныхъ картинъ.“

Тургеневъ, послѣдователь своихъ великихъ русскихъ учителей, часто, въ бесѣдахъ со своими французскими друзьями, говорилъ о необходимости бросить старыя романтическія формы съ ихъ сложною интригой, съ ихъ искусственными героями, и заняться изображеніемъ дѣйствительной жизни и простыхъ людей. И сами романисты новой школы не отрицаютъ этого вліянія на нихъ тургеневскихъ мнѣній и произведеній.

Мериме, который еще задолго до пріѣзда Тургенева во Францію познакомился съ сочиненіями Пушкина и Гоголя,

и даже видѣлъ Гоголя въ 1837 г. въ Парижѣ у г-жи Смирновой *), сказалъ какъ-то Тургеневу: „ваша поэзія ищетъ прежде всего правды, а красота является потомъ сама собой; наши поэты, напротивъ, идутъ совершенно противоположной дорогой; они прежде всего заботятся объ эффектѣ, остроуміи, блескѣ, и если ко всему этому имъ представится возможность не оскорблять правдоподобія, такъ они и это, пожалуй, возьмутъ въ придачу... У Пушкина, — прибавилъ онъ,—поэзія дивнымъ образомъ расцвѣтаетъ какъ бы сама собой изъ самой трезвой правды".

Въ послѣдніе годы своей жизни авторъ *Colomba* въ письмѣ къ одной русской дамѣ (не изданномъ во Франціи) снова возвращается къ этому мнѣнію: „уступая желанію и настоянію нѣкоторыхъ русскихъ знакомыхъ, я прочелъ *Преступленіе и Наказаніе*, романъ г. Достоевскаго; мнѣ говорили, что это лучшее изъ его произведеній. Скажу вамъ откровенно: несмотря на большой талантъ автора, романъ мнѣ не нравится; въ немъ какая-то напряженность и экзальтація чувства, что вредитъ ясности художественнаго созерцанія. Онъ скорѣе послѣдователь Виктора Гюго, чѣмъ Пушкина. Достойно ли русскаго писателя, имѣющаго такой высокій образецъ, слѣдовать по стопамъ Гюго и вдохновляться имъ?"

* * *

Отношеніе Тургенева къ французскому литературному міру вызвало во время его переѣздовъ очень интересную переписку. Къ сожалѣнію, она сохранилась не вся, или еще не вся найдена. Такъ письма Тургенева къ Мериме потеряны навсегда: они были сожжены во время коммуны въ улицѣ Лилль, вмѣстѣ съ другими бумагами автора *Colomba*, Огюстъ Филонъ, авторъ очень интересной книги „*Мериме и*

*) Г-жа Смирнова, воспѣтая Пушкинымъ и названная Вяземскимъ „Notre Dame de la littérature russe", собирала въ своихъ салонахъ въ Петербургѣ самыхъ знаменитыхъ писателей Россіи.

его друзья", имѣвшій въ рукахъ всѣ біографическіе матеріалы, касающіеся Мериме, употребилъ большое стараніе, чтобы найти эту переписку, но безуспѣшно.

Въ настоящее время тоже неизвѣстно, гдѣ находятся письма Тургенева къ Виктору Гюго, такъ какъ Поль Мёрисъ не нашелъ ихъ въ бумагахъ своего знаменитаго друга. Такая же судьба постигла и письма къ Шарлю Эдмонду. Благодаря любезности Жюля Кларси, мнѣ сообщили два письма Тургенева къ Шарлю Эдмонду и одно письмо къ Ф. Бюрти.

Жюль Симонъ отвѣчалъ на мою просьбу, что онъ, правда, „много зналъ и очень любилъ Тургенева. Но мы слишкомъ часто видѣлись,—прибавляетъ онъ,—для того, чтобы между нами могла возникнуть литературная переписка, и, кромѣ того, мои папки подверглись страшному разграбленію". То же самое говоритъ и Франсискъ Сарсе, съ тою только разницей, что онъ добровольно роздалъ „любителямъ автографовъ" нѣсколько незначительныхъ записокъ, полученныхъ имъ отъ Тургенева.

Одинъ тяжелый инцидентъ, о которомъ мы скажемъ позднѣе, когда начнется печатаніе писемъ Тургенева къ Золя, не допустилъ Альфонса Додэ сообщить мнѣ письма, полученныя имъ отъ автора *Записокъ охотника*. Тѣмъ не менѣе, по свидѣтельству самого же Додэ, письма эти прелестны и сердечны. Будемъ надѣяться, что, ознакомившись съ издаваемой нынѣ нами перепиской, авторъ *Набаба* снова вернется къ тѣмъ чувствамъ, которыя онъ питалъ къ Тургеневу при его жизни, и будетъ меньше придавать вѣры разнаго рода сплетнямъ привратниковъ. Наконецъ, Эдмондъ Гонкуръ увѣрялъ меня, что у него нѣтъ ни одного интереснаго письма отъ Тургенева, такъ какъ они видѣлись очень часто. Но я опасаюсь, что за этимъ отвѣтомъ скрывается такое же раздраженіе противъ Тургенева, какъ и у Додэ, вызванное равнымъ образомъ такъ называемыми „*Воспоминаніями о Тургеневѣ*" нѣкоего лжесвидѣтеля.

Однимъ словомъ, въ настоящее время мы имѣемъ письма Тургенева къ г-жѣ Віардо, къ Жоржъ Зандъ, къ Сентъ

Бёву, къ Теофилю Готье, къ Флоберу и его племянницѣ m-me де-Комманвиль, къ Тэну, Ренану, Шарлю Эдмонду, Зола, Гюи де-Мопассану, къ Андрэ Тёрье и къ Ф. Бюрти. Письма къ Флоберу и къ Зола всѣ налицо, въ полномъ составѣ, но и вся остальная переписка представляетъ большой біографическій интересъ. Она начинается вмѣстѣ съ литературнымъ дебютомъ Тургенева и кончается только съ его смертью.

Навѣрное существуютъ еще письма, намъ неизвѣстныя. Мы были бы очень благодарны всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя пожелали бы сообщить ихъ намъ, не только ради уважаемыхъ многочисленныхъ почитателей великаго русскаго писателя *), но и чтобы помочь намъ выяснить интересную главу исторіи интеллектуальныхъ отношеній между Франціей и Россіей.

Мы рѣшили печатать переписку Тургенева въ хронологическомъ порядкѣ и начинаемъ съ писемъ къ г-жѣ Віардо, къ Флоберу и къ m-me де-Комманвиль.

Гальперинъ-Каминскій.

---

*) Всѣ подобныя сообщенія могутъ быть адресованы по мѣсту изданія настоящаго перевода. *Прим. изд.*

I.

Письма къ г-жѣ Віардо

(1846—1865).

Предисловіе

г. Гальперинъ-Каминскаго къ письмамъ И. С. Тургенева къ г-жѣ Віардо.

Письма великаго русскаго писателя И. С. Тургенева къ г-жѣ Полинѣ Віардо, къ опубликованію которыхъ мы приступаемъ теперь, имѣютъ свою исторію.

Потерянныя или похищенныя во время войны 1870 г., когда семейство Віардо принуждено было покинуть Баденъ, чтобы переселиться въ Лондонъ, письма эти были найдены около двухъ лѣтъ тому назадъ. (Писано въ 1898 году. *Пр. пер.*).

Очень естественно, что г-жа Віардо пожелала вернуть себѣ документы, отъ которыхъ она никогда добровольно не отказывалась, и на которые имѣла всѣ нравственныя и юридическія права. Съ другой стороны и причины, заставлявшія новаго владѣльца хранить ихъ у себя, не были лишены значенія. Онъ нашелъ драгоцѣнный пакетъ, среди другихъ малоинтересныхъ бумагъ, въ ящикѣ, купленномъ имъ у одного берлинскаго букиниста; послѣдній въ свою очередь пріобрѣлъ его, кажется, отъ вдовы одного французскаго врача; но на этомъ мои дальнѣйшіе розыски о происхожденіи означеннаго ящика и обрываются.

Какъ бы то ни было,—послѣдній владѣлецъ писемъ, человѣкъ образованный и притомъ соотечественникъ и почитатель Тургенева,—какъ и всѣ русскіе,—счелъ своимъ священнымъ долгомъ бережно сохранить случайно къ нему попавшую переписку великаго русскаго писателя до того дня

когда получилась бы возможность опубликовать ее. День же этотъ могъ наступить только тогда, когда, съ устраненіемъ лица, къ которому письма эти были адресованы, уничтожились бы препятствія къ ихъ опубликованію.

А такъ какъ владѣлецъ писемъ былъ гораздо болѣе заинтересованъ желаніемъ обставить возможно лучшими литературными условіями это опубликованіе, чѣмъ денежнымъ вопросомъ, то мнѣ удалось убѣдить его, что этой цѣли онъ достигнетъ лучше всего, приступивъ къ опубликованію писемъ при жизни и подъ наблюденіемъ самой знаменитой артистки.

Такимъ образомъ, послѣ цѣлыхъ двухъ лѣтъ переговоровъ, мнѣ удалось, наконецъ, получить первую серію писемъ, которую я и издаю съ разрѣшенія и подъ контролемъ г-жи Віардо. Слѣдующія серіи будутъ напечатаны такъ же, одна за другой.

Теперь же я печатаю только часть того, что мы получили. По своей, на мой взглядъ чрезмѣрной, скромности г-жа Віардо разрѣшила напечатать только тѣ письма, которыя, кромѣ того, что имѣютъ безспорно общій интересъ, содержатъ въ себѣ наименѣе похвалъ и лестныхъ выраженій по адресу прославленной создательницы столькихъ лирическихъ образовъ; точно также ею исключены цѣлыя письма и страницы, испещренныя большею частью остроумными, хотя далеко не злыми замѣчаніями, направленными противъ хорошо всѣмъ извѣстныхъ лицъ, или же подробностями совершенно частнаго характера.

Я же, который читалъ всѣ эти письма цѣликомъ, держусь того мнѣнія, что ихъ слѣдовало бы опубликовать безъ пропусковъ, потому что они представляютъ глубокій интересъ, какъ обмѣнъ мыслей двухъ артистическихъ натуръ, связанныхъ между собою дружбой и духовной симпатіей. Это настоящій дневникъ Тургенева, откровенно написанный родственной ему душѣ, начатый въ цвѣтущемъ возрастѣ и оконченный только со смертью автора.

Тургеневъ встрѣтился съ супругами Віардо въ первый разъ въ Петербургѣ въ 1843 г.; ему тогда едва ли исполни-

лось двадцать пять лѣтъ. Г. Віардо, жившій еще раньше нѣкоторое время въ Россіи, старался познакомить французовъ съ первоклассными произведеніями русской литературы. Онъ уже успѣлъ пріобрѣсти себѣ извѣстность многими учеными статьями объ искусствѣ и иностранной литературѣ. Юная m-me Віардо — ей было около двадцати двухъ лѣтъ — считалась уже знаменитой пѣвицей, восторженно привѣтствуемой во всѣхъ столицахъ Европы. Понятно, что эта артистическая чета должна была произвести живое и неизгладимое впечатлѣніе на эстетическую натуру Тургенева.

Будущій авторъ *Записокъ Охотника*, въ то время еще неизвѣстный, былъ принятъ своими новыми друзьями самымъ сердечнымъ образомъ. Они какъ будто раньше его соотечественниковъ угадали въ немъ талантъ романиста. Дѣйствительно, спустя четыре года, какъ разсказываетъ самъ Тургеневъ, онъ очутился за границей почти безъ всякихъ средствъ. Его мать, очень недовольная его отъѣздомъ и оскорбленная тѣмъ, что сынъ ея, потомокъ стараго дворянскаго рода, избралъ литературную карьеру, отказалась выдавать ему какія-либо средства. Въ этомъ положеніи онъ нашелъ въ семьѣ Віардо самое широкое гостепріимство, и Куртавенель, ихъ помѣстье въ Бри, сдѣлался, по собственному выраженію Тургенева, его литературной колыбелью. „Здѣсь“,— разсказываетъ онъ своему другу Фету,—„не имѣя средствъ жить въ Парижѣ, я провелъ всю зиму одинъ, питаясь куринымъ бульономъ и яичницей, которые готовила мнѣ старушка, ходившая за мной. Здѣсь, чтобы заработать денегъ, я написалъ большую часть моихъ *Записокъ Охотника*, и сюда-то,— чему вы были свидѣтелемъ,—пріѣхала моя дочь изъ Спасскаго“.

Такъ какъ маленькая дѣвочка чувствовала себя очень несчастной въ Россіи, то m-me Віардо посовѣтовала ему выписать ее къ себѣ и сама занялась ея воспитаніемъ.

За исключеніемъ своихъ почти ежегодныхъ поѣздокъ въ Петербургъ, въ Москву и въ свое имѣніе Спасское, русскій писатель проживалъ все время съ 1847 г. во Франціи.

Благодаря содѣйствію г-на и г-жи Віардо, онъ познакомился съ кружкомъ французскихъ художниковъ и литераторовъ, и у нихъ же встрѣтился въ первый разъ съ Жоржъ Зандъ. Мало-по-малу кругъ его знакомыхъ расширялся; онъ знакомится съ Мериме, С.-Бёвомъ, Теофилемъ Готье, Флобером, Полемъ де С.-Викторъ, Тэномъ, Ренаномъ, Жюлемъ Симономъ, Викторомъ Гюго, Ожье, Жюлемъ Жаненомъ, Максимомъ Дю-Каномъ, Эдмондомъ Абу, братьями де-Гонкуръ, Гаварни, Шёремъ, Шарлемъ Бланомъ, Фромантеномъ, Нефцеромъ, Брокà, Бертелò, Франциском Сарсе и т. д., а впослѣдствіи съ Зола, Додэ, Гюи де-Мопассаномъ и другими молодыми романистами школы натуралистовъ. Въ салонѣ Віардо можно было встрѣтить и лучшихъ представителей театральной сферы.

Различныя впечатлѣнія, развиваемыя подобной средой и частыми путешествіями по Европѣ, какъ со стороны Тургенева, такъ и со стороны г-жи Віардо, должны были неминуемо отразиться на ихъ перепискѣ. Кромѣ своей существенной цѣнности біографической и анекдотической, переписка эта прибавляетъ интересную главу къ исторіи литературы второй половины нашего столѣтія. Мы публикуемъ только одну часть ея, которая начинается съ 1846 г., хотя „дневникъ“ несомнѣнно ведетъ свое начало съ 1843 г.: по крайней мѣрѣ первыя письма, бывшія въ моихъ рукахъ, помѣчены мартомъ 1844 г. и, по своему интимному характеру, заставляютъ уже предполагать существованіе и предшествующихъ этому времени писемъ. Да и самъ Тургеневъ говоритъ, въ письмѣ отъ 1846 года, помѣщенномъ ниже,—„о старыхъ друзьяхъ, друзьяхъ трехлѣтнихъ“. Еще разъ высказываю я,—по всей вѣроятности, вмѣстѣ со всѣми поклонниками русскаго писателя—свое сожалѣніе по поводу строгихъ сокращеній, сдѣланныхъ г-жею Віардо. Пусть радушный пріемъ, который безъ сомнѣнія найдетъ опубликованная нами серія у читающей публики, побудитъ г-жу Віардо быть болѣе великодушной въ будущемъ.

Е. Гальперинъ-Каминскій.

Письма къ г-жѣ Віардо.

I.

С.-Петербургъ, $^{8}/_{20}$ ноября **1846** г.

Спѣшу отвѣтить вамъ на ваше милое письмо, мои дорогіе друзья *). Оно доставило мнѣ истинное удовольствіе, такъ какъ доказало, что вы не измѣнились ко мнѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я благодарю васъ за присланныя свѣдѣнія о вашей жизни въ прошломъ и въ будущемъ. Если судьба не будетъ мнѣ совсѣмъ противна, то въ будущемъ январѣ я надѣюсь совершить маленькое путешествіе по Европѣ, и вы, m-me, будете имѣть лишняго зрителя въ „Opern Haus'ѣ“ **).

Вѣрьте мнѣ, что я читаю всѣ статьи прусскихъ журналовъ, въ которыхъ говорятъ о васъ, и потому былъ счастливъ и доволенъ вашимъ тріумфомъ въ *Нормѣ*. Это доказываетъ мнѣ, что вы сдѣлали успѣхи, т. е. такіе успѣхи, какіе дѣлаютъ, и не перестаютъ дѣлать до конца дней своихъ, всѣ великіе маэстро. Вы достигли теперь и того, что усвоили себѣ элементъ *трагическій* (единственный, которымъ вы еще не владѣли въ совершенствѣ, такъ какъ относительно *патетическаго*, — всѣ видѣвшіе васъ въ Сомнамбулѣ, знаютъ какого мнѣнія имъ держаться), и я отъ всей души поздрав-

*) Супруги Віардо.

**) Берлинская опера.

ляю васъ. Съ вашимъ благороднымъ честолюбіемъ и богато одаренной натурой нѣтъ вѣнка, на который вы, съ помощью Божьей, не имѣли бы права разсчитывать.

Выборъ оперъ, которыя вы собираетесь поставить въ Opern Haus'ѣ, мнѣ кажется чудеснымъ (понятно, что я всегда предпочту *Гугенотовъ—Силезскому лагерю*). Что же касается *Ифигеніи*, то я беру на себя смѣлость посовѣтовать вамъ перечесть внимательно трагедію Гёте подъ тѣмъ же названіемъ, тѣмъ болѣе, что вамъ предстоитъ имѣть дѣло съ нѣмцами, которые почти всѣ знаютъ ее наизусть, слѣдовательно пониманіе ими и ихъ представленіе объ Ифигеніи уже строго установлены. Впрочемъ, трагедія Гёте безспорно хороша и величественна, и образъ, воспроизведенный имъ, отличается античной, цѣломудренной и спокойной простотой, можетъ-быть даже слишкомъ спокойной, особенно для васъ, которая, по милости Божьей, являетесь къ намъ съ Юга. Но такъ какъ въ вашемъ характерѣ есть много спокойствія, то я полагаю, что эту роль вы передадите въ совершенствѣ, тѣмъ болѣе что вамъ не надо никакого усилія, чтобы подняться до всего, что есть благороднаго, великаго и правдиваго въ произведеніи Гёте, — все это вамъ по природѣ свойственно. Да и сама Ифигенія не дочь „Сѣвера“:—рыба не имѣла бы никакой заслуги, оставаясь спокойной.

По-нѣмецки вы произносите прекрасно, безъ французскаго акцента; напротивъ того, вы даже иногда преувеличиваете немного нѣмецкія ударенія,—но я увѣренъ, что съ присущимъ вамъ прилежаніемъ вы уже преодолѣли этотъ маленькій недостатокъ.

Простите,—тысячу разъ простите—педанта за его совѣты; вѣдь вамъ хорошо извѣстно, что они вытекаютъ изъ самаго

живого интереса, съ какимъ я отношусь къ вашему малѣйшему движенію и жесту; *вамъ* слѣдуетъ только воплощать одно совершенство и удовлетворять *насъ*, когда мы васъ слушаемъ... Сѣтуйте на самое себя... зачѣмъ вы насъ избаловали?

Боже! Какъ бы счастливъ былъ я, еслибъ могъ слышать васъ этой зимой!.. Нужно во что бы то ни стало устроить это,—такъ или иначе.

Въ моемъ письмѣ къ вашей матушкѣ я сообщилъ ей нѣкоторыя подробности относительно здѣшняго театра, что избавляетъ меня отъ необходимости возвращаться къ той же темѣ. Я съ бо̀льшимъ удовольствіемъ принесу вамъ мои поздравленія по поводу употребленія вами времени въ деревнѣ... И, конечно, горю любопытствомъ видѣть ваши работы *)...

Но — терпѣніе!...

Я еще не получилъ маленькой книжки Віардо, (котораго отъ души благодарю за добрую память), но уже читалъ ее, и нашелъ въ ней тотъ трезвый и тонкій умъ, изящный стиль и простоту, традиціи которыхъ какъ будто бы начинаютъ исчезать во Франціи. Заговоривъ о литературѣ,— мнѣ кажется, что принцъ Каролъ въ послѣднемъ романѣ m-me Зандъ *(Лукреція Флоріани)* долженъ быть Шопенъ.

Скажу вамъ еще, (если это только можетъ интересовать васъ), что намъ удалось организовать свой собственный журналъ, который начнетъ выходить съ Новаго года, и повидимому при благопріятныхъ предзнаменованіяхъ. Я участвую въ немъ только въ качествѣ сотрудника **).

*) Очевидно здѣсь идетъ рѣчь о музыкальныхъ сочиненіяхъ г-жи Віардо.

**) Рѣчь идетъ о „Современникѣ“, выходившемъ подъ редакціей Некрасова и Панаева, главными сотрудниками котораго состояли, кромѣ Тургенева, — Толстой, Островскій, Григоровичъ, Бѣлинскій и многіе другіе.

Въ настоящее время я много работаю и почти никого не вижу. Здоровье мое удовлетворительно, болѣзнь глазъ не ухудшается, что для меня составляетъ великое счастье. У меня три небольшихъ уютныхъ комнатки, гдѣ я живу настоящимъ отшельникомъ, въ обществѣ моихъ книгъ, которыя мнѣ, наконецъ, удалось собрать со всѣхъ четырехъ сторонъ свѣта,—моихъ надеждъ и воспоминаній. Мнѣ очень хотѣлось бы имѣть здѣсь ту прекрасную верховую лошадь, на какой я ѣздилъ въ деревнѣ, но жизнь въ Петербургѣ такъ дорога! Тамъ была у меня свѣтло-гнѣдая англійская кобыла, кроткая, сильная, крайне выносливая, съ прекраснымъ аллюромъ. Также удачно посчастливилось мнѣ купить себѣ превосходнѣйшую охотничью собаку. Зовутъ ее *Пифъ* (не правда ли, какая смѣшная кличка для собаки и притомъ для суки?) Кобыла же моя напротивъ называлась *Queen Victoria*. Такъ прозвала ее старая англичанка, живущая въ домѣ моей матери. У меня была еще другая собака, грифонъ, страшная на видъ, никуда не годная, но очень привязанная ко мнѣ. Эта отвѣчала на кличку *Paradise-Lost*... Ахъ, сколько я наговорилъ вамъ ребяческой болтовни! Я самъ краснѣю за нее и прошу извинить меня.

Обѣщайте написать мнѣ *на другой же день* послѣ вашего перваго нѣмецкаго представленія;—а если соберетесь написать раньше, то для меня будетъ еще пріятнѣе. Я же, съ своей стороны, теперь, когда плотина прорвана, намѣренъ затопить васъ письмами. Адресую это письмо на ваше имя, потому что не знаю, находится ли вашъ мужъ въ Берлинѣ. А какъ странно, что наши письма затерялись!

Тысячу, нѣтъ!—мильонъ привѣтствій всѣмъ вашимъ. Надѣюсь, что вамъ не нужны мои увѣренія въ дружбѣ и преданности, чтобы вѣрить имъ; мы съ вами уже старые друзья,—

друзья трехлѣтніе. Я былъ и останусь все тѣмъ же; не могу, да и не хочу мѣняться.

Позвольте мнѣ дружески пожать вамъ руку; искренно желаю вамъ всякаго счастья.

До свиданія—когда-нибудь! О, я вполнѣ вѣрю, что этотъ день будетъ прекрасенъ!

Луиза *) не настолько еще взрослая барышня, чтобы обидѣться за мой крѣпкій поцѣлуй въ ея хорошенькую кругленькую щечку. Еще разъ прощайте.

Вполнѣ вамъ преданный

Иванъ Тургеневъ.

II.

Парижъ, 19 октября **1847.**

Знаете ли, m-me, что ваши прелестныя письма составляютъ крайне трудную задачу для тѣхъ, кто претендуетъ на честь вести съ вами переписку? Я же нахожусь еще въ бо́льшемъ затрудненіи, именно потому, что мое легкое нездоровье (теперь оно прошло безслѣдно), продержавъ меня дома три дня, не дало мнѣ возможности послать вамъ, какъ я намѣревался, небольшой обзоръ того, что происходитъ въ Парижѣ. И вотъ я предоставленъ своимъ собственнымъ силамъ, какъ Медея у Корнеля, что очень непріятно... Но что дѣлать! Я разсчитываю на вашу снисходительность... Ахъ,—шутки въ сторону—какая это несносная вещь—злоупотребленіе словомъ! Вотъ фраза, которая вслѣдствіе того, что часто повторяется, потеряла всякое значеніе, но когда

*) Старшая дочь г-жи Віардо.

употребляешь ее серьезно, то рискуешь тѣмъ, что никто тебѣ не повѣритъ. Но, какъ говоритъ вашъ мужъ,—начну сначала.

Прежде всего скажу вамъ, что всѣ мы въ восторгѣ отъ счастливаго начала вашихъ странствованій, и съ нетерпѣніемъ ждемъ извѣстій о вашемъ дебютѣ. Мы отсюда видимъ, какъ цвѣты падаютъ къ вашимъ ногамъ и слышимъ „браво“! Но, увы!.. Вы, конечно, понимаете, что значитъ это увы?

Итакъ, вы теперь въ самомъ сердцѣ Германіи! Надо надѣяться, что бравые „бюргеры“ сумѣютъ заслужить выпавшее на ихъ долю счастье. Вы въ Дрезденѣ... Какъ будто мы вчера еще не были съ вами въ Куртавенелѣ! Время всегда *быстро проходитъ*,—безъ различія, заняты вы или праздны,—но какъ *медленно* оно приходитъ... какъ колокольчикъ русской тройки...

Вы, я думаю, уже просмотрѣли Дидро. Нужно прочитать его парадоксы, чтобы позабавиться ими, опровергнуть ихъ, а потомъ забыть. Дѣйствительно, онъ своими произведеніями укрѣпляетъ—за свой собственный счетъ— въ читателѣ чувство правды и прекраснаго. Но вашъ умъ, такой прямой, простой и серьезный въ своей тонкости и граціи, не могъ, конечно, находить большого удовольствія въ капризной, блестящей и диллетантской болтовнѣ „французскаго Платона“, (еще ни одинъ человѣкъ не получалъ болѣе невѣрнаго прозвища). Тѣмъ не менѣе у него мѣстами можно выудить новыя и смѣлыя мысли, или, вѣрнѣе, нѣкоторые зародыши плодотворныхъ идей. Его преданность умственной свободѣ, его энциклопедичность,—вотъ что сохранитъ его имя. Сердце у него прекрасное, но когда онъ заставляетъ его говорить, то всовываетъ въ него столько ума, что только портитъ его. Положительно, — фейерверкъ парадокса всегда будетъ

ничто въ сравненіи съ *прекраснымъ солнцемъ* истины. А между тѣмъ что можетъ быть обыденнѣе солнца? (Только не въ Парижѣ, конечно). Да здравствуетъ солнце! Да здравствуетъ все, что хорошо для всѣхъ!

Итакъ, Мендельсонъ умеръ. То, что вы говорите о немъ въ своемъ письмѣ къ вашей матушкѣ, мы всѣ нашли очень справедливымъ. Я почти совсѣмъ не знаю его; но судя по тому, что слышалъ изъ его музыки, я готовъ его уважать, но очень любить... это другое дѣло. Создавать вполнѣ прекрасныя произведенія можно только обладая талантомъ въ соединеніи съ инстинктомъ,—головою и сердцемъ вмѣстѣ, а у Мендельсона, по-моему, надъ всѣмъ преобладала голова. Конечно, я могу ошибаться... но вы знаете, что я не упорствую въ своихъ заблужденіяхъ, когда меня хорошо ткнутъ носомъ, что не особенно трудно, принимая въ соображеніе размѣры у меня этого органа. Я воспріимчивъ къ воспитанію.

Кстати, какъ подвигается у васъ die deutsche Sprache*)? Думаю, что прекрасно. Я взялъ себѣ учителя испанскаго языка: el senor Castelar. За послѣднее время я очень много работаю; только-что отправилъ объемистый пакетъ въ нашъ журналъ. Это все потому, что я люблю исполнять данныя мною обѣщанія. Въ настоящую минуту оканчиваю чтеніе книги Даумера о тайнахъ христіанства. Этотъ Даумеръ мнѣ кажется человѣкомъ помѣшаннымъ, который старается всѣми силами доказать, что первоначальное христіанство, іудейское, разсматриваемое какъ отдѣльная секта, есть не что иное, какъ возобновленный культъ Молоха; что первые христіане приносили въ жертву людей, а затѣмъ съѣдали эти жертвы; и что Іуда предалъ своего Учителя только потому,

*) Нѣмецкій языкъ.

что не могъ преодолѣть въ себѣ отвращенія, которое внушали ему подобныя трапезы. Даумеръ тратитъ слишкомъ много эрудиціи для доказательства, что этотъ ужасный обычай продолжался въ церкви до XIV вѣка! Конечно, это несомнѣнно безумныя идеи, но въ нихъ есть кое-что и справедливое, а именно: печальная, кровавая и анти-гуманная сторона религіи, которая должна бы быть преисполнена любви и милосердія. Вы не можете себѣ представить, какое тяжелое впечатлѣніе производятъ всѣ эти легенды о мученикахъ, которыя онъ вамъ разсказываетъ одну за другою, всѣ эти бичеванія, процессіи, поклоненіе костямъ, ауто-да-фе, это свирѣпое презрѣніе къ жизни, отвращеніе къ женщинамъ, всѣ эти язвы и вся эта кровь!.. Все это до того тягостно, что я не хочу вамъ болѣе говорить объ этомъ...

Въ слѣдующемъ моемъ письмѣ я пришлю вамъ извѣстія объ Opéra National, о *Клеопатрѣ* г-жи Жирарденъ (которая, къ моему большому огорченію, имѣла успѣхъ) и пр. и пр. Теперь скажу вамъ только, что вчера я присутствовалъ на первомъ представленіи „Didier—l'honnête homme", новой пьесы Скриба, на сценѣ театра Variétés. Тема не изъ новыхъ, но разработана прекрасно... Фервиль, какъ всегда, былъ прекрасенъ по своей правдивости, благородству и чувству. Кажется, въ этотъ же самый вечеръ поставлена была, тождественная по замыслу, пьеса въ театрѣ Gymnase подъ названіемъ: *Жеромъ каменщикъ*. Роль Фервиля исполнялъ тамъ Буффе. Не знаю, почему обоимъ театрамъ вздумалось поставить въ одинъ и тотъ же вечеръ одинаковыя пьесы,— но знаю одно, что Gymnase не давалъ третьяго дня представленій, а день и ночь репетировалъ пьесу, чтобы быть готовымъ къ постановкѣ одновременно съ другимъ театромъ. Я пойду посмотрѣть этого Жерома, и сообщу

вамъ свое впечатлѣніе. Конечно, Буффе болѣе Мендельсонъ, чѣмъ Фервиль,—но Фервиль, можетъ-быть, болѣе Россини, чѣмъ Буффе. Впрочемъ,—мы увидимъ,—и если я сказалъ глупость, то я первый готовъ крикнуть: *mea culpa*.

А затѣмъ, m-me, молю Бога, да хранитъ Онъ васъ своею святою и благою защитою. Прежде всего будьте здоровы и не забывайте своихъ друзей, которые преданы вамъ всей душой, что совсѣмъ неудивительно, потому что... право, къ чему тогда служило бы намъ отсутствіе, если бы мы не могли пользоваться имъ для того, чтобы говорить людямъ, что мы о нихъ думаемъ?.. Но я не буду надоѣдать вамъ моими комплиментами, потому что, вѣроятно, отъ нихъ у васъ шумитъ въ ушахъ, и ограничусь тѣмъ, что пожелаю вамъ... однимъ словомъ того, чего вы сами желаете...

Надѣюсь, что супругъ вашъ здоровъ, будетъ много охотиться, и на эту тему напишетъ намъ хорошенькую статейку. Жму его руку, такъ же какъ и вашу, и сердечно цѣлую маленькую Луизу... Если г-жа Шуманъ помнитъ еще толстаго русскаго господина, съ которымъ она встрѣчалась въ Берлинѣ, то передайте ей, что этотъ толстякъ ей кланяется.....
.....

Однако, надо окончить это письмо! Я отнесу его вашей матушкѣ, чтобы она приписала къ нему нѣсколько строкъ.

Прощайте! Будьте здоровы всѣми способами. И вотъ!

Вполнѣ вамъ преданный

Иванъ Тургеневъ.

III.

Парижъ, 8 декабря 1847.

Начинаю съ принесенія вамъ искренней благодарности, m-me, за ваше милое и любезное письмо, переданное мнѣ вашей матушкой. Какъ хорошо съ вашей стороны, что вы помните старыхъ друзей; а какъ они вамъ признательны за это! Danke! danke! *)

Всѣ подробности вашей жизни въ Дрезденѣ читаются и перечитываются тысячу разъ; положительно, дрезденцы народъ славный . . . . . .

. . . . . .

Прежде всего я долженъ сказать вамъ, что „maman“ **) чувствуетъ себя прекрасно, такъ же какъ и m-elle Антонія ***) и m-me Ситчесъ; папа Ситчесъ немного кашляетъ, но это вовсе не удивительно. Изъ 900.000 жителей Парижа у 899.999 человѣкъ гриппъ, и единственный человѣкъ, у котораго его нѣтъ—это Луи Филиппъ, потому что этотъ monsieur пользуется всѣми благами Фортуны. Впрочемъ, простите, я ошибся, у меня тоже нѣтъ гриппа, и тоже потому, что мнѣ нечего жаловаться на свою судьбу.

El hermano de Vd ****) тоже здоровъ, онъ заказалъ прекрасный переплетъ на одинъ экземпляръ своей методы, который намѣренъ поднести королевѣ Христинѣ, чтобы она могла научить свою дочь искусству дѣлать фіоритуры и транспозиціи.

---

*) „Благодарю“.

**) M-me Гарсіа, мать г-жи Віардо.

***) Пѣвица, кажется, ученица Манюэля Гарсіа, брата г-жи Віардо.

****) Подъ этимъ испанскимъ выраженіемъ („Vd“—сокращеніе отъ “Usted“—„ваша“ или „его милость“) подразумѣвается вѣроятно все тотъ же братъ г-жи Віардо, г. Манюэль Гарсіа.

Кстати о музыкѣ,—я слышалъ m-me Альбони въ *Семирамидѣ*. Она имѣла шумный успѣхъ. Голосъ ея совершенно измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ я слышалъ ее въ Петербургѣ; изъ грубаго онъ сдѣлался мягкимъ, *слишкомъ* мягкимъ и напоминаетъ мнѣ теперь голосъ Розы Шери; ея трели льются легко и свободно, тембръ ея голоса необыкновенно нѣженъ и вкрадчивъ, но въ немъ нѣтъ ничего энергичнаго, захватывающаго. Какъ актриса, она ничтожество; на ея спокойномъ жирномъ лицѣ вы никогда не увидите драматическаго выраженія,—все ограничивается только тѣмъ, что она по временамъ съ усиліемъ нахмуриваетъ брови. Лучше всего она пропѣла *In si barbara sciagura*. Парижане въ восторгѣ отъ нея. М-me Гризи, изъ чувства соревнованія, превзошла самое себя; она доставила мнѣ истинное наслажденіе. Колетти былъ тоже недуренъ, хотя вообще я нахожу, что онъ поетъ—какъ отецъ семейства...

Вчера вечеромъ я отправился вмѣстѣ съ молодымъ Ле-Руа д'Этіоль *) въ Opéra Comique; тамъ давали *Бѣлую Даму*. Что за красивая, изящная, умная, галантная и рыцарская музыка! Можетъ-быть, она не такъ блестяща, но во всякомъ случаѣ болѣе во французскомъ духѣ, чѣмъ музыка Обера; Буальдьё мѣстами блѣденъ, но никогда не вульгаренъ (что таки часто случается съ авторомъ Muette)...

Верне доставилъ мнѣ большое удовольствіе въ старой пьесѣ: *Отецъ дебютантки*. Въ сущности всѣ французскіе актеры—реалисты, но никто изъ нихъ не выказываетъ своего реализма съ такою утонченностью, такъ „brovontément“ **), какъ говорилъ одинъ нѣмецъ,—какъ Верне. Онъ одновременно удовлетворяетъ и инстинкту и уму зрителя; онъ

*) Сынъ знаменитаго въ то время врача.

**) Т.-е. „profondément“—глубоко.

Библиотека

даетъ великое наслажденіе знатоку, заставляетъ смѣяться и плакать. Какъ жаль, что онъ начинаетъ старѣть! Вотъ человѣкъ, который умѣетъ создавать! Есть артисты, легко сбрасывающіе свою индивидуальность, но въ представляемой ими личности вы все-таки видите актера, который употребляетъ всѣ усилія, чтобы скрыться за изображаемое имъ лицо, и эта нѣкотораго рода принужденность непріятно дѣйствуетъ на васъ. Вы еще были таковою въ Петербургѣ, но тогда уже вашъ талантъ разбивалъ послѣднія оковы (какъ хорошо помню я первыя представленія Сомнамбулы!), а потомъ?

. . . . . .

Вы пишете, что принялись читать *Уріель Акоста* Гуцкова. Не правда ли, этотъ призракъ, это вымученное произведеніе, — положимъ, человѣка умнаго, но безъ таланта,—переполненное разными ненужными намеками и политическими, и религіозными, и философскими соображеніями, конечно, не могло вамъ понравиться? И затѣмъ, всѣ эти кричащіе эффекты и театральныя неожиданности — можетъ ли быть что-либо противнѣе грубости, если она даже не наивна?

Тѣнь Шекспира тяготѣетъ надъ всѣми драматургами; они никакъ не могутъ отдѣлаться отъ дурной привычки заимствовать; они, несчастные, уже слишкомъ много читали и совсѣмъ не жили! Только въ Германіи возможно, чтобы уже пріобрѣтшій себѣ извѣстность писатель (Мундтъ, мужъ сестры Мюллера) былъ вынужденъ *публиковать въ газетахъ*, что онъ ищетъ себѣ жену, (фактъ, буквально вѣрный!).

Въ наше время ничего нельзя читать. Глюкъ выразился про одну оперу, что она только *воняетъ* музыкой (puzza musica). То же самое можно сказать и про всѣ современныя произведенія, что они *воняютъ* литературой, дѣланностью,

ремесломъ, условностью. Кто желаетъ наслаждаться живымъ и чистымъ источникомъ, тотъ пусть возвращается на много—много лѣтъ назадъ. Литературный зудъ, лепетъ эгоизма самаго себя изучающаго и собою любующагося—вотъ болѣзнь нашего вѣка: какъ псы мы возвращаемся на свою блевотину.

Это слова Св. Писанія—могучія въ своемъ простодушіи. Нѣтъ болѣе ни Бога, ни сатаны, а пришествіе Человѣка еще далеко.

Среди массы писательствующихъ теперь въ Германіи, Фейербахъ *) есть единственный *человѣкъ*, единственный характеръ и единственный талантъ.

Вотъ еще одно прекрасное, но, слава Богу, не *литературное* произведеніе: второй томъ *Французской революціи* Мишле. Оно исходитъ прямо отъ сердца и написано горячо и съ увлеченіемъ; это человѣкъ изъ народа и говорящій съ народомъ, огромный умъ и благородное сердце. Второй томъ во многомъ превосходитъ первый. Полная противоположность съ книгой Луи Блана.

Однако, я боюсь, что письмо мое вышло черезчуръ длинно и, какъ ни пріятно мнѣ подольше поболтать съ вами,—я не желаю злоупотреблять вашей любезностью. Прибавлю только нѣсколько словъ. Я веду здѣсь образъ жизни, который мнѣ очень нравится: все утро я работаю, въ два часа выхожу,—отправляюсь къ maman, гдѣ остаюсь съ полчаса, потомъ читаю газеты, гуляю; послѣ обѣда иду въ театръ или же возвращаюсь къ maman; по вечерамъ я иногда встрѣчаюсь съ друзьями, чаще всего съ Анненковымъ **), прекраснымъ малымъ, на столько же тонкаго ума, на сколько онъ толстъ тѣломъ; а потомъ я ложусь,—вотъ и все...

*) Авторъ „Сути христіанства“.

**) Извѣстный другъ Тургенева.

Прощайте... Желаю вамъ всего, что есть лучшаго на свѣтѣ. Пожалуйста напомните обо мнѣ вашему мужу; я на-дняхъ напишу ему; надѣюсь, что здоровье его превосходно. Сердечно жму вашу руку и остаюсь всегда вамъ преданнымъ,

Ив. Тургеневъ.

IV.

Парижъ, 14 декабря 1847 г.

Браво, m-me, браво, evviva! Иначе я и не могу начать письма. Еще одна блестящая побѣда! Въ Дрезденѣ и Гамбургѣ вы сдѣлали то же, что Діета только-что совершила противъ *Sonder-Bund'a:* разбивъ оба крыла, вы намѣреваетесь нанести полное пораженіе центру (Берлину). А потомъ, какъ Цезарь, вы пойдете завоевывать Великобританію. (Боже, что за эпическій тонъ!) Вы доставили намъ большое удовольствіе, описавъ ваше путешествіе изъ Берлина въ Гамбургъ. Вообще, самое милое въ вашихъ письмахъ къ вашей матушкѣ—это подробности, которыя вы сообщаете намъ о себѣ... подробности!—но вѣдь онѣ-то и придаютъ колоритъ, освѣщеніе, всей картинѣ. Не присылайте же намъ ни простыхъ, ни сѣроватыхъ рисунковъ,—каждое ваше письмо перечитывается десятки разъ — и всегда два раза кряду вслухъ. (Должность чтеца исполняю я самъ). Прочитавши его цѣликомъ, мы начинаемъ пощипывать его то тутъ, то тамъ; а, такъ какъ l'appétit vient en mangeant **), то мы начинаемъ съизнова. Не скрою отъ васъ, что вы дѣлаете орѳографическія

*) „Аппетитъ является за столомъ"—трудно переводимая французская поговорка. *Прим. пер.*

ошибки, когда пишете по-испански, но онѣ только придаютъ бо́льшую прелесть вашимъ письмамъ...

Кстати, есть еще нѣчто въ вашихъ письмахъ, что особенно радуетъ насъ: это сообщеніе,—что вы здоровы (плюю три раза!). Мы, можетъ-быть, ради соревнованія, тоже всѣ чувствуемъ себя прекрасно... Вотъ что значитъ соревнованіе!

Къ моему большому сожалѣнію, я вынужденъ сообщить вамъ, что на этотъ разъ я не могу написать вамъ ни одной интересной новости.

За эту недѣлю я почти ни разу не выходилъ изъ дому, зато работалъ много,—никогда еще мысли не приходили ко мнѣ въ такомъ изобиліи; онѣ являлись цѣлыми дюжинами. Я самъ себѣ казался содержателемъ бѣдной гостиницы въ маленькомъ городкѣ, въ который неожиданно нахлынула, какъ лавина, цѣлая толпа пріѣзжихъ,—хозяинъ потерялъ голову и не знаетъ, куда ему размѣстить всѣхъ своихъ гостей...

Третьяго дня я прочелъ только-что оконченную мною вещь двумъ моимъ русскимъ друзьямъ; оба они хохотали до-упаду... Это произвело на меня чрезвычайно странное, и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятное, впечатлѣніе... Положительно, я не подозрѣвалъ въ себѣ юмористическаго таланта!.. Но знаете, недостаточно окончить вещь, надо еще переписать ее (вотъ наказанье!) и отослать. А какъ удивятся издатели нашего журнала, когда получатъ одинъ за другимъ огромные пакеты съ письмами! Думаю, что они останутся довольны. Я смиренно прошу моего ангела-хранителя (говорятъ, у всякаго есть свой ангелъ-хранитель) продолжать помогать мнѣ, я же съ своей стороны буду продолжать обламывать цѣлую уйму работы. Какая прекрасная и благородная вещь—трудъ!

Послушайте, m-me, если послѣ полученія этого моего

письма, вамъ придется пѣть въ *Цырюльникѣ*, то, прошу васъ, вставьте арію Бальфа... отдамъ себя повѣсить, если публика не переломаетъ стульевъ. Я знаю гамбургцевъ... (Ich kenne meine Pappenheimer!) имъ нужно что-нибудь пряное.

Два или три дня стоитъ у насъ превосходная погода. Я много гуляю передъ обѣдомъ въ Тюльерійскихъ садахъ, любуюсь толпой дѣтей,—красивыхъ, какъ амуры, и такъ кокетливо наряженныхъ! Ихъ по-дѣтски важныя ласки, ихъ маленькія пухленькія щечки, слегка подрумяненныя первымъ зимнимъ морозцемъ,—добрыя и невозмутимыя лица нянекъ, прекрасное, багровое солнце, свѣтящее сквозь развѣсистые каштаны,—статуи, безмятежная поверхность водъ, величественная темно-сѣрая масса Тюльери,—все это очень нравится мнѣ, успокоиваетъ, освѣжаетъ меня послѣ работы цѣлаго утра. Тамъ я мечтаю,—не расплывчато, какъ нѣмцы,—о томъ, что я дѣлаю и буду дѣлать... Я никогда не пропускаю (т. е. въ тѣ три или четыре раза, что я былъ въ саду) навѣстить мою излюбленную группу—льва Бари,—находящуюся у входа въ Тюльерійскій садъ со стороны рѣки. По вечерамъ я отправляюсь къ доброй „maman“; нѣсколько дней тому назадъ мы провели у ней пять или шесть часовъ съ Мануэлемъ *), придумывая всякія шалости, что заставило насъ вспомнить о Куртавенелѣ, Маскарильѣ, Жоделе и т. п. Значитъ не вы одна вспоминаете ихъ... Помните ли вы тотъ день, когда мы смотрѣли на небо, чистое, спокойное, сквозь золотистую листву осинъ?.. Ахъ, я никогда не кончу письма, если отдамся моимъ воспоминаніямъ.

Боже, какъ прекрасна осень!.. конечно, не грязная и сырая осень, — (ваши „pflia-pflia“ совершенно согласны съ

*) Мануэль Гарсіа—братъ m-me Віардо, извѣстный артистъ, какъ и вся семья Гарсіа, изобрѣтатель ларингоскопа.

истиной)—нѣтъ! но когда небо прозрачно и милостиво. Въ хорошемъ, ясномъ осеннемъ днѣ есть что-то, напоминающее Людовика XIV подъ старость... Вы конечно посмѣетесь надъ моимъ сравненіемъ?.. Что жъ, тѣмъ лучше! Смѣйтесь, смѣйтесь отъ души, такъ, чтобы всѣ зубки ваши были видны. Вы помните,—что говорилъ вамъ вашъ старый мекленбургскій господинъ на пути изъ Берлина въ Гамбургъ?

Я обѣщалъ вашей матушкѣ принести ей мое письмо... нужно и ей оставить мѣстечко. Слѣдовало бы пораньше объ этомъ подумать и писать немного посжатѣе. Новый поводъ дать вамъ право называть меня болтуномъ.

На этихъ дняхъ я напишу письмо вашему мужу. Второй томъ Мишле—шедѣвръ. Луи Бланъ дѣлаетъ себя смѣшнымъ своей ссорой съ Эженомъ Пелльтаномъ.

Мой дружескій привѣтъ великому охотнику. Да сохранитъ Богъ всѣхъ васъ! Желаю вамъ всякихъ благъ; крѣпко жму вашу руку, еще разъ поздравляю васъ и остаюсь

Преданный вамъ другъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. Не заставъ вашей матушки дома, я запечатываю письмо изъ боязни опоздать. Пишу это въ лавочкѣ фруктовщика, и запечатаю письмо его сургучемъ и его гербовой печатью.

V.

19 декабря 1847 г.

Madame,

. . . . . .

Ваша матушка (здоровье которой не оставляетъ желать ничего лучшаго, такъ же, какъ и наше) разсказала мнѣ ваше послѣднее письмо изъ Гамбурга. Ахъ, не полагайтесь на

хорошую декабрьскую погоду,—она очень измѣнчива и „вдоль рѣки“ сыро. Надѣюсь, что ваша болѣзнь горла быстро прошла и что *Гугеноты* имѣли тотъ же успѣхъ, что и *Цырюльникъ*. Впрочемъ, я не думаю, чтобы вы много веселились въ Гамбургѣ. Тамъ можно встрѣтить только „купцовъ“ *), вѣчно трактующихъ о желѣзныхъ дорогахъ, акціяхъ, займахъ и другихъ производительныхъ, но очень глупыхъ вещахъ. Я увѣренъ, что въ глубинѣ души вы сами ощущаете тайную досаду на то, что на вашу долю выпало *развлекать* подобныхъ людей, потому что вы дѣйствительно служите для нихъ только развлеченіемъ. Они не способны, слушая васъ, чувствовать что-нибудь другое; всю свою серьёзность они отдали повышенію или пониженію на биржѣ; тѣмъ не менѣе они апплодируютъ вамъ, кричатъ и хлопаютъ въ ладоши, но этимъ они исполняютъ только свой долгъ и благодарить ихъ не за что...

Сообщеніе ваше о томъ, что *Жозефъ* Мегюля произвелъ на васъ сильное впечатлѣніе, заставляетъ меня очень жалѣть, что не могу услышать его здѣсь; въ этомъ огромномъ Парижѣ даютъ только огромныя оперы въ родѣ *Jérusalem*...

Въ ту минуту, какъ я пишу вамъ эти строки, цѣлая толпа странствующихъ музыкантовъ поетъ на улицѣ *Mourir pour la patrie* Госсека... Боже, что это за прелесть! У меня даже слезы выступили на глазахъ. Положительно, старые музыканты были повыше теперешнихъ. Какая энергія! какая

*) Въ подлинникѣ непереводимая игра словъ: Тургеневъ пишетъ слово „купецъ“—очевидно намѣренно съ орѳографической ошибкой и въ кавычкахъ—„*marchants*“, а не „*marchands*“, какъ бы слѣдовало.—Получается не „купецъ“—а причастіе отъ глагола marcher, т. е. человѣкъ ходящій, бѣгающій, подвижной и т. п. *Пр. перев.*

сила убѣжденія, какая величественная простота!.. Воображаю, какъ должны были биться сердца въ 93 году, когда сотни голосовъ пѣли этотъ гимнъ!

Вообще я все болѣе и болѣе отвращаюсь отъ нашего времени; правду сказать въ немъ очень мало прелести! Я всѣмъ моимъ существомъ отдаюсь прошлому, и съ жадностью читаю теперь Кальдерона (само собой разумѣется по-испански); это величайшій драматургъ изъ католиковъ,—какъ Шекспиръ самый гуманнѣйшій, самый антихристіанскій драматургъ. Его (Кальдерона) *Devotion de la Cruz* есть шедёвръ. Эта непоколебимая, торжествующая, вѣра, лишенная даже и тѣни какого-либо сомнѣнія или размышленія, подавляетъ васъ своей мощью и величіемъ, несмотря на все, что есть въ этой доктринѣ отталкивающаго и жестокаго. Это уничиженіе всего, что составляетъ достоинство человѣка, передъ божественной волей,—то равнодушіе ко всему, что мы называемъ добродѣтелью или порокомъ, съ которымъ *благодать* осѣняетъ своего избранника — является еще новымъ торжествомъ человѣческаго разума;—потому что существо, рѣшающееся съ такой отвагой признаваться въ своемъ собственномъ ничтожествѣ, тѣмъ самымъ возвышается до того фантастическаго Божества, игрушкой котораго оно себя считаетъ. И это Божество есть тоже твореніе его руки. Но я все-таки предпочитаю Прометея, сатану, типъ возмущенія и индивидуальности. Пусть я буду атомъ,—но я самъ себѣ владыка; я хочу истины, но не спасенія, и ожидаю ее получить отъ разума, а не отъ благодати.

N. B. Простите всѣ эти fio-ratur'ы *).

---

*) Игра словъ, объясняющаяся обиліемъ помарокъ въ этой части письма.

Тѣмъ не менѣе Кальдеронъ—геній необыкновенный, а главное дѣло мощный. Мы же, слабые потомки могучихъ предковъ, самое бо́льшее достигаемъ того, чтобы казаться граціозными въ нашей слабости... Я думаю о *Caprice* Мюссе (который продолжаетъ производить здѣсь фуроръ); также думаю я и о томъ, что не имѣю ничего, что бы сообщить вамъ, хотя здѣсь происходитъ не мало интереснаго. Мишле открылъ свои лекціи, m-me Альбони вчера пѣла въ *Cenerentola* (я услышу ее завтра, въ воскресенье); много говорятъ у насъ въ Парижѣ о какой-то электрической или магнетической дѣвушкѣ, которая во время сна, слушая музыку, дѣлаетъ жесты, соотвѣтствующіе этой музыкѣ и т. д. и т. д.

Но—что дѣлать!—я превратился въ медвѣдя и почти совсѣмъ не выхожу изъ комнаты; за то работаю съ необыкновеннымъ рвеніемъ... полагаю, что ни труды, ни время не пропадутъ даромъ. Однако, надо немного встряхнуться и побѣгать по Парижу, поближе ознакомиться съ нимъ, а то я еще не знаю его.

Я недавно получилъ письма отъ моихъ издателей; всѣ они въ одинъ голосъ восхваляютъ мою дѣятельность; вмѣстѣ съ письмами присланъ мнѣ послѣдній номеръ нашего журнала. Въ немъ я нашелъ замѣчательную повѣсть нѣкоего Григоровича...

. . . . . .

Завтра я напишу письмо вашему мужу, которому прошу передать мой дружескій привѣтъ. До сихъ поръ мнѣ не удалось еще исполнить порученія Луизы,—чему есть своя причина,—но это не мѣшаетъ мнѣ расцѣловать ее въ обѣ щечки. Вамъ же,—вѣдь вы знаете мою старую пѣсню?—я отъ души желаю всего, что есть добраго, прекраснаго, великаго и благороднаго на свѣтѣ... впрочемъ, это все равно,

что желать вамъ того, что̀ у васъ уже есть. Берегите себя, будьте счастливы, веселы и довольны,—вы и всѣ ваши.

Вѣдь вы не пробудете въ Гамбургѣ болѣе четырехъ, пяти дней, не правда ли? Надѣюсь, что мое слѣдующее письмо застанетъ васъ еще тамъ.

Que Dios bendiga a V^{d},—leben sie recht, recht wohl;—boudtè zdorovy i pomnité nass *).

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

VI.

Парижъ, 25 декабря 1847.

Признаюсь, мы всѣ немного тревожились, не получая отъ васъ такъ долго извѣстій (правда, вы насъ раньше избаловали), пока ваше письмо отъ 21-го, со всѣми милыми подробностями, не обрадовало насъ. Я опять исполнялъ должность чтеца, какъ дѣлаю это обыкновенно, и могу увѣрить васъ, что никогда еще мои глаза не видѣли такъ хорошо, какъ въ то время, какъ разбирали ваше письмо, тѣмъ болѣе, что для такой знаменитости, какъ вы, вы пишете прекрасно. Впрочемъ, вашъ почеркъ мѣняется до безконечности; иногда онъ красивъ, тонокъ, точно бисерный,—настоящая маленькая бѣгающая мышка; въ другой разъ вы пишете смѣло, легко, размашисто; но часто вы пишете нервно, быстро, съ явнымъ нетерпѣніемъ, и, тогда уже, право, буквы укладываются у васъ, какъ придется.

---

*) „Да благословитъ васъ Богъ“, — прощайте, всякаго благополучія“—„будьте здоровы и помните насъ“. Первая фраза написана по-испански, вторая по-нѣмецки, третья по-русски, только латинскими буквами

Вы очень хорошо дѣлаете, что описываете намъ свои костюмы; мы, реалисты, большіе охотники до колорита. А потомъ... потомъ... все, что вы дѣлаете, хорошо. Ваши успѣхи въ Гамбургѣ доставляютъ намъ безконечную радость; браво! браво! Не правда ли, вѣдь *хорошо* съ нашей стороны, что мы ободряемъ васъ?

Благодарю васъ отъ всего сердца за вашъ добрый и полезный совѣтъ, присланный мнѣ вами въ письмѣ къ m-me Гарсіа. То, что вы говорите о „quabra dura", которая часто замѣчается въ оконченныхъ не сразу произведеніяхъ, вполнѣ справедливо — *„das sind goldene Worte"* *). Я, съ тѣхъ поръ, какъ поселился въ Парижѣ, никогда не работалъ болѣе какъ надъ одной вещью сразу, благодаря чему окончилъ многія вещи хорошо, по крайней мѣрѣ я такъ думаю. Не проходило недѣли, чтобъ я не посылалъ толстаго пакета моимъ издателямъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ я послалъ вамъ мое послѣднее письмо, я успѣлъ прочесть еще одну драму Кальдерона, *La Vida es sueno* **). Это самыя величественная драматическая концепція, какую я когда-либо видѣлъ или читалъ. Въ ней царитъ дикая энергія, глубокое и мрачное презрѣніе къ жизни, удивительная смѣлость мысли рядомъ съ фанатизмомъ непреклоннаго католика. Сигизмундъ Кальдерона (главный герой) это испанскій Гамлетъ со всею разницей, какая существуетъ между сѣверомъ и югомъ. Гамлетъ болѣе разсудителенъ, утонченъ, болѣе философъ; характеръ Сигизмунда проще, яснѣе и проникаетъ какъ шпага; одинъ не дѣйствуетъ вслѣдствіе своей нерѣшительности, сомнѣній и размышленій; другой дѣйствуетъ—потому что къ тому толкаетъ его южная

*) Это золотыя слова.

**) „Жизнь есть сонъ."

кровь,—но дѣйствуя, онъ хорошо сознаетъ, что жизнь есть не что иное, какъ сонъ.

Теперь я принялся читать испанскаго Фауста—*El Magico prodigioso* *),—и совсѣмъ „окальдероненъ“. Читая эти прекрасныя произведенія, чувствуешь, что они естественно выросли на плодородной и могучей почвѣ; ихъ вкусъ и благоуханіе просты,—литературная подливка здѣсь совсѣмъ не чувствуется. Драма въ Испаніи была послѣднимъ и самымъ лучшимъ выраженіемъ наивнаго католицизма и общества, созданнаго имъ по своему образу. Между тѣмъ, какъ въ переживаемое нами критическое и переходное время, всѣ художественныя и литературныя произведенія представляютъ собою—самое бо̀льшее—отдѣльныя мнѣнія, индивидуальныя чувства, неясныя и противорѣчивыя размышленія, экклектизмъ ихъ авторовъ;—жизнь раздробилась; теперь нѣтъ болѣе общаго великаго движенія, за исключеніемъ, можетъ-быть, промышленности, которая,—если смотрѣть на нее съ точки зрѣнія прогрессивнаго подчиненія стихій природы человѣческому генію,—сдѣлается быть-можетъ освободительницей и обновительницей людского рода. А потому самые великіе поэты нашего времени—это, на мой взглядъ, американцы, которые собираются прорыть Панамскій перешеекъ и обсуждаютъ вопросъ о проведеніи электрическаго телеграфа черезъ океанъ. А разъ соціальная революція совершится—да здравствуетъ новая литература!...

Большая часть этихъ мыслей пришла мнѣ въ голову въ тотъ вечеръ, когда я смотрѣлъ „обозрѣніе“ за 1847 г.—*le Banc d'huitres*, въ Palais-Royal. Было весело и я много смѣялся... Но, Богъ мой! какъ все это малокровно, блѣдно, вяло

*) „Чудесный волшебникъ“.

и жалко въ сравненіи съ тѣмъ, что могъ бы создать изъ этого,—я не говорю уже про Аристофана,—но кто-нибудь изъ его школы! Ахъ, чего бы я ни далъ, чтобы присутствовать на комедіи фантастической, экстравагантной, насмѣшливой и трогательной,—безжалостной ко всему, что есть слабаго и дурного въ обществѣ и даже въ самомъ человѣкѣ, заставляющей его смѣяться надъ собственной нищетой,—поднимающейся до великаго, чтобы посмѣяться и надъ нимъ,—поющей похвалу глупости, чтобы ее возвеличить и бросить въ лицо нашей гордости... Чего ни дашь за такое зрѣлище! Но нѣтъ, мы навѣки отданы во власть Скриба!

Однако, я надѣюсь еще прочесть вамъ *Птицъ* или *Лягушекъ* Аристофана, выпустя изъ нихъ все, что есть въ нихъ черезчуръ циничнаго.

. . . . . .

Вотъ вы, наконецъ, и въ Берлинѣ; ваши обѣ поѣздки окончены, и теперь вы находитесь среди уже завоеваннаго вами народа.

Вашъ дебютъ назначенъ черезъ недѣлю, и нѣкто,—кого я знаю очень хорошо,—станетъ изучать берлинскія газеты. Во франкфуртскихъ *Didaskalia* появилась восторженная статья о васъ, помѣченная Гамбургомъ. Кстати *Illustration* возвѣщаетъ о вашемъ приглашеніи будущей зимой въ Grand Opéra. Изъ Петербурга пишутъ, что итальянскій театръ тамъ переживаетъ критическія минуты. Въ послѣднемъ письмѣ къ вашему мужу я говорилъ о Cenerentola и m-me Альбони.

Надѣюсь, что вамъ, вашему мужу и вашей дочери живется какъ въ небесахъ или какъ намъ,—потому что намъ живется хорошо, очень хорошо.

Прощайте! Хоть и боюсь надоѣсть вамъ повтореніемъ одного и того же, но кончу письмо пожеланіемъ вамъ всего, самаго

лучшаго, самаго великаго и самаго прекраснаго на землѣ; что мои пожеланія искренни, нечего и говорить... Будьте здоровы, будьте счастливы.

Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. Que Dios bendiga Vd *).

VII.

Парижъ, 11 января **1848**.

Я только-что получилъ ваше письмо, которое вы прислали мнѣ въ конвертѣ m-me Гарсіа. Благодарю вашего мужа за добрую память обо мнѣ. Что же касается до того, что онъ говоритъ о положеніи Франціи,—я самъ очень желалъ бы быть неправымъ и какъ можно скорѣе получить опроверженіе...

Мои мелкіе разсказы (которые, кстати сказать, написаны въ жанрѣ діаметрально противоположномъ разсказамъ Флоріана) не заслуживаютъ чести быть переведенными; но предложеніе el senor Louis **) такъ для меня лестно, что я не могу на него не согласиться теперь же,—но воспользуюсь имъ впослѣдствіи, когда дѣйствительно напишу что-нибудь хорошее, если Аполлонъ захочетъ, чтобы это счастье выпало мнѣ на долю ***). Въ то же время я желаю „великому охотнику“... впрочемъ, нѣтъ, я ничего ему не желаю. Если онъ

*) „Да благословитъ васъ Богъ.“

**) „El senor Louis“, „великій охотникъ“, „Немвродъ“ и т. п. шуточныя названія г. Віардо.

***) Луи Віардо дѣйствительно перевелъ, при участіи автора, нѣсколько разсказовъ Тургенева, а именно: „Записки охотника“ и еще сборникъ подъ заглавіемъ: „Сцены изъ русской жизни“ и др.

человѣкъ благоразумный, и не заразился суевѣріями моей милой родины, то я-то не даромъ русскій человѣкъ, и не хочу портить ему удовольствіе.

Статьи о *Нормѣ* заставили меня испытать то, что нѣмцы называютъ „*Wehmuth*“ *). Сравнивая васъ съ тѣмъ, какою вы были годъ тому назадъ, гг. критики, кажется, находятъ перемѣну, нѣкоторое развитіе въ манерѣ, съ которой вы передаете эту роль. А я—ay de mi! **)—я положительно не знаю, что же они хотятъ сказать? Я не видалъ васъ въ *Нормѣ* съ самаго Петербурга. *Diese Entwickelungsstufe ist mir entgangen* ***). Я готовъ кричать: караулъ! какъ Маскариль. Въ дѣйствительности же я не огорченъ. Рельштабъ и Коссакъ****) говорятъ оба „von einer milderen Darstellung“ †), но я хорошо знаю, что Milde ††), о которой они говорятъ, не въ духѣ г-жи Линдъ; наоборотъ, я убѣжденъ, что это должно быть нѣчто прекрасное, истинное и захватывающее. Да,—великія страданія не могутъ надломить возвышенныя души; они скорѣе дѣлаютъ ихъ болѣе спокойными, болѣе простыми, смягчая ихъ, но безъ потери достоинства. „Такъ тяжкій млатъ“,—гдѣ-то говоритъ Пушкинъ,—„дробя стекло, куетъ булатъ“,—сталь, болѣе гибкую и тонкую, чѣмъ простое желѣзо. Тѣ, кто прошли черезъ это и *умѣли* страдать (я едва не сказалъ: тѣ, которые имѣли это „счастье“, такъ какъ страданіе есть счастье, котораго ни эгоистъ, ни человѣкъ низкій не знаютъ), навсегда сохраняютъ на себѣ облагораживающую печать, если они сумѣли устоять.

---

*) Тихую грусть.

**) Испанское восклицаніе, соотвѣтствующее нашему „увы“.

***) „Эта ступень развитія для меня исчезла“.

****) Извѣстные тогдашніе музыкальные критики.

†) О „болѣе смягченномъ способѣ представленія“.

††) Мягкость.

Боже! какъ бы мнѣ хотѣлось присутствовать на представленіи *Нормы!* Эта женщина съ сердцемъ столь высокимъ и столь наивнымъ, столь прямымъ и правдивымъ въ борьбѣ со своей любовью и своей судьбой,—эти великія и простыя движенія страстей въ неиспорченной душѣ,—это жестокое и нѣжное смѣшеніе всего что наиболѣе дорого въ жизни и смерти,—этотъ изступленный взрывъ при концѣ, этотъ столь сильный и столь гордый духъ, который въ минуту наступленія смерти, наконецъ, весь отдается самой горячей нѣжности и восторгу самопожертвованія—оставимъ это и не будемъ больше говорить!! Я постараюсь *возсоздать* васъ въ *Нормѣ* согласно моему пониманію вашего таланта и моимъ воспоминаніямъ... Разумѣется, я теперь уже отвыкъ отъ этого спеціально нѣмецкаго упражненія... но все-таки попробую.

Вы мнѣ говорите также о третьемъ актѣ *Ромео*; и такъ добры, что спрашиваете моихъ замѣчаній, касающихся Ромео. Что могъ бы я сказать вамъ, чего бы вы ни знали сами и ни чувствовали заранѣе? Чѣмъ больше я думаю о сценѣ третьяго акта, тѣмъ больше убѣждаюсь, что есть только одинъ вѣрный способъ передать ее—это вашъ. Невозможно и представить себѣ ничего ужаснѣе, какъ находиться передъ трупомъ всего, что любишь; но отчаяніе, которое васъ тогда охватываетъ, вѣроятно, такъ ужасно, что, если его не сдерживаетъ или не *охлаждаетъ* твердая рѣшимость покончить также и съ собою, или какое-либо иное *великое* чувство,—то искусство не въ состояніи передать его. Отрывистые крики, рыданія, обмороки—это природа, а не искусство. Зритель не былъ бы тронутъ тѣмъ сильнымъ и захватывающимъ волненіемъ, которое принуждаетъ васъ съ наслажденіемъ проливать слезы, и иногда очень горькія. Между тѣмъ какъ вашимъ изображеніемъ Ромео (я сужу по тому,

что читаю въ вашемъ письмѣ) вы произведете на слушателей неизгладимое впечатлѣніе. Я помню тонкое и вполнѣ справедливое замѣчаніе, когда-то сдѣланное вами о мелкихъ, взволнованныхъ и вмѣстѣ сдержанныхъ движеніяхъ, которыя являются у Рашели, — продолжающей наружно сохранять спокойный и величественный видъ; можетъ-быть у нея это только умѣнье; вообще же это само спокойствіе, *вытекающее изъ сильнаго убѣжденія или глубокаго чувства*, спокойствіе безнадежности, — если можно такъ сказать, — всесторонне охватывающее отчаянные взрывы страсти, сообщающее имъ ту чистоту очертаній, ту идеальную и дѣйствительную красоту, которая есть настоящая и единственная красота искусства. А доказательствомъ справедливости этого замѣчанія служитъ то, что сама жизнь, — правда, въ рѣдкія мгновенія, — въ тѣ мгновенія, когда она стряхиваетъ съ себя все случайное и обыденное, — возвышается до подобной же красоты. Самая высшая скорбь, говорите вы въ вашемъ письмѣ, есть самая тихая и, — можно бы прибавить — самая прекрасная. Но нужно умѣть соединить обѣ крайности, въ противномъ случаѣ покажешься холоднымъ. Конечно легче не посягать на совершенство, держаться серединки, тѣмъ болѣе что большинство зрителей ничего другого не требуетъ, или лучше сказать, ни къ чему иному не пріучено; но тѣмъ, чѣмъ вы есть, вы обязаны именно благородному стремленію ко всему высокому, и, повѣрьте мнѣ, — ist der Punkt getroffen, — всѣ сердца, даже самыя грубыя, бьются и рвутся. Въ Петербургѣ необходимо было быть самому немного артистомъ, чтобы почувствовать всю прелесть вашихъ намѣреній; — съ того времени вы выросли; вы стали понятною для всѣхъ, не переставая въ то же время обладать тѣмъ, что предназначено только для однихъ избранныхъ.

Все это я пишу вамъ совсѣмъ сгоряча; вы будете такъ добры, что, съ присущею вамъ тонкою прозорливостью, дополните все недостающее и неточное въ моихъ выраженіяхъ. Я не имѣю времени заниматься стилемъ, да не имѣю къ тому и охоты. Я хотѣлъ сказать вамъ только то, что думаю.

Нужно кончать письмо, а я еще ничего не сказалъ вамъ о томъ, что происходитъ въ Парижѣ. Я сдѣлаю это въ слѣдующемъ письмѣ, если вы пожелаете...

Всѣ здоровы. Вчера я былъ у итальянцевъ; давали *Donna del Lago* Россини. Какая прелестная музыка (несмотря на нѣкоторыя длинноты и устарѣлости)! И что за либретто! M-elle Альбони была очень хороша въ *andante* и очень мягка въ *allegro*. Она и m-elle Гризи восхитительно исполнили маленькій дуэтъ во второмъ актѣ. Маріо хорошо спѣлъ свою арію. Хоры отвратительны (а какъ жаль! Хоръ бардовъ, насколько можно было о немъ судить, долженъ быть великолѣпенъ)...

Будьте здоровы вы всѣ, кого я очень люблю.

Остаюсь искренно вамъ преданный

Иванъ Тургеневъ.

VIII.

Парижъ, 17/5 января 1848.

. . . . . .

Ахъ! Madame, что за прелесть длинныя письма! какъ, напримѣръ, послѣднее написанное вами „bonne maman“! Съ какимъ удовольствіемъ приступаешь къ его чтенію! Точно входишь лѣтомъ въ длинную, богатую зеленью, прохладную аллею. Ахъ! говоришь себѣ,—какъ хорошо здѣсь!—и идешь,

не торопясь, тихими шагами, прислушиваясь къ щебетанію птичекъ. Вы щебечете несравненно лучше ихъ, m-me, пожалуйста продолжайте, и знайте притомъ, что вы никогда не найдете болѣе внимательныхъ и жадныхъ слушателей.

Представьте себѣ вашу матушку, сидящую у камина и заставляющую меня читать вслухъ ваше письмо, которое она уже имѣла время выучить почти наизусть! Вотъ когда можно было бы хорошо написать ея лицо! . . . . . .

. . . . . .

Сказалъ ли я вамъ въ моемъ послѣднемъ письмѣ, что я присутствовалъ на концертѣ въ Консерваторіи? Тамъ исполняли только одного Мендельсона. *Симфонія en la* мнѣ очень понравилась. Это—изящно, сильно, возвышенно. Исполнено было *чудовищно* прекрасно, нельзя представить себѣ ничего изумительнѣе...

Сегодня, во вторникъ, вы, вѣроятно, будете пѣть Ромео, и въ эту минуту, какъ я пишу (теперь половина одиннадцатаго), вы должны вѣроятно находиться въ хорошенькой маленькой ажитаціи. Искренно желаю вамъ успѣха. Я думаю, онъ будетъ полнымъ. Отчего я не могу быть сегодня въ Берлинѣ? Ахъ, отчего! отчего!

Ахъ, да! я рѣшительно съ нѣкотораго времени не даю вамъ никакихъ извѣстій о Парижѣ. Право, я очень смирно сижу въ своей норѣ. Однако, посмотримъ.

На-дняхъ я былъ въ Зимнемъ Саду *), который дѣйствительно восхитителенъ. Представьте себѣ большое пространство, полное цвѣтовъ, деревьевъ, статуй, и на огромной высотѣ покрытое стекляннымъ *балдахиномъ*, который поддерживаетъ масса литыхъ, тонкихъ и стройныхъ чугунныхъ

*) „Jardin d'Hiver".—Одно изъ тогдашнихъ парижскихъ увеселительныхъ мѣстъ.

колоннъ; въ глубинѣ—прелестный фонтанъ. Единственнымъ *drawback*, или неудовольствіемъ, испытаннымъ мною, былъ запахъ мокраго каменнаго пола, запахъ душный и слегка тошнотворный. Говорятъ, что и дождь проникаетъ сюда очень легко. Но я воображаю, какое ослѣпительное зрѣлище представилъ бы балъ въ Зимнемъ Саду.

Вашъ мужъ вѣроятно говорилъ вамъ о новомъ романѣ m-me Зандъ, который печатается въ фельетонѣ *Journal des Débats: Франсуа ле Шампи*. Онъ написанъ въ ея лучшей манерѣ—просто, правдиво, захватывающе. Можетъ-быть она вставляетъ въ него слишкомъ много крестьянскихъ выраженій; это мѣстами придаетъ ея разсказу нѣкоторую дѣланность. Искусство—не дагерротипъ, и такая великая мастерица, какъ m-me Зандъ, могла бы обойтись и безъ этихъ капризовъ художника съ нѣсколько притупленнымъ вкусомъ. Но очень ясно, что ей—выше головы—надоѣли всякіе соціалисты, коммунисты, Пьеры Леру и другіе философы, что она ими измучена—и съ наслажденіемъ погружается въ источникъ молодости искусства наивнаго и неотвлекающагося отъ земли. Между прочимъ въ самомъ началѣ предисловія находится нѣсколько строкъ описанія осенняго дня. Это—удивительно. Эта женщина имѣетъ талантъ передавать самыя тонкія, мимолетныя впечатлѣнія твердо, ясно и понятно; она умѣетъ *рисовать* все, даже благоуханія и самые мелкіе звуки... Я плохо выражаюсь, но вы понимаете меня. Описаніе, о которомъ я говорю, заставило меня вспомнить о дорогѣ, обсаженной тополями и ведущей вдоль парка въ Жарріэль; я опять вижу золотистую листву на свѣтло-голубомъ небѣ, красные плоды шиповника въ изгородяхъ, стадо овецъ, пастуха съ его собаками и... еще много другихъ вещей.

Парижъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней былъ возбуж-

день фанатическою и противореволюціонною рѣчью m-r Монталамбера; вся старая пэрія неистово рукоплескала ругательствамъ, которыя произносилъ ораторъ по адресу Конвента... Это еще симптомъ—и весьма важный—теперешняго состоянія умовъ. Міръ—въ мукахъ рожденія... И много есть людей, заинтересованныхъ въ томъ, чтобы дѣло кончилось выкидышемъ... Впрочемъ—посмотримъ. Кстати о родахъ: маленькая сучка m-lle Jenny околѣла, не разродившись; бѣдная тварь, она вѣроятно очень страдала! Эта смерть заставила отмѣнить одну пятницу.

. . . . . .

Итакъ, у васъ снѣгъ и сани; у насъ только грязь и дождь. Я вижу отсюда, какъ къ вамъ входитъ милый Германъ Мюллеръ-Штрюбингъ *) съ сиреневой вѣткой въ рукахъ. Пришлите вашей матушкѣ хотя маленькое описаніе вашей квартиры; это много поможетъ воображенію вашихъ друзей, которое, я ручаюсь вамъ за это, часто направляетъ свой полетъ въ сторону Берлина.

Ну, а m-me Ланжъ все еще нравится вамъ? Напишите намъ о ней.

А дамы Каминскія? **)

Я много работаю и довольно плодотворно.

Я уже прочелъ почти всего „Жиль Блаза“ по-испански, перевожу „Манонъ Леско“, и вступилъ въ переписку съ другимъ ученикомъ моего учителя ***), переписку анонимную, которая не имѣетъ другой цѣли, кромѣ нашего усовершенствованія

*) Ученый нѣмецкій натуралистъ.

**) Родственницы генерала графа Сергѣя Каминскаго, сына фельдмаршала, служившаго волонтеромъ во французской арміи въ 1758 и 1759 гг. Графъ Сергѣй Каминскій жилъ въ Орлѣ, городѣ, гдѣ родился Тургеневъ.

***) Испанскаго языка.

въ изученіи „magnifica lengua castellana“. Но посмотрите какая удача! Въ одномъ письмѣ я немного позабавился (не помню только по какому именно поводу) насчетъ австрійскаго правительства, а мой корреспондентъ оказался крайне патріотичнымъ вѣнскимъ евреемъ! Впрочемъ мой учитель увѣряетъ меня, что онъ очень добрый и не захотѣлъ принять это въ дурную сторону.

Я также работаю надъ одной комедіей *), которая предназначена для одного московскаго актера. Какъ видите, я не теряю времени. (N. B. Вы видите и то, что я утилизирую поля письма.)

Затѣмъ дружески кланяюсь всѣмъ; на-дняхъ я пришлю отвѣтъ на любезное письмо senör don Louis.

Будьте здоровы.

Преданный вамъ

Иванъ Тургеневъ.

IX.

Парижъ, суббота, 29 апрѣля 1848 г.

Guten Morgen und tausend Dank, theuerste Madame **).

. . . . . .

. . . Итакъ, я скажу вамъ, m-me, что всѣ эти дни погода стоитъ туманная, угрюмая, плачущая и нездоровая, *froidiuscule* ***), чтобы не сказать холодная—*very gentlemanlike* ****), т. е. ужасная! Я подожду болѣе благопріятнаго солнца, чтобы

*) По всей вѣроятности комедія *Холостякъ*, въ 3-хъ дѣйствіяхъ.

**) Здравствуйте и тысячу разъ благодарю васъ, дражайшая m-me.

***) Непереводимое, сочиненное Тургеневымъ, несуществующее уменьшительное отъ слова froid—холодъ.

****) „Совсѣмъ джентльменская“, Тургеневъ здѣсь шутливо намекаетъ на холодъ и чопорность англійскаго „джентльменства“.

отправиться въ Фонтенебло; до сихъ поръ у насъ было только *genuine english sun, warranted to produce a gentle and confortable heat**). Но это не помѣшало мнѣ вчера пойти на выставку. Знаете ли, что на всей этой огромной выставкѣ мнѣ понравился только одинъ маленькій эскизъ Делакруа? *Левъ—пожирающій овцу въ лѣсу*. Левъ рыжій, ощетинившійся, великолѣпный; онъ расположился очень удобно, ѣстъ съ аппетитомъ, со сладострастіемъ, съ полнымъ спокойствіемъ духа;—и что за сила въ колоритѣ грязномъ и тепломъ, гдѣ темныя пятна перемежаются съ яркимъ свѣтомъ, что свойственно только Делакруа! Тамъ же выставлены еще двѣ другія его картины: *Смерть Валентина* (*въ Фаустѣ*) и *Смерть Христа*, двѣ ужасныя мазни—если смѣю такъ выразиться! Затѣмъ... ничего; для перваго шага республики—это очень печальная выставка!

Вечеромъ я ѣздилъ смотрѣть балетъ *Пять чувствъ*. Это невѣроятный вздоръ. Между прочимъ тамъ есть сцена магнетизма (Гризи магнетизируетъ m-r Петипа, желая внушить ему чувство *вкуса*), которая изображаетъ нѣчто колоссальное въ области глупости! Публики было много и много апплодировали. Гризи дѣйствительно прекрасно танцовала. Но балетъ очень скучная вещь—ноги, ноги и опять все ноги... Это монотонно.

Ранѣе балета давали второй актъ *Лючіи* съ Пултье!!. Парто!!!... и какою-то дѣвицей Раби или Риба, или Риби или Раба—словомъ, совсѣмъ анонимное имя. Эта анонимная дѣвица испытывала непобѣдимый страхъ, и голосъ ея очень плохой;

---

*) „Подлинное англійское солнце, патентованное чтобы доставлять нѣжное и комфортабельное тепло". Въ этой шутливой фразѣ слово „confortable" сохранено въ орфографіи подлинника.

и — сказать правду, она дурна собой, что не мѣшаетъ ей быть старой...

Воскресенье, 30 апрѣля.

Здравствуйте, m-me. Quand on met le matin le nez à la fenêtre *), постойте, — вѣдь это стихъ! А такъ какъ онъ явился у меня самъ собою, то надо быть вѣжливымъ и дать ему товарища...

„Peut être on ne voit rien — quelque chose peut-être!“ **)

Это—чистый Гюго. Но я хотѣлъ сказать что-то другое,— я хотѣлъ сказать, что, когда (ахъ! проклятое перо!) утромъ высовываешь носъ въ окно и вдыхаешь весенній воздухъ, то не можешь побороть въ себѣ желанія быть счастливымъ. Жизнь—это маленькая красноватая искорка въ мрачномъ и нѣмомъ океанѣ Вѣчности! это единственное мгновеніе, принадлежащее намъ, и т. д., и т. д.,—все это избито, а между тѣмъ вѣрно. (Завтра я куплю другія перья: эти очень дурны и портятъ мнѣ удовольствіе писать къ вамъ.) Однако посмотримъ. (Ахъ, слава Богу, вотъ я нашелъ довольно хорошее!) Что я дѣлалъ вчера, въ субботу? Я читалъ книгу, которую я часто хвалилъ,—не зная ея, признаюсь. Это *Les Provinciales* Паскаля,—превосходно во всѣхъ отношеніяхъ. Здравый смыслъ, краснорѣчіе, комическая сила—все въ ней есть. А между тѣмъ это произведеніе раба и притомъ раба католицизма; но эти „херувимы, эти прославленныя существа, состоящія изъ головы и перьевъ“, и „знаменитые парящіе лики, всегда багряные и пламенѣющіе“, написанные Паскалемъ въ духѣ іезуита Лемуана,—заставили меня буквально смѣяться до слезъ ***).

*) „Когда утромъ высунешь носъ въ окно“.

**) „Можетъ-быть ничего не увидишь, а можетъ-быть и что-нибудь“.

***) Въ подлинникѣ: „Les chérubins, ces glorieux composés de tête et plume“ и „ces illustres faces volantes, qui sont toujours rouges et brulantes“.

Далѣе — ходилъ на выставку фигуръ, изображающихъ республику, или скорѣе семисотъ изображающихъ эту фигуру эскизовъ, и оттуда возвратился въ такомъ же негодованіи, какъ и всѣ. Это отвратительная мерзость! что за конкурсъ! Жюри, гдѣ ты?

Вечеръ я провелъ у Т..., о которомъ я уже говорилъ вамъ. Мы *вели* тамъ разговоръ болѣе или менѣе интересный, но очень утомительный. Знаете ли—бываютъ такіе дома, гдѣ нельзя разговаривать à esprit *couché* *), гдѣ разговоръ обращается въ рядъ задачъ, которыя приходится рѣшать въ потѣ лица **), гдѣ хозяева дома и не подозрѣваютъ того, что иногда самое лучшее и деликатное съ ихъ стороны, это— не обращать особаго вниманія на своихъ гостей; гдѣ каждое слово „прилипаетъ“? Какая пытка! Такой разговоръ все равно, что скачка на перекладныхъ, гдѣ вы сами обращаетесь въ почтовую лошадь.

Ложась спать, я прочелъ *Путешествіе вокругъ моей комнаты* графа де Мэстра,—еще одна вещь, которой я не зналъ; но это путешествіе мнѣ не особенно понравилось: это подражаніе Стерну, написанное очень умнымъ человѣкомъ,— я замѣтилъ, что подражанія писанныя именно наиболѣе остроумными людьми — особенно если они относятся къ дѣлу серьезно — самыя плохія. Глупый копируетъ рабски; умный человѣкъ, лишенный таланта, подражаетъ съ претензіями и усиліемъ, самымъ дурнымъ изъ всѣхъ усилій, съ усиліемъ сдѣлаться оригинальнымъ. Мысль, которая бьется въ западнѣ, представляетъ грустное зрѣлище!

---

*) Буквально—„съ лежащимъ умомъ“, т. е. съ спокойнымъ духомъ и безъ напряженія.

**) Въ подлинникѣ „a la sueur de son intellect“—что конечно непереводимо, такъ какъ по-русски нельзя сказать „въ потѣ ума“.

Подражатели же Стерна внушаютъ мнѣ особенное отвращеніе,—это эгоисты, полные чувственности, они облизываются, любуются собой и въ то же время стараются казаться простыми и добродушными (*Topffer* *) немного въ этомъ родѣ).

Экспедиція моего друга Гервега **) потерпѣла полное фіаско; его несчастные нѣмецкіе рабочіе подверглись страшному избіенію. Второй начальникъ Борнштедтъ—убитъ; что же касается Гервега, то онъ, говорятъ, вернулся въ Страсбургъ съ своей женой. Если онъ пріѣдетъ сюда, я посовѣтую ему еще разъ прочесть *Короля Лира*, въ особенности сцену между королемъ, Эдгаромъ, и шутомъ въ лѣсу. Бѣдняга! Ему не слѣдовало бы начинать дѣла, или уже дать убить себя, какъ и другихъ...

. . . . . .

Вернется ли вашъ мужъ въ Парижъ? М-г Бастидъ состоитъ въ спискѣ выбранныхъ.

М-me Ситчесъ писала мнѣ о васъ. Я надѣюсь, что вы по своей добротѣ скоро напишете мнѣ сами.

До завтра...

Понедѣльникъ, 1 мая, 11 час. вечера.

Сегодня я воспользовался хорошею погодой, чтобы отправиться въ Ville-d'Avray, небольшую деревушку за Saint-Cloud. Я думаю, что найму тамъ комнату. Я болѣе четырехъ часовъ провелъ въ лѣсахъ—печальный, растроганный, внимательный, поглощающій и поглощенный. Впечатлѣніе,

---

*) Извѣстный швейцарскій юмористъ.

**) Поэтъ и нѣмецкій воинствующій политиканъ. Онъ, подъ вліяніемъ идей февральской революціи въ Парижѣ, во главѣ партіи вооруженныхъ рабочихъ и съ помощью баденскихъ революціонеровъ пробрался въ Баденъ, но былъ отброшенъ виртембергскими войсками.

которое природа производитъ на *одинокаго* человѣка, очень своеобразно. Въ этомъ впечатлѣніи есть осадокъ горечи, *свѣжей* какъ благоуханіе полей, немного *ясной* меланхоліи, какъ въ пѣніи птицъ... Вы, конечно, понимаете, что̀ я хочу сказать, потому что вы понимаете меня много лучше, чѣмъ я самъ себя. Я не могу видѣть безъ волненія, какъ вѣтка, покрытая молодыми зеленѣющими листьями, отчетливо вырисовывается на голубомъ небѣ. Почему? Да, почему? По причинѣ ли контраста между этою маленькою вѣткой живущею, колеблющеюся отъ самаго небольшого дуновенія, которую я могу сломать, и она должна умереть, но которую благодѣтельный сокъ оживляетъ и окрашиваетъ,—и этою вѣчною и пустою безпредѣльностью, этимъ небомъ, которое только благодаря землѣ сине и лучезарно? (Потому что внѣ нашей атмосферы холодъ достигаетъ 70^0 и *свѣта* очень мало. Свѣтъ увеличивается во сто разъ при приближеніи къ землѣ.) Ахъ я не выношу неба! — но жизнь, ея реальность, ея капризы, ея случайности, ея привычки, ея быстро преходящую красоту... все это я обожаю. Я прикрѣпленъ къ землѣ. Я предпочитаю созерцать торопливыя движенія влажной лапки утки, которою она чешетъ себѣ затылокъ на краю лужи, или длинныя и блестящія капли воды, медленно падающія съ морды неподвижной коровы, только-что напившейся воды изъ пруда, куда она вошла по колѣно,—всему, что можно видѣть въ небѣ...

Вторникъ, 2 мая, $9^1/_2$ час. утра.

Вчера вечеромъ я находился въ философско-пантеистическомъ настроеніи ума. Сегодня я совсѣмъ другой. Я хочу говорить о васъ, а это доказываетъ... что сегодня я много умнѣе.

Вы дебютируете въ *Гугенотахъ*; это прекрасно. Но не слѣдуетъ вамъ исполнять только драматическія роли. Вотъ если бы вы спѣли Сомнамбулу... это лучшая роль m-elle Линдъ; она въ ней дебютируетъ—ну такъ что жъ? мнѣ кажется, можно ручаться за большой успѣхъ. Вы услышите ее послѣзавтра и, не правда ли, напишете о впечатлѣніи, которое она произведетъ на васъ? Во всякомъ случаѣ не позволяйте, чтобы васъ замкнули въ спеціальность драматическихъ ролей. Газеты сообщаютъ о вашемъ дебютѣ 6-го въ субботу, правда ли это? Въ этотъ вечеръ въ Парижѣ нѣкто будетъ... я не говорю безпокоиться, но все-таки... не въ своей тарелкѣ. Какое странное выраженіе „быть не въ своей тарелкѣ“, точно кушанье! А кто же насъ ѣстъ? боги? Когда говорятъ о человѣкѣ, что онъ безпокоится, что онъ не въ своей тарелкѣ, то причина этого безпокойства быть можетъ возможность оказаться съѣденнымъ какимъ-либо чужимъ, а не своимъ богомъ. Однако я говорю глупости. Люди насъ жуютъ, а боги перевариваютъ.

Третьяго дня вечеромъ я ходилъ смотрѣть Фредерика Леметра въ *Робертѣ Макэр*'ѣ. Пьеса сама по себѣ гнусная и плохо скроенная, но Фредерикъ есть наиболѣе могучій актеръ, какого я знаю. Въ этой пьесѣ онъ страшенъ. Роберъ Макэръ это тотъ же Прометей, но только самый чудовищный изъ всѣхъ. Какая наглость и безстыдная дерзость, какой циническій апломбъ, какой вызовъ и какое презрѣніе ко всему! Публика держитъ себя прекрасно: съ холоднымъ спокойствіемъ и съ достоинствомъ. Даю честное слово, что послѣдній уличный мальчишка артистически наслаждается талантомъ Фредерика,—а самую роль находитъ отвратительною. Но какая глубокая правда, какое вдохновеніе!.. Однако,—видите ли,—нравственное чувство и чувство прекрас-

наго — это двѣ шишки, не имѣющія ничего общаго между собой. Счастливъ тотъ, кто обладаетъ ими обѣими.

Сегодня великолѣпная погода. Черезъ часъ я уйду и вернусь очень поздно. Мнѣ необходимо нанять маленькую комнатку внѣ Парижа. Что помѣшало мнѣ поселиться въ Ville d'Avray, — это необходимость переправляться черезъ Сену по понтонному мосту, и притомъ пѣшкомъ,—такъ какъ судовщики, воспользовавшись февральской революціей, разрушили желѣзнодорожный мостъ, — а это отнимаетъ много времени.

Я постараюсь въ день открытія пробраться на трибуны Народнаго Собранія. Если это мнѣ удастся, то я обѣщаю вамъ прислать самое вѣрное описаніе. А вы въ свою очередь, когда совсѣмъ устроитесь, опишите мнѣ вашъ домъ и вашу гостиную. Сдѣлайте это, pojalouïsta.

. . . . . .

А теперь позвольте мнѣ пожать вамъ руку.

Тысяча благопожеланій m-me Гарсіа, вашему супругу, m-elle Антоніи и Луизѣ. Leben Sie wohl. *)

Ihr ergebener Freund

Ив. Тургеневъ.

X.

Точное описаніе того, что я видѣлъ въ понедѣльникъ 15 мая (1848).

Я вышелъ изъ дома въ полдень.—Видъ бульваровъ не представлялъ ничего необыкновеннаго; однако на площади Маделены уже находилось отъ двухсотъ до трехсотъ раб[illegible]ь со знаменами.

*) Прощайте,—живите счастливо. Вашъ преданный другъ...

Стояла удушливая жара. Въ группахъ говорили съ оживленіемъ. Вскорѣ я увидалъ, какъ какой-то старикъ, лѣтъ шестидесяти, влѣзъ на стулъ въ лѣвомъ углу площади, и началъ говорить рѣчь въ защиту Польши. Я подошелъ поближе; его рѣчь была очень рѣзкая и плоская; тѣмъ не менѣе ему много апплодировали. Я слышалъ, какъ около меня называли его аббатомъ Шатель.

Спустя нѣсколько минутъ я увидалъ, какъ съ площади Согласія ѣхалъ генералъ Куртуа на бѣломъ конѣ (á la Лафайеттъ); онъ ѣхалъ по направленію къ бульварамъ, кланяясь толпѣ, и вдругъ началъ говорить горячо и съ сильною жестикуляціей; я не могъ слышать того, что онъ говорилъ. Потомъ онъ вернулся тою же дорогой, какою пріѣхалъ.

Вскорѣ мы увидали процессію: она шла по шестнадцати человѣкъ въ рядъ, со значками впереди; человѣкъ тридцать офицеровъ національной гвардіи всѣхъ чиновъ провожали петицію. Человѣкъ съ большой бородой (какъ я послѣ узналъ, это былъ Гюберъ) ѣхалъ въ кабріолетѣ.

Я видѣлъ, какъ процессія развертывалась передо мной (я стоялъ на ступеняхъ Маделены), а потомъ направилась къ зданію Національнаго Собранія... Я все время слѣдилъ за нею глазами. На мгновеніе голова колонны остановилась у моста Согласія, затѣмъ дошла до рѣшетки. Отъ времени до времени раздавался громкій крикъ: Vive la Pologne! *)— крикъ, для слуха несравненно болѣе мрачный, чѣмъ Vive la Républiqué **), потому что буква *о* замѣняла букву *и*.

Вскорѣ можно было видѣть, какъ люди въ блузахъ поспѣшно поднялись по ступенямъ дворца Собранія; кругомъ меня говорили, что это были делегаты, допущенные въ засѣда-

*) Да здравствуетъ Польша!

**) Да здравствуетъ Республика!

ніе. Но я вспомнилъ, что всего нѣсколько дней тому назадъ Собраніе декретировало постановленіе не принимать pétitionnaires a la barre *), какъ это дѣлалось въ Конвентѣ, и хотя мнѣ хорошо была извѣстна слабость и нерѣшительность нашихъ новыхъ законодателей,—однако, я нашелъ это немного страннымъ.

Я сошелъ со ступеней и отправился вдоль процессіи, остановившейся у рѣшетки зданія Палаты. Народъ запрудилъ всю площадь Согласія. Вокругъ меня говорили, что Собраніе въ эту минуту принимаетъ делегатовъ и что вся процессія продефилируетъ передъ нимъ. На ступеняхъ перистиля находилось человѣкъ сто солдатъ подвижной гвардіи съ ружьями, но безъ штыковъ.

Истомленный жарою, я зашелъ на минутку въ Елисейскія поля; потомъ я вернулся домой, намѣреваясь захватить съ собой Гервега. Не заставъ его, я снова пришелъ на площадь Согласія; было вѣроятно около трехъ часовъ. На площади все еще стояла огромная толпа народа, но процессія уже скрылась; по ту сторону моста виднѣлся только ея хвостъ да послѣдніе значки. Едва я успѣлъ пройти обелискъ, какъ увидалъ человѣка безъ шляпы, въ черномъ фракѣ, бѣжавшаго съ сильной тревогой на лицѣ, и кричавшаго встрѣчнымъ: „Друзья мои, друзья мои, Собраніе захвачено, идите къ намъ на помощь, я представитель народа!“

Я пошелъ, какъ только могъ скорѣе, къ мосту, который нашелъ уже загражденнымъ отрядомъ подвижной гвардіи.

Вдругъ въ толпѣ распространилось невѣроятное смятеніе. Многіе уходили; одни увѣряли, что Собраніе распущено, другіе говорили, что нѣтъ; въ общемъ — страшная суматоха.

*) Просителей „у рѣшетки“ въ самой залѣ засѣданія.

А между тѣмъ снаружи Собраніе не представляло ничего необыкновеннаго; *стража* его *сторожила*, какъ будто ничего не произошло. Одно мгновеніе было слышно, какъ барабаны забили сборъ, а потомъ все смолкло. (Послѣ мы узнали, что самъ президентъ приказалъ прекратить бой сбора, изъ осторожности или изъ трусости.)

Такъ прошли долгихъ два часа! Никто ничего не зналъ вѣрнаго, но повидимому возстаніе одержало верхъ.

Мнѣ удалось пробраться сквозь рядъ гвардейцевъ у моста и взобраться на парапетъ. Я увидалъ громадную толпу народа, но безъ значковъ, которая бѣжала вдоль набережной по той сторонѣ Сены...

— Они бѣгутъ въ Hôtel de Ville *)!—воскликнулъ кто-то около меня: — это опять то же, что было 24 февраля.

Я спустился, желая пройти къ Думѣ... Но въ это мгновеніе мы услыхали продолжительную барабанную дробь, и со стороны Маделены показался батальонъ подвижной гвардіи, который и двинулся въ атаку на насъ. Но такъ какъ, кромѣ какой-нибудь горсти человѣкъ, изъ которыхъ только одинъ былъ вооруженъ пистолетомъ, никто не выказалъ никакого сопротивленія, — то солдаты остановились передъ мостомъ, а сопротивлявшихся отвели въ полицію.

Тѣмъ не менѣе, казалось, и тогда не было ничего рѣшено; скажу больше: видъ у подвижной гвардіи былъ очень нерѣшительный. Въ продолженіе по крайней мѣрѣ двухъ часовъ до ея прихода и четверти часа послѣ всѣ вѣрили въ успѣхъ возстанія, и только и слышались слова: „дѣло кончено“, которыя произносились то радостно, то печально, смотря по образу мыслей ихъ произносившаго.

---

*) Думу.

Командиръ батальона, съ истымъ французскимъ лицомъ, веселый и рѣшительный, обратился къ своимъ солдатамъ съ краткой рѣчью, которая окончилась словами: „французы всегда будутъ французами. Да здравствуетъ республика!“ Это его не компрометтировало.

Я забылъ сказать вамъ, что во время этихъ двухъ часовъ тревоги и ожиданія, о которыхъ я вамъ писалъ, мы видѣли, какъ легіонъ національной гвардіи медленно втянулся въ улицу Елисейскихъ полей, и перешелъ Сену по мосту противъ Дома Инвалидовъ. Это былъ тотъ самый легіонъ, который напалъ на бунтовщиковъ съ тыла и оттѣснилъ ихъ отъ Собранія.

Между тѣмъ батальонъ подвижной гвардіи, пришедшій съ площади Маделены, былъ встрѣченъ взрывами восторга буржуа... Крики: „да здравствуетъ Національное Собраніе!“ возобновились съ новою силой. Вдругъ пронесся слухъ, что представители опять возвратились въ залъ. Все разомъ перемѣнилось. Со всѣхъ сторонъ забили къ сбору: солдаты подвижной гвардіи (ужъ и правда подвижная!) надѣли свои шапки на штыки (что, говоря въ скобкахъ, произвело большой эффектъ) и закричали: „да здравствуетъ Національное Собраніе!“ Тутъ прибѣжалъ запыхавшись какой-то подполковникъ національной гвардіи, собралъ вокругъ себя съ сотню людей и разсказалъ намъ о происшедшемъ:

„Собраніе сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь! — воскликнулъ онъ. — Мы раздавили негодяевъ... О, господа, я видѣлъ ужасы... видѣлъ, какъ оскорбляли и били депутатовъ!..“

Минутъ десять спустя всѣ входы въ Собраніе были запружены войсками; пушки съ грохотомъ подъѣзжали крупною рысью, линейныя войска, уланы... Порядокъ и буржуазія справедливо восторжествовали на этотъ разъ.

Я оставался на площади до шести часовъ... и узналъ, что и въ Думѣ побѣда осталась за правительствомъ... Я обѣдалъ въ этотъ день уже въ семь часовъ.

Изъ всей массы вещей, которыя меня поразили, я скажу только о трехъ: во-первыхъ, о *внѣшнемъ порядкѣ*, не переставшемъ царить вокругъ Палаты; эти картонныя игрушки, называемыя солдатами, *охраняли* возстаніе настолько тщательно, насколько это было возможно: пропустивъ его, они сомкнулись за нимъ. Нужно сказать правду, что Собраніе съ своей стороны вело себя ниже всякой критики; оно слушало въ теченіе получаса разглагольствованія Бланки, не протестуя! Президентъ не надѣвалъ шляпы. Два часа представители не покидали своихъ скамеекъ и ушли только тогда, когда ихъ прогнали. Еслибъ эта неподвижность была неподвижностью римскихъ сенаторовъ передъ Галлами, то это было бы величественно; но нѣтъ, ихъ молчаніе было молчаніемъ страха; они засѣдали, президентъ предсѣдалъ... Никто, исключая г. д'Адельсварда, не протестовалъ... даже самъ Клеманъ Тома прервалъ Бланки только для того, чтобы съ важностью потребовать слова.

Меня поразило также съ какимъ видомъ продавцы прохладительнаго питья и сигаръ расхаживали среди толпы: алчные, довольные и равнодушные, они имѣли видъ рыболововъ, тащившихъ хорошо нагруженный неводъ!

Въ третьихъ, что особенно удивило меня самого, это сознаніе невозможности дать себѣ отчетъ въ чувствахъ народа въ такую минуту; честное слово, я не могъ разобрать, чего они хотѣли,—чего боялись,—были ли они революціонерами, или реакціонерами, или же просто друзьями порядка. Они точно ожидали конца бури. А между тѣмъ я много разспрашивалъ рабочихъ въ блузахъ... Они ожидали... они ожи-

дали!.. Что же такое исторія?.. Провидѣніе, случай, иронія или судьба?..

Ив. Тургеневъ.

XI.

Гіеръ, пятница, 20 октября 1848 г.

Здравствуйте, m-me. Вотъ, наконецъ, я достигъ цѣли моихъ странствованій! Вчера я пріѣхалъ сюда послѣ двухдневнаго пребыванія въ Тулонѣ, гдѣ меня задержала легкая простуда, которая теперь совсѣмъ прошла; она, впрочемъ, абсолютно не имѣла никакой связи съ моей прошедшею невралгіей — такъ какъ я имѣю причину надѣяться, что эта послѣдняя дѣйствительно прошла. Я занимаю въ Европейской гостиницѣ хорошенькую небольшую комнату, выходящую на террасу, съ которой открывается великолѣпный видъ: большая зеленая равнина, вся покрытая апельсинными, оливковыми, фиговыми, тутовыми деревьями, — среди которыхъ тамъ и сямъ поднимаются вѣера, или—вѣрнѣе, странной формы перья пальмъ. Эта равнина охвачена справа и слѣва довольно высокими холмами, и оканчивается морскимъ рукавомъ, за которымъ тянутся и синѣютъ, въ родѣ Капри, Гіерскіе острова. Вдоль берега растетъ рядъ зонточныхъ сосенъ. Все это было бы прелестно, если бы не дождь, который идетъ вотъ уже четыре дня, и въ настоящую минуту окутываетъ всю эту прекрасную равнину однообразнымъ, тусклымъ и сѣрымъ туманомъ.

Я предполагаю пробыть здѣсь дней десять. Надѣюсь, что дождь не продолжится вѣчность,—если же онъ продолжится, тогда, честное слово, я засяду отчаянно за работу.

Послѣднее письмо я послалъ вамъ изъ Марсели въ день моего отъѣзда въ Тулонъ; — нужно разсказать вамъ, что я дѣлалъ съ того времени. Не много... но посмотримъ.

Я пріѣхалъ въ Тулонъ рано утромъ послѣ ночного, довольно непріятнаго, путешествія по плохимъ дорогамъ.— Тулонъ довольно красивый городъ, не очень грязный, а это очень много значитъ во Франціи.— Погода стояла довольно курьёзная: большія, насыщенныя дождемъ, тучи медленно двигались надъ городомъ, испуская цѣлые потоки воды, которые, за недостаткомъ вѣтра, лились почти перпендикулярно;—затѣмъ, какъ только дождь переставалъ, могучее, сіяющее и веселое солнце сразу освѣщало дома и улицы съ текущими по нимъ потоками воды.

Тулонъ окружаютъ высокія сѣровато-желтыя горы; ничего не могло быть красивѣе того вида, какъ онѣ понемногу вырисовывались въ солнечномъ свѣтѣ сквозь послѣднюю дымку прекращавшагося ливня. Я спустился въ небольшую парусную лодку, и объѣхалъ рейдъ, очень большой и красивый. Мы проплыли мимо фрегата *Muiron,* на которомъ Наполеонъ возвратился изъ Египта, и который теперь заботливо берегутъ въ гавани; на рейдѣ стояло до двадцати военныхъ кораблей. Въ теченіе часа съ четвертью, пока продолжалась моя экскурсія, три раза начинался ливень, и все безъ вѣтра; игра красокъ, происходившая на морѣ до, во время и послѣ дождя, представляла нѣчто чудесное. Оно принимало то цвѣтъ китайской туши съ синеватыми оттѣнками,—то становилось темно-сине-зеленымъ, или свѣтло-голубымъ съ мелкими золотистыми искорками; справа оно казалось бѣло-молочнымъ,— а слѣва, у скалъ, темно-сѣрымъ съ пѣнистыми гребнями... И все это ежеминутно измѣнялось, перемѣщалось, согласно тому, какъ я поворачивалъ голову или какъ проходили облака...

Наконецъ, я вернулся, и пошелъ пѣшкомъ къ Арсеналу съ цѣлью посмотрѣть на каторжниковъ; но едва только я заявилъ, что я иностранецъ, и притомъ русскій, мнѣ строго отказали во входѣ. Какъ видно, сюда пришли новыя и очень строгія распоряженія. Я возвратился въ гостиницу и уже хотѣлъ было ѣхать въ Гіеръ, какъ вдругъ у меня сдѣлались какія-то нервныя желудочныя спазмы, принудившія меня остаться. Я послалъ за докторомъ, онъ далъ мнѣ успокоительное средство и предписалъ покой, а спустя сутки, т. е. вчера въ четыре часа, я уѣхалъ, совершенно поправившись, свѣжій и бодрый, въ Гіеръ, куда и прибылъ какъ разъ во-время, чтобы сѣсть за табль д'отъ съ какимъ-то рыжимъ англичаниномъ, страшно стѣсненнымъ въ своихъ движеніяхъ галстукомъ въ формѣ кринолина, фута въ два вышины,—да со старымъ чахоточнымъ господиномъ отталкивающаго вида—это какой-то козелъ съ глазами попугая,—и со старымъ капитаномъ африканскихъ стрѣлковъ, добрымъ человѣкомъ, не желавшимъ ничего лучшаго, какъ съѣсть соціалистовъ живьемъ, какъ онъ то привыкъ дѣлать съ бедуинами.

. . . . . .

Какъ вы поживаете? Что подѣлываете? Какъ ваше здоровье? Хорошо, не правда ли?.. Я обѣдаю у васъ въ воскресенье, 5-го; желаете ли вы *принять это приглашеніе?* Итакъ, рѣшено: 5-го, въ вашемъ маленькомъ китайскомъ салонѣ, у васъ будетъ за столомъ одинъ лишній гость. Я прошу приготовить въ этотъ день „русскій шарлотъ".

Кажется дождь намѣревается перестать; но небо все еще остается сѣрымъ отъ края и до края, безъ малѣйшаго просвѣта. Сегодня, послѣ моей экскурсіи на почту, я вошелъ въ церковь, очень древнюю и очень хорошо сохранившуюся. Внутренность ея печальна и мрачна; свѣтъ едва

проникаетъ въ нее сквозь цвѣтныя стекла:—нѣтъ ни одного бѣлаго стекла. Въ ту минуту, когда я вошелъ въ церковь, всѣ священники (ихъ было нѣсколько, въ торжественномъ траурномъ одѣяніи) собирались пѣть *Requiem* передъ гробомъ, покрытымъ чернымъ сукномъ, и обставленнымъ желтыми восковыми свѣчами; на стульяхъ неподвижно сидѣло около ста человѣкъ. Священники и мальчики-пѣвчіе принялись пѣть рѣзкими и фальшивыми голосами... Положительно я отдаю предпочтеніе вольному воздуху, костру и играмъ древнихъ...

Кстати о древнихъ: я хочу какъ-нибудь на-дняхъ отправиться на одинъ изъ острововъ съ *Одиссеей* и пробыть тамъ неопредѣленное время . . . . . .

У меня еще лежитъ на очереди комедія, которую я хочу окончить до отъѣзда изъ Гіера. Въ теченіе зимы надо будетъ перевести вамъ одну изъ нихъ. Дѣло въ томъ, что я немного побаиваюсь васъ, знаете ли вы это? Все равно, надо будетъ перевести.

Ну, что жъ? даютъ ли наконецъ *Jeanne la Folle?* Я не нахожу объ этомъ ни малѣйшаго объявленія въ газетахъ Будутъ ли у васъ хотя какія-нибудь „glimpses“ *) музыки *Пророка* къ моему возвращенію? Увидимъ. А теперь дайте мнѣ вашу руку, я крѣпко жму ее, очень крѣпко; да благословитъ васъ Богъ мильоны разъ.

Тысячу дружескихъ привѣтствій всѣмъ вашимъ. Что подѣлываетъ Віардо? Здоровъ ли онъ? Итакъ до свиданія—за столомъ—5-го.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

---

*) „Отблески“, „отрывки“ и т. п.

XII.

Версаль, среда, 10 января 1849 г.

Здравствуйте, m-me, какъ ваше здоровье? Хорошо, не правда ли? Ну, и я тоже чувствую себя не дурно. Добрый Мюллеръ, съ которымъ я провелъ почти весь вчерашній день, долженъ былъ сказать вамъ это.

Въ парижскомъ воздухѣ, вѣроятно, есть что-нибудь непріятное для моихъ нервовъ. Злодѣйскій Парижъ! А все-таки я люблю его. Скажу вамъ откровенно, что я немного скучаю въ Версалѣ, но буду твердъ. Я *перевожу*, читаю Сенъ-Симона, гуляю, хожу въ кафе читать газеты— и уже постоянные посѣтители, старые, дряхлые буржуа, смотрѣвшіе на меня въ первый день исподлобья и искоса, какъ обыкновенно смотрятъ, на охотничьихъ картинахъ, загнанные въ безвыходное положеніе дикіе кабаны,—теперь начинаютъ навстрѣчу мнѣ приподнимать свои шляпы. Я смотрю на ихъ безконечныя партіи въ домино, которыя они обыкновенно прерываютъ на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ однѣми и тѣми шуточками — по одному су за сотню! — и спрашиваю себя: что такое жизнь, какъ сказалъ бы Викторъ Гюго? Нѣтъ, я ни о чемъ не спрашиваю себя,—я только смотрю на эти „луковичныя растенія“, и видъ ихъ невозмутимаго, иль просто глупаго, спокойствія внушастъ мнѣ нѣчто въ родѣ покорной скуки,—это тотъ же хлороформъ... съ этимъ можно даже дать вырвать себѣ коренной зубъ!

Не ожидаете ли вы, чтобы я сказалъ вамъ что-нибудь о Версалѣ? да? Ну, такъ вы ошибетесь. Вы знаете, что я люблю все неожиданное, а здѣсь я могу повторять только

затасканныя вещи, которыя всѣ слышали и повторяли тысячи разъ. Впрочемъ я вамъ сдѣлаю такое описаніе: величіе,—уединеніе,—безмолвіе,—бѣлыя статуи,—голыя деревья,—замерзшіе фонтаны,—великія воспоминанія,—длинныя пустынныя аллеи: при помощи этихъ словъ, которыя вы можете пересыпàть, какъ камешки калейдоскопа, и посредствомъ вашего воображенія и вашего ума (о! о!), вы сами будете въ состояніи сказать себѣ все, что я могъ бы вамъ написать, да еще въ тысячу мильоновъ разъ лучше (спѣшу прибавить эти послѣднія слова, иначе моя фраза становится страшно фатоватою)... если только вы не предпочтете заняться чѣмъ-нибудь другимъ, чего не могу вамъ не посовѣтовать...

Я все-таки былъ у Верне;—картина его слаба и холодна.

Я познакомился съ двумя собаками: одна сообщительная, веселая, вѣтреная, мало или совсѣмъ не воспитанная, умная, насмѣшливая и немного mauvais sujet, въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ со всѣми въ мірѣ и, говоря правду, безъ надлежащаго чувства достоинства; другая, кроткая, мечтательная, лѣнивая и лакомка,—напитана чтеніемъ Ламартина,—въ одно и то же время вкрадчивая и пренебрежительная. Эти собаки посѣщаютъ одно кафе со мной. Первая собака принадлежитъ (если собака можетъ принадлежать!!!) маленькому армейскому хирургу, очень худому, безобразному и очень угрюмому; хозяйка же второй собаки—дама за конторкой, маленькая старуха и—вѣроятно вслѣдствіе своей доброты—беззубая. Есть люди, которые производятъ на васъ подобное впечатлѣніе. Первую собаку я приглашалъ къ себѣ въ гости, но она боится, что хозяинъ накажетъ ее за это плетью; я не могъ противопоставить ей основательнаго довода, и удовольствовался тѣмъ, что далъ ей кусочекъ сахара, который она моментально сгрызла, учтиво и весело виляя хвостомъ.

А затѣмъ цѣлую ваши прекрасныя руки и остаюсь навсегда

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

XIII.

Парижъ, воскресенье вечеромъ, іюнь 1849 г.

Добрый вечеръ, m-me. Какъ вы поживаете въ Куртавенелѣ? Держу тысячу противъ одного—вы не угадаете того, что... Но хорошъ же и я, когда держу тысячу противъ одного—потому что вы *уже* угадали при видѣ этого лоскутка нотной бумаги. Да, m-me, это я сочинилъ то, что вы видите—музыку и слова, даю вамъ слово! Какого труда стоило мнѣ это, пота лица, умственнаго терзанія—нельзя и описать. Мотивъ я нашелъ довольно скоро—вы понимаете: нашло вдохновеніе! Но затѣмъ надо было подобрать его на фортепіано, а потомъ записать... Я уничтожилъ четыре или пять черновыхъ и, несмотря на то, я даже теперь не увѣренъ въ томъ, что не написалъ чего-нибудь чудовищно-невозможнаго. Въ какомъ это должно быть тонѣ? Мнѣ удалось съ большимъ трудомъ собрать всѣ тѣ музыкальные осколки, которые всплыли въ моей памяти; отъ этого у меня голова болитъ: такъ это трудно! Но какъ бы то ни было, а это можетъ-быть заставитъ васъ минуты двѣ посмѣяться.

Впрочемъ, я чувствую себя много лучше, чѣмъ пою,—завтра я выѣду въ первый разъ. Пожалуйста подберите къ этому времени басовую партію, какъ для тѣхъ нотъ, которыя я писалъ наудачу. Если бы вашъ братъ Мануэль увидалъ меня за работой, то онъ вспомнилъ бы о стихахъ, которые онъ самъ сочинялъ на Куртавенельскомъ мосту, опи-

сывая конвульсивные круги ногою, и дѣлая граціозныя и округленныя движенія руками. Чортъ возьми! вотъ какъ трудно сочинять музыку! Мейерберъ—великій человѣкъ!!!

Понедѣльникъ.

Проснувшись, получилъ ваше письмо и ужъ совсѣмъ не имѣю расположенія шутить. Какое несчастье! Какъ подумаешь, сколько въ мірѣ дурныхъ и безтолковыхъ вещей— всѣ эти холеры, грады, бунты и т. д. и т. д. Развѣ Господь Богъ сталъ человѣконенавистникомъ?

Кстати о холерѣ, она неистово продолжаетъ свои опустошенія; сначала тепло ей благопріятствовало, теперь холодъ способствуетъ ея развитію. Эта смѣлая гостья умѣетъ приспособиться ко всему. Что касается меня, то я чувствую, какъ ея когти разжимаются и сама она удаляется, но медленно; сегодня мнѣ разрѣшено было выйти, но вотъ, какъ на грѣхъ, у меня на щекѣ дѣлается что-то въ родѣ флюса! Гдѣ это я могъ простудиться, я, который не выхожу изъ комнаты? Оказывается, что я не долженъ оставлять ея и сегодня.

Насчастіе, случившееся въ Куртавенелѣ, напоминаетъ мнѣ о тяжелой сценѣ, свидѣтелемъ которой я былъ въ Россіи. Цѣлая крестьянская семья выѣхала съ подводой, на уборку своего поля, которое находилось въ нѣсколькихъ верстахъ отъ села; и вотъ страшный градъ разомъ уничтожаетъ всю жатву! Прекрасное поле превратилось въ лужу грязи. Мнѣ случилось проходить мимо. Всѣ они молча сидѣли вокругъ своей телѣги: женщины плакали; отецъ, съ открытою головой и грудью, ничего не говорилъ. Я подошелъ къ нимъ, хотѣлъ было ихъ утѣшить, но при

первомъ моемъ словѣ крестьянинъ медленно повалился ничкомъ на землю, и обѣими руками натянулъ свою рубашку изъ грубаго небѣленаго холста на голову. Это было также послѣднимъ движеніемъ умирающаго Сократа,—послѣдній молчаливый протестъ человѣка противъ жестокости себѣ подобныхъ или тупаго равнодушія природы. Да, она дѣйствительно такова: она равнодушна; душа есть только въ насъ и, вѣроятно, немного около насъ... это блѣдное сіяніе, которое вѣковѣчная ночь постоянно стремится поглотить. Но это не мѣшаетъ негодной природѣ быть восхитительно прекрасной, и соловей можетъ доставлять намъ дивные восторги, между тѣмъ какъ какое-нибудь несчастное полураздавленное насѣкомое мучительно умираетъ у него въ зобу, Sagre gorgon *)—какъ все это печально!—Мнѣ кажется, что я слишкомъ краснорѣчивъ,—но это ничего.

Что бы сказать вамъ прежде, чѣмъ кончить? Ахъ, что я очень признателенъ m-me Ситчесъ за то, что она выказываетъ мнѣ участіе, что я—не неблагодарный—буду очень радъ снова видѣть ее въ четвергъ, если это можетъ устроиться. Потому что о выѣздѣ до этого дня нечего и думать. Впрочемъ, я прошу васъ передать отъ меня тысячу дружескихъ привѣтствій всѣмъ, и между другими и m-r Морису Занду, если онъ этого пожелаетъ, и еще меня не позабылъ.

Будьте здоровы, веселитесь хорошенько, и да благословитъ васъ Богъ.

Кстати, я нашелъ три сюжета; говоря правду, всѣ они очень плохи, но при терпѣніи можетъ-быть и выйдетъ что-нибудь.

---

*) Вѣроятно испанское проклятіе.

До свиданія, до послѣзавтра. Въ ожиданіи дружески жму ваши руки

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

XIV.

Куртавенель, среда.

Вотъ, m-me, вамъ второй бюллетень.

Всѣ вполнѣ здоровы, воздухъ Бри положительно очень здоровъ. Теперь половина двѣнадцатаго утра, и мы съ крайнимъ нетерпѣніемъ ждемъ почтальона, который, надѣюсь, принесетъ намъ хорошія вѣсти.

Вчерашній день былъ не такъ однообразенъ, какъ позавчерашній. Мы совершили большую прогулку, а потомъ, вечеромъ, во время нашей игры въ вистъ, случилось великое событіе;—а именно: большая крыса забралась въ кухню, а Вероника, у которой она наканунѣ съѣла чулокъ (какое прожорливое животное! куда бы ни шло, если бъ еще это былъ чулокъ Мюллера), была такъ догадлива, что заткнула дыру тряпкой и двумя большими камнями, чтобы сдѣлать крысѣ отступленіе невозможнымъ. Она (Вероника) прибѣгаетъ и сообщаетъ намъ эту великую вѣсть. Мы всѣ встаемъ, вооружаемся палками, идемъ въ кухню. Несчастная крыса забилась подъ угловой шкафъ; ее оттуда выгоняютъ,—она выходитъ; Вероника пускаетъ въ нее чѣмъ-то, но промахивается; крыса возвращается подъ шкафъ и исчезаетъ. Ищутъ, ищутъ во всѣхъ углахъ,—крысы нѣтъ. Всѣ старанія напрасны. Вероника догадывается выдвинуть одинъ совсѣмъ маленькій ящичекъ... въ воздухѣ быстро промелькнулъ длинный сѣрый хвостъ,—хитрая плутовка забилась туда! Она выскакиваетъ быстро,

какъ молнія,—ей хотятъ нанести ударъ,—она снова исчезаетъ. На этотъ разъ ее ищутъ полчаса,—и ничего! И замѣтьте, что въ кухнѣ очень мало мебели. Утомившись войной, мы удаляемся и снова садимся за вистъ. Но вотъ входитъ Вероника, и несетъ щипцами трупъ своего врага. Представьте себѣ, куда спряталась крыса! Въ кухнѣ на столѣ стоялъ стулъ, а на немъ лежало платье Вероники,—крыса забралась въ одинъ изъ его рукавовъ. Замѣтьте, что я во время нашихъ поисковъ трогалъ это платье четыре или пять разъ. Не восхищаетъ ли васъ присутствіе духа, быстрота глазомѣра и энергія характера этого маленькаго животнаго? Человѣкъ въ такой опасности сто разъ потерялъ бы голову. Вероника уже хотѣла уйти и отказаться отъ поисковъ, когда, къ несчастью, одинъ изъ рукавовъ ея платья чуть замѣтно шевельнулся... Бѣдная крыса заслуживала бы „спасти свою шкуру“...

Это послѣдняя фраза напомнила мнѣ, что въ National'ѣ я прочелъ печальное извѣстіе: повидимому арестовали нѣсколько нѣмецкихъ демократовъ. Нѣтъ ли въ числѣ ихъ Мюллера? Боюсь также за Герцена *),—пришлите мнѣ о немъ извѣстіе, прошу васъ. Реакція совсѣмъ опьянѣла отъ своей побѣды, и теперь выкажется во всемъ своемъ цинизмѣ.

Сегодня погода очень мягкая, но въ іюнѣ хотѣлось бы чего-нибудь другого, вмѣсто молочнаго неба и легкаго вѣтерка, о которомъ подумываешь иногда—не слишкомъ ли онъ свѣжъ?.. Вы привезете намъ хорошую погоду. Раньше субботы мы васъ не ждемъ.

Мы покорились этому... Маленькая замѣтка отъ дирекціи, появившаяся въ газетѣ, не оставляетъ намъ насчетъ

*) Александра Ивановича.

этого никакихъ иллюзій. Терпѣніе! Но какъ мы будемъ счастливы когда снова увидимъ васъ!..

Я оставляю немного мѣста для Луизы и другихъ. (Слѣдуютъ письма Луизы и Берты).

P. S. Наконецъ мы получили письмо (половина четвертаго). Слава Богу, все сошло хорошо во вторникъ!—Ради Бога, берегите себя.—Тысячу дружескихъ привѣтствій вамъ и прочимъ.

Tausend Grüsse

Ihr *) *Ив. Тургеневъ.*

XV.

Куртавенель, 19 іюня 1849 г.

Здравствуйте—m-me; какъ вы поживаете? Всѣ жители Куртавенеля чувствуютъ себя хорошо и кланяются вамъ. Они поручили мнѣ отдать вамъ отчетъ о вчерашнемъ днѣ. Вотъ этотъ отчетъ:

Послѣ вашего отъѣзда всѣ ушли спать, и спали до десяти часовъ; потомъ встали, очень молчаливо позавтракали, не спѣша поиграли на бильярдѣ, затѣмъ принялись за дѣло: m-elle Берта заниматься съ Луизой, m-r Ситчесъ сѣлъ за газету, m-me Ситчесъ скрылась не знаю куда, а я въ маленькомъ кабинетѣ продолжалъ, какъ вамъ извѣстно, искать необходимый мнѣ *сюжетъ*. Я думалъ въ продолженіе часа, а потомъ читалъ по-испански, далѣе написалъ полстраницы на тему сюжета, затѣмъ я вышелъ въ большую гостиную, гдѣ очень удивился, увидавъ, что еще только два часа. Тогда я въ продолженіе трехъ четвертей часа занимался съ Луизой, которая начинаетъ немного забывать нѣмецкій языкъ,

*) „Тысячу привѣтствій. Вашъ“..

но сдѣлала очень мало орѳографическихъ ошибокъ въ своемъ диктантѣ; потомъ я пошелъ гулять одинъ, а когда вернулся, то все общество (вмѣстѣ со мною) вновь отправилось гулять до обѣда, который состоялся въ пять часовъ. Послѣ обѣда время, до тѣхъ поръ тащившееся какъ лапка раненой куропатки, показалось мнѣ менѣе долгимъ; правда, что я проспалъ до девати часовъ, такъ какъ я очень усталъ послѣ двухъ прогулокъ. Въ девять часовъ намъ подали чай—или скорѣе швейцарскую микстуру здѣшнихъ мѣстъ, которую мы пили, приправляя эту скромную трапезу маленькою бесѣдой, тихою и умѣренною, о предметахъ, всѣмъ знакомыхъ, но очень мало интересныхъ. Беркенъ и Мармонтель, или всякій другой авторъ нравственныхъ и поучительныхъ книгъ, были бы очень тронуты, я увѣренъ, если бъ они видѣли наше скромное и благопристойное поведеніе, нашу уступчивость другъ другу, которую легкая сонливость дѣлала еще пріятнѣе. Наконецъ, насладившись въ продолженіе часа обществомъ себѣ подобныхъ, — удовольствіе, для котораго именно, какъ говорятъ, и созданъ человѣкъ,—мы пошли въ столовую, взяли свои подсвѣчники и, пожелавъ другъ другу покойной ночи, легли въ постели и заснули.

Сегодня утромъ погода очень хорошая и теплая; я передъ завтракомъ сдѣлалъ довольно большую прогулку, и теперь между завтракомъ и игрою на бильярдѣ пишу вамъ изъ страха, какъ бы почтальонъ не пришелъ раньше обыкновеннаго. Завтра мы будемъ ждать его съ большими нетерпѣніемъ.

Жму ваши руки очень, очень крѣпко. Тысяча пожеланій Віардо и другимъ друзьямъ...

Часъ.—Почтальонъ еще не приходилъ, я прибавлю нѣсколько словъ. Погода прелестная и Куртавенель сегодня

очень красивъ и милъ. Я все утро провелъ въ паркѣ. Что вы дѣлаете въ эту минуту? Это вопросъ, который мы задаемъ себѣ каждую четверть часа. Сегодня всѣ чувствуютъ себя еще лучше, чѣмъ вчера. Еще разъ прощайте, будьте здоровы и до свиданія.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

XVI.

Куртавенель, четвергъ, 19 іюня 1849 г. 8½ ч. вечера.

Нѣтъ болѣе тростника! Ваши канавы вычистили, и человѣчество вздохнуло свободно. Но это обошлось не безъ труда. Мы работали какъ негры въ теченіе двухъ дней— и я имѣю право сказать *мы*, потому что и я принималъ нѣкоторое участіе. Если бы вы видѣли меня, особенно вчера, испачканнаго, измокшаго, но сіяющаго! Тростникъ оказался очень длиннымъ, и его трудно было вырывать, и тѣмъ труднѣе, чѣмъ онъ былъ хрупче. Но наконецъ дѣло сдѣлано!

Уже три дня, какъ я одинъ въ Куртавенелѣ; и что же? Клянусь вамъ—я не скучаю. Утромъ я много работаю, прошу васъ вѣрить этому, и я представлю вамъ доказательства.

. . . . . .

. . . . . .

Кстати, говоря между нами, вашъ новый садовникъ немного лѣнивъ; онъ едва не погубилъ олеандровъ, такъ какъ не поливалъ ихъ, и куртины находились въ дурномъ состояніи; я ничего не говорилъ ему, но принялся самъ поливать цвѣты и полоть сорную траву. Онъ понялъ этотъ нѣмой, но краснорѣчивый намекъ, и вотъ уже нѣсколько дней, какъ

все пришло въ порядокъ. Онъ очень болтливъ и улыбается больше, чѣмъ нужно; но жена его хорошая и притомъ прилежная женщина. Не находите ли вы эту послѣднюю фразу неслыханною дерзостью въ устахъ такого величайшаго лѣнтяя, какъ я?

Вы помните маленькаго бѣлаго пѣтуха? Такъ вотъ этотъ пѣтухъ настоящій демонъ. Онъ дерется со всѣми и въ особенности со мною; я подставляю ему перчатку, и онъ бросается, цѣпляется за нее и даетъ тащить себя, какъ бульдогъ. Но я замѣтилъ, что каждый разъ послѣ битвы онъ подходитъ къ дверямъ столовой, и кричитъ, какъ бѣшеный, до тѣхъ поръ, пока не дадутъ ему ѣсть. То, что я принималъ въ немъ за храбрость,—можетъ-быть только наглость шута, хорошо понимающаго, что съ нимъ забавляются, и заставляющаго платить себѣ за свой трудъ? О иллюзіи! Вотъ какъ васъ лишаются... М-г Ламартинъ, воспойте мнѣ это!

Эти подробности съ птичьяго двора и изъ деревни, вѣроятно, заставятъ васъ улыбнуться,—васъ, которая готовится пѣть *Пророка* въ Лондонѣ... Это должно показаться вамъ очень идиллическимъ, очень отдающимъ „молочной крынкой". А между тѣмъ я увѣренъ, что чтеніе такихъ подробностей доставитъ вамъ нѣкоторое удовольствіе. Замѣтьте—какой апломбъ!

Итакъ вы рѣшительно поете *Пророка* и все это дѣлаете сами, всѣмъ распоряжаетесь... Не утомляйтесь однако черезчуръ. Ради неба, умоляю васъ, сдѣлайте, чтобы я напередъ зналъ день перваго представленія... Въ этотъ вечеръ въ Куртавенелѣ лягутъ спать не раньше полуночи. Признаюсь вамъ, я ожидаю очень, очень и очень большого успѣха.—Да хранитъ васъ Богъ, да благословитъ Онъ васъ и сохранитъ вамъ

прекрасное здоровье. Вотъ все, что я у Него прошу; остальное зависитъ отъ васъ . . . . . .

. . . . . .

Такъ какъ въ Куртавенелѣ, въ концѣ-концовъ, у меня много свободнаго времени, то я пользуюсь имъ, чтобы дѣлать глупости совершенно нелѣпыя. Увѣряю васъ, что отъ времени до времени это для меня составляетъ необходимость; безъ этого предохранительнаго клапана я рискую въ одинъ прекрасный день сдѣлаться въ самомъ дѣлѣ очень глупымъ.

Напримѣръ вчера вечеромъ я сочинилъ музыку на слѣдующія слова:

Un jour une chaste bergère
Vit dans un fertile verger,
Assis sur la verte fougère,
Un jeune et pudique étranger.
Timide, ainsi qu'une gazelle,
Elle allait fuir,—quand, tout à coup,
Aux yeux effrayés de la belle
S'offre un épouvantable loup.
A l'aspect de sa dent qui grince,
La bergère se trouva mal.
Alors, pour la sauver, le prince
Se fit manger par l'animal *).

Предложите знаменитому автору *Offrandе* положить это на музыку. Я пришлю свою и посмотримъ, кто одержитъ верхъ. Вы будете судьей.

Кстати—я прошу у васъ извиненія, что пишу вамъ подобныя глупости.

*) Вотъ подстрочный переводъ этого, дѣйствительно довольно нелѣпаго, стихотворенія:

Однажды пастушка невинная—увидѣла въ цвѣтущемъ саду—сидящаго на зеленой муравѣ—молодого и стыдливаго иностранца. Робкая, какъ газель, она—скорѣй бѣжать, но вдругъ—ея испуганнымъ взорамъ—представляется ужасный волкъ.—При видѣ его щелкающихъ зубовъ—съ пастушкой сдѣлалось дурно,—тогда, чтобы ее спасти, иностранецъ,—онъ былъ принцъ — отдалъ самого себя на съѣденіе волку. *Прим. пер.*

Пятница, 20-го, 10 ч. вечера.

Добрый вечеръ, m-me, что вы дѣлаете сейчасъ? Я сижу передъ круглымъ столомъ въ большой гостиной... Глубокое молчаніе царствуетъ въ домѣ,—только слышится жужжаніе горящей лампы...

Я, право, очень хорошо работалъ сегодня; во время прогулки меня застигли гроза и дождь.

Скажите Віардо, что въ нынѣшнемъ году очень много перепеловъ.

Сегодня я имѣлъ разговоръ съ Жаномъ относительно *Пророка*. Онъ говорилъ мнѣ очень основательныя вещи, и между прочимъ, что „теорія есть лучшая практика“. Если бы сказать это Мюллеру, то онъ ужъ тутъ навѣрно откинулъ бы голову въ сторону и назадъ, открывая ротъ и поднимая брови. Въ день моего отъѣзда изъ Парижа этотъ бѣднякъ имѣлъ только два съ половиной франка; къ несчастью, я ничего не могъ ему дать.

Послушайте, хотя я не имѣю den politischen Pathos *), но меня возмущаетъ одна вещь,—а именно возложенное на генерала Ламорисьера порученіе въ главную квартиру императора Николая **). Это ужъ слишкомъ, увѣряю васъ. Бѣдные венгерцы! Честный человѣкъ въ концѣ-концовъ не будетъ знать, гдѣ ему жить: молодыя націи, какъ напримѣръ мои дорогіе соотечественники, еще варвары, или же, если поднимаются на ноги и хотятъ идти, то ихъ давятъ, какъ венгерцевъ; а старыя націи умираютъ сами и заражаютъ дру-

*) Политической жилки.

**) Какъ нынѣ извѣстно, генералъ Ламорисьеръ имѣлъ порученіе заключить соглашеніе между республикой 1848 г. и императоромъ Николаемъ I.

гихъ, потому что онѣ уже сгнили и сами заражены. Въ этомъ случаѣ можно пѣть съ Рожеромъ: „И Божій громъ не грянетъ надъ этими нечестивыми головами?“ Но довольно! А потомъ, кто сказалъ, что человѣку суждено быть свободнымъ? Исторія доказываетъ намъ противное. Гёте, конечно, не изъ низкопоклонства написалъ свой знаменитый стихъ:

Der Mensch ist nicht geboren frei zu sein *).

Это просто фактъ, истина, высказанная имъ въ качествѣ точнаго наблюдателя дѣйствительности, какимъ онъ былъ.

До завтра.

Это не можетъ мѣшать вамъ быть чѣмъ-то слишкомъ прекраснымъ... Видите ли, если бы кой-гдѣ на землѣ не было такихъ созданій, какъ вы, людей тошнило бы отъ самихъ себя... До завтра.

Суббота, 21-го.

Здравствуйте, m-me, и прощайте. Погода гадкая—вотъ и все новое. Жму очень крѣпко ваши руки. Тысяча добрыхъ пожеланій Віардо и всѣмъ. До свиданія.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

XVII.

Куртавенель, суббота, 4-го іюля 1849.

Здравствуйте, m-me. Я только сегодня получилъ письмо, которое вы мнѣ написали во вторникъ; не знаю чему приписать это замедленіе. Вы мнѣ не говорите, идетъ ли теперь *Пророкъ* съ бо́льшимъ ансамблемъ, но мнѣ кажется, что

*) „Человѣкъ не родился быть свободнымъ“.

это само собою разумѣется. Увидите,—вы дойдете до пятнадцати представленій. Ливерпульскія предложенія (или вѣрнѣе, это лучше чѣмъ предложенія) превосходны; эти англичане не отказываютъ себѣ ни въ чемъ. Я же все еще не получаю никакихъ извѣстій изъ дома *); въ общемъ же я совсѣмъ здоровъ и очень доволенъ своею судьбой. Всѣ эти дни погода стояла довольно хорошая.

Третьяго дня меня посѣтилъ докторъ Фужё. Мы сыграли съ нимъ партію на бильярдѣ, я каталъ его на лодкѣ. Я гребу лучше чѣмъ онъ, а между тѣмъ онъ хвастается, что въ свое время былъ лучшимъ гребцомъ въ Берси. Вѣроятно съ тѣхъ поръ онъ разучился грести, такъ какъ я и самъ вовсе далеко не силенъ въ греблѣ. Кстати о лодкѣ; я долженъ сказать вамъ, что, къ сожалѣнію, вода въ каналахъ сильно убываетъ; она болѣе чѣмъ когда-нибудь стекаетъ въ сторону фонтана, несмотря на глину, которою старались заткнуть протокъ. Слѣдовало бы передѣлать шлюзъ,—что уже не такъ трудно, стоитъ только окружить его камнями въ видѣ плотины. Я долженъ вамъ также сказать, что каналы совсѣмъ не вычищены, на ихъ днѣ масса тины. Старый Негросъ **) говорилъ мнѣ недавно, грозясь кулакомъ куда-то въ пространство воображаемому существу: „А! едва ли бы меня обкрадывали такъ, какъ обкрадываютъ m-r Віардо!“ Вѣроятно, онъ кое-что знаетъ. Впрочемъ, богатые на то и существуютъ, чтобы ихъ обкрадывали. Но дѣло въ томъ, что вы еще не такъ богаты, чтобы слѣдовало васъ обкрадывать. Я очень опасаюсь, что по вашемъ возвращеніи уже нельзя будетъ кататься кругомъ по всѣмъ каналамъ; и теперь уже трудно проплыть подъ Чортовымъ мостомъ, — я такъ прозвалъ мостъ, ведущій на

*) Т. е. изъ Россіи.

**) Деревенскій сосѣдъ.

ферму. Во всякомъ случаѣ намъ останется „Великій Океанъ“,—та часть каналовъ, которая идетъ вдоль дороги, начиная отъ башенки. Я проводилъ г. Фужё до Бландюро. Онъ сообщилъ мнѣ, что m-lle Лора терпѣть меня не можетъ. Повидимому случается, что создаешь себѣ враговъ совершенно безсознательно. Докторъ просилъ меня завтра придти къ нему завтракать.

Понедѣльникъ.

Я завтракалъ вчера у г. Фужё. Тамъ были: г. Мажи, котораго вы знаете; онъ показался мнѣ добрымъ и тихимъ малымъ; докторъ изъ Парижа въ родѣ петербургскаго М***, и братъ Фужё; онъ напомнилъ мнѣ нѣкоего иного брата, на котораго онъ очень похожъ; — Фужё заставилъ насъ перепробовать съ двадцать различныхъ винъ; къ концу завтрака всѣ вдругъ заговорили съ большимъ жаромъ и повторяли, съ какимъ-то лихорадочнымъ волненіемъ, совершенно незначительныя вещи, какъ то бываетъ въ собраніи людей, мало знакомыхъ между собою, и еще менѣе другъ къ другу подходящихъ,—когда вино разгорячитъ ихъ головы. Каждый вытряхиваетъ свой мѣшокъ общихъ мѣстъ, что производитъ много пыли. Затѣмъ мы прошлись по бульварамъ Розея; э, э! Розей ужъ совсѣмъ не такъ безобразенъ! Толстый Фужё положительно добрый малый, а потомъ онъ не принимаетъ самого себя въ серьёзъ, что всегда очень пріятно. Люди, которые смотрятъ на себя серьёзно, могутъ сдѣлаться великими политиками, — великими людьми, если хотите, но общество ихъ всегда очень тяжело. Гёте сказалъ: Wer sich selbst nicht zum Besten haben kann, gehört gewiss nicht zu den Besten *). Въ Розеѣ

*) Кто самъ себя не считаетъ изъ лучшихъ, конечно не принадлежитъ къ лучшимъ.

есть рѣчка, что меня очень удивило. Я думалъ, что въ Бри бываютъ только лужи съ тростникомъ, но безъ воды.

Вотъ что я прочелъ во все время, какъ я живу въ Куртавенелѣ:

1) Два тома *Руководства исторіи* Отта. Этотъ г. Оттъ демократъ школы Бюше, демократъ-католикъ.—Такой неестественный союзъ можетъ производить только чудовищъ.

2) *Русскую исторію* Устрялова. Какимъ образомъ эта исторія очутилась въ Куртавенелѣ? Это произведеніе никуда не годится, но оно тѣмъ не менѣе освѣжило въ моей памяти много датъ и событій.

3) *Исторію Среднихъ вѣковъ* Роттека. Невыразимо плохо. Либерализмъ легкомысленный, тошнотворный и фальшивый. Слогъ высокопарный и плоскій. Люди подобнаго сорта кончаютъ тѣмъ, что дѣлаются членами *правой* какого-нибудь франкфуртскаго парламента. Я не говорю этого о Роттекѣ,— онъ умеръ, къ счастью! Но къ несчастью много людей ejusdem farinae *) пережили его.

4) *Письма леди Монтегю* (писанныя въ 1717 г.). Прелестная книжка, исполненная граціи, ума и искренняго чувства, и заставляющая любить ту, которая ее писала, несмотря на ея происхожденіе.

5) *Doña Isabel de Solis, novela historica* Мартинеца-де-ла-Роза. Я прочелъ это для упражненія въ испанскомъ языкѣ. Но пусть извинятъ меня ваши соотечественники, если вся ихъ современная литература окажется въ такомъ же родѣ,— все ребячество. Интересны только однѣ выдержки изъ лѣтописей.

6) *Исторія войны въ Испаніи съ 1807 г.* генерала *Сар-*

*) „Того же тѣста“.

разена. Изложеніе ясное, но ненависть, которую этотъ французъ питаетъ къ французамъ—ужъ слишкомъ сильна, чтобы быть естественною. Генералъ С... производитъ на меня впечатлѣніе негодяя.

7) *Воспоминанія* Боссе *о Наполеонѣ*, есть произведеніе изящнаго лакея, если только лакей можетъ быть изящнымъ. Факты интересные.

8) Переводъ Виргиліевыхъ *Георгикъ* Делиля. Уже не знаю кто, Мартенъ или Низаръ, хвалили его въ моемъ присутствіи. Я не могъ окончить его; право, это очень безцвѣтно, а затѣмъ эти александрійскіе стихи текутъ съ отвратительною легкостью; они жидки и безвкусны, какъ вода. Да и подлинникъ точно такъ же не Богъ знаетъ какое чудо; вся эта латинская литература холодна и дѣланна, настоящая литература литератора.

9) La Pucelle Вольтера! А знаете ли вы, что въ общемъ это очень скучная вещь, особенно та часть ея, которая не считается скучною. Но нѣкоторыя удивительныя словечки, смѣлые и остроумные намеки, жгучія кровавыя насмѣшки обнаруживаютъ великаго мастера.

10) Большой трудъ г. Дамаса Гинара о Наполеонѣ. Компиляція всѣхъ его сужденій о событіяхъ, людяхъ и предметахъ. Что за великая и мощная организація этотъ Наполеонъ, что за сила характера, какая послѣдовательность и какое совокупное единство въ волѣ! И вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не было человѣка болѣе принадлежавшаго прошедшему. Онъ его вполнѣ резюмируетъ, но поворачивается спиной къ будущему,—къ тому будущему, которое бьется и еще долго будетъ биться въ тѣхъ оковахъ, которыя онъ же для него сковалъ. Монархія умирала въ Европѣ: онъ организовалъ власть, правительство, этотъ отвратитель-

ный призракъ, который безсиленъ что-нибудь произвести, пустой и глупый со словомъ *порядокъ* на устахъ, съ саблей въ одной рукѣ и съ золотомъ въ другой, попирающій насъ своими желѣзными ногами. Saperlotte! у меня вышелъ какой-то восточный образъ! Отличный переходъ къ—

11) *Корану*. Я только-что началъ его читать. Въ этой книгѣ есть величіе и здравый смыслъ; но я предвижу, что восточная напыщенность и неясность пророческаго языка скоро мнѣ опротивятъ.

Какъ видите, въ концѣ-концовъ, я не терялъ напрасно времени, такъ какъ всѣ вышепоименованныя книги я прочелъ,—не перелистовалъ, а прочелъ. Кстати о книгахъ, пусть Віардо знаетъ, что я привелъ въ порядокъ его библіотеку, que es un primor *). Жанъ **) въ свою очередь только и дѣлаетъ, что съ утра до ночи трется, моетъ, чиститъ, смазываетъ масломъ, стираетъ пыль, мететъ и натираетъ полы. Ахъ! если бы садовникъ былъ похожъ на него!

XVIII.

Вторникъ ***).

Вѣроятно вамъ неизвѣстно,—но вы это узнаете, если я скажу,—что я никогда не ложусь спать раньше полуночи. И вотъ вчера я только-что собирался уйти изъ гостиной, какъ вдругъ услыхалъ два глубокіе, совершенно ясные вздоха, раздавшіеся, или, вѣрнѣе, пронесшіеся какъ дуновеніе въ двухъ шагахъ отъ меня. Султанъ ****) давно спалъ, я былъ

*) Которая—прелесть.
**) Лакей г. и г-жи Віардо.
***) Другой даты нѣтъ.
****) Старая охотничья собака Віардо.

совершенно одинъ. Это вызвало во мнѣ легкую дрожь. Проходя по коридору, я вдругъ подумалъ о томъ, что бы я сдѣлалъ, еслибъ почувствовалъ, что кто-нибудь схватилъ меня за руку: и я долженъ былъ сознаться, что я испустилъ бы крикъ ужаса. Положительно ночью бываешь менѣе храбрымъ, чѣмъ днемъ. Я хотѣлъ бы знать, боятся ли слѣпые привидѣній?—Прежде чѣмъ лечь спать, я каждый вечеръ дѣлаю маленькую прогулку по двору. Вчера я остановился и началъ прислушиваться. Вотъ различные звуки, услышанные мною:

Шумъ крови въ ушахъ и дыханія.

Шорохъ—неумолкаемый лепетъ—листьевъ.

Трескъ кузнечиковъ; ихъ было четыре въ деревьяхъ на дворѣ.

Рыбы производили на поверхности воды легкій шумъ, походившій на звуки поцѣлуя.

Отъ времени до времени падала капля съ легкимъ серебристымъ звукомъ.

Ломалась какая-то вѣтка; кто сломалъ ее?

Вотъ глухой звукъ... что это? шаги по дорогѣ? или шопотъ человѣческаго голоса?

И вдругъ тончайшее сопрано комара, которое раздается надъ вашимъ ухомъ...

По поводу комаровъ, скажу вамъ, что клещи положительно съѣдаютъ меня въ этомъ году. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ я облѣпленъ ими и немилосердно чешусь.

Кстати или нѣтъ,—впрочемъ это все равно. Я долженъ сказать вамъ, что, найдя подъ зеленой покрышкой фортепіано вашу толстую музыкальную тетрадь, я позволилъ себѣ раскрыть и просмотрѣть ее. Къ несчастью, я не умѣю одной правой рукою играть на фортепіано достаточно хорошо для

того, чтобы получить хотя бы слабое понятіе о мелодіи; тѣмъ не менѣе я пробовалъ разбирать нѣкоторыя вещи, которыхъ вы намъ никогда не пѣли. Насколько я могу судить, вы всегда были изящны, но то, что вы сочиняли раньше, было несравненно менѣе свободно. Такъ, напримѣръ, я нахожу прелестною фразу изъ *Ласточки и узника*: „Hirondelle gentille—qui voltige à la grille—du cachot noir,—vole, vole sans crainte,—autour de cette enceinte“ *). Это очень хорошо до этихъ поръ, но „j'aime a te voir“... **) застряваетъ у меня въ горлѣ, какъ какая-нибудь кость; сколько бы я ни пѣлъ это грудным голосомъ,—фальцетомъ,—закрывъ глаза и приклонивъ голову немного къ плечу, какъ дѣлаютъ это, когда желаютъ выразить безпристрастіе,—невозможно! Особенно это *ut* приводитъ меня въ отчаяніе. Я даже пробовалъ замѣнить его—невозможно, все такъ же невозможно! А начало фразы такъ мило! Все равно, я предпочитаю *La Luciole*, или *Marie et Julie*, или *La nuit et le jour*. Чьи слова подъ заглавіемъ *Songes?* Тамъ есть три стиха, которые мнѣ очень нравятся:

Où languissante et blessée
On voit dans l'ondre glacée
Tomber la biche aux abois ***).

Не знаю почему, но я при этихъ словахъ такъ и вижу большія темныя деревья, устланную инеемъ землю, покрытую сухими листьями аллею, поверхность маленькаго неподвижнаго прудка,—лань, падающую на самомъ берегу,—и несущихся издали собакъ, радостный лай которыхъ раздается въ ясномъ и су-

*) Милая ласточка,—которая летаешь у рѣшетки—темной тюрьмы,—летай, летай безъ боязни—вокругъ этихъ стѣнъ.

**) Я люблю смотрѣть на тебя...

***) Тамъ, гдѣ изнемогающая и раненая лань падаетъ въ ледяныя воды...

хомъ воздухѣ. — Собираетесь ли вы компонировать въ этомъ году? Два или три раза я принимался сочинять слова, но—увы!—мой Пегасъ теперь не болѣе, какъ старая разбитая кляча, которая не въ состояніи ступить и шагу. Какъ-то недавно я увидалъ ворону на поляхъ: видъ этой соотечественницы волнуетъ меня; я снимаю шляпу и прошу у нея вѣстей мнѣ о моей родинѣ. Право, я былъ почти тронутъ. — Ну, вотъ, сказалъ я самому себѣ, сложимъ по этому поводу хорошенькіе стишки.—Что-нибудь простое, граціозное; сочинимъ что-нибудь въ родѣ Беранже, и что же! Въ теченіе двухъ часовъ я ломалъ себѣ голову, не будучи въ состояніи придумать и двухъ рифмъ. Наконецъ меня взяло отчаяніе, и вотъ чѣмъ я разрѣшился:

Corbeau, corbeau,
Tu n'es pas beau,
Mais tu viens de mon pays:
Eh bien! retourne-z-y. *)

Я очень сомнѣваюсь, чтобы вы положили это на музыку.

Роясь въ музыкальныхъ тетрадяхъ, я нашелъ между ними двѣ, въ которыхъ не было никакой музыки; это оказались списанныя вами русскія стихотворенія и начало какой-то грамматики. Я нашелъ все это очень забавнымъ. Могли ли бы вы теперь прочитать то, что вы тамъ написали? Вѣдь это въ Вѣнѣ, не правда ли, съ графомъ Соллогубомъ **) вы занимались этимъ?

Vy ponimaiëté po Rousski? ili oujé pozabyli?

---

*) Ворона, ворона,
Ты некрасива,
Но ты прилетѣла съ моей родины,—
Ну,—и возвращайся туда.....

**) По всей вѣроятности здѣсь говорится о русскомъ романистѣ того времени.

Ну-ка: что это значитъ?

Я болтаю сегодня, какъ застрявшая въ старыхъ дѣвкахъ сорока... Кстати, знаете ли,—я прочелъ въ письмахъ леди Монтегю, что въ Турціи молодая дѣвушка, умершая въ дѣвствѣ, окажется на томъ свѣтѣ отверженною, такъ какъ женщина, по ихъ мнѣнію, существуетъ на землѣ для рожденія дѣтей. Вотъ видите: хорошее и дурное, это—какъ Востокъ и Западъ: то, что *здѣсь* Востокъ, *тамъ* является Западомъ: это смотря по тому, гдѣ находишься.

Итакъ, m-elle Антонія *) сдѣлалась со вчерашняго m-me Леонаръ **). Да! теперь вамъ не придется заставлять ее за столомъ ѣсть больше, чѣмъ она желаетъ! Бывало, я не могъ удержаться отъ смѣха втихомолку, когда вы принимали строгій видъ, чтобы заставить ее доѣсть остатокъ котлетки:—M-me Полина Віардо: „Антонія, *vamos*...“—M-me Гарсіа (съ большой торопливостью и энергіей): „*Come, come, tu no comes nada*“.—Г. Ситчесъ ***) (качая головой): *Es menester comer, hija*“.—M-elle Антонія (съ живостью): *Sea, por el amor de Dios, padre*“. ****) Но я слишкомъ разболтался. До завтра.

Среда, вечеромъ.

Представьте, что со мною случилось! Сегодня я хотѣлъ докончить эту четвертую страницу, и отправить вамъ письмо

---

*) Двоюродная сестра m-me Віардо.

**) Леонаръ—знаменитый скрипачъ.

***) Братъ m-me Гарсіа.

****) Г-жа Полина Віардо: *„Антонія, ну что жъ?*

M-me Гарсіа: *„Ѣшь, ѣшь,—ты ничего не ѣшь.*

Г. Ситчесъ: *Слѣдуетъ ѣсть, дочь моя.*

M-lle Антонія: *„Довольно, ради Бога—отецъ.*

Таковъ общій смыслъ комическаго діалога, шутливо воображаемаго Тургеневымъ.

(тѣмъ болѣе что прошла уже недѣля съ тѣхъ поръ, какъ я писалъ вамъ въ послѣдній разъ). Но вдругъ мнѣ докладываютъ о прибытіи брата г. Фушё, который намѣренъ пробыть здѣсь до пяти часовъ! А я-то, глупый, вмѣсто того, чтобы просто отослать вамъ это письмо недоконченнымъ (оно и такъ уже длинно), этого не дѣлаю и откладываю до завтра. Эта четвертая страница меня задержала,—почему? Я не сумѣю этого сказать. Во всякомъ случаѣ, прошу у васъ прощенья, а чтобы доказать вамъ искренность моего раскаянія, обязуюсь написать вамъ еще одинъ лишній листъ. Но—какой я неловкій! Я становлюсь глупымъ, честное слово! Какъ будто писать вамъ—для меня тягость... Ну, вотъ, я путаюсь, сбиваюсь, пусть меня выгонятъ за дверь и чтобы объ этомъ не было больше рѣчи... Но я возвращаюсь въ окно и—продолжаю.

Я начинаю съ того, что тысячу разъ благодарю васъ за ваше прелестное письмо; я читалъ его и перечитывалъ. Признаюсь, что я не отказался бы видѣть, какъ вы исполняете Фидесу по-итальянски; но когда человѣкъ нищъ подобно Іову, нельзя думать объ экскурсіяхъ въ Англію.

Ахъ! Луи Бланъ... да это прелестный человѣкъ, и я перечитаю его книги. Итакъ, Фидеса вознесена до облаковъ;—тѣмъ лучше, тѣмъ лучше! Я этому очень радъ, честное слово... Постойте, я сейчасъ встану и подпрыгну отъ радости. Сдѣлано.

Вы такъ добры, что спрашиваете меня о моемъ здоровьѣ: я чувствую себя прекрасно и молю Бога хранить васъ! О, да! будьте здоровы, будьте счастливы, веселы, довольны, восхваляемы, любимы, славны: я знаю, что все это такъ и есть, но это не мѣшаетъ мнѣ доставить себѣ удовольствіе пожелать вамъ этого...

Постойте: я пересчиталъ вамъ всѣ произведенія, которыя я прочелъ; но можетъ-быть вы спросите меня, неужели я только и дѣлалъ, что читалъ. M-me, я сочинилъ одноактную комедію*); m-me, клянусь вамъ тѣнями моихъ предковъ,—которые по всей вѣроятности были уродливы, какъ козлы, и вонючи, какъ обезьяны,—что я написалъ, переписалъ и отправилъ одноактную комедію въ пятьдесятъ страницъ! А переводъ? скажете вы**). Ахъ, ну вотъ! Вообразите, что, уѣзжая въ Куртавенель, вмѣсто тетради, въ которой находится моя первая комедія, я захватилъ совсѣмъ другую тетрадь! Даже признаюсь вамъ, это было *второю* причиной моей поѣздки въ Парижъ; я хотѣлъ достать настоящую тетрадь. Но къ моему большему изумленію я узналъ въ улицѣ Лафитъ, № 11, что m-me Ситчесъ увезла съ собою въ Брюссель ключи отъ своей квартиры, такъ что мнѣ пришлось пробродить цѣлый день въ своей сѣрой шляпѣ, что вызывало улыбку у прохожихъ, которые, вѣроятно, принимали меня за стараго разжирѣвшаго мазилку-живописца. Не имѣя тетрадки, я не могу дѣлать перевода; но черезъ пять, шесть дней, — послѣ возвращенія m-me Ситчесъ,—я отправлюсь на сутки въ Парижъ и привезу съ собою тетрадь. Я съѣздилъ бы въ Парижъ и только ради этого, но у меня были сверхъ того тамъ и другія дѣла.

А денегъ мнѣ все-таки упорно продолжаютъ не присылать!..

---

*) *Завтракъ у предводителя*, единственная одноактная комедія Тургенева, помѣченная 1849 г.

**) По всей вѣроятности намекъ на переводъ, который былъ сдѣланъ авторомъ, вмѣстѣ съ Дуи Віардо, двухъактной комедіи *Нахлѣбникъ*, написанной въ 1848 г., и появившейся по-французски подъ первоначальнымъ названіемъ: „Le Pain d'autrui" въ книжкѣ *Сцены изъ русской жизни* (Парижъ. 1858 г.).

Возвращаясь къ брату Фужё,—я долженъ признаться, что никто не терзалъ мнѣ такъ душу, какъ онъ; онъ кончилъ тѣмъ, что сталъ говорить мнѣ наизусть отрывки изъ Руссо и ла-Брюйера. „Замѣтьте, m-r“,—говорилъ онъ мнѣ, вотъ эту фразу: „тронъ не былъ достоинъ ея“;—и онъ повторялъ ее разъ сорокъ. „Вотъ идея;—знаешь что думать. Вотъ, наконецъ, идея. Вотъ идея“. Въ концѣ-концовъ я началъ договаривать за него его фразы, но онъ опять повторялъ сначала. Для чего старается онъ быть столько глупымъ! Вправду,—я думаю, что никто не бываетъ отъ природы глупъ. Но съ умѣньемъ можно всего достигнуть. Я понялъ, что наступитъ моментъ, когда онъ вздумаетъ остаться обѣдать. Вѣдь я тоже обѣдаю, знаете ли? Какъ?—право, не знаю. Но я обѣдаю, и очень хорошо. Надѣюсь, когда-нибудь я это узнаю, когда у меня будутъ деньги. Скажите, вашъ костюмъ Фидесы (я не говорю о первомъ) всѣ тотъ же, что былъ и въ Парижѣ, не такъ ли?

Вы правы въ томъ, что говорите о вашемъ бюстѣ:—тѣмъ не менѣе талантливый скульпторъ могъ бы создать изъ него прекрасную вещь. Если въ Лондонѣ сдѣлаютъ литографіи или гравюры Фидесы, то привезите ихъ съ собою. Я былъ бы крайне радъ получить письмо отъ Чорлея*). А вы *очень добры*, говоря мнѣ то, что вы мнѣ говорите.

Четвергъ.

Сегодня ночью была гроза съ сильными громовыми ударами, „листва деревьевъ еще находится въ полномъ смятеніи“ — выражаясь языкомъ Шенье; воздухъ освѣжился и очень пріятенъ. Я ожидаю сегодня письма отъ супруговъ Ситчесъ

*) Музыкальный критикъ лондонскаго „Athenaeum'a“.

съ извѣстіемъ о ихъ пріѣздѣ. Куртавенель еще никогда не бывалъ такимъ чистымъ, благодаря отеческимъ попеченіямъ Жана. Повидимому m-elle Берта *) также пріѣдетъ.

Третьяго дня довольно крупный зайченокъ утонулъ въ каналахъ. Какъ и почему? Отвѣтить на это нельзя. Не совершилъ ли онъ самоубійства? А между тѣмъ въ его возрастѣ еще вѣрятъ въ счастье. Впрочемъ, повидимому наблюдались примѣры самоубійства и у животныхъ. Кажется какая-то собака намѣренно утопилась въ Англіи, — но въ Англіи это понятно. Однако, мнѣ не слѣдовало бы злословить этой страны; кажется, тамъ любятъ васъ. Имя г-жи Джемсонъ мнѣ знакомо; кажется, она пишетъ историческіе романы. Не находите ли вы, что слѣдующее замѣчаніе, сдѣланное леди Монтегю въ 1717 г. въ Парижѣ, справедливо еще и теперь:

„Very commonly the entrance of a gentleman or a lady into a room is accompanied with a grin, which is designed to express complacence and socialpleasure, but really shews nothing more than a certain contortion of muscles, that must make a stranger laugh. The French grin is equally remote from the chearfur serenity of a smile, and the cordial mirth of a honest English horse-laugh“ **).

То же самое можно замѣтить, когда два человѣка прощаются или встрѣчаются на улицѣ; внезапная перемѣна

---

*) Родственница m-me Віардо.

**) „Обыкновенно вступленіе джентльмена или дамы въ гостиную сопровождается улыбкою, имѣющею изображать вѣжливость и удовольствіе при видѣ общества, но которая въ дѣйствительности представляетъ собою лишь странную ужимку личныхъ мускуловъ, весьма потѣшную для посторонняго взгляда. Эта ужимка французовъ столько же не похожа на добродушную ясность настоящей улыбки, сколько и на искреннюю веселость добраго англійскаго „лошадинаго хохота“.

физіономій всегда меня поражала. Впрочемъ, это дѣлаютъ всѣ (исключая англичанъ), — я первый дѣлаю это. И посмотрите, что можетъ сдѣлать вліяніе человѣка! Собака, наиболѣе испорченное имъ животное, кончила тѣмъ, что переняла эти дѣланныя и смѣшныя кривлянья; я убѣжденъ, что манера ихъ встрѣчаться между собою совсѣмъ несвойственна ихъ природѣ; это — плодъ цивилизаціи. Но подражатели всегда охотно пересаливаютъ: вмѣсто того, чтобы улыбнуться, показать зубы и прищурить глаза, псы... но я не нахожу нужнымъ доканчивать, — вспомните смѣлый рисунокъ вашего брата.

Кстати о вашемъ братѣ. Передайте ему, что я очень крѣпко жму его руку. Особенно же скажите ему, что слѣдуетъ быть въ хорошемъ настроеніи, хотя бы только ради здоровья, — даже если бы пришлось иногда сломать какую-нибудь мебель. Умѣетъ ли онъ уже speak English? *) А нѣмецкій языкъ? Вѣроятно — онъ уже бросилъ его. Иначе я сказалъ бы ему, что не даромъ говорится Gold verdienen; потому что verdienen происходитъ отъ dienen **).

Каждый день передъ обѣдомъ я дѣлаю большую прогулку въ сопровожденіи Султана. Боюсь, что въ нынѣшнемъ году будетъ меньше дичи, чѣмъ въ прошлые года. Сильные дожди, въ іюнѣ мѣсяцѣ, очень повредили выводкамъ. Я часто нахожу пары куропатокъ безъ птенцовъ. Знаете ли вы, что куропатки прекрасно разыгрываютъ комедію? Онѣ отлично умѣютъ притворяться, будто онѣ ранены, будто онѣ насилу летаютъ, онѣ кричатъ, пищатъ, — и все это для того, чтобы заманить за собою собаку и отвлечь ее

*) Говорить по-англійски.

**) „Зарабатывать деньги (или золото — Gold)“; verdienen — зарабатывать, dienen — служить.

отъ мѣста, гдѣ находятся ихъ птенцы. Материнская любовь третьяго дня едва не обошлась очень дорого одной изъ нихъ: она такъ превосходно сыграла свою роль, что Султанъ таки сцапалъ ее. Но такъ какъ онъ—*perfect gentleman*,—то онъ только смочилъ ее своей слюной и помялъ у нея нѣсколько перья; я возвратилъ свободу этой неустрашимой матери и черезчуръ хорошей актрисѣ. А все-таки, что значитъ театръ. Вотъ актеръ, который трогаетъ меня, заставляетъ плакать,—а начни онъ плакать самъ вправду—и можетъ-быть заставитъ меня даже смѣяться. А между тѣмъ, если онъ будетъ *только играть*, только *притворяться*, то не думаю, чтобы онъ могъ совсѣмъ растрогать меня: какъ видно, здѣсь необходимо извѣстное соединеніе природы и искусства... Вы должны это понимать. Нѣтъ, вы этого не знаете, или, по крайней мѣрѣ, не сумѣли бы этого объяснить, несмотря на то, что вы „the subtlest tragedian of the world“ *). Положительно, люди дѣлаютъ очень хорошо только то, въ чемъ они не могутъ дать себѣ отчета; вотъ поэтому-то и приходится гоняться за самимъ собой. Если довести это правило до парадокса—можно сказать, что для того, чтобы сдѣлать что-нибудь хорошо, не надо понимать того, что дѣлаешь.

Пришелъ почтальонъ, а письма изъ Парижа нѣтъ. Значитъ до завтра. А затѣмъ кланяюсь вамъ всѣмъ, сколько васъ есть, начиная съ Віардо. Да благословитъ и хранитъ васъ Господь. Сердечно жму вамъ руку. До свиданія.

Вполнѣ вамъ преданный

Ив. Тургеневъ.

---

*) „Самая тонкая трагическая актриса въ свѣтѣ“.

XIX.

Куртавенель, четвергъ утромъ, 12 іюля 1849 г.

Вотъ я и въ Куртавенелѣ, подъ вашимъ кровомъ! Мы пріѣхали сюда вчера вечеромъ, при чудной погодѣ. Небо было восхитительно ясно. Листья на деревьяхъ одновременно отливали и металлическимъ, и маслянистымъ блескомъ, трава казалась вся завитою подъ косыми красными лучами солнца. Стаи ласточекъ рѣяли надъ Розейскою церковью; онѣ поминутно садились на чугунныя перекладины креста, старательно повертываясь своею бѣлою грудкой къ свѣту. Я надѣялся получить письмо и все смотрѣлъ вдоль улицы, чтобы увидать — не несетъ ли мнѣ его почтальонъ. Но онъ принесъ только однѣ газеты.

Куртавенель мнѣ представляется довольно соннымъ; маленькія дорожки на дворѣ заросли травой; воздухъ въ комнатахъ былъ сильно охрипшій (увѣряю васъ) и въ дурномъ расположеніи духа; мы его разбудили. Я раскрылъ окна и хлопалъ по стѣнамъ, какъ я видѣлъ однажды дѣлали вы; я успокоилъ Кирасира*), который, по своей привычкѣ, бросался на насъ съ яростію гіены, и когда мы сѣли за столъ, домъ уже снова принялъ свой благодушный и гостепріимный видъ. Сегодня утромъ паркъ смотритъ такъ же весело, и тростникъ въ оврагѣ качается такъ же пріятно, какъ и всегда, нисколько не думая о томъ, что онъ скоро будетъ безжалостно вырванъ, и пепелъ его разметанъ по вѣтру. Вѣстовой уже получилъ распоряженіе относительно лодки. Итакъ, я снова въ Куртавенелѣ, а послѣзавтра

*) Сторожевая собака.

останусь здѣсь одинъ съ Вероникой *). Ужъ не жениться ли мнѣ на ней, чтобы вознаградить ее за ея услуги, принимая во вниманіе, что всякая другая монета въ настоящее время для меня только—одна химера!

Я хочу работать, увѣряю васъ, что хочу работать. Сегодня мы съ г. Ситчесомъ отправляемся удить линей въ Мезонфлеръ **). Мы сядемъ въ тѣни большого дуба и, само собою разумѣется, будемъ много думать о васъ. Что дѣлаете вы въ настоящую минуту? По всей вѣроятности готовитесь пѣть. Я ожидаю—да и всѣ мы ожидаемъ—письма сегодня; мы всѣ нетерпѣливо жаждемъ узнать что-нибудь опредѣленное относительно *Пророка*. Скажите, не восхищаетесь ли вы прекраснымъ большимъ листомъ бумаги, который я взялъ, чтобы писать вамъ? А? Писали ли вы когда-нибудь мнѣ на подобной бумагѣ? Не знаю, что со мной, но я наружно чувствую себя въ хвастливомъ духѣ... А въ сущности я совершенно маленькій мальчуганъ, и поджалъ хвостъ, и сижу себѣ скромнехонько на задней части, подобно собачонкѣ, сознающей, что надъ ней смѣются, и которая неопредѣленно глядитъ въ сторону, прищуривъ глаза, какъ бы отъ солнца;—вѣрнѣе, я немного грустенъ и меланхоличенъ,—но это пустяки и все-таки очень доволенъ тѣмъ, что я въ Куртавенелѣ; обои цвѣта зеленой ивы въ моей комнатѣ радуютъ мой глазъ, и я очень доволенъ. Но за письмо я снова примусь позднѣе.

Пять часовъ.

Мы возвращаемся съ рыбной ловли съ пятьюдесятью линями. Мы получили вашу маленькую записочку. Это

*) Старуха-кухарка m-me Віардо.

**) Маленькій лѣсокъ недалеко отъ Куртавенеля.

утомленіе скоро пройдетъ... Но что это? Неужели возможно, что *Пророка* не поставятъ? Признаюсь, это огорчило бы меня, не изъ-за денегъ, которыя бы вы потеряли, но изъ-за того, что это могло бы имѣть видъ отступленія предъ успѣхомъ m-elle Зонтагъ... Однако—посмотримъ. Будьте здоровы, вотъ главное. Я не расположенъ писать; мы сейчасъ идемъ обѣдать; погода превосходная. До завтра.

Пятница, девять часовъ утра.

Вотъ что значитъ откладывать. Почтальонъ пришелъ сегодня такъ рано, что засталъ меня въ постели. Пишу вамъ наскоро эти нѣсколько словъ. Сообщенныя вами извѣстія далеко не хорошія. Какъ бы то ни было, вамъ сопутствуютъ всѣ мои пожеланія. Лодка будетъ здѣсь послѣ завтра. Прилагаю при этомъ бумагу для Віардо. Снова заѣзду писать сегодня вечеромъ, и напишу вамъ огромное письмо; и съ какой стати пришелъ почтальонъ такъ рано? Ради Бога, берегите ваше драгоцѣнное здоровье! Куртавенель очарователенъ. Мы будемъ содержать его въ самомъ кокетливомъ видѣ въ мірѣ. Я буду работать, какъ негръ, и вы получите скоро переводъ.

До свиданія, кланяюсь всѣмъ и остаюсь всегда

Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

XX.

Куртавенель, суббота, 14 іюля 1849.

Здравствуйте, m-me, und liebe Freundin! *)

Погода попрежнему прелестная. Мы всѣ совершенно здоровы и много думаемъ о васъ; вотъ все, что есть но-

*) Милый другъ!

ваго въ Куртавенелѣ. То, что вы говорите намъ о *Пророкѣ*, заставило насъ сильно задуматься... Мы говорили объ этомъ между собою очень серьёзно. Съ своей стороны я думаю, что васъ заставятъ пѣть его разъ двѣнадцать, и что вы не вернетесь такъ скоро, какъ говорите; клянусь вамъ, я желаю этого отъ всего сердца; вы способны не повѣрить этому, но я увѣряю васъ. Надо, чтобы вы заставили англичанъ бѣгать за вами; надо, чтобы они апплодировали вамъ такъ, чтобы все трещало,—чтобы они говорили своимъ горловымъ говоромъ: she is wonderful,—quite extraordinary. Oh yes, oh yes! *) Все это необходимо, и когда вы вернетесь въ Куртавенель послѣ всѣхъ вашихъ тріумфовъ, вы будете вдвойнѣ наслаждаться и чудною погодой, и чистотой вашихъ каналовъ, и лолкою, и извѣстнымъ вамъ знаменитымъ переводомъ... Вотъ что я называю говорить языкомъ разсудительности.

Спасибо за ваше прелестное описаніе г-жи Линдъ. Знаете ли, надо чтобы вы затмили также и эту стародавнюю звѣзду, эту консервированную славу; впрочемъ—я никогда не слыхалъ ея.

Вчера послѣ ужина происходилъ въ высшей степени жаркій политическій споръ между дономъ Пабло **) и его супругой... Она нападала на Эспартеро ***), онъ же довольно плохо защищалъ его,—все больше въ родѣ *Que sabes tu!* и *Calla, majadera* ****), чѣмъ какими-нибудь основательными данными... Но маленькая супруга была чрезвычайно грозна... Знаете ли вы, что вашъ дядюшка большой

*) „Она удивительна, совершенно необыкновенна. О да! да!“

**) Г. Ситчесъ.

***) Испанскій генералъ.

****) „Ну что ты знаешь?“ или „замолчи, безумная“.

баловень? Они намѣрены ѣхать послѣзавтра, и я останусь одинъ.

Странно, одинъ въ Куртавенелѣ, одинъ въ этомъ большомъ домѣ... Мы ожидаемъ завтра Жана.

Всѣ эти дни погода стояла прелестная, но дулъ сильный вѣтеръ, который по временамъ все болѣе и настойчивѣе усиливался. Движеніе, которое онъ вызывалъ въ листвѣ, было очень красиво у тополей; они очень гордо сверкали на солнцѣ. Надо вамъ сказать, что я замѣтилъ одну вещь, а именно, что тополь при безвѣтріи имѣетъ видъ школьника, и видъ очень глупый, кромѣ развѣ только вечера, на розовомъ фонѣ неба, когда листья его кажутся почти черными... Но въ такомъ случаѣ должно быть уже совершенно тихо, только листьямъ на верхушкахъ разрѣшается чуть-чуть шевелиться...

Кстати, я забавлялся тѣмъ, что разыскивалъ въ окрестностяхъ деревья, которыя имѣли бы физіономію,—индивидуальность такъ сказать,—и давалъ имъ имена; по вашемъ возвращеніи я могу показать ихъ вамъ, если вы пожелаете. Каштановое дерево, что стоитъ на дворѣ, я прозвалъ *Германомъ* и подыскиваю ему *Доротею*. Въ Мезонфлерѣ есть береза, которая очень похожа на *Гретхенъ;* одинъ дубъ окрещенъ *Гомеромъ,* другой—*встревоженною добродѣтелью,* одна ива названа *т-те Вандерборгъ*.

Понедѣльникъ 16.

Мы ожидали писемъ сегодня,—но нѣтъ. Это заставляетъ насъ предполагать, что вѣроятно начались репетиціи и что вы не желаете писать намъ, пока не будетъ чего-нибудь опредѣленнаго. Ваше здоровье совсѣмъ и вполнѣ возстановилось, не правда ли?

Супруги Ситчесъ уѣзжаютъ только завтра. Жанъ пріѣхалъ вчера на Коморнѣ *). Сегодня утромъ мы всѣ поднялись въ половинѣ четвертаго, чтобы идти удить. Мы вдвоемъ выудили 118 рыбъ: Ситчесъ 80, я 38. Мы видѣли восходъ солнца изъ-за лѣса. Можно не быть добродѣтельнымъ и все-таки находить удовольствіе смотрѣть на восходъ солнца. Эта минута была очаровательна; мы стояли у дуба слѣва; я поднялъ глаза; онъ былъ освѣщенъ снизу, такъ какъ солнце было еще очень низко. Картина очень красивая и оригинальная. Это продолжалось всего нѣсколько мгновеній. Вообще я нахожу, что въ освѣщенныхъ деревьяхъ есть что-то фантастическое и таинственное, что говоритъ воображенію. Вотъ почему я очень люблю иллюминаціи въ садахъ. Ну, однако, полно говорить о деревьяхъ.

Лодка прибыла! Она менѣе элегантна, чѣмъ я полагалъ; но все-таки не дурна. Я только-что упражнялся два часа въ греблѣ... начинаю привыкать. При этомъ, какъ и при плаваніи, нужны движенія правильныя и не слишкомъ сильныя. Я пять разъ провезъ супруговъ Ситчесъ кругомъ по каналамъ; потомъ я каталъ Султана, которому повидимому это не доставило особеннаго удовольствія. Впрочемъ онъ здоровъ, толстъ и жиренъ. Вероника не можетъ его видѣть, чтобы не сказать ему, что „онъ—воръ, большой воръ“, но онъ дѣлаетъ видъ, что ея не понимаетъ. Я очень люблю наводить ее на эту тему, когда онъ тутъ. По его мордѣ, по той скромной манерѣ, какъ онъ садится, какъ онъ наполовину отворачиваетъ голову, чуть-чуть виляетъ хвостомъ, когда его вовсе и не зовутъ, видно, что онъ отлично знаетъ о чемъ идетъ рѣчь...—

*) Старая лошадь m-r и m-me Віардо.

„Видите ли, m-r“, говоритъ мнѣ съ большимъ воодушевленіемъ Вероника,—„видите какой онъ напускаетъ на себя видъ невинности, и все-таки эта собака—воръ, большой воръ, и сколько бы ему это ни говорили, онъ даже не краснѣетъ (подлинное выраженіе!),—и какъ же хитра эта собака, у какъ хитра!“ Тогда я обращаюсь къ Султану и повторяю ему рѣчь Вероники, но онъ только поводитъ ушами. — „Вы напрасно теряете время, m-r“, — продолжаетъ Вероника, — „у этой собаки совѣсти нѣтъ“. Во время моихъ прогулокъ я запускаю его въ луговины; третьяго дня онъ схватилъ куропатку на гнѣздѣ. Не дѣлая ей вреда, я отнялъ ее у него и выпустилъ. Всѣ прочія животныя въ домѣ—обезьяны, птицы, кошка — здоровы.

А завтра—большое истребленіе тростника. Завтра я остаюсь одинъ съ Вероникой и Жаномъ. Жанъ будетъ помогать мнѣ въ великомъ дѣлѣ истребленія. До завтра!

Вторникъ 17.

Супруги Ситчесъ уѣхали сегодня утромъ въ Парижъ. Но крестовый походъ противъ тростника отложенъ до завтра, по просьбѣ Жана, у котораго сегодня было много дѣла. И вотъ я одинъ; скучать я не стану, я въ этомъ увѣренъ. Я буду много работать,—да, очень много. Сегодня, напримѣръ, я ничего не дѣлалъ, пробродилъ весь день... но завтра! Я имѣю большую надежду получить завтра письмо.

Среда 18.

Нѣтъ, писемъ нѣтъ... Почему же?.. Я не получаю также и англійскихъ газетъ. Я былъ слишкомъ нищъ, чтобы под-

писаться на нихъ. Терпѣніе! Слѣдуетъ надѣяться, что все благополучно. Почтальонъ ждетъ, онъ опять пришелъ часомъ раньше; мнѣ надо кончить это письмо. Тысячу дружескихъ поклоновъ Віардо, Манюэлю *) и всѣмъ.

Съ большою любовью жму вамъ руки, и да хранитъ васъ небо.

Будьте счастливы и здоровы. Прощайте.

Ив. Тургеневъ.

XXI.

Куртавенель, суббота, 28 іюля 49.

Добрый вечеръ, m-me, guten Abend, theuerste Freundin **).

Половина одиннадцатаго вечера. Я пишу эти слова съ нѣкоторою гордостью. Изъ нихъ вы можете заключить, что мы не съ курами ложимся спать. Я только-что прошелся по парку. Ночь прекрасная, звѣзды въ безчисленномъ множествѣ. Крупныя звѣзды, которыя свѣтятся голубымъ свѣтомъ и какъ будто мигаютъ,—онѣ красиво высятся надъ вершинами тополей, между тѣмъ какъ луна просвѣчиваетъ сквозь ихъ черныя вѣтви..

Сейчасъ вы поете, такъ какъ я полагаю, что *Пророка* будутъ давать три раза въ недѣлю; вы увидите, что вашъ успѣхъ будетъ все расти и становиться все прекраснѣе, какъ въ Парижѣ. Надѣюсь, что ваши сотрудники теперь держатъ себя лучше.

Возвращаюсь къ звѣздамъ; вы знаете, что нѣтъ ничего заурядиѣе выраженія будто онѣ внушаютъ религіоз-

*) Братъ m-me Віардо.

**) Добрый вечеръ, дорогой другъ!

ныя чувства; по крайней мѣрѣ это можно встрѣтить во всѣхъ книжкахъ по воспитанію. Ну, а я увѣряю васъ, что вовсе не такое дѣйствіе производятъ онѣ на того, кто смотритъ на нихъ просто, безъ заранѣе предвзятой мысли. Тысячи міровъ, въ изобиліи разбросанные по самымъ отдаленнымъ глубинамъ пространства, не что иное, какъ безконечное разлитіе жизни, той жизни, которая все обнимаетъ, все проникаетъ, заставляетъ безъ цѣли и надобности зарождаться цѣлый міръ растеній и насѣкомыхъ въ одной каплѣ воды. Это дѣйствіе непреодолимаго, невольнаго, инстинктивнаго движенія, которое не можетъ поступать иначе; это не есть сознательное твореніе. Но что такое эта жизнь? А? Я ничего не знаю,—знаю только, что въ настоящую минуту она все, она въ полномъ расцвѣтѣ, въ полной силѣ; не знаю долго ли это будетъ продолжаться, но теперь это такъ, она заставляетъ кровь обращаться въ моихъ жилахъ безо всякаго съ моей стороны усилія, и она же заставляетъ звѣзды появляться на небѣ, какъ прыщи на кожѣ; и это ей ничего не стоитъ, а потому и нѣтъ ея въ томъ большой заслуги. Эта равнодушная, властная, жадная, эгоистическая, захватывающая сила есть жизнь, а природа есть Богъ; называйте ее какъ хотите, но не поклоняйтесь ей; т. е. оговариваюсь—когда она прекрасна, когда она добра (что случается не всегда) — обожайте ее за ея красоту, но не обожайте ни ея величіе, ни ея славу! (посмотрите-ка тѣ книги по воспитанію, о которыхъ я говорилъ вамъ!) Ибо— во-1-хъ, для нея нѣтъ ничего ни великаго, ни малаго, во-2-хъ— во всемъ мірозданіи не больше славы, чѣмъ въ падающемъ камнѣ, въ текущей водѣ, въ переваривающемъ желудкѣ; все это не можетъ дѣйствовать иначе, какъ слѣдовать Закону своего существованія, который есть Жизнь.

Уфъ! вотъ такъ спекулятивная философія! Я не хочу перечитывать моего маранья! Встряхнемся и перейдемъ къ чему-нибудь другому. Но нѣтъ, продолжу лучше завтра! А пока да благословитъ васъ Богъ, или да будетъ къ вамъ *Жизнь* благосклонна; но во всякомъ случаѣ будьте счастливы и здоровы.

Воскресенье, вечеромъ.

Сегодня была прелестная погода. Я почти весь день провелъ на воздухѣ и катался по каналамъ. Кстати! Вы можетъ-быть удивитесь тому, что я могъ съѣздить въ Парижъ, принимая во вниманіе состояніе моего кошелька; но дѣло въ томъ, что m-me Ситчесъ, уѣзжая, оставила мнѣ тридцать франковъ, изъ которыхъ двадцать шесть исчезли. Впрочемъ; я живу здѣсь, какъ въ волшебномъ замкѣ: меня кормятъ, моютъ мое бѣлье—чего же еще надо для одинокаго человѣка?

Надѣюсь, что эта денежная нужда скоро окончится и что въ концѣ-концовъ *тамъ* скажутъ же себѣ: однако! да чѣмъ же онъ наконецъ существуетъ?

Я много работалъ эти дни. Я покажу вамъ листки по вашемъ возвращеніи. Я ни минуты не скучаю и положительно веду жизнь очень пріятную.

Понедѣльникъ.

Сегодня, напримѣръ, она менѣе пріятна... Представьте, что весь день шелъ дождь, ни на секунду не останавливаясь. Ну, что вы на это скажете? Дождь все шелъ, шелъ; прямой и частый, сплошною массой, даже и до сихъ поръ онъ не перестаетъ. Теперь одиннадцать часовъ ночи. Да, m-me, одиннадцать часовъ! Я слышу какъ жолобъ извергаетъ цѣлые

потоки въ каналы. Но за то, въ видѣ компенсаціи я получилъ сегодня изъ Парижа *Musical World* и *Britannia*, гдѣ нашелъ статьи о *Пророкѣ*, и читалъ ихъ съ большимъ удовольствіемъ. Если вы ужъ посылаете мнѣ *Illustrated* подъ бандеролью, то пришлите также и номеръ *Athenaeum'a*. (Кстати, тысячу любезностей Чорлею).

Покойной ночи, иду спать.

Вторникъ, 31 іюля.

Опять этотъ проклятый почтальонъ является въ половинѣ девятаго утра! Чтобъ его чортъ побралъ! Тѣмъ не менѣе мнѣ хочется на-скоро заполнить эту страничку. Постойте, что бы такое вамъ сказать? Что дождя нѣтъ, что я очень часто думаю о васъ, что Куртавенель сейчасъ имѣетъ очень милый и очень чистый видъ, что Жанъ третъ, чиститъ и мететъ всюду, что всѣ животныя въ домѣ—и въ томъ числѣ вашъ покорный слуга, здоровы,—что я жду завтра письма, что я желаю вамъ здоровья, счастья и веселья,— что я молю милостиваго Бога тысячу разъ благословить васъ, а васъ простить мнѣ такое безтолковое письмо,—что я очень дружески кланяюсь Віардо и друзьямъ, и что остаюсь навѣки

Вашъ

Тургеневъ.

XXII.

Куртавенель, суббота, 11 августа 1849.

Здравствуйте, m-me. Итакъ я продолжаю оставаться одинъ въ Куртавенелѣ, и только-что получилъ отъ m-elle Берты письмо, въ которомъ она говоритъ мнѣ, что со дня

на день *ждетъ* пріѣзда супруговъ Ситчесъ. Надѣюсь, что m-me Гарсіа пріѣдетъ сюда; что дѣлать ей одной въ Брюсселѣ?

Воскресенье.

Со вчерашняго дня я сдѣлался матерью, теперь мнѣ вѣдомы радости материнства, у меня есть семья! У меня три прелестные крошечные близнеца, кроткіе, ласковые, милые, которыхъ я самъ кормлю, и за которыми хожу съ истиннымъ удовольствіемъ. Это трое крошечныхъ зайчатъ, которыхъ я купилъ у одного крестьянина. Чтобы пріобрѣсти ихъ, я отдалъ мой послѣдній франкъ! Вы не можете вообразить, какіе они хорошенькіе и какіе ручные.

Они уже начинаютъ грызть листья латука, которые я имъ даю, но главная ихъ пища—молоко. У нихъ такой невинный и такой смѣшной видъ, когда они поднимаютъ вверхъ свои маленькія ушки! Я держу ихъ въ клѣткѣ, въ которой мы помѣщали ежа. Они идутъ ко мнѣ какъ только я протяну имъ руку, взлѣзаютъ на меня, роются въ моей бородѣ своими маленькими мордочками, съ длинными усами. А затѣмъ они такіе чистенькіе, всѣ движенія ихъ такъ милы! Особенно у одного изъ нихъ, у самаго толстаго, такой важный видъ, что можно умереть со смѣху. Повидимому я сдѣлался не только матерью, но и старухой, потому что твержу все одно и то же. Къ сожалѣнію, они будутъ уже довольно велики къ вашему пріѣзду и лишатся своей граціи. Во всякомъ случаѣ я постараюсь, чтобы они сдѣлали честь моему воспитанію.

Вчера я обѣдалъ у Фужё. Его братъ совсѣмъ не такъ скученъ, какъ я это думалъ, онъ кажется менѣе скучнымъ, когда его побольше узнаешь,—что очень утѣшительно. Фужё

отличный малый; онъ родился дѣдушкой... а онъ не женатъ! Я поѣхалъ и вернулся на Коморнѣ, у котораго ноги для его лѣтъ еще очень тверды. Въ лѣсу Блондюро было совсѣмъ темно. (Я вернулся въ девять часовъ.)

Понедѣльникъ.

Этой ночью мнѣ приснился очень странный сонъ, какъ это иногда бываетъ со мною;—я сейчасъ разскажу его вамъ. Мнѣ снилось, что я иду вдоль дороги, обсаженной тополями. Было темно, я чувствовалъ страшную усталость, а для того, чтобы добраться до крова, надо было пропѣть пятьсотъ разъ подъ рядъ: *A la voix de ta mère...* Я торопился покончить эту задачу и сбивался со счета; вы знаете, какъ упорствуешь во снѣ. Вдругъ я вижу, что на меня идетъ какая-то высокая бѣлая фигура и дѣлаетъ мнѣ знакъ слѣдовать за нею; я думаю про себя: постой,—вѣдь это мой братъ Анатолій (а у меня никогда не было брата, носившаго это имя). Я нахожу это вполнѣ естественнымъ и слѣдую за нимъ. Спустя нѣсколько минутъ мнѣ показалось, что мы вышли на сильный вѣтеръ; я оглядываюсь кругомъ и, несмотря на темноту, могу различить, что мы находимся на вершинѣ чрезвычайно высокаго утеса, поднимающагося надъ моремъ.—„Но куда же мы идемъ?“ спрашиваю я у своего путеводителя.—„Мы птицы“, отвѣчаетъ онъ, „летимъ“.—„Какъ птицы?“ возражаю я.—„А вотъ попробуй-ка высморкаться“ говоритъ онъ. Дѣйствительно, я хочу высморкаться, и нахожу по срединѣ моего лица огромный птичій клювъ съ зобомъ подъ нимъ, какъ у пеликана. Но въ это мгновеніе меня подхватываетъ вѣтеръ.—Не могу передать вамъ тотъ трепетъ счастья, который я почувствовалъ, когда, развернувъ ши-

рокія крылья, я взмахнулъ ими и поднялся кверху противъ вѣтра, испустивъ громкій побѣдоносный крикъ,—а потомъ я сталъ спускаться внизъ къ морю, порывисто разсѣкая воздухъ, какъ это дѣлаютъ чайки. Въ эту минуту я былъ птицей, увѣряю васъ, и теперь, какъ я пишу вамъ, я помню эти птичья ощущенія не менѣе ясно, чѣмъ впечатлѣніе отъ вчерашняго обѣда: все это точно и ясно не только въ воспоминаніи моего мозга, но, если можно такъ выразиться, и всего моего тѣла, что доказываетъ, что „la vida es sueno, y el sueno es la vida“ *). Но чего я не сумѣю вамъ описать, такъ это зрѣлище, которое развертывалось вокругъ меня въ то время, когда я такъ парилъ въ воздухѣ: это было море, огромное, бурное, темное, со свѣтлыми точками; тамъ и сямъ едва замѣтныя суда скользили по волнамъ; поднимались высокіе утесы,—порою до меня долеталъ какой-то громкій шумъ; я спускался внизъ. Ревъ становился сильнѣе и пугалъ меня; я снова поднимался къ облакамъ, которыя, какъ мнѣ казалось, неслись съ грохотомъ, гонимыя вѣтромъ. По временамъ огромная, совсѣмъ бѣлая струя воды устремлялась вверхъ изъ груди моря, и я чувствовалъ, какъ пѣна обдавала мнѣ лицо; потомъ вдругъ рѣзкія зарницы засверкали вдали, внизу подо мной... А!—подумалъ я,—это морская молнія (!), открытая Галилеемъ... Она не сверкаетъ такъ быстро, какъ молнія воздушная, потому что вода тяжелѣе и проникать ее труднѣе. При блескѣ этой молніи я видѣлъ море, освѣщенное до самаго дна; видѣлъ большихъ черныхъ рыбъ съ большими головами, видѣлъ, какъ онѣ медленно всплываютъ на поверхность... Я говорилъ себѣ, что мнѣ надо спуститься къ нимъ, потому что онѣ составляютъ мою пищу. Но я ощущалъ таинственный ужасъ, ко-

*) Жизнь есть сонъ и сонъ есть жизнь.

торый мѣшалъ мнѣ это сдѣлать... И потомъ, онѣ были слишкомъ велики. Вдругъ я вижу, что море бѣлѣетъ, колышась, какъ вода, которая кипитъ; вокругъ меня распространяется розоватый отблескъ... „Это встаетъ солнце“,—говорю я себѣ,—„скорѣе бѣжимъ, оно все сожжетъ“. Но какъ я ни бросался то въ ту, то въ другую сторону,—все становилось яркимъ, сверкающимъ, невыносимымъ для глазъ; блестящіе большіе шары поднимались въ воздухѣ; я ощущалъ удушливую жару, мои перья начинали подпаливаться. Я вижу верхушку солнечнаго диска, захватившаго весь горизонтъ и пылавшаго, какъ горнило,—меня охватываетъ невыносимая тревога и—я просыпаюсь. Было уже свѣтло; я увидѣлъ передъ собою зеленые, цвѣта ивы, обои моей комнаты и не могъ сразу сообразить, гдѣ я нахожусь...

Но позволительно ли описывать такъ пространно сонъ? Вы станете смѣяться надо мною и будете правы. Правда, изобилія предметовъ для описанія въ Куртавенелѣ нѣтъ...

Понедѣльникъ вечеромъ.

Братъ Фужё снова пріѣзжалъ сюда обѣдать. Положительно онъ не глупъ и уже вовсе не очень скученъ. Однако я нахожу, что вижу его слишкомъ часто. Впрочемъ, я думаю, что онъ скоро покинетъ эти прекрасныя мѣста, какъ сказалъ бы бѣдный m-r Гюи *). Онъ ничего не дѣлаетъ, не имѣетъ никакой профессіи, и тѣмъ не менѣе онъ весь пропитанъ національными, бонапартистскими, литературными и судебными предразсудками. Если бы по крайней мѣрѣ онъ воспользовался своею независимостью, чтобы освободиться

*) Близкій знакомый дома.

отъ всего этого груза! Но нѣтъ. Нѣмецъ скорѣй бы это сдѣлалъ. Беранже съ полнымъ основаніемъ сказалъ:

Philosophe
De mince étoffe,
Ton oeil ne peut se détacher
Du vieux coq de ton vieux clocher *).

Вторникъ.

Я только сегодня получилъ вашу записку вмѣстѣ съ письмомъ m-r Чорлея, на которое я поспѣшу отвѣтить завтра. Скажите Віардо (я ему тоже напишу на-дняхъ), что охота откроется 25-го. Долженъ ли я предпринять что-либо для полученія ему разрѣшенія на охоту? Остальное все обстоитъ благополучно, и я молю милостиваго Бога благословить васъ тысячу разъ и вернуть васъ здравою и невредимою во Францію.

Все еще нѣтъ никакихъ извѣстій о супругахъ Ситчесъ. Прощайте; будьте здоровы и счастливы.

Вашъ

Ив. Тургеневъ

XXIII.

Куртавенель, четвергъ, 16 августа 49.

Здравствуйте, madame—Guten Morgen!

. . . . . .

И дѣйствительно, они оба пріѣхали вчера вечеромъ! Я говорю о супругахъ Ситчесъ. Я былъ очень радъ ихъ

*) Философъ—съ крошечнымъ умишкою—твой глазъ не можетъ оторваться—отъ стараго пѣтуха на крышѣ твоей старой колокольни.

видѣть. А потомъ у нихъ такой счастливый видъ. Они разсказали мнѣ массу вещей,—малѣйшія подробности ихъ путешествія и затѣмъ о свадьбѣ, и говорили такъ много, такъ радостно! Они показали мнѣ портретъ г. Леонара, который выглядитъ славнымъ малымъ. Я заставилъ ихъ разсказать объ ихъ свиданіи съ m-elle Антоніей,—что они говорили ей, что она отвѣчала имъ; какъ встрѣтились они въ первый разъ съ г. Леонаромъ,—что онъ сказалъ имъ, что они отвѣтили ему,—какое на немъ было платье, какая у него была шляпа въ рукахъ, и какое платье было на нихъ самихъ, понемногу все поднимаясь къ болѣе важнымъ подробностямъ, къ приготовленіямъ ко дню свадьбы и т. д., и т. д.; они должны были все мнѣ описать; и они это исполнили, они повторялись съ наслажденіемъ, они подражали манерѣ смотрѣть г. Леонара, звуку его голоса, и я слушалъ ихъ съ истиннымъ интересомъ, потому что счастье вѣдь заразительно. Наконецъ, я надѣюсь, что все это будетъ продолжаться такъ же хорошо, какъ оно началось. Сегодня потокъ превратился въ ручеекъ: мы все еще говоримъ, но увлеченіе уже истощается.

M-elle Берта пріѣзжаетъ завтра съ Луизой. Куртавенель начинаетъ наполняться. Я ужъ не буду больше обѣдать съ глазу на глазъ съ самимъ собою.

Пятница.

Madame! позвольте мнѣ говорить торжественнымъ тономъ, достойнымъ высоты обстоятельствъ. Madame! ужасный бичъ, подобный тѣмъ казнямъ египетскимъ, о которыхъ говоритъ Св. Писаніе, разразился надъ прекрасными мѣстами, въ которыхъ вы обитаете, или—вѣрнѣе—въ которыхъ

вы не обитаете. Онъ захватилъ насъ не врасплохъ: онъ давно грозилъ намъ своими ужасами... что я говорю? мы уже не разъ испытывали дѣйствіе его ударовъ... (Вѣдь это пожалуй изъ Расина!) Но на этотъ разъ жестокость его превзошла всѣ самыя мрачныя ожиданія, потрясла самыя твердыя сердца и широко распространила страхъ и отчаяніе. Madame! бичъ этотъ—*клещъ* или *клещи*, какъ вамъ будетъ угодно. Ваше чувствительное сердце должно было угадать. Madame, въ *одинъ* часъ ваша тетушка, которая, замѣтьте хорошенько, не выходила на воздухъ во весь день, сняла штукъ пятьдесятъ—*cincuenta, fünfzig, fifty!*—съ своего лица и съ своей шеи! Она показывала ихъ намъ, и мы ихъ сосчитали. Она брала ихъ платкомъ по два, по три, по пяти! Всѣ наши тѣла представляютъ сплошную рану, подобно тѣлу Ипполита... Я чешусь всѣми десятью пальцами, чешусь до крови. Надѣюсь, что это не продлится. Это было бы слишкомъ ужасно! Мы ожидаемъ m-elle Берту съ нетерпѣніемъ—para dar a comer a los bichos *),—какъ говоритъ сѣньоръ Д. Пабло,—можетъ-быть, она произведетъ полезное намъ отвлеченіе. Никогда еще это не было такъ сильно. Только бы бѣшенство этихъ адскихъ животныхъ уменьшилось къ вашему прибытію!

Братъ Фужё рѣшительно первоклассный a bore (вы знаете, что означаетъ это слово по-англійски). Онъ явился мучить меня вмѣстѣ съ клещами въ день пріѣзда вашей тетушки. Никогда еще не появлялось подъ небеснымъ сводомъ такой тяжелой напыщенности, такой притязательной пустоты и такой торжественной глупости. Знаете ли вы ту отвратительную маленькую улыбочку, которая

*) „Чтобы отдать ее на съѣденіе звѣрямъ“.

желала бы быть ироническою, а оказывается только натянутою, улыбку, всю пропитанную самомнѣніемъ, которая постоянно витаетъ на устахъ самодовольныхъ глупцовъ? Вотъ эта-то улыбка и не покидаетъ блѣднаго лица этого господина. Что при этомъ удивляетъ меня, такъ это мое собственное добродушіе. Я цѣлыми часами бесѣдую съ этимъ существомъ; я даже *думалъ* что онъ *менѣе* скученъ, чѣмъ это мнѣ кажется теперь... А вѣдь есть люди, полагающіе, что умъ мой болѣе склоненъ къ сатирѣ. Вообразите, что у него манія повторять наизусть прозу. Мы говорили объ описаніяхъ... „M-r,“—сказалъ онъ мнѣ своимъ докторальнымъ тономъ, „всякое описаніе излишне, если оно не походитъ на описаніе Фенелона въ *Телемакѣ*, гдѣ сказано: „Природа была лишь обширнымъ садомъ“.—„Обширнымъ садомъ, милостивый государь—обширнымъ садомъ! Вотъ новая, прекрасная, трогательная мысль, которая говоритъ моей душѣ.“ И цѣлые полчаса это чудовище не переставало повторять сію „божественную“, „очаровательную“ фразу. Что за невыносимое существо! Онъ долженъ былъ родиться въ старомъ сыромъ погребѣ отъ стараго паука и разбитой параличомъ жабы. Я представляю себѣ бога скуки въ видѣ запыленнаго паука. Однимъ словомъ, пусть его съѣдятъ клещи! Болѣе жестокаго пожеланія я не могу придумать. Но, какъ видно, въ Розеѣ они неизвѣстны. Неужели Куртавенель ихъ исключительная родина?

Суббота вечеромъ.

M-elle Берта пріѣхала вчера вмѣстѣ съ Луизочкою. У Луизы видъ превосходный, да и m-elle Берта не имѣетъ больного вида. Дѣвочка показывала намъ свои награды и

свою зеленую ленточку. Я нахожу, что у нея манеры немного „мнѣ все ни почемъ“, но это все перемѣнится, потому, что въ сущности это—милая и кроткая натура, несмотря на ея рѣзкій смѣхъ трещотки.

Садовникъ, при видѣ прибытія всего этого народа, принялся немного работать; Жанъ третъ вездѣ болѣе, чѣмъ когда-нибудь. Но если не приведутъ ихъ въ порядокъ,—черезъ двѣ недѣли каналы замѣнятся чуднымъ поясомъ черной тины. Не знаю, изъ красныхъ ли садовникъ, но онъ безъ сомнѣнія обладаетъ тремя главнѣйшими пороками этой партіи, къ которой, впрочемъ, имѣю честь принадлежать и я, т. е. онъ болтливъ, лѣнивъ и ни на что не годенъ. Какимъ бы я былъ плохимъ садовникомъ!.. Но если хорошенько подумать, то не знаю, на *какомъ* мѣстѣ я былъ бы *хорошъ*.

Уже давно не получалъ я отъ васъ писемъ. Отчасти это по моей винѣ, но всякому грѣху есть помилованіе. *Bitte*, *bitte*...

Воскресенье.

Ничего новаго со вчерашняго дня. Однако клещи повидимому начинаютъ умѣрять свою ярость. Пора. Я сдѣлался до такой степени безобразенъ въ голомъ видѣ,—какъ говоритъ Аннибалъ въ *Авантюристкѣ*, — что не рѣшался раздѣваться....

Я каталъ дамъ въ лодкѣ и сочинялъ пѣсни для Луизы.

Итакъ вы возвращаетесь къ намъ черезъ двѣ недѣли!

Идетъ почтальонъ, и я долженъ отдать ему мое письмо... Вы болѣе чѣмъ держите свое слово, потому что вотъ уже два письма, какъ вы получили съ тѣхъ поръ... Что дѣ-

лать! Подожду. Да благословитъ васъ Богъ тысячу разъ и да хранитъ ваше здоровье. Весь вашъ

Иванъ Тургеневъ.

P. S. Завтра я буду писать Віардо. Зайчата подохли!

XXIV.

16 мая **1850** г.

Я въ Куртавенелѣ. Скажу откровенно, я счастливъ, какъ ребенокъ, что снова нахожусь здѣсь. Я пошелъ поздороваться со всѣми мѣстами, съ которыми я прощался передъ отъѣздомъ. Россія подождетъ,—эта огромная и мрачная фигура, неподвижная и туманная, какъ сфинксъ Эдипа. Она поглотитъ меня позднѣе. Мнѣ кажется, что я вижу ея тяжелый, неподвижный взглядъ, устремленный на меня съ холоднымъ вниманіемъ, какъ и слѣдуетъ каменнымъ глазамъ. Будь спокоенъ, сфинксъ, я вернусь къ тебѣ, и тогда ты можешь поглотить меня въ свое удовольствіе, если я не разгадаю твоей загадки!

Сегодня прекрасная погода. Гуно весь день пробылъ въ лѣсу Блондюро, гоняясь за идеей; но вдохновеніе, капризное какъ женщина, не пришло, и онъ ничего не нашелъ. По крайней мѣрѣ онъ самъ такъ сказалъ мнѣ. Завтра онъ нагонитъ потерянное. Въ настоящую минуту онъ лежитъ на медвѣжьей шкурѣ въ мукахъ творчества. Его настойчивость и упорство въ работѣ приводятъ меня въ восторгъ. Безрезультатность сегодняшняго дня превратила его положительно въ несчастнаго человѣка. Онъ тяжело вздыхаетъ и ни-

чѣмъ не можетъ разсѣять своей думы. Съ отчаянія онъ начинаетъ придираться къ тексту. Я употребилъ все стараніе, чтобы поднять его настроеніе, и, кажется, мнѣ удалось это. Крайне опасно становиться на такую наклонную плоскость: кончишь тѣмъ, что сложишь руки на животѣ и скажешь себѣ: „какъ все это отвратительно!“ Мнѣ было немного смѣшно слушать его сѣтованія, такъ какъ я знаю, что всѣ эти маленькія тучки разсѣются тотчасъ же при первомъ дуновеніи; но мнѣ очень лестно быть повѣреннымъ всѣхъ этихъ маленькихъ мученій творчества...

Ив. Тургеневъ.

Тургеневъ познакомился съ Гуно въ домѣ Віардо, и сохранялъ дружескія, отношенія съ нимъ въ продолженіе всей своей жизни; но переписки ихъ не сохранилось. „M-me Шарль Гуно“, замѣчаетъ г. Гальперинъ-Каминскій, пишетъ мнѣ: „Гуно былъ большимъ поклонникомъ знаменитаго поэта. Онъ часто встрѣчался съ нимъ у друзей; но мнѣ кажется, что ихъ короткія отношенія ограничились только этими встрѣчами, такъ какъ, въ огромной перепискѣ Гуно, недавно приведенной мною въ порядокъ, мнѣ не попалось ни одной подписи Тургенева“.

Произведеніе, которое такъ затрудняло Гуно въ то время, какъ писалъ Тургеневъ къ m-me Віардо, было *Сафо*, его первая опера, поставленная 16 апрѣля 1851 г. Либретто, какъ извѣстно, написалъ Эмиль Ожье. Послѣ тяжелаго удара, нанесеннаго ему смертью брата, Гуно удалился вмѣстѣ съ своей матерью въ имѣніе своихъ друзей, супруговъ Віардо. Въ *Запискахъ артиста*, недавно изданныхъ, авторъ Фауста разсказываетъ, что именно благодаря, данному по собственной иниціативѣ, обѣщанію знаменитой пѣвицы спѣть его первое произведеніе, молодой и неизвѣстный еще композиторъ убѣдилъ Эмиля Ожье, пріобрѣтшаго уже извѣстность, написать либретто и условиться заранѣе съ дирекціей Оперы. Узнавъ о постигшемъ его горѣ, m-me Віардо, которая находилась тогда въ Германіи, тотчасъ же написала Гуно, предлагая ему поискать спокойствія и уединенія, въ которыхъ онъ такъ нуждался, въ ея помѣстьи Куртавенель.

„Я послѣдовалъ ея совѣту“, прибавляетъ Гуно, „и вмѣстѣ съ матерью отправился въ Куртавенель, гдѣ жила въ то время мать m-me Віардо (m-me Гарсіа, вдова извѣстнаго пѣвца) въ обществѣ одной изъ сестеръ г. Віардо и молодой дѣвушки, старшей изъ дѣтей, теперь m-me Геритъ, замѣчательной музыкантши-композитрисы. Я встрѣтилъ тамъ также пре-

краснаго человѣка, Ивана Тургенева, извѣстнаго русскаго писателя и интимнаго друга семьи Віардо. По моемъ пріѣздѣ я тотчасъ же сѣлъ за работу".

Этимъ письмомъ заключается, въ собраніи г. Гальперина, серія относящихся къ первому періоду пребыванія Тургенева во Франціи писемъ. Вскорѣ затѣмъ, какъ то видно изъ помѣщаемаго ниже его письма къ самому *г. Віардо*, мужу г-жи Полины Віардо, Тургеневъ уѣхалъ въ Россію, куда призывали его и смерть матери, и дѣла по наслѣдству. Повидимому, предположенія о близкомъ возвращеніи на родину существовали у Тургенева уже и во время написанія, помѣщеннаго выше, письма къ г-жѣ Віардо отъ 16 мая 1850 г., судя по словамъ этого письма: „Россія подождетъ" и т. д. Какъ бы то ни было, вторая половина 1850 года застала Тургенева уже на родинѣ.

Письмо къ г. Віардо, *единственное имѣющееся въ собраніи г. Гальперина,* помѣчено 24 іюня 1850 г. и носитъ характеръ нѣсколько офиціальнаго, но тѣмъ не менѣе дружескаго прощанія. Судя по вырвавшемуся у Тургенева, въ помѣщенномъ ниже, писанномъ изъ-подъ ареста XVII-мъ письмѣ къ г-жѣ Полинѣ Віардо (отъ $^1/_{13}$ мая 1852 г.) признанію, что, „оставляя васъ, я хорошо зналъ, что разстаюсь надолго, если не навсегда", надо думать, что, въ промежутокъ времени съ 1850 по 1852 г., нашъ писатель не возвращался во Францію. Изъ примѣчанія же г. Гальперина-Каминскаго къ этому (XVII) письму слѣдуетъ, что вынужденное пребываніе Тургенева въ Спасскомъ продолжалось до конца 1854 года. Это нѣсколько противорѣчитъ сдѣланному г. Гальперинымъ же въ предисловіи утвержденію, что, „за исключеніемъ своихъ ежегодныхъ поѣздокъ въ Петербургъ, Москву и свое имѣніе Спасское, русскій писатель съ 1847 г. постоянно жилъ во Франціи". Изъ сопоставленія упомянутыхъ выше фактовъ слѣдуетъ, что за время съ половины 1850 г. по самый конецъ 1854 г. покойный Иванъ Сергѣевичъ *вовсе* не возвращался во Францію. *Пр. пер.*

Вотъ текстъ письма Тургенева къ г. Віардо.

Парижъ, понедѣльникъ, 24 іюня 1850 г.

„Я не хочу покинуть Францію, мой дорогой и добрый другъ, не сказавъ вамъ, сколько я васъ люблю и уважаю, и сколько жалѣю о необходимости нашей разлуки. Уношу съ собою самую любезную о васъ память: — я сумѣлъ оцѣнить все превосходное благородство вашего характера и—повѣрьте мнѣ—почувствую себя вновь счастливымъ лишь тогда, когда опять получу возможность рядомъ съ вами, съ ружьемъ въ рукахъ, бродить по такъ горячо любимымъ мною равнинамъ вашей Бри. Предсказанія ваши принимаю и хочу имъ вѣрить. Конечно, отечество имѣетъ права,—но истинное отечество не тамъ ли, гдѣ встрѣтилъ къ себѣ наиболѣе любящее

отношеніе, гдѣ сердце и умъ чувствуютъ себя свободно? Нѣтъ на свѣтѣ мѣста, которое я любилъ бы наравнѣ съ Куртавенелемъ. Я никогда не сумѣю вамъ выразить, какъ я былъ тронутъ всѣми дружескими мнѣ изъявленіями въ послѣдніе дни; не знаю, чѣмъ я ихъ заслужилъ, но знаю, что сохраню память о нихъ навсегда въ сердцѣ. Вы имѣете во мнѣ, мой дорогой Віардо, безусловно вамъ, до всякаго испытанія, преданнаго друга.

Итакъ живите счастливо; я желаю вамъ всего, что есть лучшаго въ мірѣ. Когда-нибудь мы снова увидимся, и счастливый тотъ день обильно вознаградитъ меня за всѣ тѣ огорченія, которыя меня теперь ожидаютъ. Благодарю васъ за ваши добрые совѣты и горячо цѣлую васъ.

Будьте счастливы, мой добрый и дорогой Віардо, и не забывайте вашего друга

Ив. Тургенева“.

XXV.

Тургенево *), понедѣльникъ, 9 сентября 1850 г.

Здравствуйте, дорогой, добрый, благородный, чудесный другъ, здравствуйте, о вы, воплощающая въ себѣ все, что есть лучшаго въ мірѣ! Дайте мнѣ ваши дорогія ручки, чтобы я ихъ расцѣловалъ. Это будетъ очень пріятно мнѣ и приведетъ меня въ хорошее настроеніе. Ну вотъ, такъ. Теперь начнемте бесѣдовать.

Прежде всего я долженъ сказать вамъ, что вы ангелъ доброты, и что письма ваши сдѣлали меня самымъ счастливымъ изъ людей. Если бы вы знали, что значитъ, когда дружеская рука протягивается къ вамъ издалека и тихо опускается на васъ! Испытываемое чувство благодарности доходитъ тогда до обожанія. Да благословитъ васъ Богъ тысячу разъ! Я очень нуждаюсь въ расположеніи въ настоя-

*) Родовое имѣніе Тургенева.

щую минуту, — я такъ одинокъ здѣсь. А потому не сумѣю выразить, какъ я люблю тѣхъ, кого люблю, и кто самъ имѣетъ ко мнѣ привязанность.

Четвергъ.

Я былъ вынужденъ прервать это письмо три дня тому назадъ, но теперь спѣшу вернуться къ нему, какъ только получилъ возможность. Семейныя дѣла, или вѣрнѣе, семейныя затрудненія, послужили тому причиной. Я начинаю думать, что все это приходитъ къ концу, а потому и не стану ничего говорить вамъ объ этомъ, пока не буду въ состояніи сообщить вамъ хорошаго или дурного результата.

Я совершилъ маленькое путешествіе за тридцать верстъ отсюда; ѣздилъ повидать одну мою „прежнюю страсть“, которая была именинницею. Она страшно измѣнилась и постарѣла (она вышла замужъ и теперь уже мать троихъ дѣтей). Ея супругъ очень угрюмый, и крайне мелочной и щепетильный человѣкъ. Я прощаю моей прежней страсти ея супруга, ея троихъ дѣтей, и даже неровный цвѣтъ ея лица. Но чего я не могу простить, такъ это того, что она сдѣлалась незначительною, сонною и пошлою; особенно же того, что она прицѣпила себѣ фальшивый хвостъ изъ *черныхъ* волосъ, между тѣмъ какъ свои волосы у нея темнорусые, почти бѣлокурые, — и еще того, что она сдѣлала это до такой степени небрежно, что виденъ былъ узелъ, величиной съ цѣлый кулакъ, а концы его, одинъ черный, а другой бѣлокурый, граціозно спускались направо и налѣво. Она сѣла за фортепіано, но злосчастный инструментъ звучалъ фальшиво до ужаса, тою слащавою фальшивостью, которая худшая изъ худшихъ, а она не замѣчала этого, и играла страшно устарѣвшія музыкальныя пьесы — и играла ихъ очень плохо...

Увы! трижды увы! Мое прежнее пламя въ настоящее время даже не дымъ: немного остывшей золы, вотъ и все. Вотъ какія происходятъ съ нами превращенія!

Я ночевалъ у нихъ въ домѣ. Передъ тѣмъ, какъ лечь спать, я перечелъ ваши письма: я очень признателенъ вамъ за то, что вы пишете мнѣ такія хорошія письма! Если бы вы знали, какъ пріятно и сладостно ваше письмо! Что за прелестный, и тонкій, и вѣрный умъ, какая великая и благородная душа сквозитъ въ каждой строчкѣ! Мнѣ доставляетъ удовольствіе говорить вамъ это, читайте и вы это съ удовольствіемъ, потому что то, что я говорю вамъ, вполнѣ истинно, можете мнѣ вѣрить.

Относительно маленькой Павлы *) вы уже знаете, что я рѣшился слѣдовать вашимъ приказаніямъ и думаю только о средствахъ исполнить это быстро и хорошо. Изъ Москвы и Петербурга я каждый день буду писать вамъ, что я дѣлаю для нея. Это долгъ, который я исполняю,—и я исполняю его съ радостью, разъ вы этимъ интересуетесь. Si Dios quiere **), она будетъ скоро въ Парижѣ.

Вы — мой добрый ангелъ. Слово *добрый ангелъ* заставляетъ меня думать о романѣ *Domino noir,* и затѣмъ я вижу васъ, какъ вы идете по травѣ въ Куртавенелѣ, съ гитарою въ рукахъ, и представляете „прекрасную Инесу“ m-elle Антоніи, и моя память *мѣстности* тотчасъ же рисуетъ мнѣ тамошнее небо, тамошнія деревья, ваше платье съ его коричневымъ рисункомъ, вашу сѣрую шляпу. Мнѣ кажется, я чувствую на своемъ лицѣ дыханіе легкаго осенняго вѣтерка, который—помните—шептался тогда въ ябло-

---

*) Дочь Тургенева.

**) „Если Богъ позволитъ“.

няхъ надъ нашими головами. Куда дѣвалось это прелестное время?.. Поговоримъ о другихъ вещахъ.

Очень вѣроятно, что я имѣлъ бы о m-me Паста то мнѣніе, которое вы предполагаете во мнѣ, если бы я слышалъ ее въ Петербургѣ въ началѣ моего музыкальнаго образованія, но я не имѣлъ этого счастья, я ее не видалъ и не слышалъ; но теперь я знаю, что мнѣ надо о ней думать.

Вы спрашиваете меня, въ чемъ заключается „Прекрасное“. Оно, вопреки дѣйствію времени, разрушающему форму, въ которой оно выражется, всегда тутъ... потому что Красота— единственная безсмертная вещь, и пока существуетъ хотя малѣйшій остатокъ ея матеріальнаго проявленія, безсмертіе ея продолжается. „Прекрасное“ разлито всюду, оно проявляется даже въ смерти. Но оно нигдѣ не сіяетъ съ такой силой, какъ въ человѣческой индивидуальности; здѣсь оно болѣе всего говоритъ разуму, и вотъ почему я всегда предпочту большую музыкальную силу, которой будетъ служить несовершенный голосъ,—голосу хорошему, но глупому, такому голосу, красота котораго только матеріальна.

Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаю я вашего мнѣнія о второмъ актѣ *Сафо!* Если Гуно не *великая музыкальная сила*, если у него нѣтъ генія,—то я отказываюсь отъ всякаго сужденія о людяхъ и талантахъ. Я не могу не завидовать вамъ; подумайте обо мнѣ, когда эта прекрасная музыка взволнуетъ вамъ душу, подумайте обо мнѣ, если можете. Музыка Гуно заставляетъ меня полагать, что *Жидовка*,—особенно музыка, составляющая партію Рахили,—не скажу малозначительна, но только приближается къ истинѣ и красотѣ,—только стоитъ съ ними рядкомъ. Вы имѣли въ этой оперѣ большой успѣхъ, и все-таки я увѣренъ, что эта тяжелая и натянутая декламація оставила лишь большое утомленіе и большую пустоту въ

вашей душѣ. Сколько угодно говорите о большомъ умѣньѣ, національномъ колоритѣ и т. д.,—божественной искры тутъ нѣтъ. Это не безсмертно, какъ должна быть безсмертна всякая истинная красота. Вотъ Vallon—это безсмертно!..

Помните ли вы маленькую, очень необыкновенную пятилѣтнюю дѣвочку, о которой я говорилъ вамъ въ одномъ изъ моихъ писемъ? Я снова увидѣлъ ее, и продолжаю находить этого ребенка очень страннымъ маленькимъ существомъ. Представьте себѣ самое хорошенькое маленькое личико, какое только можно найти; черты лица невѣроятной тонкости, прелестная улыбка и глаза, какихъ я никогда не видывалъ,—глаза женщины, то кроткіе и ласкающіе, то проницательные и наблюдательные, — физіономія, которая ежеминутно мѣняетъ выраженіе, и которой каждое выраженіе изумительно по своей правдивости и оригинальности. Она обладаетъ здравымъ смысломъ, удивительною вѣрностью ощущеній и чувствъ; она много размышляетъ и никогда не хитритъ; поразительно съ какою инстинктивною прямотою ея маленькій мозгъ стремится къ истинѣ. Онъ судитъ правильно обо всемъ ее окружающемъ, начиная съ моей матери,— а со всѣмъ тѣмъ это ребенокъ, *настоящій* ребенокъ. Бываютъ минуты, когда ея взглядъ принимаетъ мечтательный и грустный оттѣнокъ, отъ котораго у васъ сжимается сердце. Но обыкновенно она очень весела и спокойна. Она очень любитъ меня, и порою смотритъ на меня такими кроткими и нѣжными глазами, что я бываю совсѣмъ растроганъ.

Ее зовутъ Аннушкою; она побочная дочь моего дяди, брата моего отца, и одной крестьянки. Моя мать взяла ее къ себѣ, и обращалась съ нею, какъ съ куклой. Я обѣщалъ себѣ заняться со временемъ ея воспитаніемъ. У меня будетъ цѣлая семья на рукахъ! Когда ее что-нибудь поражаетъ,

она дѣлаетъ движенія головой и бровями, которыя приводятъ меня въ восторгъ. Она какъ будто подвергаетъ своему маленькому сужденію то, что слышитъ, и затѣмъ дѣлаетъ удивительныя замѣчанія. Я сейчасъ разскажу вамъ одну изъ ея чертъ. Это было въ Москвѣ. Она пробыла около часа въ моей комнатѣ; моя мать наказала ее за это, не подумавъ о томъ, что я самъ увелъ ее, — и въ то же время запретила ей говорить мнѣ, за что она наказана. Я вхожу въ кабинетъ моей матери, вижу, что малютка стоитъ въ углу очень грустная и безмолвная; спрашиваю причину; моя мать разсказываетъ мнѣ цѣлую исторію о непослушаніи и капризѣ; я подхожу къ ней и говорю ей нѣсколько укоризненныхъ словъ. Она, ни слова не говоря, отворачиваетъ голову. Я ухожу изъ дома, и возвращаюсь уже довольно поздно. На другой день, очень рано, малютка приходитъ ко мнѣ въ комнату, спокойно садится на мой стулъ, нѣкоторое время молча смотритъ на меня, потомъ сразу обращается ко мнѣ со слѣдующимъ вопросомъ:

— Вы вчера повѣрили тому, что сказала вамъ мама обо мнѣ?

— Да.

— Ну, напрасно,—вотъ за что я была наказана... Я обѣщала не говорить этого, и *я не сказала бы вамъ, еслибъ вы не повѣрили мамѣ*.

— Ты плакала во время наказанія?

Она съ гордостью подняла свою голову и, прищуривъ глазки, проговорила:

— О, нѣтъ!—Потомъ, послѣ минутнаго молчанія, или размышленія, что у нея одно и то же, она прибавила:—Но я заплакала, когда вы подошли ко мнѣ въ кабинетѣ.

— А! такъ ты потому отвернула головку?

— Это вы замѣтили, а не видали, что я плакала?

— Нѣтъ,—долженъ тебѣ въ этомъ признаться.

Она глубоко вздохнула, поцѣловала меня и ушла.

Клянусь вамъ, я ни слова не прибавилъ къ тому, что она сказала,—но еслибъ вы видѣли ея маленькое личико во время всего этого объясненія! На немъ читалась такая работа мысли, такая борьба чувствъ. Она—бѣлокурая и очень бѣленькая; глаза у нея сѣро-синіе, отливающіе въ черное; зубки—настоящія маленькія жемчужинки. Она очень любящая и очень чувствительная,—но вмѣстѣ съ тѣмъ у нея мало или вовсе нѣтъ памяти, такъ что она едва знаетъ азбуку. Увѣряю васъ, это крайне странное маленькое созданіе, и я съ интересомъ изучаю ее. Ей еще нѣтъ пяти лѣтъ!

Суббота 2/14 сентября.

Сегодня у насъ почтовый день, дорогой и добрый другъ, и я отошлю вамъ это письмо, которое, несмотря на мое обѣщаніе, нисколько не походитъ на цѣлый *томъ*. Но вы воплощенная снисходительность, и я пошлю вамъ другое письмо въ будущій вторникъ, тѣмъ болѣе что я разсчитываю имѣть возможность сообщить вамъ хорошія извѣстія. Здѣсь очень дурная погода; надѣюсь, что у васъ въ Куртавенелѣ великолѣпная; дождя нѣтъ, но небо сѣрое и холодное, вѣтеръ *idem*, а въ промежуткѣ между порывами вѣтра слышится рѣзкое и непріятное стрекотанье синицъ въ березахъ; появленіе синицъ, подобно отлету журавлей и дикихъ гусей, предвѣщаетъ холодъ. Кстати о журавляхъ: у насъ каждый день пролетаютъ ихъ стаи, направляясь правильнымъ и медленнымъ полетомъ къ югу. Вы помните стихи изъ Фауста:

Wenn über Flächen,—über Seen,
Der Kranich nach der Heimath strebt *).

Употребленіе слова streben здѣсь очень удачное, попробуйте-ка перевести его по-французски!..

Я не знаю ничего торжественнѣе журавлинаго крика, когда онъ точно съ облаковъ падаетъ вамъ на голову. Этотъ крикъ громокъ, звученъ, могучъ и очень меланхоличенъ. Онъ какъ-будто говоритъ вамъ: „прощайте, вы жалкія маленькія собачки-люди, вы не можете передвигаться съ мѣста; мы же летимъ на югъ, туда, гдѣ теперь будетъ хорошо и тепло. А вы оставайтесь въ снѣгахъ и нуждѣ... Терпѣніе!“

Я посылаю вамъ это письмо прямо отсюда; до сихъ поръ я отправлялъ вамъ письма черезъ контору Языкова. Не знаю, аккуратно ли вы ихъ получаете. Я сдѣлаю сегодня эту новую пробу. Посланный ждетъ подъ окномъ. Это конюхъ моего брата, очень красивый малый; онъ крайне доволенъ, что исполняетъ это порученіе, которое все-таки доставляетъ ему нѣкоторую прибыль:—ступай, любезный, вези это письмо! А вы, дорогіе мои друзья, будьте вполнѣ увѣрены, что я перестану нѣжно и глубоко любить васъ только тогда, когда перестану существовать. Да благословитъ всѣхъ васъ Богъ, и да пошлетъ вамъ счастье. Съ благоговѣніемъ цѣлую ваши ручки. Будьте счастливы, благословенны и здоровы!

Вашъ старый другъ

Ив. Тургеневъ

---

*) „Когда черезъ моря и равнины журавль стремится на родину“.

XXVI.

С.-Петербургъ, 21 февраля **1852** г.

. . . . . .

. . . . Я не могу продолжать это письмо такъ же, какъ его началъ... Насъ поразило великое несчастіе: Гоголь умеръ въ Москвѣ,—умеръ, предавъ все сожженію,—все—2-й томъ *Мертвыхъ душъ*, массу оконченныхъ и начатыхъ вещей,—однимъ словомъ, все. Вамъ трудно будетъ оцѣнить, какъ велика эта столь жестокая, всеобъемлющая потеря. Нѣтъ русскаго, сердце котораго не обливалось бы кровью въ настоящую минуту. Для насъ это былъ болѣе, чѣмъ только писатель: онъ раскрылъ намъ себя самихъ. Онъ во многихъ отношеніяхъ былъ для насъ продолжателемъ Петра Великаго. Быть-можетъ, вамъ покажутся слова эти,— какъ написанныя подъ вліяніемъ горя,—преувеличеніемъ. Но вы не знаете его; вамъ извѣстны только самыя незначительныя изъ его произведеній; но еслибъ даже вы знали ихъ всѣ, то и тогда вамъ трудно было бы понять, чѣмъ онъ былъ для насъ. Надо быть русскимъ, чтобы это чувствовать. Самые проницательные умы изъ иностранцевъ, какъ, напримѣръ, Меримэ, видѣли въ Гоголѣ только юмориста на англійскій манеръ. Его историческое значеніе совершенно ускользаетъ отъ нихъ. Повторяю, надо быть русскимъ, чтобы понимать, кого мы лишились...

Ив. Тургеневъ.

XVII.

Петербургъ, 1/13 мая 1852 г.

Мои милые друзья! *)

Это письмо передастъ вамъ одно лицо, которая выѣзжаетъ отсюда черезъ нѣсколько дней,—или же оно перешлетъ его вамъ по переѣздѣ черезъ границу, такъ что я могу немного поговорить съ вами по душѣ.

Прежде всего скажу вамъ, что если я не уѣхалъ изъ Петербурга еще мѣсяцъ тому назадъ, то, конечно, не по своей волѣ. Я, по Высочайшему повелѣнію, посаженъ подъ арестъ въ полицейскую часть, за то, что напечаталъ въ одной московской газетѣ нѣсколько строкъ о Гоголѣ. Это только послужило предлогомъ, — статья сама по себѣ совершенно незначительна. Но на меня уже давно смотрятъ косо и потому привязались къ первому представившемуся случаю. Я вовсе не сѣтую на Государя: дѣло Ему представили такимъ предательскимъ способомъ, что Онъ не могъ поступить иначе. Хотѣли заглушить все, что говорилось по поводу смерти Гоголя, — и кстати обрадовались случаю подвергнуть вмѣстѣ съ тѣмъ запрещенію и мою литературную дѣятельность.

Черезъ двѣ недѣли меня отправятъ въ деревню, гдѣ я обязанъ жить до новаго распоряженія. Все это, какъ вы видите, не особенно весело; тѣмъ не менѣе я считаю нужнымъ сказать вамъ, что со мною обращаются вполнѣ по-человѣчески; у меня хорошая комната, есть книги, я могу писать; первые дни я могъ видаться со знакомыми, но потомъ

*) Письмо это адресовано совмѣстно къ г. и г-жѣ Віардо.

это запретили, такъ какъ ихъ приходило слишкомъ много. Несчастіе не обращаетъ въ бѣгство друзей,—даже въ Россіи. Правду сказать, что и *несчастіе-то* не особенно велико: 1852 годъ будетъ для меня безъ весны, вотъ и все. Самое же грустное только одно: надо окончательно проститься со всякой надеждой поѣхать за границу. Впрочемъ я никогда не обманывалъ себя на этотъ счетъ: оставляя васъ, я хорошо зналъ, что разстаюсь надолго, если не навсегда. Теперь я имѣю только одно желаніе, чтобы мнѣ позволили безъ стѣсненія разъѣзжать хоть внутри самой Россіи. Надѣюсь, что въ этомъ мнѣ не откажутъ. Наслѣдникъ *) очень добръ. Я написалъ ему письмо и ожидаю отъ него нѣкоторой милости. Вы знаете, что Императоръ уѣхалъ.

Наложили также печати на мои бумаги или, вѣрнѣе сказать, опечатали двери мой квартиры, а спустя десять дней сняли печати, ничего не осмотрѣвъ. Весьма вѣроятно знали, что тамъ не было ничего запрещеннаго. Нужно признаться, что я очень скучаю въ этой дырѣ. Я пользуюсь этимъ вынужденнымъ досугомъ для изученія польскаго языка; заниматься имъ я началъ шесть недѣль тому назадъ. Мнѣ предстоитъ еще четырнадцать дней заключенія! И ужъ считаю же я ихъ!

Вотъ, дорогіе друзья, не совсѣмъ пріятныя новости, которыя я могу сообщить вамъ. Надѣюсь, что вы скажете мнѣ что-нибудь болѣе пріятное. Здоровье мое хорошо, но я постарѣлъ до смѣшного: я могъ бы послать вамъ прядь *сѣдыхъ* волосъ—безъ всякаго преувеличенія. Однако я не теряю мужества. Въ деревнѣ меня ожидаетъ охота! Затѣмъ я постараюсь привести въ порядокъ мои дѣла, а потомъ примусь

*) Впослѣдствіи императоръ Александръ II.

за свои очерки изъ быта русскаго народа, самаго страннаго и самаго удивительнаго народа во всемъ мірѣ. Я стану работать надъ своимъ романомъ, тѣмъ съ большею свободой мысли, что мнѣ не придется пропускать его чрезъ цензорскіе когти. Мой арестъ вѣроятно сдѣлаетъ невозможнымъ печатаніе моего произведенія въ Москвѣ. Очень жаль, но что же дѣлать?

Я прошу васъ чаще писать мнѣ, мои дорогіе друзья; ваши письма укрѣпятъ мое мужество въ эти дни испытаній: ваши письма и воспоминанія о прошедшихъ дняхъ, о Куртавенелѣ,—въ нихъ все мое богатство. Я долго не останавливаюсь на этомъ изъ боязни расчувствоваться. Вы хорошо знаете, что мое сердце всегда съ вами и сказать это я могу особенно теперь... Моя жизнь кончена, въ ней нѣтъ больше очарованія; я съѣлъ весь свой бѣлый хлѣбъ: будемъ жевать оставшійся пеклеванный и просить небо, чтобы оно было „очень добро и милостиво“, какъ говорилъ Вивье *).

Мнѣ не для чего говорить вамъ, что все это должно остаться въ глубокой тайнѣ; малѣйшей замѣтки, малѣйшаго намека въ какой-нибудь газетѣ, будетъ достаточно, чтобы окончательно погубить меня.

Прощайте, мои милые друзья; будьте счастливы, а я буду радоваться вашему счастью насколько смогу. Будьте здоровы, не забывайте меня, пишите мнѣ чаще и будьте увѣрены, что я мысленно всегда съ вами. Цѣлую васъ всѣхъ и посылаю вамъ тысячу благословеній. Милый Куртавенель, посылаю и тебѣ также мой привѣтъ! Прощайте, прощайте; пишите мнѣ часто. Еще разъ цѣлую васъ. Прощайте!

Ив. Тургеневъ.

---

*) Волторнистъ-импровизаторъ, человѣкъ съ большимъ умомъ, остроты котораго часто занимали Тургенева и все семейство Віардо.

Въ своихъ „Литературныхъ воспоминаніяхъ“ Тургеневъ подробно разсказываетъ всѣ обстоятельства своего ареста. Въ маленькой статьѣ, которую онъ написалъ по поводу смерти Гоголя—и которая также помѣщена въ *Воспоминаніяхъ*,—не было ничего злонамѣреннаго. Она была напечатана въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* въ мартѣ 1852 г., съ разрѣшенія цензуры. Но это послужило предлогомъ для того, чтобы заставить молодого автора поплатиться за смѣлость его *Записокъ охотника*. Тургеневъ былъ взятъ подъ арестъ на одинъ мѣсяцъ. Къ счастью, обѣ дочери смотрителя были большими поклонницами его таланта; по ихъ просьбамъ Тургеневу отвели для заключенія частное помѣщеніе ихъ отца. Тамъ, пользуясь вынужденнымъ досугомъ, онъ написалъ свой знаменитый разсказъ *Муму*, о которомъ Карлейль говорилъ, что онъ никогда не читалъ ничего болѣе трогательнаго. Вѣроятно на этотъ именно разсказъ и намекаетъ Тургеневъ въ вышеприведенномъ письмѣ.

По окончаніи ареста Тургеневъ „административнымъ порядкомъ“ былъ отправленъ въ свое имѣніе Спасское, безъ права выѣзда. Это заключеніе въ деревнѣ продолжалось до конца 1854 г. И только благодаря графу Алексѣю Толстому, автору *Смерти Іоанна Грознаго*, и г-жѣ Смирновой (А. О.), обратившимся съ просьбой о его помилованіи къ Наслѣднику Цесаревичу, Тургеневу была возвращена свобода, и онъ поспѣшилъ воспользоваться ею, чтобы уѣхать во Францію.

XXVIII.

Спасское, 7 іюля (25 іюня) **1858** г.

Милый другъ,

Я возвращаюсь въ Спасское послѣ четырехдневнаго отсутствія и нахожу ваше письмо съ грустнымъ извѣстіемъ! *) Я боялся говорить вамъ о своихъ предчувствіяхъ, я старался убѣждать самого себя, что все еще могло хорошо кончиться, — и вотъ его больше нѣтъ! Я очень жалѣю о немъ самомъ и о всемъ томъ, что онъ унесъ съ собой; я глубоко чувствую, какое жестокое горе должна была при-

*) Смерть знаменитаго художника Ари Шёффера.

нести вамъ эта потеря, и ту пустоту, которую вамъ трудно будетъ заполнить. Онъ такъ любилъ васъ! Віардо и Луиза *) должны быть также очень огорчены. Когда смерть поражаетъ кого-нибудь въ нашихъ рядахъ, оставшіеся друзья должны смыкаться еще тѣснѣе. Не утѣшеніе я предлагаю вамъ, я только протягиваю вамъ дружескую руку; глубоко преданное вамъ сердце говоритъ вамъ, что вы можете положиться на него, точно такъ же какъ полагались на то, которое уже перестало биться.

Я не могу не думать о моемъ послѣднемъ свиданіи съ Шёфферомъ; онъ имѣлъ такой хорошій видъ, что мнѣ никакъ не могло придти на мысль, что я вижу его въ послѣдній разъ. Онъ писалъ „Христа съ Самаритянкой“; я сѣлъ позади него, и мы долго разговаривали: я разсказывалъ ему о своемъ путешествіи по Италіи (это было въ первыхъ числахъ мая). Никогда не видѣлъ я его такимъ привѣтливымъ, и въ такомъ хорошемъ расположеніи духа. Какой ужасный ударъ для его дочери!

Это печальное извѣстіе поразило меня до такой степени, что я не могу много говорить о себѣ. Скажу въ двухъ словахъ, что я провелъ очень пріятно три дня у своихъ друзей **): двухъ братьевъ и сестры, прекрасной, но очень несчастной женщины. Она принуждена была разойдтись съ мужемъ, своего рода деревенскимъ Генрихомъ VIII, очень отвратительнымъ; у нея трое дѣтей, которыя растутъ хорошо, особенно съ тѣхъ поръ, какъ съ ними нѣтъ отца. Онъ обращался съ ними слишкомъ сурово, изъ принципа: ему доставляло удовольствіе воспитывать ихъ по-спартански, а самому вести какъ разъ противоположный образъ жизни. По-

*) M-lle Віардо.

**) Въ имѣніи гр. Толстыхъ „Ясная Поляна“.

добныя вещи часто встрѣчаются: такимъ способомъ можно пользоваться пріятными сторонами и порока, и добродѣтели,— послѣдней по передовѣрію...

Изъ двухъ братьевъ одинъ довольно безцвѣтенъ, другой—прелестный малый, лѣнивый, флегматичный, неразговорчивый и въ то же время очень добрый, нѣжный, съ тонкимъ вкусомъ и тонкими чувствами, существо поистинѣ оригинальное. Третій братъ (графъ Левъ Толстой, о которомъ я говорилъ вамъ, какъ объ *одномъ* изъ *лучшихъ нашихъ писателей*. Вы улыбаетесь, — вспоминая Фета, къ которому я ѣду завтра, такъ какъ онъ мой сосѣдъ; но Толстой дѣйствительно и безъ всякихъ оговорокъ *изъ ряду вонъ* выходящій талантъ, и я надѣюсь когда-нибудь убѣдить васъ въ этомъ, переведя его *Дѣтство и Отрочество*. Здѣсь я закрываю эти безконечныя скобки). Третій братъ, говорю я, долженъ былъ пріѣхать и не пріѣхалъ. Сестра — довольно хорошая музыкантша; мы играли Бетховена, Моцарта и т. д.

Ив. Тургеневъ.

XXIX.

Спасское, 21 іюля 1858 г.

Моя добрая и дорогая m-me Віардо *).

Начинаю свое письмо съ грустнаго для всѣхъ русскихъ извѣстія. Художникъ Ивановъ, о которомъ я, кажется, говорилъ вамъ въ моихъ письмахъ изъ Рима, умеръ отъ холеры въ Петербургѣ.

*) Въ подлинникѣ: „Chère et bonne Madame Viardot“. Это первое по времени (1858) письмо Тургенева къ г-жѣ Віардо съ такимъ обращеніемъ *Прим. пер.*

Бѣдный человѣкъ! Послѣ двадцатипятилѣтней работы,— послѣ лишеній, нищеты, добровольнаго затворничества,—въ ту минуту, когда его картина была, наконецъ, выставлена,— и прежде чѣмъ онъ успѣлъ получить какую-нибудь награду и убѣдиться въ успѣхѣ своего произведенія, которому посвятилъ всю свою жизнь,—смерть, смерть внезапная, какъ апоплексическій ударъ, но болѣе ужасная, такъ какъ она начинается не съ головы, похищаетъ его! Дрянная газетная статья, полная оскорбленій, разныя оттяжки, разсчитанное пренебреженіе,—вотъ все, что дала ему родина за короткое время между его возвращеніемъ и смертью. Что касается его картины *), то она безъ сомнѣнія принадлежитъ къ той эпохѣ искусства, въ которую мы вступили уже болѣе вѣка тому назадъ, и которая есть—нужно же въ этомъ сознаться—эпоха упадка. Это уже не простая и чистая живопись, это философія, поэзія, исторія, религія. Въ картинѣ есть плачевные недостатки, но тѣмъ не менѣе это великая вещь, серьёзное и возвышенное произведеніе, и надо желать, чтобы оно имѣло вліяніе въ Россіи, хотя бы только для того, чтобы создать реакцію противъ школы Брюлова **)...

Ив. Тургеневъ.

XXX.

(Спасское) 30 іюля 1858 г.

... Вотъ что я дѣлалъ въ продолженіе прошедшихъ девяти дней: я много работалъ надъ романомъ ***), который на-

*) Знаменитое *Явленіе Христа*, надъ которою Ивановъ работалъ четверть вѣка, и которая главнымъ образомъ и создала его славу.

**) Представитель академическаго искусства.

***) *Наканунѣ*, которое было переведено на французскій языкъ подъ заглавіемъ „Un Bulgare“.

чалъ, и надѣюсь кончить его къ началу зимы; потомъ я былъ на охотѣ за 150 верстъ отсюда и напрасно потерялъ пять дней, — болота пустовали, потому что время перелета дупелей и бекасовъ еще не наступило. Кромѣ того, я занимаюсь, вмѣстѣ съ дядей, упорядоченіемъ своихъ отношеній къ крестьянамъ: начиная съ осени они всѣ будутъ переведены на *оброкъ*, т.-е. я уступлю имъ половину своей земли за извѣстную годовую плату, а для воздѣлыванія своей земли стану рабочихъ нанимать. Это будетъ переходное состояніе въ ожиданіи рѣшенія комитетовъ; а пока еще нельзя сдѣлать ничего окончательнаго.

Я сказалъ вамъ о романѣ, который пишу. Какое было бы для меня счастье познакомить васъ съ его планомъ, изложить характеры, намѣченную мною цѣль и т. д.; съ какимъ вниманіемъ я выслушалъ бы всѣ ваши, драгоцѣнныя для меня, замѣчанія! На этотъ разъ я долго обдумывалъ сюжетъ, и надѣюсь избѣжать нетерпѣливыхъ и неожиданныхъ развязокъ, которыя такъ справедливо смущали васъ. Я чувствую въ себѣ расположеніе къ работѣ, но горячность молодости уже далека отъ меня; я пишу съ удивительнымъ спокойствіемъ: только бы оно не отразилось на моемъ произведеніи! Ибо холодность,—это уже посредственность...

. . . . . .

Ив. Тургеневъ.

XXXII.

Парижъ, 16 февраля 1865 г.

. . . . . .

. . . Я еще не посѣтилъ ни одного театра. Нѣтъ, мнѣ рѣшительно не доставляетъ удовольствія бывать тамъ... одному.

Вчера я былъ на открытіи палатъ въ большой Salle des Etats въ Луврѣ. Насъ набилось, какъ сельдей въ боченокъ. Меня поразили три вещи: исключительно *военный* характеръ этой церемоніи (апплодировали только въ одномъ мѣстѣ, когда рѣчь зашла о сооруженіи новой тріумфальной арки), полное и рѣшительное отсутствіе хорошенькихъ женскихъ лицъ— и тэмбръ голоса императора. Если бы можно было записывать голоса такъ же, какъ рисуютъ лица, то каждый сказалъ бы, что это говоритъ какой-нибудь швейцарскій профессоръ,—профессоръ ботаники или нумизматики. Рѣчь сама по себѣ безцвѣтная, очень миролюбивая и двусмысленная,— послѣднее ужъ понятно само собою.

Императрица была одѣта въ безобразное платье, но у нея много граціи и достоинства. Императорскій принцъ такой тщедушный и безжизненный. У принца Наполеона настоящій обликъ Тиберія или Домиціана. Вчера я долженъ былъ обѣдать съ нимъ у Биксіо, но я отказался отъ этой чести. Онъ мнѣ вовсе не нравится,—и притомъ онъ съ очень большимъ презрѣніемъ говорилъ о моихъ бѣдныхъ русскихъ. Ничего нѣтъ смѣшнѣе нѣкоторыхъ фигуръ, разодѣтыхъ въ парадныя формы; — красные, желтые, пестрые, золоченые береты (togues) адвокатовъ и судей имѣли такой забавный псевдо-восточный видъ, что можно было умереть со смѣха. Сколько лентъ, звѣздъ, касокъ, султановъ, позолоты! Великій Боже! и подумать только, что весь этотъ хламъ производитъ эффектъ!. Да что я говорю? Онъ управляетъ міромъ...

Ив. Тургеневъ.

XXXII.

Спасское, 1 іюля 1865 г.

Милая и дорогая m-me Віардо!

Я въ восторгѣ отъ того, что сказалъ вамъ г. Ріецъ; очень жалѣю, что не познакомился съ нимъ *). Его слова должны придать вамъ крылья. Это не чета тому, что говорили вамъ мы, *диллетантишки*, и если вы не примитесь писать сонаты, или по возвращеніи я не найду какого-нибудь прекраснаго и законченнаго *adagio*, то мнѣ придется побранить васъ. Мнѣ кажется, въ самомъ дѣлѣ, что музыкальная идея должна развиваться съ бо́льшею свободой, съ бо́льшей широтой, когда она не стѣснена заранѣе намѣченными рамками, опредѣленными заранѣе красками и формами, и—опредѣленными постороннимъ...

Итакъ, смѣлѣй за трудъ! Я такъ много его превозносилъ вообще и поощрялъ въ другихъ, что самъ теперь ничего не дѣлаю. Такъ нѣтъ же! Даю вамъ честное слово, что если вы начнете писать сонаты,—я примусь вновь за литературную работу. „Passez moi la casse, je vous passerez le sené“ **). Романъ—за сонату: идетъ? Боже! что за перспектива лихорадочной дѣятельности открывается передо мной. Достанетъ на цѣлую зиму...

Ив. Тургеневъ.

---

*) Директоръ оркестра въ „Gewandhaus'ѣ“ Лейпцига.

**) Выраженіе, созданное, если не ошибаемся, Мольеромъ, и вошедшее въ поговорку, какъ у насъ нѣкоторые стихи ихъ „Горя отъ ума“. По смыслу аналогично съ нашимъ „рука руку моетъ“, или „поквитаемся—я *вамъ* спущу то-то, а вы *мнѣ* спустите то-то“... *Прим. пер.*

Письма къ Густаву Флоберу и г-жѣ Комманвиль.

(1863—1880).

Предисловіе

г. Гальперинъ-Каминскаго къ письмамъ И. С. Тургенева къ Густаву Флоберу и г-жѣ Комманвиль.

Знакомство Тургенева съ Густавомъ Флоберомъ начинается съ 1858 г., но болѣе частыя сношенія между ними установились только съ 1863 г., когда Тургеневъ сдѣлался постояннымъ посѣтителемъ „обѣдовъ Маньи". Эта дружба приняла характеръ трогательной интимности, благодаря одинаковому благоговѣнію обоихъ писателей къ Жоржъ Зандъ,—благоговѣнію, которое и русскій и французъ давно уже питали къ ней, и о которомъ мы будемъ еще говорить, когда приступимъ къ печатанію писемъ Тургенева къ Жоржъ Зандъ.

„Существовала связь,—какъ бы сродство наивной доброты—между этими двумя геніальными натурами; Жоржъ Зандъ „поженила ихъ",—говоритъ Альфонсъ Додэ въ своемъ этюдѣ о Тургеневѣ. И онъ продолжаетъ: „Флоберъ—говорунъ, фрондёръ, донъ-Кихотъ, съ голосомъ, похожимъ на полковую трубу, съ могучей ироніей своей наблюдательности, съ пріемами нормандца временъ завоеваній, былъ какъ разъ, конечно, мужскою половиною этого союза душъ; но кто бы въ другомъ колоссѣ съ густыми бровями, съ крупными чертами лица угадалъ женщину,—женщину съ столь тонкими чувствами, описанную Тургеневымъ въ его книгахъ, эту русскую женщину нервную, томную, страстную,—полусонную, какъ женщины Востока—трагическую, какъ возмутившаяся сила? Безъ сомнѣнія, въ суматохѣ великой человѣческой фабрикаціи душъ, перепутываютъ оболочки: мужскія души попадаютъ въ женственныя тѣла, женскія души въ циклопическіе остовы.

Гонкуръ, Зола, Мопассанъ также свидѣтельствуютъ о тѣсной дружбѣ, связывавшей Тургенева съ Флоберомъ. Слѣды

этой дружбы можно видѣть на каждомъ шагу въ перепискѣ этого послѣдняго съ друзьями, и особенно съ Жоржъ Зандъ. Такъ отъ 2-го іюля 1870 г. Флоберъ пишетъ владѣтельницѣ замка Ногана:

„Кромѣ васъ и Тургенева я не знаю ни одного смертнаго, которому бы я могъ излить все то, что наиболѣе близко моей душѣ; а вы оба живете такъ далеко отъ меня!“ (Переписка т. IV, стр. 25).

И позднѣе:

„Я провелъ вчера очень хорошій день съ Тургеневымъ, которому я прочелъ 115 уже написанныхъ страницъ изъ „*Св. Антонія*“. Послѣ чего я прочелъ ему около половины „*Послѣднихъ пѣсенъ*“. Какой слушатель! и какой критикъ! Онъ ослѣпилъ меня глубиною и ясностью своихъ сужденій. О! если бы всѣ, кто вмѣшиваются въ сужденія о книгахъ, могли бы слышать его,—какой урокъ! Ничто не ускользаетъ отъ него. Прослушавъ стихотвореніе во 100 стиховъ, онъ еще помнитъ слабый эпитетъ! Онъ далъ мнѣ для „*Св. Антонія*“ два или три чудныхъ совѣта относительно подробностей“. (Переписка, т. IV, стр. 95).

А въ письмѣ къ г-жѣ Ренье мы читаемъ:

„M-me Зандъ теперь мой единственный литературный другъ, вмѣстѣ съ Тургеневымъ! Правда, эти два стоятъ цѣлой толпы!“ (Переп. т. IV, стр. 140).

Конечно,—Тургеневъ платилъ Флоберу такою же дружбой,—и Флоберъ въ этомъ не сомнѣвался.

„Тургенéвъ,—писалъ онъ m-me Зандъ, — мнѣ кажется остался очень доволенъ двумя первыми главами моей ужасной книги. Но Тургеневъ, можетъ-быть, слишкомъ любитъ меня для того, чтобы судить обо мнѣ безпристрастно“. (Переп., т. IV, стр. 211).

Тургеневъ считалъ Флобера самымъ замѣчательнымъ французскимъ писателемъ, а „Madame Bovary“ самымъ сильнымъ произведеніемъ нашего вѣка. Впрочемъ таково же было мнѣніе и Тэна. Изъ переписки Тургенева будетъ видно, что онъ перевелъ на русскій языкъ „La légende de S-t. Julien l' Hospitalier“ и „Hérodiade“ *). Въ эти переводы онъ вложилъ столько любви и старанія, что въ Россіи на нихъ смотрятъ,

*) Сочиненіе Флобера: „*Легенду о св. Юліанѣ Милостивомъ*“ и „*Иродіаду*“.

какъ на образцовыя произведенія по точности передачи и по стилю, такъ что издатели сочли нужнымъ включить ихъ въ послѣднее изданіе полнаго собранія его сочиненій.

Послѣ войны Флоберъ и Тургеневъ, немного забросившіе „обѣды у Маньи", рѣшили собираться въ болѣе интимномъ кружкѣ. Альфонсъ Додэ, въ вышеупомянутомъ этюдѣ, такъ разсказываетъ о происхожденіи этого кружка:

Въ это же время возникла мысль объ ежемѣсячныхъ собраніяхъ, гдѣ друзья могли бы сходиться за хорошимъ обѣдомъ; это называлось „обѣдами Флобера" или „обѣдами освистанныхъ авторовъ": Флоберъ былъ освистанъ за *Кандидата*, Зола—за *Розовый Бутонъ*, Гонкуръ—за *Генріэту Марешаль*, я — за *Арлезіанку*. Жирарденъ хотѣлъ проскользнуть въ нашу шайку, но онъ не былъ литераторомъ, и его не допустили. Что касается Тургенева, то онъ далъ намъ слово, что былъ за что-то освистанъ въ Россіи, а такъ какъ она была очень далеко, то мы туда не поѣхали, чтобы провѣрять его.

Но эти ежемѣсячные обѣды не были единственнымъ мѣстомъ встрѣчъ Тургенева и Флобера, такъ какъ послѣдній писалъ Жоржъ Зандъ въ концѣ 1873 г.:

Я видаюсь съ „Московомъ" (le Moscove) каждое воскресенье. Онъ здоровъ—и я люблю его все больше и больше.

На эти воскресные пріемы (у Флобера) приходили также Тэнъ, Жоржъ Пуше, Клодіусъ Попелэнъ, Филиппъ Бюрти, Леонъ Кладель, Катуллъ Мендесъ, Эмиль Бержера, Жозе-Маріа-де-Эредіа, Гюи де-Мопассанъ, Поль Алексисъ, Гюйсмансъ, Леонъ Генникъ, Сеаръ, Гастонъ Тудузъ, не считая посѣтителей обѣдовъ „освистанныхъ авторовъ".

Первымъ часто приходилъ Тургеневъ, котораго онъ (Флоберъ) обнималъ какъ брата,—разсказываетъ Гюи де Мопассанъ.—Будучи еще выше Флобера, русскій романистъ любилъ французскаго рѣдкой и глубокой любовью. Сродство талантовъ, ума, философскаго міросозерцанія,—сходство во вкусахъ, въ образѣ жизни, въ мечтахъ,—одинаковыя литературныя стремленія, идеализмъ, экзальтированный взаимнымъ удивленіемъ передъ талантомъ и эрудиціей другъ друга—создали между ними столько непрерывныхъ точекъ соприкосновенія, что оба они при встрѣчѣ чувствовали можетъ-быть радость еще болѣе сердечную, чѣмъ интеллектуальную.

Тургеневъ опускался въ кресло и говорилъ медленно, мягкимъ, немного слабымъ и колеблющимся голосомъ, но который придавалъ всему, что онъ говорилъ, особую прелесть и громадный интересъ. Флоберъ слушалъ его съ религіознымъ благоговѣніемъ, устремивъ на огромную фигуру своего друга свои большіе голубые глаза съ двигающимися зрачками, и отвѣчалъ ему звучнымъ голосомъ, звенѣвшимъ наподобіе трубнаго гласа изъ-подъ его усовъ стараго галльскаго воина. Ихъ разговоръ рѣдко касался событій текущей жизни, и не выходилъ за предѣлы литературы и литературной исторіи. Тургеневъ часто являлся нагруженнымъ иностранными книгами, и бѣгло изустно переводилъ Гёте, Пушкина или Суинбёрна.

Дружба между двумя писателями осталась всегда неизмѣнной, и даже послѣ смерти Флобера Тургеневъ сохранилъ культъ къ его памяти, какъ это будетъ видно изъ его писемъ къ племянницѣ его друга, г-жѣ Комманвиль.

Благодаря ей, благоговѣйно уже собравшей и издавшей переписку своего знаменитаго дяди, мы можемъ теперь познакомиться со всѣми письмами Тургенева къ Флоберу и къ самой г-жѣ Комманвиль.

Е. Гальперинъ-Каминскій.

Письма къ Густаву Флоберу.

I.

Милостивый Государь! (Cher Monsieur).

Позвольте мнѣ предложить вамъ приложенныя при этомъ письмѣ двѣ книги *); двѣ другія я пошлю къ вамъ на домъ, около Руана, спустя нѣкоторое время, такъ какъ не хочу злоупотреблять вашей снисходительностью. Вы были бы очень любезны, если бы пришли завтра, въ понедѣльникъ, провести у меня хотя бы часть вечера (ул. Риволи, 210). Нѣсколько нашихъ друзей, и между ними m-me Віардо, очень желаютъ познакомиться съ вами. Такимъ образомъ хотя бы немного уменьшилось сожалѣніе, которое я чувствую отъ того, что встрѣтилъ васъ такъ поздно въ жизни. А пока прошу васъ принять увѣреніе въ моей искренней симпатіи **).

Ив. Тургеневъ.

Воскресенье, улица Риволи, 210.

---

*) Двѣ книги, о которыхъ говоритъ Тургеневъ, должны быть его *Записки охотника* и *Сцены изъ русской жизни* въ двухъ выпускахъ, единственныя его произведенія, которыя были переведены въ то время на французскій языкъ. *Записки охотника* и вторая серія *Сценъ изъ русской жизни* заключаютъ въ себѣ: *Постоялый дворъ*, *Затишье*, *Нахлѣбникъ*, *Переписку*, *Два дня въ Полѣсьѣ* и *Степной король Лиръ*, переведенные Луи Віардо, а въ первой серіи находятся: *Два друга*, *Яковъ Пасынковъ*, *Муму*, *Фаустъ*, *Бретёръ*, *Три портрета*, въ переводѣ Ксавье Мармье.

**) Это письмо, безъ числа, вѣроятно первое письмо Тургенева къ Флоберу: такъ полагаетъ m-me Комманвиль, а тонъ и содержаніе письма под-

II.

Парижъ, улица Риволи, 210.
19 марта **1868** г.

Cher Monsieur Flaubert.

Ваше письмо столько же заставило меня покраснѣть, сколько доставило мнѣ удовольствія, — а это много. Такія похвалы заставляютъ гордиться, и я желалъ бы, чтобы онѣ были мною заслужены. Какъ бы тамъ ни было, я очень счастливъ, что понравился вамъ, и очень благодаренъ за то, что вы мнѣ это сказали.

Посылаю вамъ мою книгу, только-что появившуюся; я печатаю другую и пошлю вамъ ее тотчасъ же, какъ она будетъ готова *). Вы видите, что я не щажу васъ болѣе.

Не думаете ли вы до лѣта побывать въ Парижѣ? Я былъ бы такъ счастливъ продолжить съ вами мое знакомство, начавшееся подъ такимъ хорошимъ предзнаменованіемъ и которое — въ чемъ я за себя увѣренъ — можетъ привести къ самой искренней дружбѣ.

Жму вамъ руку со всей дружбой, которую чувствую къ вамъ уже теперь, и прошу васъ вѣрить мои искреннимъ къ вамъ чувствамъ.

Ив. Тургеневъ.

тверждаютъ это мнѣніе; наконецъ, оно начинается официальнымъ: „Cher Monsieur“. Интересно прослѣдить постепенное измѣненіе этой формулы, по мѣрѣ того, какъ отношенія Тургенева къ Флоберу становятся болѣе интимными: сначала „Cher Monsieur“, потомъ „Cher Monsieur Flaubert“, „Mon cher confrère“ (Дорогой сотоварищъ), „Mon cher ami“ (Дорогой другъ) и и наконецъ „Mon bon vieux“ („Добрая“ или просто „Старина“).

*) Двѣ новыя книги, о которыхъ упоминаетъ Тургеневъ, по всей вѣроятности были *Рудинъ* и *Дворянское гнѣздо*.

III.

Парижъ, улица Риволи, 210.
19 апрѣля 1863 г.

Дорогой товарищъ!

Надѣюсь, что мнѣ нѣтъ надобности говорить вамъ, какое удовольствіе доставило мнѣ ваше второе письмо—и даже болѣе, чѣмъ удовольствіе. Если я не отвѣтилъ вамъ немедленно, то только потому, что долженъ былъ выдраться изъ массы непріятныхъ мелкихъ дѣлъ, сдѣлавшихъ меня одновременно и угрюмымъ и лѣнивымъ.

Эти дрязги еще продолжаются, но мнѣ совѣстно откладывать дальше. Я разсчитывалъ,—разсчитываю еще и теперь на вашу снисходительность, и хочу главнымъ образомъ сказать вамъ спасибо и пожать вашу руку. Я очень счастливъ вашимъ одобреніемъ, вы можете быть въ этомъ увѣрены; я хорошо знаю, что такой художникъ и такой доброжелательный человѣкъ, какъ вы, всегда найдетъ въ книгѣ между строкъ много вещей, которыя отъ себя щедро приписываетъ автору. Но все равно, похвалы, исходящія отъ васъ, стоятъ золота, и я принимаю ихъ съ гордостью и благодарностью.

Не увидимся ли мы лѣтомъ? Часъ хорошей искренней бесѣды стоитъ сотни писемъ. Черезъ недѣлю я оставляю Парижъ, чтобы переселиться въ Баденъ; не пріѣдете ли вы туда? Такихъ деревьевъ, какъ тамъ, я нигдѣ не видалъ,—и на самой вершинѣ горъ! Это сильно, молодо, поэтично и изящно въ одно и то же время, и благотворно дѣйствуетъ на глаза и на душу. Когда сидишь у подножія одного изъ этихъ великановъ, кажется, что заимствуешь у него часть его

соковъ,—а это очень пріятно и очень полезно. Въ самомъ дѣлѣ, пріѣзжайте въ Баденъ, хотя на нѣсколько дней. Вы вывезете оттуда дивныя краски для вашей палитры.

До вашего отъѣзда вы получите отъ меня мою книгу, которая скоро выйдетъ въ свѣтъ. Я пичкаю васъ, но въ этомъ есть доля вашей вины.

Тысяча дружескихъ пожеланій. Будьте здоровы, работайте и пріѣзжайте въ Баденъ.

Весь вашъ

Ив. Тургеневъ.

IV.

Баденъ, Thiergartenstrasse, 3.
26 мая **1868** г.

Мой дорогой другъ!

Я очень благодаренъ вамъ за то, что вы вздумали написать мнѣ. Ваше письмо доставило мнѣ большое удовольствіе, такъ какъ оно возобновило наши отношенія и показало мнѣ, что моя книга вамъ понравилась.

Въ наше время нѣтъ художника, въ которомъ вмѣстѣ съ тѣмъ не сидѣлъ бы и критикъ. Въ васъ художникъ очень великъ, и вы знаете, какъ я восхищаюсь имъ и какъ люблю его; но я также высокаго мнѣнія и о критикѣ, и счастливъ его одобреніемъ. Я знаю, что тутъ необходимо считаться съ вашей дружбой ко мнѣ; но я чувствую, что передъ моей картиной сталъ большой мастеръ, посмотрѣлъ на нее и одобрительно кивнулъ головой. И, я повторяю, это доставило мнѣ большое удовольствіе.

Я очень жалѣлъ, что не видалъ васъ въ Парижѣ. Я провелъ тамъ только три дня, и еще болѣе жалѣю, что вы въ этомъ году не пріѣдете въ Баденъ. Вы запряглись въ вашъ романъ. Это хорошо. Я жду его съ величайшимъ нетерпѣніемъ. Но не можете ли вы дать себѣ нѣсколько дней отдыха, которымъ могли бы воспользоваться ваши здѣшніе друзья!

Съ перваго же раза, какъ я увидѣлъ васъ (въ какомъ-то трактирѣ на лѣвомъ берегу Сены), я почувствовалъ сразу къ вамъ большую симпатію. Мало людей, особенно французовъ, съ которыми бы я чувствовалъ себя такъ спокойно, и въ то же время такъ оживленно, какъ съ вами; мнѣ кажется, что я могъ бы говорить съ вами по цѣлымъ недѣлямъ. И притомъ мы, подобно кротамъ, роемъ землю въ одномъ направленіи. Все это можетъ дать вамъ понять, какъ я былъ бы доволенъ видѣть васъ.

Я уѣзжаю въ Россію недѣли черезъ двѣ, но я не останусь тамъ долго,—къ концу іюля вернусь, и поѣду въ Парижъ навѣстить дочь, которая къ тому времени вѣроятно сдѣлаетъ меня дѣдушкой. Я способенъ нагрянуть къ вамъ въ деревню, если вы только тамъ будете. Или вы пріѣдете въ Парижъ? Но я долженъ увидѣть васъ.

А пока желаю вамъ успѣха. Настоящая жизненная человѣческая истина, которую вы преслѣдуете съ такимъ неутомимымъ стремленіемъ, дается въ руки только въ счастливые дни.

У васъ они были —и будетъ еще ихъ много.

Будьте здоровы; и также обнимаю васъ съ искренней дружбой.

Ив. Тургеневъ.

V.

Баденъ, Thiergartenstrasse, 3.
Вторникъ, 28 іюля 1868 г.

Мой дорогой другъ!

Это очень мило съ вашей стороны, что вы подумали обо мнѣ и, какъ вы говорите, дали мнѣ вашу программу. Я уже четыре дня какъ здѣсь, но,—къ несчастью,—я вернулся изъ Россіи не одинъ. Я привезъ съ собою здоровенный припадокъ подагры, который схватилъ меня въ Маконѣ и возобновился по пріѣздѣ моемъ въ Баденъ. И вотъ я на кушеткѣ со всѣми неизбѣжными злосчастіями—масломъ индійскихъ каштановъ и проч. и проч.; все-таки припадокъ не такъ силенъ, какъ былъ въ прошломъ году, и я не теряю надежды поѣхать на купанья въ серединѣ будущаго мѣсяца и,—какъ-то и слѣдуетъ по программѣ,—нагряну къ вамъ въ вашу берлогу.

Скажу откровенно, мнѣ очень интересно увидѣть ее.

Я не видался съ Дю-Каномъ, который долженъ быть здѣсь; со дня моего пріѣзда я еще не выходилъ изъ комнаты; дня черезъ два я можетъ-быть буду въ состояніи дѣлать небольшія прогулки въ экипажѣ.

Будьте здоровы и работайте спокойно и съ аппетитомъ. Это лучшій способъ.

Дружески цѣлую васъ.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

VI.

Баденъ, Thiergartenstrasse, 3.
Вторникъ 18 августа 1868 г.

Мой дорогой другъ!

До сихъ поръ я медлилъ отвѣтомъ на вашу милую записочку, потому что все надѣялся увѣдомить васъ о своемъ пріѣздѣ, но чертовская подагра не хочетъ разстаться со мной, и я еще не могу думать объ этомъ довольно долгомъ путешествіи. Это скучно, но что же дѣлать? Я пріѣду, какъ только буду въ состояніи, а пока обнимаю васъ, и прошу передать мое почтеніе вашей матушкѣ, съ которой я почту за счастье познакомиться.

Въ ожиданіи работайте крѣпко.

Ив. Тургеневъ.

VII.

Парижъ, улица Лафиттъ, Hôtel Вугоп.
Вторникъ, 24 ноября 1868 г.

Мой дорогой другъ!

Сыръ только-что получилъ; я беру его съ собой въ Баденъ, и каждый разъ, завтракая имъ, мы будемъ думать о Круассе *) и о чудномъ днѣ, проведенномъ мною тамъ. Рѣшительно я чувствую, что мы очень симпатичны другъ другу.

Если весь вашъ романъ такъ же хорошъ, какъ присыласмые вами отрывки, то вы создали образцовое произведеніе **). Это *я* вамъ говорю.

*) Деревенское мѣстопребываніе Флобера, недалеко отъ Руана, въ Нормандіи.

**) Здѣсь говорится о „*Сентиментальномъ воспитаніи.*“

Не знаю, прочли ли вы книжонку, которую я послалъ вамъ; во всякомъ случаѣ поставьте ее на одну изъ полокъ вашей библіотеки *).

Передайте мое почтеніе вашей матушкѣ, и позвольте обнять васъ.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. Мой адресъ: Карлсруэ, до востребованія. Вы будете очень милы, если пришлете мнѣ вашу фотографическую карточку.

Вотъ вамъ моя, на которой видъ у меня очень непріятный.

P. P. S. Найдите другое заглавіе: „*Сентиментальное воспитаніе*“ нехорошо.

VIII.

Карлсруэ, Hôtel Prince Max.
Понедѣльникъ, 25 января 1869 г.

Надо же мнѣ, наконецъ, получить вѣсти отъ васъ, мой дорогой другъ. Ну, хотя бы въ двухъ словахъ: гдѣ вы и что подѣлываетъ вашъ романъ? Пишу вамъ въ Круассе, а вы можетъ-быть въ Парижѣ вдыхаете „воздухъ времени“. Во всякомъ случаѣ я не думаю, чтобы вы долго тамъ остались.

---

*) По всему вѣроятію *Дымъ*, переведенный на французскій языкъ княземъ Голицынымъ и напечатанный въ мартѣ 1868 г.

Я еще еще не поблагодарилъ васъ за вашу фотографію: вы имѣете на ней видъ очень военный и очень хорошо причесанный,—но это вы!—и потому все же пріятно смотрѣть на нее. Почему вы не снимете дѣйствительно хорошую?

Я часто думаю о Круассе и говорю себѣ, что это хорошее гнѣздо для того, чтобы выводить тамъ пѣвчихъ птицъ. Что касается меня, то я почти ничего не сдѣлалъ. Я занялся работой, къ которой чувствую отвращеніе, и грустно ковыляю по ней. Я не могу отступить, но когда окончу ее, то съ облегченіемъ скажу: уфъ!

За исключеніемъ кой-какихъ отрывковъ, да литературныхъ воспоминаній, которые я обѣщалъ моему издателю, я никогда не работалъ надъ такого рода статьями, и это нисколько не интересно. О, только бы потолковать часика два съ Сэнтъ-Бёвомъ! Мнѣ хотѣлось бы знать, находитъ ли онъ это интереснымъ! *)

Передайте мои самыя дружескія чувства вашей уважаемой матушкѣ. Она производитъ на меня впечатлѣніе лучшей „мамы“, о какой только можно мечтать. Крѣпко жму вашу руку.

Вашъ *Ив. Тургеневъ.*

IX.

Карлсруэ, Hôtel Prince Max.
Воскресенье, 21 марта 1869 г.

Мой дорогой другъ!

Ваше письмо, адресованное въ Штутгартъ или Баденъ, дошло до меня только сейчасъ. Спѣшу увѣдомить васъ, что

*) Судя по ссылкѣ на С.-Бёва, надо думать, что дѣло идетъ о какой-то критической статьѣ, которою занялся Тургеневъ.

я выѣзжаю отсюда въ Парижъ въ среду и пріѣду туда въ четвергъ въ пять часовъ утра. Я остановлюсь въ Hôtel Bygon, въ улицѣ Лафиттъ. Въ Парижѣ я пробуду недѣлю. Излишне говорить, какъ я буду радъ видѣть васъ. А пока обнимаю васъ со всею дружбой.

Ив. Тургеневъ.

P. S. Напомните обо мнѣ вашей матушкѣ.

X.

Баденъ, Tiergartenstrasse, 3.
Воскресенье, 30 января.

Мой дорогой другъ!

Въ первомъ номерѣ одного русскаго журнала, который издается въ С.-Петербургѣ, и носитъ названіе „Messager Russe“ *) (нѣчто въ родѣ русской *Revue des Deux Mondes*), помѣщена огромная статья о вашей книгѣ **) (и это только первая часть). Ее разбираютъ очень подробно и разсказываютъ весь сюжетъ. Много хвалятъ и автора, и его произведеніе. Заглавіе этой статьи „*Новое французское общество*“. Я говорю все это вамъ потому, что это можетъ быть для васъ интереснымъ, хотя теперь у васъ другой молотокъ стучитъ въ головѣ.

Я оставляю Баденъ черезъ четыре или пять дней. Два мѣсяца я проведу въ Веймарѣ. Мой адресъ: Великое гер-

*) Настоящее названіе этого журнала „Messager de l'Europe“—*Вѣстникъ Европы.* (Прим. г. Гальперина-Каминскаго).

**) Здѣсь говорится о *Сентиментальномъ воспитаніи.*

догство Саксенъ-Веймарское, Hôtel de Russie. И я проѣду черезъ Парижъ, прежде чѣмъ выѣхать въ Россію въ апрѣлѣ мѣсяцѣ.

Пришлите вѣсточку о себѣ. Хорошо ли вы работаете? Мнѣ часто вспоминается вашъ „*Антоній*“. Вчера вечеромъ, ложась спать, я перечелъ сцену „Клуба интеллигенціи“ *), и Испанецъ заставилъ меня громко разсмѣяться.

Передайте отъ меня тысячу пожеланій m-me Зандъ, Дю-Кану и tutti quanti.

Жму вамъ руку со всею силою моей дружбы.

Ив. Тургеневъ.

XI.

Веймаръ, Hôtel de Russie,
20 февраля 70.

Мой дорогой другъ!

Статья, которую Юліанъ Шмидтъ **) написалъ о *Сентиментальномъ воспитаніи*, еще не появилась въ *Preussische Jahrbücher*; какъ только она будетъ напечатана, я немедленно пришлю ее вамъ. Если вы пожелаете, я попрошу его выслать вамъ его статью о *Madame Bovary*. Она вышла въ прошломъ году. Во второмъ № *Вѣстника Европы*, только-что полученномъ мной, находится вторая и послѣдняя часть статьи, о которой я раньше говорилъ вамъ, и которая представляетъ скорѣе очень подробный резюме романа.

---

*) Опять намекъ на *Сентиментальное воспитаніе*.

**) Извѣстный нѣмецкій критикъ.

Находятъ вообще, что женщина занимаетъ слишкомъ большое мѣсто въ жизни Фредерика, и спрашиваютъ себя, неужели таковы всѣ молодые французы. Да, конечно, къ вамъ были несправедливы, но вотъ минута, когда надо собрать всѣ силы и пустить въ публику образцовымъ произведеніемъ. Вашъ *Антоній* *) можетъ быть такимъ булыжникомъ. Не мѣшкайте очень съ нимъ, вотъ мой припѣвъ. Не слѣдуетъ также забывать, что людей мѣрятъ по той мѣркѣ, которую они сами дали о себѣ, и вы несете наказаніе за ваше прошлое. Вы обладаете энергіей, и—„hombre debe ser feroz“**), говоритъ испанская пословица,—и въ особенности артистъ. Если ваша книга захватитъ хотя десятокъ людей сколько-нибудь стоящихъ, то и этого было бы довольно. Вы понимаете, что я говорю вамъ это не для того, чтобы утѣшать васъ, а для того, чтобы возбудить.

Я уже дней десять, какъ здѣсь, и моя единственная забота—найти способъ согрѣться. Дома здѣсь очень дурно выстроены, а желѣзныя печи никуда не годятся. Вы прочтите одну мою совсѣмъ маленькую вещичку, въ *Revue des Deux Mondes* ***).

Это совершенная бездѣлка; я сейчасъ работаю надъ коечѣмъ болѣе существеннымъ, или лучше—приготовляюсь работать.

Ранѣе, чѣмъ вернусь въ Россію, я проѣду въ Парижъ; это будетъ въ концѣ апрѣля. Мы станемъ часто видаться. Если вы увидите m-me Зандъ, то передайте ей отъ меня

---

*) Здѣсь говорится объ *Искушеніи св. Антонія*, появившемся спустя четыре года, въ 1874 г.

**) „Мужчина долженъ быть свирѣпъ“.

***) Разсказъ подъ заглавіемъ *Странная исторія*.

тысячу хорошихъ пожеланій. Поклонитесь Дю-Кану и семейству Гюссонъ.

Обнимаю васъ и говорю вамъ: мужайтесь! Вы —Флоберъ, что бы тамъ ни было.

Вашъ *И. Т.*

XII.

Лондонъ, 16, Beaumont Street, Marylebone.
6 мая **1871**.

Къ счастью, мой дорогой другъ, къ счастью вѣсть эта совершенно ложна! — M-me B. (Віардо), которую я вижу ежедневно, такъ же не умерла, какъ ей нѣтъ и 54 лѣтъ: Если бы это извѣстіе было вѣрно, я, думаю, не былъ бы въ силахъ отвѣчать вамъ. Теперь же могу сказать, что ваше письмо глубоко тронуло меня. Такъ отрадно чувствовать, что имѣешь истиннаго друга, и я благодарю васъ за то, что вы убѣдили меня въ этомъ чувствѣ.

Я три недѣли какъ здѣсь. Конецъ зимы и начало весны я провелъ въ Россіи. Я останусь здѣсь до 1 августа, а потомъ поѣду въ Баденъ. Проѣздомъ черезъ Францію я остановлюсь въ Парижѣ, если въ это время Парижъ *еще будетъ существовать*, и очень надѣюсь увидѣть васъ. Можетъ-быть вы пріѣдете въ Баденъ, гдѣ мы поживемъ немного, запрятавшись, какъ кроты, въ свои норы. Вы можете спрятаться тамъ вмѣстѣ съ нами, — но сначала напишите что-нибудь о себѣ.

Получили вы какъ-нибудь письмо, которое я написалъ вамъ въ началѣ года? Что вы дѣлали въ теченіе всей этой ужасной грозы? Оставались ли вы въ Крауссе? При всей вашей

способности уединяться и сосредоточиваться, не закружились ли и вы подобно тѣмъ соломинкамъ, которыя такъ печально-тревожно и безполезно носятся въ открытыхъ дверяхъ риги? Работали ли вы, или же только тянули изо дня въ день жизнь пустую и тяжелую,—а? Намъ, *прирожденнымъ зрителямъ*, приходится переживать иногда трудныя минуты. А что подѣлываетъ *Антоніи?* Онъ засѣлъ у меня въ умѣ.

Я въ Англіи не потому, чтобы мнѣ доставляло удовольствіе жить здѣсь, но потому, что мои друзья *), почти разорившіеся во время этой войны, пріѣхали сюда, чтобы постараться заработать сколько-нибудь денегъ. Въ англичанахъ есть и хорошее, но всѣ они, не исключая и самыхъ интеллигентныхъ, ведутъ очень суровую жизнь. Къ ней надо привыкнуть, такъ же какъ и къ ихъ климату. А потомъ—куда же поѣхать?

Что подѣлываетъ m-me Флоберъ? Напомните ей обо мнѣ. Имѣете ли вы извѣстіе о Дю-Канѣ? Онъ исчезъ въ бурѣ, какъ и многіе другіе. Черкните мнѣ два слова. Еще разъ благодарю за вашу привязанность ко мнѣ. Обнимаю васъ со всею силой моей привязанности.

Вашъ другъ.

Ив. Тургеневъ.

P. S. Излишне говорить вамъ, что ваше письмо я получилъ только сегодня.

---

*) Семейство Віардо.

XIII.

Лондонъ, Beaumont Street, Marylebone.
13 іюня 1871 г.

Мой дорогой другъ!

Если я не отвѣчалъ вамъ раньше, то только потому, что не имѣлъ храбрости; парижскія событія такъ поразили меня! Я замолчалъ, какъ замолкаютъ на желѣзной дорогѣ, когда проѣзжаютъ черезъ туннель; адскій шумъ захватываетъ васъ цѣликомъ и стучитъ въ голову. Теперь, когда онъ почти кончился, я скажу вамъ, что *непремѣнно* пріѣду повидаться съ вами и послушать *Антонія* въ августѣ мѣсяцѣ числа... такъ—между 15 и 20. Я получилъ приглашеніе на „grouse“ *) въ Шотландію въ началѣ августа, но 15 я буду свободенъ, и по дорогѣ въ Баденъ остановлюсь въ Парижѣ или въ Руанѣ,—я хочу сказать въ Круассе,—если вы тамъ.

Я радуюсь, что вы на полдорогѣ къ окончанію вашей книги; вы не рискуете ничѣмъ, если немного поторопитесь,—напротивъ. Я буду слушать отверзтыми ушами, глазами и мозгами. Я почти увѣренъ, что ваше произведеніе будетъ прекрасно.

Я больше не зову васъ въ Германію;—мнѣ понятно ваше отвращеніе къ этой поѣздкѣ. Не хочу говорить вамъ всего того, что приходитъ мнѣ въ голову по поводу Франціи. Надо было бы резюмировать все это въ нѣсколькихъ словахъ, но то оказывается для меня невозможнымъ. Когда мы увидимся, мы не торопясь и подробно обсудимъ этотъ вопросъ; выводъ, конечно, будетъ не очень веселый. Не знаю, суждено ли

*) Охота на куропатокъ.

Россіи отмстить за васъ, какъ вы говорите; но въ настоящее время Германія очень сильна, и вѣроятно, за срокъ нашей жизни, она сохранитъ свою силу.

Мнѣ писали, что m-me Гюссонъ сошла съ ума, потомъ, что она умерла: правда ли это? Я помню, какъ мой учитель плаванія (тоже вѣдь пруссакъ!) кричалъ мнѣ всегда: „Ротъ надъ водой, schwere Noth!“ **). Пока ротъ надъ водой, можно быть человѣкомъ.

Вы за все это время были человѣкомъ, такъ какъ работали; теперь это будетъ легче.

Поблагодарите m-me Флоберъ и вашу матушку за ихъ память обо мнѣ. Я же обнимаю васъ и говорю: до свиданія — до августа!

Ив. Тургеневъ.

XIV.

Allsan House, Pitlochry, Scotland.
14 августа **1871** г.

Мой дорогой другъ!

Ваши двѣ записки нагнали меня здѣсь, въ глуши Шотландіи, гдѣ я охочусь на „grouse“ у друга. Я уѣду отсюда 16, и изъ Лондонъ я пріѣду 18 въ Парижъ.

Я очень желалъ бы, чтобы вы были въ Парижѣ въ этотъ день, потому что у меня времени очень мало, и мнѣ некогда было бы отправиться къ вамъ въ Круассе. Въ Парижѣ я остановлюсь въ Hôtel Byron въ улицѣ Лафиттъ. Постарайтесь черкнуть мнѣ словечко туда къ моему пріѣзду.

---

*) Буквально: „тяжелая нужда“. Въ переносномъ смыслѣ употребляется какъ поощрительное восклицаніе.

Для большей вѣрности я перепишу это письмо и копію пошлю въ Круассе.

Обнимаю васъ и до скораго свиданія.

Готовьте вашего *Антонія!*

Весь вашъ

Ив. Тургеневъ.

XV.

Воскресенье, 48, улица Дуэ.
10 ч. утра.

Мой дорогой другъ!

Я думалъ зайти къ вамъ сегодня, но вижу, что это невозможно. Буду у васъ завтра ровно въ часъ.

Не то, чтобы жизнь становилась труднѣе, но становится все труднѣе и труднѣе что-нибудь предпринимать. Жизнь, подобно травѣ, вырастаетъ выше нашей головы.

До завтра.

Вашъ старый вѣрный другъ

Ив. Тургеневъ.

XVI.

48, улица Дуэ.
Въ среду утромъ.

Мой дорогой другъ!

Я говорилъ m-me B. (Віардо) о желаніи m-me E. Гризи *), Къ сожалѣнію, это невозможно. M-me B. должна была поставить себѣ за правило—никогда не пѣть для частныхъ лицъ.

*) Двоюродная сестра знаменитой Гризи и пріятельница Теофиля Готье.

Она получаетъ столько просьбъ, что — если согласится хотя разъ, — то не окажется возможности отказывать другимъ. Она крайне жалѣетъ, что ничего не можетъ сдѣлать именно въ этомъ случаѣ. Когда она была моложе, она могла позволять себѣ это, но теперь поневолѣ должна беречься. Вотъ, мой другъ — вся правда какъ есть! Конечно, я приду въ воскресенье, можетъ-быть раньше. Вѣроятно сегодня вечеромъ я буду у принцессы Матильды.

Тысячу дружескихъ пожеланій отъ вашего

Ив. Тургенева.

XVII.

Парижъ, 48, улица Дуэ.
Ноябрь 1871 г.

Мой дорогой другъ!

Вотъ что случилось со мной: мой дядя Николай Тургеневъ *), — прекрасный и почтенный человѣкъ — умеръ недавно въ Парижѣ, и я сейчасъ получилъ изъ Петербурга депешу, въ которой меня просятъ написать замѣтку съ некрологомъ о немъ, и надо, чтобы эта замѣтка была отправлена завтра же вечеромъ. Я согласился и вотъ теперь занятъ этимъ дѣ-

*) Николай Ивановичъ Тургеневъ, — авторъ книги „La Russie et les Russes“ *(Россія и русскіе)*, написанной по-французски, и многихъ другихъ замѣчательныхъ произведеній. Онъ былъ однимъ изъ совѣтниковъ Александра I, который особенно внимательно относился къ его мнѣніямъ, и способствовалъ улучшенію положенія крестьянъ въ царствованіе этого императора. Но, несправедливо обвиненный въ декабрьскомъ заговорѣ 1825 года, онъ умеръ во Франціи, въ изгнаніи, 10 ноября 1871 г.

ломъ. *Антонія* придется отложить до послѣзавтра, потому что завтра мнѣ надо отвезти мою статью семьѣ (Н. И. Тургенева), которая живетъ въ Буживалѣ, для различныхъ справокъ и т. д., и т. д. Итакъ, до четверга.

Вашъ слуга не доставилъ вашу записку третьяго дня; вѣроятно онъ ошибся домомъ: № 48 улицы Дуэ находится на углу площади Vintimille.

Тысячу дружескихъ пожеланій

Ив. Тургеневъ.

Вторникъ, $11^1/_2$.

XVIII.

Парижъ, 48, улица Дуэ.
Пятница, 19 января **1872** г.

Моя подагра снова отпустила меня, мой дорогой другъ. Я въ отчаяніи отъ всѣхъ этихъ глупыхъ помѣхъ и отъ того, что причинилъ вамъ такъ много напрасныхъ тревогъ, но—sac à papier—должно же это пройти. Какой день хотите вы?

Вторникъ—среда—или суббота,

и если я еще не умеръ (какъ увѣряетъ *Times*), я велю скорѣе себя къ вамъ отнести, чѣмъ... Итакъ, я жду отвѣта.

Вашъ *Ив. Тургеневъ.*

XIX.

Москва 26 іюня 1872 г.

Мой дорогой другъ!

Вы прислали мнѣ ваши проекты на лѣто,—вотъ мои:

N. B. Въ настоящую минуту я нахожусь въ Москвѣ, застигнутый скернымъ припадкомъ подагры, приковавшей меня

къ дивану; я никакъ не ожидалъ этого, послѣ страшнаго припадка въ прошломъ октябрѣ мѣсяцѣ. Это становится слишкомъ часто и меня очень много поздравляютъ (патентъ на долговѣчность и т. д., и т. д.). Къ счастью, припадокъ не особенно силенъ, и я могу надѣяться покинуть столицу „всея Руси“ въ воскресенье или въ понедѣльникъ, — сегодня среда.

Я помчусь прямо, какъ стрѣла, въ Парижъ, оттуда въ Турэнь къ моей дочери, которая готовится сдѣлать меня дѣдушкой, потомъ поѣду въ Valery-sur-Somme, гдѣ найду моихъ старыхъ друзей Віардо. Тамъ я буду слоняться—буду работать, если смогу. Далѣе я поѣду опять въ Парижъ, чтобы повидать тамъ нѣкоего Флобера, котораго очень люблю, и съ которымъ поѣду или къ нему въ Круассе, или въ Ноганъ, къ m-me Зандъ, которая, какъ кажется, желаетъ видѣть насъ тамъ. А затѣмъ, начиная съ октября мѣсяца въ Парижѣ. Вотъ!

Мой другъ, старость—это тяжелое тусклое облако, заволакивающее и будущее, и настоящее и даже прошедшее, такъ какъ дѣлаетъ его печальнымъ, стушевывая и надламывая (craquelant) воспоминанія. (Боюсь, что такой французскій языкъ очень плохъ, но ничего.) Надо защищаться противъ этого облака. Мнѣ кажется, что вы недостаточно защищаетесь.

Я думаю, что дѣйствительно путешествіе въ Россію вдвоемъ со мной было бы для васъ полезно; въ аллеяхъ стараго деревенскаго сада, полнаго сельскихъ благоуханій, земляники, пѣнія птицъ, дремотныхъ солнечнаго свѣта и тѣней;—а кругомъ-то—двѣсти десятинъ волнующейся ржи,—превосходно! Невольно замираешь въ какомъ-то неподвижномъ состояніи, торжественномъ, безконечномъ и тупомъ,

въ которомъ соединяется въ одно и то же время и жизнь, и животность, и Богъ. Выходишь оттуда, какъ послѣ я не знаю какой, мощно укрѣпляющей ванны, и снова вступаешь въ колею, въ обычную житейскую колею.

Авторъ не долженъ падать духомъ. Пусть онъ мужественно идетъ до конца! Мнѣ извѣстно, что вы присутствовали на прекрасномъ музыкальномъ вечерѣ у m-me Віардо; кажется публика была довольна.

Вы ничего не говорите о моей картинѣ, она не нравится вамъ, или вы не видѣли ея? Прощайте и до свиданія, мой дорогой другъ,—будемъ же держать голову высоко, пока ее не покроютъ волны.

Сердечно цѣлую васъ.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

XX.

Saint-Valéry-sur-Somme,
Maison Ruhaut.
Вторникъ, 30 іюля 1872 г.

Гдѣ вы въ настоящую минуту, мой дорогой другъ, и что вы намѣрены дѣлать до зимы?

Напишите мнѣ два словечка, прошу васъ. Что касается меня, то вотъ ужъ двѣ недѣли, какъ я сижу въ этой маленькой дырѣ, откуда пишу вамъ, и я чувствовалъ бы здѣсь очень хорошо, если бы не проклятая подагра, которія держитъ меня за лапу упорнѣе, чѣмъ когда-либо. Она подцѣпила меня шесть недѣль тому назадъ въ Москвѣ и не отпускаетъ до сихъ поръ. У меня было три или четыре приступа.

Я ходилъ съ костылями, потомъ съ двумя палками, съ одной, и вотъ теперь я опять почти недвижимъ. Старость— скверная штука, что бы ни говорилъ Цицеронъ.

Я здѣсь съ семействомъ Віардо. У меня очень хорошенькая комната, гдѣ ничто не мѣшаетъ мнѣ работать, но вотъ! Ничего не выходитъ, рессоры заржавѣли; —а *Антоній* что подѣлываетъ? Сообщите мнѣ о немъ.

Этотъ заемъ въ 9, 10, 15 милліардовъ производитъ на меня впечатлѣніе оглушительнаго пушечнаго залпа. Вы, черти-французы, созданы для того, чтобы тѣмъ или инымъ способомъ удивлять міръ.

Я дѣдушка съ 18-го: моя дочь родила дочь, названную Жанной и которую я поѣду крестить въ концѣ августа.

Я долженъ буду два раза проѣхать черезъ Парижъ. Если вы въ это время будете въ Круассе, то я заѣду къ вамъ.

Ну,—будьте здоровы и до свиданія. Жму здорово вашу руку.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

XXI.

Парижъ, 48, улица Дуэ.
Понедѣльникъ, 7 октября 1872 г.

Мой дорогой другъ!

Бѣда тому, кто явился бы поздравлять меня съ подагрой, прибавляя, что это вѣрный признакъ долгой жизни и т. д., и т. д. Онъ рисковалъ би услышать грубости.

Можете себѣ представить, что я болѣе 15 дней въ Парижѣ! И въ самый день моего пріѣзда приступъ подагры опять возобновился (это въ 8-й или 9-й разъ; я уже пересталъ считать)! И я съ недѣлю лежу въ постели, не имѣя силъ двигаться! Въ прошлый четвергъ я сдѣлалъ сверхъестественное усиліе и поѣхалъ въ Ноганъ; тамъ была вся семья Віардо. Я пробылъ тамъ цѣлый день, вернулся, и теперь я снова запертъ въ комнатѣ, хромаю какъ калѣка и не предвижу, когда это кончится!.. Все равно, я радъ, что побывалъ въ Ноганѣ, и видѣлъ m-me Зандъ у нея въ домѣ: это самая милая женщина, которую только можно вообразить! И всѣ ее окружающіе прелестны.

Теперь мнѣ надо поѣхать въ Круассе, но когда? Вотъ чего я не могу сказать навѣрно. Знаю одно, что поѣду туда, какъ только немного отдохну; очень вѣроятно, что въ началѣ будущей недѣли. Я заранѣе увѣдомлю васъ. Я имѣю величайшее желаніе увидѣть васъ, говорить съ вами и прослушать конецъ *Антонія*, а потомъ намъ надо поговорить, поболтать; — это совершенно необходимо.

Въ ожиданіи обнимаю васъ и говорю вамъ: до свиданія.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

XXII.

Парижъ, 48, улица Дуэ.
Среда, 11 декабря 1872 г.

Что это значитъ! Вотъ наступаетъ уже половина декабря, а Флобера все нѣтъ! Къ несчастью, я не Магометъ. Я не могу подойти къ горѣ. Я совсѣмъ не могу ходить, потому

что вотъ уже двѣ недѣли, какъ я не выхожу изъ комнаты, и одинъ Богъ знаетъ сколько времени это продолжится еще! Моя подагра по меньшей мѣрѣ такъ же упорна, какъ Версальское Собраніе, и я думаю, что она останется даже тогда, когда оно разойдется или будетъ распущено. Ну же— маленькое усиліе, и пріѣзжайте въ Парижъ! Во всякомъ случаѣ напишите мнѣ, думаете ли вы пріѣхать и когда? Никто не пріѣзжаетъ; это невыносимо! M-me Зандъ тоже остается въ Ноганѣ; но я не падаю духомъ и говорю вамъ до свиданія. А пока обнимаю васъ.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

XXIII.

Парижъ.

Мой дорогой другъ!

Я здѣсь съ понедѣльника, но въ самый день моего пріѣзда меня опять *схватилъ* припадокъ подагры. Надѣюсь, что это послѣдній, и сегодня я выхожу въ первый разъ, но я не буду еще въ силахъ подняться на вашу лѣстницу. Завтра, въ назначенный часъ, я пріѣду и ужъ какъ-нибудь попаду къ вамъ. Я думалъ написать вамъ, чтобы вы ко мнѣ пріѣхали, но я нахожусь въ квартирѣ Віардо, гдѣ еще полный хаосъ, и потомъ я страшно золъ отъ того, что вынужденъ лежать въ постели. Итакъ до завтра. Я буду очень радъ видѣть васъ.

Я живу въ улицѣ Дуэ, 48, но не пріѣзжайте; я пріѣду самъ.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

XXIV.

Парижъ, 48, улица Дуэ.
Среда, 4 іюня 73.

Мой дорогой другъ!

Неужели вы думаете, что я не возгордился, какъ павлинъ, отъ всего того, что вы говорите мнѣ въ вашемъ письмѣ! Я сохраню его, какъ драгоцѣнность. Въ самомъ дѣлѣ, говорю вамъ, вы доставили мнѣ очень большое удовольствіе, и я счастливъ, что и я вамъ доставилъ вамъ такое же.

Крѣпко жму вашу руку. Вы правы, находя что первый разсказъ „*Странная исторія*“ скомканъ: онъ требуетъ гораздо большаго развитія; есть въ немъ психологическія положенія, которыя недостаточно только намѣтить, но—лѣнь!

Я еще здѣсь, но завтра уѣзжаю. Буду писать вамъ изъ Вѣны и непремѣнно изъ Карлсбада. Работайте. Нѣтъ, вамъ не надо говорить этого. Вы трудолюбивы, какъ муравей. Но будьте здоровы и ждите меня въ Круассе въ началѣ августа.

Вся семья здорова и проситъ передать вамъ тысячу пожеланій.

Крѣпко обнимаю васъ и остаюсь

Вашъ старый другъ *Ив. Тургеневъ*.

P. S. Вамъ пришлютъ мой другой романъ тотчасъ, какъ онъ выйдетъ. Я немного боюсь за него *).

---

*) Здѣсь Тургеневъ, вѣроятно, говоритъ о *Вешнихъ водахъ*, появившихся на русскомъ языкѣ въ 1871 г. и затѣмъ переведенныхъ на французскій.

XXV.

Bougival; Seine-et-Oise, Maison Halgan.
Среда, 6 августа 73.

Вы говорите мнѣ слишкомъ много хорошаго, мой дорогой другъ; я краснѣю отъ удовольствія и смущенія. Все равно, это очень пріятно, и старые латиняне были правы, когда говорили de laudato a laudante viro *).

Я радуюсь и горжусь, что доставилъ удовольствіе моему старому Флоберу и автору *Антонія*, и съ его стороны очень мило, что онъ сказалъ мнѣ все это. Можетъ-быть мое письмо не застанетъ васъ въ Круассе, но все равно: нужно письмо послать. 10 сентября я пріѣзжаю, и мы не соскучимся вмѣстѣ. О, нѣтъ!

Знаете ли вы, что весь нашъ кружокъ (я говорю о моихъ здѣшнихъ друзьяхъ, которые посылаютъ вамъ тысячу пожеланій) ѣдетъ въ концѣ сентября въ Ноганъ, съ тѣмъ, чтобы провести тамъ по крайней мѣрѣ недѣлю? Если бы и вы тоже пріѣхали, это было бы истинное торжество!

Жара страшная, и, несмотря на закрытыя ставни, потъ съ меня такъ и льетъ. Писать при такихъ условіяхъ настоящее геройство. И поэтому вы позволите мнѣ поцѣловать васъ въ обѣ щеки и сказать вамъ до свиданія—и еще разъ спасибо.

Вашъ старый вѣрный

Ив. Тургеневъ.

---

*) Извѣстное латинское выраженіе, иронически намекающее на отношеніе „мужа хвалимаго къ мужу хвалящему.“

XXVI.

Bougival, Seine-et-Oise, Maison Halgan.
Четвергъ, 28 августа 1873.

Мой дорогой другъ!

Живой или мертвый я пріѣду къ вамъ въ Круассе,—но вотъ что со мной случилось. Два года тому назадъ въ Англіи я познакомился съ очень милымъ малымъ по имени Бёллокъ, у котораго былъ очень богатый дядя, старый генералъ въ отставкѣ, по фамиліи Голлъ. Генералъ Голлъ обладалъ:

самою лучшею охотою на куропатокъ въ Англіи!!!

Только и всего. Но это былъ оригиналъ, который охотился одинъ, и лишь отъ времени до времени приглашалъ своего племянника,—и вотъ онъ умираетъ и оставляетъ свое состояніе, свое имя и *свою охоту* племяннику. А племянникъ вспоминаетъ обо мнѣ и приглашаетъ меня пріѣхать къ нему, чтобы настрѣлять горы куропатокъ между 9 и 14 сентября! Несмотря на мою безумную страсть къ охотѣ,—единственное оставшееся мнѣ удовольствіе,—я помнилъ свое обѣщаніе и потому отвѣтилъ уклончиво, тѣмъ болѣе что я не знаю, позволитъ ли мнѣ моя подагра такую шалость. И не стыдно ли такому бородатому старцу, какъ я, два раза переѣзжать черезъ море для того, чтобы швырять свинцомъ въ куропатокъ!

Дѣло въ томъ, что я пока колеблюсь, но не буду стѣсняться,—и просто прошу васъ отложить на 5 дней мой пріѣздъ въ Круассе, т. е. пріѣду туда 15, вмѣсто 10. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ Англію я не поѣду, но такъ я буду спокойнѣе. Это рѣшено, не правда ли? Въ субботу мнѣ необходимо поѣхать въ Парижъ по дѣламъ,—ровно въ

полдень я буду завтракать въ Café Riche. Если вы можете пріѣхать туда, bravo! Если нѣтъ, то я буду знать, что вы принимаете эту маленькую отсрочку безъ особеннаго негодованія. А въ ожиданіи желаю вамъ здоровья и хорошаго настроенія и цѣлую васъ.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

XXVII.

Парижъ, 48, улица Дуэ.
Суббота, 6 декабря 1873 г.

Мой дорогой другъ!

Если я не отвѣтилъ вамъ тотчасъ, то только потому, что три дня находился у моей дочери. Я очень радъ, что вы окончили вашу пьесу *) и нисколько не удивляюсь на всѣ штуки и выверты Карвальо **). Вы не то еще увидите и должны теперь же „осталить“ (отъ слова „сталь“ ***) ваши нервы, какъ говорятъ нѣмцы, именно потому, что ваша пьеса не похожа на все то, что писалось до сихъ поръ. Главное— съ возможно большимъ спокойствіемъ пройти чрезъ всѣ муки рожденія.

Я очень радъ, что скоро увижу васъ. Я уѣду изъ Парижа только черезъ два мѣсяца или даже позднѣе.

Я еще не видѣлъ *„L'Oncle Sam“*, но я видѣлъ *„Monsieur Alphonse“* Дюма. Эта штука *сколочена сильно*, и въ общемъ

*) *Кандидатъ*, комедія, поставленная на театрѣ Vaudeville въ мартѣ 1874 г.

**) Директоръ театра Vaudeville.

***) Тургеневъ употребляетъ глаголъ aciérier—du mot acier, представляющій вольный переводъ съ нѣмецкаго Stählen — закалить, дѣйствительно происходящаго отъ слова „сталь“—Stahl.

очень замѣчательная и захватывающая, несмотря на то, что тамъ есть роль одиннадцатилѣтней дѣвочки, отъ которой тошнитъ, и встрѣчаются фразы въ родѣ:

О, человѣческое сердце, глубокое какъ небо, таинственное, какъ море или смерть!—или:

Созданіе Бога, звучащее существо (être vibrant) *гдѣ хочешь ты, чтобы я взялъ силы наказать тебя!*—или еще:

Чѣмъ была занята благость Божія, когда она создавала такого человѣка?

Не правда-ли—вѣдь достаточно пошло?

Здѣсь всѣ здоровы. Я постучался въ двери г-жи Коммanвиль и узналъ, что она въ Стокгольмѣ.

Однако все же надо вернуться въ Парижъ!

До скораго свиданія, не правда ли? Цѣлую васъ.

Вашъ старый другъ

Ив. Тургеневъ.

XXVIII.

48, Rue de Rôme.
Среда, 19 ноября 1873 г.

Итакъ, дорогой другъ, со вчерашняго вечера у васъ военная диктатура. Вы, какъ говорятъ, макъ-магонецъ. Мнѣ всегда казалось, что лучше быть просто французомъ; но я могу ошибаться. Единственная хорошая сторона всего этого заключается въ томъ, что вамъ ни что не помѣшаетъ издать *Антонія*, такъ какъ намъ обѣщаютъ миръ, возвращеніе къ текущимъ дѣламъ—и на цѣлыхъ 7 лѣтъ. Третьяго дня я былъ въ Версалѣ—и вернулся оттуда грустный и съ отвращеніемъ въ душѣ.

Къ чорту политику! Я очень радъ, что вы хорошо работаете и что ваша комедія *) подвигается гигантскими шагами. Комедія Сарду (которой я, впрочемъ, не видѣлъ), дѣлаетъ больше шуму, чѣмъ толку. Не думаю, чтобы она выдержала 200 представленій „Rabagas'a". **) Скорѣе ваша будетъ имѣть такой успѣхъ.

Мое здоровье поправилось; меня немного мучаетъ нервный кашель,—но вѣдь надо же чѣмъ-нибудь страдать!

Раньше конца января я не уѣду изъ Парижа. До скораго свиданья, надѣюсь. Всѣ здоровы.

Обнимаю васъ.

Вашъ старый другъ *Ив. Тургеневъ.*

XXIX.

Понедѣльникъ, 9 ч. утра.

Мой дорогой другъ!

Когда я писалъ вамъ, что трудно вообще предпринимать что бы ни было, я не думалъ, что такъ близокъ къ истинѣ. Въ прошедшую ночь моя больная нога распухла, и я не могу ни надѣть сапогъ, ни ступить на землю. И такъ *Антоній* отложенъ. Это истинная незадача, если только вы не пріѣдете сами съ рукописью. Или подождемъ дня два, такого рода припадки продолжаются обыкновенно не больше 48 часовъ. Мнѣ это очень досадно, и я жму вамъ руку въ полномъ разочарованіи.

Вашъ старый другъ *Ив. Тургеневъ.*

---

*) „Кандидатъ".

**) Весьма популярная въ то время политическая комедія.

XXX.

Спасское, Орловской губерніи,
городъ Мценскъ.
Среда 17/5 іюня 1874 г.

Мой дорогой другъ!

Пишу вамъ изъ глубины моей трущобы, въ которую я попалъ сегодня утромъ, и гдѣ нашелъ ваше письмо отъ 1-го іюня. Оно шло долго, какъ видите, но не по своей винѣ, и не по винѣ г. Віардо. Я не думалъ, что такъ долго пробуду въ Петербургѣ и въ Москвѣ, и далъ маршрутъ или, вѣрнѣе, распредѣленіе моего времени, оказавшееся невѣрнымъ. Досадно только, что васъ не будетъ въ Круассе съ 20-го, т. е. съ послѣзавтра, и что этому письму придется ѣздить за вами. Я увѣренъ, что оно нагонитъ васъ, но, тѣмъ не менѣе, это немного охлаждаетъ мое перо.

Уже не въ первый разъ я пишу вамъ отсюда, и вы знаете мѣстность: зелено, золотисто, широко, монотонно, тихо, какъ бы дряхло и — страшно неподвижно, — скука патріархальная, медлительная и охватывающая васъ со всѣхъ сторонъ. Если я буду въ состояніи работать, то останусь здѣсь нѣсколько недѣль, если же нѣтъ, то понесусь, какъ стрѣла, въ Карлсбадъ, а оттуда въ Парижъ. Мое пребываніе въ Россіи было во всякомъ случаѣ не безполезно; я нашелъ приблизительно то, чего искалъ. Правда, я менѣе, гораздо менѣе, требователенъ, нежели вы. А вы черезчуръ.

Вы довольны романомъ Зола? Я написалъ ему и устроилъ его дѣло на будущее время. Это немного, но все же лучше,

чѣмъ ничего *). Его много читали и переводили въ Россіи; только-что издали его „Cuгée“.

„*Антоній*“ рѣшительно не для большой публики, а обыкновенные читатели отступаютъ въ ужасѣ даже и въ Россіи. Я не считалъ моихъ соотечественниковъ столь слабонервными. Тѣмъ хуже! Но какъ бы то ни было, *Антоній* такая книга, которая не забудется.

Я разскажу вамъ многое, что заставитъ васъ посмѣяться, когда, вернувшись, я буду въ вашемъ миломъ кабинетѣ въ Круассе. Въ моей „cara patria“ много чрезвычайно необыкновенныхъ и интересныхъ вещей. Въ настоящую минуту, благодаря легкому злоупотребленію молочною пищей, на которую я набросился въ надеждѣ, что родной воздухъ поможетъ мнѣ переварить *все*, у меня появились боли въ желудкѣ, да какія! Мнѣ кажется, что онѣ должны чувствоваться даже въ формѣ буквъ, которыя я пишу. Это уже странно и неинтересно. Какой проклятый желудокъ и какая проклятая политика въ настоящее время. А? Что вы на это скажете? И вы, и я, мы оба не любимъ, когда говорятъ о ней, но какъ же не воскликнуть по крайней мѣрѣ О! или А!

Я съ удовольствіемъ думаю о той минутѣ, когда мы снова возобновимъ наши милые маленькіе обѣды драматическихъ писателей.

А пока, если это письмо найдетъ васъ на одномъ изъ ледниковъ Риги **), прохлаждайтесь насколько можете! Что касается вашей gentillissime племянницы, то передайте ей мои дружескія пожеланія. Я вижу, что мнѣ не придется встрѣтить ее въ Россіи.

*) Благодаря посредству Тургенева Зола принятъ былъ корреспондентомъ изъ Парижа въ *Вѣстникъ Европы*, гдѣ работалъ въ теченіе многихъ лѣтъ, начиная съ 1874 г.

**) Извѣстная горная вершина въ Швейцаріи.

Etude de compatriot.
Vu par derrière
(le 16 Juin, par 16 degrés Reaumur) *)

Là dessus (par la même)
je vous embrasse et vous dis
au revoir

Votre vieux

I. Tourguénef **)

*) „Этюдъ соотечественника, снятый съ него сзади (16 іюня, при 16 градусахъ жары)".

**) Къ этому письму относится и этотъ шутливый „видъ соотечественника, взятый съ него сзади", нарисованный Тургеневымъ въ концѣ письма.

XXXI.

Москва, Пречистенскій бульваръ,
въ Удѣльной конторѣ.
Воскресенье, 12 іюля/30 іюня 1874 г.

Мой дорогой другъ!

Я получилъ ваше письмо съ ледниковъ Риги въ ту минуту, когда, съ трудомъ взобравшись, при помощи двухъ костылей, въ карету, я усаживался въ ней, чтобы покинуть деревню и пріѣхать сюда. Я не сломалъ ни одного члена, какъ вы догадываетесь; но родной воздухъ, который такъ хорошо дѣйствуетъ на марсельцевъ, мнѣ вернулъ приступъ подагры,—и на этотъ разъ въ *обѣихъ* ногахъ,—который приковалъ меня къ постели на двѣ недѣли, и до сихъ поръ еще не отпускаетъ меня! Говорить вамъ, что благодаря этому жизнь представляется мнѣ въ розовомъ или лазурно-голубомъ цвѣтѣ (я думаю о вашихъ мечтахъ подъ швейцарскимъ небомъ), значило бы сказать грубую ложь. Недуги,—отвращеніе медлительное и холодное, тяжелое перебираніе безполезныхъ воспоминаній—вотъ, дорогой старина, перспектива, открывающаяся передъ человѣкомъ, когда ему перевалитъ за пятьдесятъ. А надо всѣмъ этимъ безропотная покорность, — о т в р а т и т е л ь н а я покорность!.. Это тяжкое приготовленіе къ смерти... Но довольно.

Подъ нимъ помѣщается подпись Тургенева, заключающая въ себѣ непереводимую игру словъ: La dessus (pas sur ce derrière) je vous embrasse et vous dis au revoir. Votre vieux Iv. Tourguéneff, т. е. буквально: „и на семъ (но не на этой з . . . . . ѣ) цѣлую васъ и говорю вамъ до свиданія. Вашъ старый Ив. Тургеневъ“.

Я постараюсь какъ можно скорѣе удрать въ Карлсбадъ. Не въ тотъ К., гдѣ вы умираете съ тоски, но въ К. въ Богеміи, гдѣ и пробуду пять недѣль. А осенью, позднѣе, увидимъ. Въ настоящую минуту я не хочу составлять никакихъ плановъ,—въ особенности пріятныхъ плановъ,—боюсь сглазить самого себя.

Какъ видно, вы нисколько не наслаждаетесь дивными вершинами, воспѣтыми Галлеромъ и Руссо. Нужно сознаться, что народъ, который постоянно живетъ среди этихъ чудныхъ красотъ,—я говорю о швейцарцахъ, — наименѣе одаренный и наиболѣе подавляюще-скучный изо всѣхъ извѣстныхъ мнѣ народовъ. Откуда эта аномалія?—сказалъ бы философъ. А можетъ-быть это вовсе и не аномалія? Какое будетъ на этотъ счетъ мнѣніе *„Бувара* и *Пекюше“?* *) Я въ восторгѣ, что вы нашли, наконецъ, un *site* или, вѣрнѣе, le site, но чѣмъ болѣе я о семъ думаю, тѣмъ болѣе нахожу, что сюжетъ этотъ требуетъ presto, à la Свифтъ, à la Вольтеръ. Вы знаете, что это всегда было мое мнѣніе.

Вашъ сценаріумъ въ разсказѣ показался мнѣ прелестнымъ и комичнымъ. Только не особенно налегайте на него и не выказывайте слишкомъ много учености...

Но—какъ бы то ни было—вы принялись мѣсить тѣсто... *Завоеваніе Плассана* Зола было переведено въ сокращенномъ видѣ въ одномъ русскомъ журналѣ, потомъ переведутъ in extenso. Зола любятъ въ Россіи.

Что бы вамъ воспользоваться вашимъ ледникомъ на Риги, и написать что-нибудь страстное, знойное, раскаленное, а? Вѣдь это мысль! Но главное—освѣжайтесь сами. Къ не-

*) Послѣднее, чрезвычайно характерное произведеніе Флобера: *Буваръ* и *Пекюше*—типы французской буржуазіи—герои этого романа.

счастью, у нѣкоторыхъ людей скука еще пуще возбуждаетъ и волнуетъ кровь. Возвращайтесь къ намъ блѣднымъ и одноцвѣтнымъ, какъ стихъ Ламартина.

Я получилъ хорошія извѣстія отъ моихъ парижскихъ и буживальскихъ друзей. Это вливаетъ бальзамъ въ мои жилы.

Кстати о политикѣ... Длинная, но не славная шпага *) будетъ управлять вами въ продолженіе 7 лѣтъ, и вы увидите, что она кончитъ тѣмъ, что будетъ управлять вами одна, безъ палатъ. Мнѣ припоминается, что въ деревнѣ (гдѣ у меня хорошая библіотека) я однажды прочелъ въ одномъ сборникѣ подъ заглавіемъ: *Избранныя рѣчи, произнесенныя съ французской трибуны съ 1789 по 1821 г.*, рѣчь Робеспьера по вопросу: „долженъ ли быть судимъ Людовикъ XVI?“ Она показалась мнѣ удивительно прекрасной! Позднѣе, къ концу своей карьеры, Робеспьеръ испортился; онъ вдался въ чувствительность и въ пышныя фразы, трогательныя и трескучія, но все-таки въ немъ были и хорошія стороны, въ этомъ молодчикѣ!

До свиданія, мой другъ, по всему вѣроятію въ Круассе, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, и, будемъ надѣяться, оба въ добромъ здоровьѣ!

Обнимаю васъ.

Вашъ старый другъ

Ив. Тургеневъ.

„P. S.—Увѣрены ли вы, что то мѣсто, гдѣ вы живете, зовется „Карльсбадъ“? Вы два раза повторяете: „Карльтбадъ“ но это невозможное по-нѣмецки названіе! Я какъ-нибудь ухитрюсь начертить на адресѣ такъ, чтобъ было похоже и на то и на другое.

*) Маршалъ Макъ-Магонъ.

XXXII.

Буживаль, Les Frênes.
Понедѣльникъ, 11 октября **1875** г.

Видъ вашего почерка, мой добрый старый Флоберъ, доставилъ мнѣ большое удовольствіе, а чтеніе вашего письма еще бо́льшее: вы опять выплываете и вы составляете... я чуть было не сказалъ литературные планы?! Однимъ словомъ, васъ занимаетъ мысль, что вы примитесь за работу. Это хорошо, и я увѣренъ, что вы дадите намъ *тридцать страницъ*...

Les Frênes.
Среда, 15 октября 1875 г.

Я остановился на этомъ мѣстѣ моего письма, мой дорогой другъ — что-то помѣшало мнѣ, и вотъ я, къ моему большому удивленію, нахожу его въ своемъ бюварѣ. Я думалъ, что оно уже давно отправлено. Выругалъ себя большимъ болваномъ—и снова принимаюсь писать.

Итакъ, я говорю, что мысль о тридцати страницахъ доставляетъ мнѣ большое удовольствіе. Я тоже только-что обѣщалъ моему русскому издателю разсказъ въ тридцать страницъ (2 печатныхъ листа) къ 26 ноября—крайнее число! И еще не знаю даже, съ чего начать. Свой большой романъ я отложилъ до греческихъ календъ, еще болѣе нежели вы Б. и П. *) Мой издатель орлинымъ клёктомъ требуетъ отъ меня что-нибудь! И вотъ я закабалилъ себя. Посмотримъ, кто изъ насъ кончитъ скорѣе?

---

*) „*Буваръ и Пекюше*“.

Увы, да, оба мы стары, мой добрый другъ. Это безспорно. По крайней мѣрѣ будемъ же забавляться нашими стариковскими забавами. Кстати, читали ли вы въ *République Française* (отъ 10 или 11) фельетонъ подъ заглавіемъ *Самоубійство ребенка*, подписанный X? Онъ поразилъ меня: ясно, что человѣкъ, написавшій это, принадлежитъ къ вашей школѣ. Если онъ молодъ, то будущее за нимъ. Постарайтесь достать эту вещь и скажите мнѣ ваше мнѣніе.

Здѣсь всѣ здоровы. Меня очень сильно мучилъ кистить, такъ, кажется, называется воспаленіе мочевого пузыря; я провелъ двѣ скверныя ночи, и три дня пролежалъ въ постели. Теперь это почти прошло. Это небольшія memento, визитныя карточки, которыя посылаетъ намъ г-жа Смерть, для того, чтобы мы не забывали ея...

Мы останемся здѣсь до 1 ноября. Погода стоитъ мягкая, сѣрая, сырая, но не непріятная. Я не могу поселиться въ моемъ новомъ помѣщеніи въ этомъ году, но я отъ времени до времени хожу туда, пишу тамъ письма,—какъ напримѣръ это, и т. п. Въ каминѣ горитъ добрый огонь, а все-таки спинѣ холодно.

Въ „*Temps*“ былъ помѣщенъ также хорошій фельетонъ m-me Зандъ (написанный въ 1829 году, когда ей было 25 лѣтъ), вы вѣроятно читали его. Зола написалъ въ русскомъ журналѣ великолѣпную статью о Гонкурахъ. Это заставитъ переводить ихъ романы.

Напишите мнѣ приблизительное число вашего возвращенія въ Круассе. Вы не останетесь долго на берегу моря, я полагаю. И, несмотря ни на что, пріѣдете вы въ Парижъ?

Ваши друзья предполагаютъ сгруппироваться вокругъ васъ такъ, чтобы вамъ было тепло.

А пока передайте мое искреннее почтеніе m-me Комманвиль. Васъ я обнимаю

и остаюсь

Вашъ старый вѣрный другъ *Ив. Тургеневъ.*

XXXIII.

Спасское, Орловской губерніи,
городъ Мценскъ.
Воскресенье, 18 іюня **1876** г.

Мой дорогой другъ!

Съ сегодняшняго утра я нахожусь въ своемъ Патмосѣ, и такъ унылъ, какъ ночной колпакъ. Замѣтили ли вы, что именно въ такія минуты обыкновенно пишутъ къ своимъ лучшимъ друзьямъ? Жара стоитъ въ *32 градуса по Реомюру* въ тѣни. И вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря морозу въ 9 градусовъ, который былъ 21 мая, вся зелень сада испещрена сухими листочками, которые смутно наводятъ на мысль о мертвыхъ дѣтяхъ,—и мои старыя липы бросаютъ такую жидкую, слабую тѣнь, что жалко смотрѣть на нее. Прибавьте къ этому,—что мой братъ, который долженъ былъ ждать меня здѣсь для устройства денежныхъ дѣлъ, очень для меня важныхъ, уѣхалъ пять дней тому назадъ въ Карлсбадъ,—что я полагаю, что у меня будетъ подагра (которая была у меня въ это самое время и въ этомъ самомъ мѣстѣ два года тому назадъ),—что я пріобрѣлъ почти несомнѣнную увѣренность, что мой управляющій меня грабитъ, и что я не могу отъ него отдѣлаться,—и судите о моемъ положеніи...

Смерть m-me Зандъ также очень, очень огорчила меня. Я знаю, что вы ѣздили въ Ноганъ на похороны, и хотѣлъ послать соболѣзнующую телеграмму отъ имени русской публики, но меня удержали какая-то смѣшная скромность, боязнь Figaro, рекламы,—однимъ словомъ, разныя глупости!

Русское общество принадлежитъ къ числу тѣхъ, на которыя m-me Зандъ имѣла наибольшее вліяніе, и *надо было сказать это,*—ей Богу!—и я имѣлъ на это право въ концѣ-концовъ, но поди жъ ты! Бѣдная, дорогая m-me Зандъ, она любила насъ обоихъ, особенно васъ, и это понятно; такое золотое было у нея сердце! Какое отсутствіе мелкихъ, фальшивыхъ, узкихъ чувствъ! Какой это былъ славный человѣкъ и какая чудная женщина! Теперь это все тамъ, въ ужасной ямѣ, ненасытной, нѣмой и глупой, и даже не сознающей того, что̀ она пожираетъ! Но ничего не подѣлаешь,—постараемся держать подбородокъ надъ водой.

Пишу вамъ въ Круассе, предполагая, что вы тамъ. Принялись ли вы снова за работу? Если я ничего не сдѣлаю здѣсь, то значитъ все кончено:—тутъ такая тишина, о которой ничто не можетъ дать понятія; ни одного сосѣда на двадцать километровъ въ окружности! Все томится въ неподвижности! Домъ плохой и не очень теплый, но мебель хороша. Превосходный письменный столъ и кресло съ двойнымъ сидѣньемъ изъ тростника! Есть еще очень опасный диванъ,—какъ только ляжешь на него, такъ и засыпаешь; я стараюсь избѣгать его. Я начну съ того, что кончу *Св. Юліанія* *).

Въ углу комнаты виситъ старая византійская икона, совсѣмъ черная, въ серебряной ризѣ:—ничего, кромѣ огром-

---

*) Легенда о *св. Юліаніи Милостивомъ*—произведеніе Флобера, переведенное Тургеневымъ.

наго, мрачнаго, суроваго лица; она немного тяготитъ меня, но я не рѣшаюсь велѣть ее снять;—мой слуга счелъ бы меня за язычника,—а здѣсь съ этимъ шутить нельзя.

Черкните мнѣ слова два повеселѣе, чѣмъ эти мои строки. Обнимаю васъ и остаюсь

Вашъ старый другъ *Ив. Тургеневъ.*

P. S. Знаете ли, что черкесъ Гассанъ, убивающій министровъ по-парно, какъ куропатокъ, внушаетъ мнѣ нѣкоторое уваженіе?

P. P. S. Мои дружескія пожеланія вашей племянницѣ и ея мужу.

XXXIV.

Спасское, Орловской губерніи,
городъ Мценскъ.
Вторникъ, 23 іюня (4 іюля) 1876 г.

Мой добрый старый другъ.

Пишу вамъ отсюда въ Круассе, изъ одного Патмоса въ другой. Ваше письмо я получилъ вчера и, какъ видите, отвѣчаю немедля.

Да, жизнь m-me Зандъ была полна, и между тѣмъ, говоря о ней, вы восклицаете: бѣдная m-me Зандъ! Этотъ эпитетъ подходитъ къ умершимъ, такъ какъ въ концѣ-концовъ они достойны жалости,—смерть такая ужасная вещь! Я помню глаза маленькой Авроры; они удивительно глубокіе и добрые, и дѣйствительно походятъ на глаза бабушки; они, если можно сказать, слишкомъ добрые для дѣтскихъ

глазъ. Зола кажется написалъ въ русскомъ журналѣ длинную статью о m-me Зандъ; говорятъ статья очень хороша, но немного жестка. Зола не можетъ судить о m-me Зандъ вполнѣ вѣрно,—разстояніе между ними слишкомъ велико.

Я вижу отсюда, какіе страшные глаза вы дѣлаете передъ А. М....: нужна совсѣмъ особенная грязь для того, чтобы производить подобнаго рода шампиньоны.

Вы работаете въ Круассе? Ну, — я удивлю васъ, — никогда я не работалъ такъ, какъ съ тѣхъ поръ, какъ нахожусь здѣсь! я провожу ночи безъ сна, надъ письменнымъ столомъ. Ко мнѣ снова вернулась иллюзія, которая заставляетъ думать, что можно сказать,—не то, чтобъ что-нибудь такое, чего никогда не было сказано;—это-то мнѣ все равно,—но сказать иначе, по другому! И замѣтьте, что при этомъ я отягощенъ заботами о денежныхъ дѣлахъ, объ управленіи имѣніемъ, объ арендныхъ платежахъ, и мало ли еще о чемъ! Кстати я могу сказать вамъ теперь, что все не такъ еще плохо, какъ я думалъ въ первую минуту, и я (въ скобкахъ) въ восторгѣ, что въ дѣлахъ вашего племянника начинаютъ проглядывать просвѣты лазури. Но *св. Юліаній* страдаетъ отъ этого избытка дѣятельности.

Мой проклятый романъ *) совершенно поглотилъ меня, но, несмотря ни на что, вы можете быть спокойны, переводъ обѣщанъ въ октябрьскій номеръ *Вѣстника Европы*. Онъ появится тамъ, если только я не умру.

Я не читалъ статей Фромантена. Я не читалъ и книги Ренана; я ничего не могу читать теперь, за исключеніемъ только газеты, которую я получаю и которая говоритъ мнѣ о событіяхъ на Востокѣ и заставляетъ таки призадуматься.

---

*) *Новь*.

Я думаю, что это начало конца, но сколько отрубленныхъ головъ, сколько изнасилованныхъ, истерзанныхъ женщинъ, дѣвушекъ, дѣтей! Я полагаю также, что мы (я говорю о русскихъ) не можемъ избѣжать войны.

Вамъ хочется знать видъ моего жилища. Это деревянный, очень старый домъ, обшитый тесомъ и выкрашенный водяною краской въ свѣтло-лиловый цвѣтъ; передъ домомъ веранда, увитая плющемъ; обѣ крыши желѣзныя и выкрашены въ зеленый цвѣтъ; верхъ необитаемъ и окна забиты. Этотъ домикъ все, что осталось отъ обширнаго жилища въ видѣ подковы, сгорѣвшаго въ 1870 г.

Вчера вечеромъ, съ вашимъ письмомъ въ карманѣ, я сидѣлъ на крыльцѣ моей веранды, а передо мной находилось около шестидесяти крестьянокъ; почти всѣ онѣ были одѣты въ красное и всѣ безобразныя (за исключеніемъ одной, только что вышедшей замужъ женщины, лѣтъ *шестнадцати*, — она хворала лихорадкой и до поразительности стала похожа на Дрезденскую Мадонну Санъ-Систо). Онѣ плясали, какъ сурки или медвѣдицы, и пѣли рѣзкими, пронзительными, но *вѣрными* голосами. Это былъ маленькій праздникъ, устроить который онѣ меня просили, что было, впрочемъ, очень легко: два ведра водки, пирожки, орѣхи — вотъ и все. Пока онѣ плясали, я смотрѣлъ на нихъ, и мнѣ было страшно грустно. Маленькую Мадонну зовутъ Марія, какъ тому и слѣдуетъ быть.

Но довольно. Прежде чѣмъ уѣду отсюда, я напишу вамъ еще. А пока крѣпко обнимаю васъ.

Вашъ старый другъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. Я нахожу, что всѣ краски здѣшняго пейзажа блѣдны: небо, зелень, земля—блѣдность довольно теплая, золотистая. Это было бы только мило, если бы широкія линіи и широкій однообразный просторъ не придавали бы всему величія...

XXXV.

Буживаль, Les Frênes.
Вторникъ, 8 августа 76.

N. B. Я совершенно случайно пишу вамъ на такой щегольской бумагѣ.

Мой дорогой другъ, вотъ уже два дня, какъ я здѣсь, послѣ путешествія во весь духъ черезъ Россію и Германію, и ваше письмо доставило мнѣ большое удовольствіе. Вы здоровы и работаете; я также здоровъ и работалъ, такъ какъ—вещь невѣроятная!—я окончилъ мой большущій романъ *), и могу снова приняться за работу,—мнѣ надо переписать его; онъ долженъ быть готовъ черезъ два мѣсяца, что будетъ не легко: вы знаете, что значитъ переписывать. Бываютъ страницы, гдѣ не остается ни строчки.

Я, подобно Улиссу, видѣлъ много вещей и людей, и нашелъ всѣхъ своихъ въ полномъ здоровьѣ. Я прогналъ управляющаго, укравшаго у меня около 130,000 франковъ,—довольно значительную часть моего состоянія. Почему я былъ глупъ? Отъ лѣни я допустилъ себя до слѣпого довѣрія, хотя очень хорошо понималъ, смотря на эту точно медомъ вымазанную, бородатую морду, что это лицо мошенника. Ну, тѣмъ хуже для меня—и пусть онъ переваритъ мои деньги!

*) *Ноеь.*

Я имѣю твердое намѣреніе оторваться отъ переписыванія дня на 2, на 3 (около 25 этого мѣсяца) и проѣхать къ вамъ въ Круассе прослушать *Попугая*. Вмѣстѣ съ перепиской я займусь окончаніемъ перевода *Св. Юліанія*, такъ какъ онъ долженъ появиться въ Россіи 1-го ноября.

Я только-что окончилъ чтеніе статьи г.*** о Ренанѣ. Это гнусно; ото всей этой „République des Lettres“ несетъ аффектаціей и чѣмъ-то—я не знаю—лживымъ и низкимъ.

Зола писалъ мнѣ. Онъ здоровъ и возвращается въ Парижъ въ концѣ сентября.

Мой шале мнѣ нравится; онъ будетъ мнѣ нравиться еще больше, когда выдохнется запахъ новой мебели. Погода стоитъ чрезвычайно хорошая; зелень деревьевъ передъ моими окнами отливаетъ чудными бархатистыми и золотистыми отливами. Это очень красиво.

Когда будете писать вашей племянницѣ, передайте ей отъ меня тысячу пожеланій, и до свиданія черезъ двѣ недѣли съ небольшимъ.

Вашъ старый другъ *Ив. Тургеневъ*.

XXXVI.

Буживаль. Les Frênes Châlet.
Среда, 29 августа 76.

Мой дорогой другъ!

Я не отвѣтилъ вамъ тотчасъ же, потому что мнѣ хотѣлось теперь же опредѣлить день моего пріѣзда въ Круассе,

а это было не легко; но вотъ я получаю вашу телеграмму и принужденъ написать вамъ, что не *могу* пріѣхать раньше 10 сентября, но тогда навѣрно.

Я въ восторгѣ, что вы кончили вашу работу. Если я найду, что *для начала* лучше, чтобы *Св. Юліаній* появился въ русскомъ журналѣ, я примусь за него, хотя другой разсказъ уже почти конченъ. Вы знаете, что у насъ есть еще время до 1-го ноября.

Я съ головой ушелъ въ переписку, и это очень надоѣдаетъ мнѣ.

Въ концѣ-концовъ—я здоровъ, но чувствую, что меня окутываетъ какой-то старческій туманъ, очень непріятный.

Итакъ, мой другъ, до 10, навѣрно.

Обнимаю васъ.

Вашъ *Ив. Тургеневъ.*

XXXVII.

Буживаль. Les Frênes Châlet.
Воскресенье, 23 сентября 76.

Мой сердитый старикъ!

Я вернулся сюда безъ помѣхъ, у меня не было времени навѣстить Маньи, но я видалъ Пелле. Я отдалъ на его разсмотрѣніе спорный вопросъ,—онъ мнѣ отвѣтилъ:

— Такъ дѣлаютъ—и даже часто, но это не по правиламъ хорошей кухни.

Въ результатѣ я проигралъ вамъ шесть бутылокъ шампанскаго, но если за мной не *матеріальная* побѣда, то нравственная!

Я снова принялся за переписываніе. Сегодня вечеромъ во второй разъ я перечту „*Coeur simple*“. Тысяча дружескихъ пожеланій всему Круассе.

Надѣюсь, что ваша племянница скоро встанетъ, и обнимаю васъ.

Тотъ, который ѣстъ жаренаго цыпленка, горячаго, безъ горчицы,

И. Т.

XXXVIII.

Буживаль. Les Frênes Châlet (Seine-et-Oise).
Среда, **25** октября **76**.

Пишу вамъ въ среду—и ваше письмо помѣчено средой, но сколько прошло недѣль? Двѣ, три, сто, тысяча, я не знаю! Что я дѣлалъ за все это время? Ничего, и я ничего не знаю. Дни текли, какъ вода, какъ песокъ. А вы, работали ли вы? Какъ здоровье m-me Комманвиль? Надѣюсь, что она давно встала. Когда вы пріѣдете въ Парижъ? Мы останемся здѣсь еще дней десять. Всѣ эти дни небо было пасмурно. Я ничего не читалъ. Впрочемъ, нѣтъ. Я прочелъ вторую пѣснь *Донъ-Жуана* лорда Байрона, и это былъ блистающій свѣтъ среди этихъ сѣрыхъ сумерокъ.

Было два или три прекрасныхъ музыкальныхъ вечера. Въ одну изъ ночей меня мучили почечныя колики. Я думалъ, что околѣю.

И вотъ!

Напишите мнѣ слова два, и передайте отъ меня тысячу хорошихъ пожеланій m-me и m-elle Комманвиль.

Я совсѣмъ одурѣлъ, но это не мѣшаетъ мнѣ обнять васъ.

Вашъ *Ив. Тургеневъ.*

XXXIX.

Буживаль. Les Frênes.
Среда, 8 ноября 76.

Мой дорогой другъ!

Я погруженъ въ хлопоты по укладкѣ; послѣзавтра мы переѣзжаемъ въ Парижъ; какъ только я водворюсь тамъ, то напишу вамъ болѣе подробно.

Вѣстникъ Европы увѣдомилъ меня, что онъ не можетъ напечатать *Св. Юліанія* за *моей* подписью *раньше* моего романа, въ виду обѣщанія публикѣ не печатать ничего моего, или подписаннаго моимъ именемъ, раньше него; но такъ какъ мой романъ будетъ помѣщенъ въ январьскомъ номерѣ, то *Св. Юліаній* пойдетъ въ февральскомъ, — все-таки раньше своего появленія во Франціи. Мнѣ думается, что я нашелъ хорошаго переводчика для *Простого сердца*.

Я въ восторгѣ, что m-me Комманвиль выздоровѣла. Передайте ей отъ меня тысячу пожеланій.

Что касается гигантскихъ трудностей *Иродіады*,—я вѣрю вамъ, но убѣжденъ, что вы побѣдите ихъ.

Я не читалъ фельетоновъ Зола, но прочелъ первую часть *Assommoir*... Ну! ну! чортъ возьми—мы поговоримъ объ этомъ. Напишу вамъ дня черезъ два, черезъ три, какъ только устроюсь въ Парижѣ. Мои почечныя колики были простою случайностью, очень непріятною, конечно, но съ тѣхъ поръ мое здоровье недурно.

До скораго свиданія. Обнимаю васъ.

Вашъ *Ив. Тургеневъ*.

XL.

Парижъ, 50, улица Дуэ.
Суббота, 2/9 декабря 76.

Мой дорогой старый другъ!

Ровно недѣлю тому назадъ я взялъ этотъ листокъ бумаги, чтобы написать вамъ, но не написалъ ни слова. Я въ очень дурномъ расположеніи духа: я чувствую себя старымъ, скучнымъ, тусклымъ, безполезнымъ и глупымъ. У меня былъ припадокъ подагры, но онъ окончился раньше времени. Я поправляю корректуры моего романа, которыя пересылаютъ мнѣ изъ Петербурга, и нахожу его плоскимъ, незначительнымъ *). Я почти никого не вижу. Я нахожу, что вы слишкомъ долго остаетесь внѣ Парижа; если бы я могъ поговорить съ вами, все это улеглось бы, но писать надо было бы слишкомъ много: 1-е—это скучно, 2-е—на бумагѣ надо говорить все,—даже то, что само собою понятно.

У насъ былъ обѣдъ съ Зола и Гонкуромъ; Додэ не могъ придти. Жалѣли о вашемъ отсутствіи. Г. Пелле далъ намъ отвратительный обѣдъ; не надо больше ходить къ нему. Ну, когда же увидятъ васъ въ Парижѣ? Подвигается ли работа? Какъ здоровье?

Гонкуръ прочелъ намъ отрывокъ изъ своего романа **) прерывающимся отъ волненія голосомъ. Мнѣ показалось страннымъ, что человѣкъ съ сѣдой головой можетъ придти въ такое волненіе. То, что онъ прочелъ намъ, хорошо, но пожалуй нѣсколько скомкано. Я попробовалъ читать *Assom-*

*) *Новь*, напечатанная въ Россіи въ томъ же году.
**) *La fille Elisa.*

moir, и въ восторгъ не пришелъ. Это—конечно—строго между нами. Талантъ конечно есть, но романъ тяжелъ, и слишкомъ много тамъ вынесено на улицу домашняго сора.

Когда вы возвращаетесь, рѣшительно? Дайте мнѣ знать объ этомъ не медля,—не подражайте мнѣ. А что вы скажете о той грязи, въ которой здѣсь барахтаются? А у насъ навѣрное будетъ война, что бы тамъ ни говорили.

Я надѣюсь имѣть 10000 рублей дохода на этотъ 1877 годъ. Въ хорошія времена это составило бы 35000 франковъ, въ среднія 30000, въ дурныя 25000, и надо разсчитывать на 25000, не больше. Такъ какъ у меня на 10000 франковъ обязательствъ и столько же долговъ, то остается немного. Терпѣніе!

Засвидѣтельствуйте мои дружескія чувства вашей племянницѣ и ея мужу. Я—прѣлая груша, старая тряпка, но я очень люблю васъ и обнимаю.

До свиданія!

Ив. Тургеневъ.

XLI.

Парижъ, 50, улица Дуэ.
Вторникъ, 19 декабря 1876 г.

Мой дорогой старина!

Я возвращаюсь изъ добродѣтельнаго семейнаго путешествія, которое отняло у меня три дня, и во время котораго я таки порядкомъ скучалъ. И вотъ я отвѣчаю на ваше письмо. Покончимъ сначала о трехъ разсказахъ.

Св. Юліанiй переведенъ, находится въ рукахъ издателя и будетъ имъ оплаченъ по обычной моей цѣнѣ, т.-е. онъ

дастъ намъ 300 руб. (рубль колеблется между 2 фр. 85 с. и 3 фр. 30 с.) съ печатнаго листа (16 страницъ), но вотъ зацѣпка: я формально обѣщалъ моему издателю и публикѣ (въ замѣткѣ, которую имѣлъ глупость напечатать) ничего не *давать* подъ моимъ именемъ *раньше* моего большого романа. Я кончилъ этотъ романъ, и отправилъ его въ С.-Петербургъ, и въ настоящую минуту его печатаютъ. Только змѣя-издатель, вмѣсто того чтобы напечатать его цѣликомъ, какъ онъ мнѣ то форменно обѣщалъ, раздѣлилъ его на двѣ половины, такъ что романъ появится въ двухъ номерахъ — 1/13 января и 1/13 февраля, и онъ такъ хорошо меня опуталъ, что я—въ моемъ качествѣ прѣлой груши — далъ свое согласіе на это изуродованіе, которое оттягиваетъ несчастнаго *Юліанія* на мартъ мѣсяцъ, 1/13. Надо, слѣдовательно, напечатать два другихъ разсказа. Во всякомъ случаѣ *Простое сердце* не *должно* быть напечатано одно. Это *не* невозможно, судя по тому, что вы пишете. Я отдалъ *Простое сердце* одной русской барышнѣ-писательницѣ, хорошо владѣющей языкомъ. Она въ Парижѣ, и если она съ честью выйдетъ изъ этого испытанія, то я довѣрю ей также и *Иродіаду*; разумѣется, я внимательно просмотрю переводъ. И, если надо, я перепишу его, такъ какъ необходимо, чтобы стояло мое имя! Иначе скажутъ: если онъ перевелъ самъ первый разсказъ, то почему же самъ не переводитъ и другіе? Значитъ они не такъ хороши? Только такимъ образомъ мы можемъ имѣть хорошую плату *).

Но тутъ возникаютъ другія затрудненія! Я уѣзжаю въ Петербургъ (это между нами) 15 февраля, и пробуду тамъ мѣ-

*) Какъ мы сказали въ предисловіи, два разсказа Флобера, *Св. Юліаній и Иродіада*, появились за подписью Тургенева, какъ переводчика, и включены въ русское изданіе полнаго собранія сочиненій Тургенева.

сяцъ. Весьма возможно, что къ тому времени вы еще не будете готовы, если же да—то мнѣ останется захватить съ собой оригиналъ, такъ какъ у меня не будетъ времени отдѣлать переводъ здѣсь. Тогда мнѣ надо будетъ найти для перевода кого-нибудь въ Петербургѣ,—что тоже не невозможно. *Конечный результатъ*: старайтесь кончить *Иродіаду* въ первыхъ числахъ февраля, и тогда мы посмотримъ.

Что касается другихъ пунктовъ, о которыхъ говорится въ вашемъ письмѣ, то я отвѣчу въ краткомъ стилѣ, такъ какъ не хочу писать больше страницы:

1-е. Настоятельная просьба поспѣшить вашимъ возвращеніемъ, такъ какъ мнѣ удивительнымъ образомъ недостаетъ васъ.

2-е. Относительно Зола мы сходимся. Въ пятницу будетъ намъ обѣдъ въ ресторанѣ Opéra-Comique. Пелле—свинья.

3-е. Ренанъ. Его статья очень интересна во всемъ, что касается его лично, но какое отсутствіе колорита и жизни! Я ничего не *вижу*—ни Бретани, ни всѣхъ этихъ святыхъ, ни его матери, ни его маленькихъ дѣвочекъ, благодаря которымъ произошло раздвоеніе въ его первой любви, ни его самого! И зачѣмъ онъ говоритъ, что *Богъ* далъ ему дочь *).

4-е. Я не читалъ M. Monl..., потому что онъ мнѣ противенъ. По всему вѣроятію войны не будетъ. Вы косвенно заинтересованы въ этомъ, такъ какъ она страшно вліяетъ на курсъ рубля. Къ перемѣнѣ министра я остался равнодушенъ.

---

*) Статья Ренана, о которой говоритъ Тургеневъ—глава *Воспоминаній дѣтства* французскаго философа, появившаяся въ *Revue des Deux Mondes* 1 декабря 1876 г. Эти *Воспоминанія* были соединены въ одну книгу нѣсколько лѣтъ спустя.

Germiny пирамидальна! Вотъ что можетъ заставить повѣрить въ существованіе Бога—личнаго, иронизирующаго, и издѣвающагося надъ человѣчествомъ! У меня была m-me Комманвиль. Это мнѣ очень польстило и понравилось. Я нашелъ, что видъ у нея прекрасный. А теперь обнимаю васъ.

Вашъ *Ив. Тургеневъ.*

XLII.

50, улица Дуэ.
2 января 77.

Мой дорогой другъ!

На слѣдующей страницѣ вы найдете стихотвореніе, продиктованное школьнымъ учителемъ классу (по случаю Новаго года) и которое сынъ нашего конюшьержа, мальчикъ восьми лѣтъ, поднесъ своимъ родителямъ. Мать (она, кстати, не умѣетъ читать) принесла показать эту чудную вещь m-me Віардо. Она такъ гордилась этимъ, что у ней слезы стояли на глазахъ; а я поспѣшилъ переписать это настоящее произведеніе искусства, и послать его вамъ. Измѣрьте, если можете, глубину души этого педанта, растворившагося въ риторикѣ! *)

У меня отъ подагры болитъ колѣно; надѣюсь, что это скоро пройдетъ, но я сейчасъ не могу двигаться.

А вы все продолжаете хорошо работать? Здоровье хорошо?

Дружески обнимаю васъ.

Ив. Тургеневъ.

*) Стихотвореніе это и его подстрочный переводъ помѣщены въ концѣ этой серіи писемъ, на стр. 223 и 224.

XLIII.

Парижъ, 50, улица Дуэ.
Среда вечеромъ, 24 января 1877 г.

Мой дорогой старина!

Посылаю вамъ два нумера газеты *Temps*, гдѣ помѣщена одна моя маленькая бездѣлка. Прочтите это, за неимѣніемъ чего другого лучшаго.

Первая часть моего, появившагося въ Россіи, романа, кажется, доставила много удовольствія моимъ друзьямъ, и очень мало публикѣ. Журналы находятъ, что я выдохся и побиваютъ меня моими же собственными прежними произведеніями (какъ васъ *Madame Bovary*).

Я радъ узнать, что вы хорошо работаете, а m-me Комманвиль, которую я видѣлъ, и нашелъ въ полномъ здоровьѣ и хорошемъ настроеніи духа, сказала мнѣ, что вы вернетесь раньше, чѣмъ предполагали. Браво! Здѣсь мнѣ недоставало васъ; что касается меня, то я не уѣду раньше первыхъ чиселъ марта.

Зола прислалъ мнѣ свой *Assommoir*. Это толстая книга, я примусь за нее.

Бѣдный Мопассанъ совсѣмъ облысѣлъ. У него лѣзутъ волосы по всему тѣлу! (Онъ былъ у меня). Это—отъ болѣзни желудка, по его словамъ. Онъ попрежнему очень милъ, но и очень безобразенъ теперь.

Несмотря ни на что, я продолжаю утверждать, что весной будетъ война.

А теперь обнимаю васъ, и до свиданія

Ив. Тургеневъ.

XLIV.

Буживаль. Les Frênes 15, улица Месмеръ.
Вторникъ, 24 іюля 1877 г.

Мой дорогой старина!

Я не отвѣтилъ вамъ тотчасъ потому, что имѣлъ смутную надежду поѣхать въ Круассе, чтобы самому привезти вамъ вашъ халатъ, но въ настоящую минуту эта надежда исчезла, я пишу вамъ и посылаю халатъ по желѣзной дорогѣ *).

Моей ногѣ лучше, но мнѣ еще невозможно много ходить. Мнѣ кажется, я кончу тѣмъ, что попробую новое лѣкарство, которое очень хвалятъ въ журналахъ, и названіе котораго начинается съ *sal* и кончается на *ate*. Эта гадкая подагра принимаетъ у меня полухроническую, полуострую форму, которая надоѣдаетъ мнѣ. Жаль, что „Б. и П.“ **) покончили съ медициной, я спросилъ бы ихъ мнѣніе.

Въ Россіи я сдѣлалъ лишь четверть того, что хотѣлъ сдѣлать, и это уже кое-что; но, конечно, я не сдѣлалъ самаго главнаго. Я не видѣлъ моего брата. А потому все въ неизвѣстности.

Мнѣ очень бы хотѣлось, чтобы эта война кончилась, хотя бы для того, чтобы курсъ русскаго рубля могъ подняться. Настоящее положеніе совершенно парализуетъ мои средства. Вы работаете, это хорошо; а дѣла,—въ особенности то, которое вы помните, такъ много обѣщало,—что подѣлываютъ?

---

*) Подарокъ Тургенева Флоберу—шелковый халатъ, вышитый разноцвѣтными шелками и золотомъ татарскими женщинами въ Крыму.

**) Герои послѣдняго романа Флобера.

Что касается моей литературы, она теперь въ самой преисподней.

Я видѣлъ маленькую новеллу Зола въ *Echo Universel*. Начало особенно замѣчательно. Мой дружескій привѣтъ всѣмъ.

Обнимаю васъ

Ив. Тургеневъ.

XLV.

Канъ, Grand-Hôtel de la Place Royale.
Пятница вечеромъ, 17 августа 77.

Канъ? Почему Канъ? спросите вы, мой дорогой старина! Кой чортъ тутъ Канъ? Ну такъ вотъ же! Дамы семейства Віардо должны провести недѣли двѣ на берегу моря, или въ Люкѣ или въ С-тъ-Обенѣ, и меня послали впередъ, чтобы найти какое-либо помѣщеніе. Я взялъ ваше письмо съ собой, и спѣшу сказать вамъ, что вашъ пріѣздъ мнѣ очень подходитъ, такъ какъ я со *вторника* вернусь въ Буживаль и буду ждать словечка отъ васъ въ Frênes, чтобы знать, когда мнѣ выѣхать для встрѣчи васъ въ Парижъ въ Faubourg St. Honoré. Мы того другъ другу наскажемъ, что стѣны ходуномъ заходятъ.

Итакъ, начиная со вторника, я жду отъ васъ извѣстій. Обнимаю васъ.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

XLVI.

Буживаль. Les Frênes.
Четвергъ, 30 августа 1877 г.

Мой дорогой другъ!

Когда вы говорите со мной, вы думаете, что имѣете дѣло съ человѣческимъ существомъ; разочаруйтесь, — я только старая посудина для подагры. Это значитъ, что она меня вновь жестоко схватила съ іюня мѣсяца, когда мы съ вами завтракали вмѣстѣ, и что съ тѣхъ поръ я лежу на боку. Въ прошлую ночь она поднялась отъ пятки къ колѣну и, какъ видно, еще не окончила своего путешествія. Поэтому, если хотите повидать меня, надо сдѣлать подобно Магомету: подойти къ горѣ.

Затѣмъ обнимаю васъ и желаю вамъ массу хорошихъ вещей, и никакой подагры

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

XLVII.

Буживаль. Les Frênes.
Суббота, 1 сентября 1877 г. 8 ч. утра.

Мой дорогой другъ!

Пишу вамъ, чтобы помѣшать вамъ подойти къ горѣ, если вы имѣли эту мысль. Я рѣшился потащиться въ Парижъ на моихъ костыляхъ, чтобы посовѣтоваться съ д-мъ Сэ. Я долженъ былъ отложить это до среды, такъ какъ воскресенья и понедѣльники онъ проводитъ въ Трувилѣ, а по

вторникамъ не принимаетъ. Не знаю, когда онъ меня отпуститъ, а мнѣ невозможно подняться на вашъ пятый этажъ. Поэтому наше свиданіе, обѣдъ и т. д., все падаетъ въ воду. Послѣ 40 лѣтъ только одно слово составляетъ суть жизни... *отказываться*.

Обнимаю васъ и желаю вамъ здоровья, дѣятельности и т. д. и т. д.

Вашъ старый другъ

Ив. Тургеневъ.

XLVIII.

Буживаль. Les Frênes Châlet.
Пятница, 5 октября.

Мой дорогой другъ!

Скажу теперь одно слово, чтобы вы не удивлялись моему молчанію, которому много причинъ, но о нихъ поговоримъ, когда мы увидимся. Все это время я предавался мрачнымъ мыслямъ, и былъ совершенно неспособенъ къ человѣческому общенію.

Какъ только будетъ возможно, я пріѣду къ вамъ, и заранѣе предувѣдомлю васъ.

Я ничего не читаю, ничего не дѣлаю, и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно здоровъ, благодаря салициловому натру.

Бракъ m-elle... *) немного отложенъ.

Работайте получше за насъ обоихъ. Обнимаю васъ.

Вашъ вѣрный

Ив. Тургеневъ.

*) Имя не поставлено по просьбѣ заинтересованныхъ лицъ.

XLIX.

Парижъ, 50, улица Дуэ.
Четвергъ, 8 ноября 77.

Мой старый другъ!

Я все-таки долженъ вамъ написать, хотя бы для того, чтобы узнать, сколько еще времени думаете вы пробыть въ Круассе, потому что я хочу пріѣхать къ вамъ, чего бы это мнѣ ни стоило.

Уже десять дней, какъ мы уѣхали съ дачи и окончательно устроились здѣсь.

Здоровье мое лучше, благодаря салициловому натру, который я принимаю уже два мѣсяца и который, кажется, остановилъ подагру.

Мое главное горе въ томъ, что разстроился бракъ... съ человѣкомъ, котораго я любилъ и которому покровительствовалъ. Все произошло у меня на глазахъ. Были психологическія странности, которыя я желалъ бы видѣть лучше въ другомъ мѣстѣ.

Обо всемъ этомъ, и о многомъ другомъ, мы лично поговоримъ. Я никого не видѣлъ и не вижу. Зола, вѣроятно, вернулся; я думаю зайти къ нему на этихъ дняхъ. Надѣюсь, что вы здоровы и безъ устали работаете. Шамеро *) сказалъ мнѣ, что выходитъ второе изданіе трехъ вашихъ разсказовъ. Тѣмъ лучше!

Обнимаю васъ.

Вашъ старый другъ

Ив. Тургеневъ.

---

*) Мужъ старшей дочери m-me Віардо, и собственникъ большой типографіи.

P. S. Хороша политика-то? Я всегда былъ увѣренъ, что это министерство останется, и что дубовая голова, занимающая выгодное положеніе, сильнѣе цѣлаго народа.

L.

50, улица Дуэ, Парижъ.
Среда, 5 дек. 77.

Мой добрый старина!

Все въ томъ же горизонтальномъ положеніи. Съ тѣхъ поръ, какъ я писалъ вамъ, со мной снова повторился припадокъ. Я болѣе не страдаю, но начинаю спрашивать себя, какъ же вообще пользуются ногами; люди, ходящіе на костыляхъ, представляются мнѣ колоссами, героями. Я воображаю себѣ, что я сталъ такимъ, чтобы придти въ одинаковое положеніе съ этой бѣдною Франціей, которая тоже не можетъ шевельнуться ни ногой, ни рукой. Какое положеніе, мой дорогой другъ! Этого еще никогда не бывало. Локомотивъ на всѣхъ парахъ несется къ безднѣ, а машинистъ спокойно чешетъ себѣ з . . . . . у, или складываетъ руки. И эта ложь, эта наглая ложь, которая сочится отовсюду, какъ обледенѣлое полѣно на огнѣ: повторяю, никогда ничего подобнаго не бывало!

Г-жа Комманвиль была такъ добра и мила, что навѣстила болящаго. Я нашелъ, что видъ у нея прекрасный, сіяющій здоровьемъ. Я видѣлъ также Зола, который рѣшительно хочетъ написать пьесу для Сары Бернаръ.

Я только-что кончилъ *Набаба*. Въ этой книгѣ есть многое выше уровня Додэ и многое *ниже*. То, что онъ наблюдалъ, великолѣпно; то, что онъ выдумываетъ — хволо, без-

вкусно и даже не оригинально. Несмотря на все это, хорошія мѣста этой книги такъ хороши,—что я думаю,—я рѣшусь написать ему письмо безъ прикрасъ, которое одновременно причинитъ ему и удовольствіе и огорченіе. А можетъ-быть, въ концѣ-концовъ, я не сдѣлаю этого.

А вы, работаете ли вы? Г-жа Комманвиль сказала мнѣ, что да. Тѣмъ лучше. Пользуйтесь временемъ, пока еще никакой недугъ не засѣлъ въ васъ. Потому, что разъ это случится, все кончено. Это вамъ внушаетъ такую покорность, такое смиреніе, которыя быть-можетъ очень хороши съ точки зрѣнія христіанской, но которыя ни чорта не стоятъ ни для какой дѣятельности.

Вы вернетесь къ Новому году, не правда ли? Прощайте, обнимаю васъ.

Нѣтъ у меня горя, но нѣтъ и никакой радости. Я самъ себѣ кажусь тѣнью изъ Елисейскихъ полей въ *Орфеѣ* Глука. У меня долженъ быть ихъ взглядъ „глубоко удивленный и глубоко равнодушный“, какъ говоритъ Жюль Симонъ, ставши министромъ Макъ-Магона. Жюль Симонъ—министръ, каково вамъ это покажется?

Вашъ другъ

Ив. Тургеневъ.

Письмо, которое Тургеневъ собирался написать Додэ, было имъ написано и отослано; авторъ *Набаба* приводитъ его въ своей статьѣ о Тургеневѣ, написанной имъ въ 1883 г. для *Century Magazine* въ Нью-Йоркѣ. Вотъ оно:

Понедѣльникъ, 24 мая 1877.

Мой дорогой другъ!

Если я до сихъ поръ ничего не сказалъ о вашей книгѣ, то только потому, что хотѣлъ сдѣлать это подробнѣе, а не ограничиться нѣсколь-

кими банальными фразами. Откладываю все это до нашего свиданія, которое, надѣюсь, теперь скоро наступитъ, такъ какъ Флоберъ возвращается на этихъ дняхъ, и снова начнутся наши обѣды.

Скажу теперь только одно: изъ всѣхъ книгъ, написанныхъ вами, *Набабъ*—самая замѣчательная и самая неровная. Если *Фромона* и *Рислеръ* изобразить прямой линіей, то *Набаба* должно изобразить такъ: ∧∧∧∧ и верхушки зигзаговъ могутъ быть доступны только *перворазрядному таланту*.

Извините эти геометрическія сравненія.

У меня былъ очень сильный и продолжительный припадокъ подагры. Я только вчера вышелъ въ первый разъ, и у меня ноги и колѣни точно у девяностолѣтняго старика. Я боюсь, что сдѣлаюсь тѣмъ, что англичане называютъ a confirmed invalid (утвержденный калѣка).

Тысячу дружескихъ пожеланій m-me Додэ; сердечно жму вамъ руку.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

Это письмо въ статьѣ Альфонса Додэ по ошибкѣ отнесено къ 24 мая 1877 г., тогда какъ оно было написано позднѣе письма Тургенева къ Флоберу, т. е. позднѣе 5 декабря 1877 г. По сличеніи съ подлинникомъ письмо къ Додэ оказалось помѣченнымъ 24 декабря 1877 г.

LI.

Парижъ, 50, улица Дуэ.
Понедѣльникъ, 14 іюня **1878** г.

Мой дорогой другъ!

Я въ дѣйствительности странное существо, но на этотъ разъ менѣе, чѣмъ вы думаете.

Я говорилъ вамъ, что на сегодня меня пригласилъ толстый Ханыковъ *). Если бъ онъ никого не пригласилъ для этого случая, то я могъ бы отказаться, но подумайте, два математика нарочно для этого приглашены! Моя репутація такъ плоха (что касается аккуратности), что я погубилъ бы себя навсегда.

*) Старинный другъ Тургенева, извѣстный русскій географъ.

Я прочелъ фельетонъ Зола... Что хотите? Я жалѣю его. Да, онъ внушаетъ состраданіе: и я боюсь, что онъ никогда не читалъ Шекспира. Въ немъ есть прирожденный грѣхъ, отъ котораго онъ никогда не избавится.

Итакъ до *субботы*.

Въ этотъ день я буду пунктуаленъ.

Весь вашъ

Ив. Тургеневъ.

LII.

Буживаль, 16, улица Месмеръ.
Воскресенье, 23 іюня 1878.

И я, мой дорогой другъ, думалъ, что въ текущій часъ буду въ Германіи, но вовсе нѣтъ! Я далъ завлечь себя во всю эту исторію съ этимъ интернаціональнымъ конгрессомъ *), который *не будетъ и не можетъ имѣть никакого результата*; и вотъ я произношу рѣчи, и patati et patata! Другъ мой, что за комическая штука всякое совѣщательное собраніе! Вотъ вашъ Гюго, приготовляющій вчера дивную рѣчь: ей рукоплещатъ, вотируютъ ея напечатаніе, какъ въ Учредительномъ Собраніи,—и пять минутъ спустя вотируютъ резолюцію діаметрально противоположную его рѣчи! И онъ ее *самъ* вотируетъ,—эту резолюцію!!! У насъ комиссія, которая засѣдаетъ ежедневно (я вице-президентъ). Мы топчемся на одномъ мѣстѣ, какъ болваны, и я начинаю думать, что мы и на самомъ дѣлѣ таковые. Мнѣ все это выше ушей

*) Въ 1878 г. въ Парижѣ состоялся первый интернаціональный конгрессъ литераторовъ, подъ предсѣдательствомъ Виктора Гюго.

надоѣло, я утекаю въ четвергъ въ Карлсбадъ, куда вы мнѣ и пишите (К., Богемія, до востребованія). Вода, которую я буду тамъ пить, можетъ-быть тоже иллюзія, но не такая явная.

Что касается васъ: здоровья и терпѣнія, вотъ чего я желаю вамъ отъ всего сердца.

Я видѣлъ на минутку Зола; онъ купилъ домикъ въ окрестностяхъ Maison Laffitte, и собирается тамъ поселиться.

Г. Мартэнъ, конечно, не великій писатель, но согласитесь, что Тэнъ на креслѣ Тьера—это было бы чудовищно! Лично я очень люблю Мартэна, и радъ его успѣху.

Обнимаю васъ.

Ив. Тургеневъ.

LIII.

Парижъ, 50, улица Дуэ.
Суббота, 9 ноября 78.

Мой дорогой старина!

„Послѣ столькихъ злоключеній, ты ли это, Радамистъ?!“ Послѣ столь долгаго молчанія, послѣ поѣздокъ въ Россію, въ Англію, къ зеленымъ чертямъ, да, это я; и я прихожу сказать вамъ, что я вновь поселился въ Парижѣ со вчерашняго дня, что я жду отъ васъ извѣстій, что вы должны сказать мнѣ, сколько времени вы останетесь еще въ Круассе, такъ какъ я предполагаю, что вы тамъ, и хочу навѣстить васъ.

Мое здоровье довольно хорошо, но я хожу совсѣмъ какъ трехлѣтній младенецъ. На сегодня я ничего больше

не прибавлю, такъ какъ чувствую себя порядочно ошалѣвшимъ, и жду вашего отвѣта.

Обнимаю васъ.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

LIV.

Парижъ, 50, улица Дуэ.
Суббота, 9 ноября 78.

Мой дорогой старина!

Въ отвѣтъ на вашу записочку, грустный тонъ которой совсѣмъ разстроилъ меня, я хотѣлъ поскакать въ Круассе, и, если не сдѣлалъ этого, то въ силу высшихъ причинъ. Надо было предать землѣ стараго друга (40 лѣтъ дружбы) Ханыкова, скончавшагося въ Рамбулье, въ томъ хмуромъ жилищѣ, въ которомъ я его видѣлъ. Скверно на Père Lachaise: грязь внизу, что-то въ родѣ града или снѣга сверху, тяжелый, грязный туманъ кругомъ. Съ безконечными усиліями опустили они въ зіяющую яму огромный и тяжелый гробъ. Я произнесъ нѣсколько прощальныхъ словъ на краю этой ямы, на кучѣ мокрой и скользкой земли. Я говорилъ съ непокрытой головой и схватилъ сильный насморкъ, который не позволяетъ мнѣ выйти изъ комнаты и поѣхать въ Круассе. Все же мнѣ лучше и, *навѣрно*, будущая недѣля не пройдетъ безъ того, чтобы вы не повидали меня въ вашемъ *домѣ въ Круассе*. Я отсюда вижу скептическую улыбку, блуждающую на вашихъ губахъ, и долженъ признаться, что вы имѣете право такъ улыбаться, а все же вы увидите!

Зола еще не вернулся въ Парижъ. Я не видалъ Додэ. Гонкуръ приходилъ ко мнѣ вчера, чтобы позаимствоваться у меня немного мѣстнымъ колоритомъ: южная Россія, цыганскія имена и т. д. Я нашелъ, что онъ въ добромъ здоровьѣ, немного худъ, и все тѣ же свѣтящіеся и мрачные глаза, и совсѣмъ недобрые. Онъ говорилъ о васъ съ большой симпатіей.

Мнѣ стукнуло шестьдесятъ лѣтъ, старый дружище. Это начало „хвоста“ жизни. Есть испанская пословица, которая говоритъ, что труднѣе всего сдирать кожу съ хвоста. Это удовольствіе и толку доставляетъ наименѣе. Жизнь становится исключительно личной и оборонительной противъ смерти; и это преувеличеніе личности приводитъ къ тому, что жизнь теряетъ интересъ даже для ея обладателя. Но вамъ и такъ уже не слишкомъ весело живется, чтобъ я еще прибавлялъ мрачныя нотки. Сочтите, что я ничего не сказалъ. Когда мы увидимся, у меня будетъ *много* чего поразсказать вамъ о моихъ двухъ путешествіяхъ, въ Россію и Англію. Поэтому заставьте меня разговориться.

Всѣ мои здоровы и кланяются вамъ. А я обнимаю васъ.

До скораго свиданія. Я увѣдомлю васъ наканунѣ.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

LV.

Парижъ, 50, улица Дуэ.
Вторникъ, 7 января 79.

Что же это, мой другъ, письма все еще нѣтъ? Впрочемъ, можетъ-быть это къ лучшему, потому что если бы вы написали мнѣ недѣли двѣ тому назадъ или дней десять,

я не могъ бы пріѣхать, такъ какъ лежалъ въ постели съ подагрой. Припадокъ былъ хотя сильный, но короткій, и вотъ уже пять дней, какъ я надѣваю ботинки и хожу какъ настоящій человѣкъ. Дайте мнѣ вѣсточку о себѣ во всякомъ случаѣ, и не забудьте, что вы обѣщали пріѣхать въ Парижъ въ началѣ февраля.

Наши бѣдные обѣды совсѣмъ разстраиваются. Я получилъ записочку отъ Додэ, который очень мучается ревматизмомъ въ правой рукѣ. Что касается Зола, то онъ вернулся въ Парижъ четыре дня тому назадъ, и я только-что его видѣлъ: онъ толстъ и жиренъ. Кончаетъ постройку дачи въ деревнѣ, а черезъ десять дней будетъ представленъ *Assommoir*. Онъ обѣщалъ мнѣ кресло на первое представленіе. Надо полагать, что шуму будетъ много. Впрочемъ онъ это знаетъ и смѣется. Онъ смѣется также и надъ шумомъ, который произвели его русскія статьи, и надъ жестокими нападками Ульбаха, Кларси и т. д.; но вотъ что я вспомнилъ: вѣдь вы не получаете газетъ, и вамъ можетъ-быть не извѣстно все это дѣло, но мы поговоримъ о немъ, когда увидимся, если до тѣхъ поръ все это не будетъ позабыто *).

Я въ отчаяніи, что вы такъ увязли и не можете выкарабкаться. Но, несмотря ни на что, не слѣдуетъ грызть

*) Статьи Зола, о которыхъ здѣсь упоминается, сначала появились въ *Вѣстникѣ Европы*, потомъ въ *Фигаро* (декабрь 1877) и наконецъ были соединены въ одинъ томъ подъ заглавіемъ: *Писатели натуралисты;* въ нихъ заключались оцѣнки Стендаля, Бальзака, Флобера, Гонкура и Додэ. Въ минуту своего появленія онѣ вызвали такую оживленную критику и такія нападки со стороны прессы, что Барду, министръ народнаго просвѣщенія, который, по настоянію Флобера и Додэ, хотѣлъ дать Зола орденъ Почетнаго Легіона, долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. Поль Алексисъ разсказываетъ даже въ своей книгѣ о Зола, что когда Барду назвалъ Зола завѣдывающему кабинетомъ, тотъ отвѣтилъ торжественно: „господинъ министръ, это невозможно,—тутъ дѣло идетъ о вашемъ портфелѣ“.

себѣ душу, и я радъ, что вы работаете надъ своимъ дѣломъ. Есть однако вещи, которыхъ я не понимаю: какое вамъ дѣло, что Шарпантье издаетъ Сару Бернаръ, и въ чемъ тутъ булавочный уголъ? Эта книга, столько же глупо написанная, сколько скверно иллюстрированная Клэреномъ, забыта болѣе, чѣмъ прошлогоднія моды. А что вы скажете о бывшемъ третьяго дня вечерѣ?

М-me Віардо проситъ передать вамъ тысячу хорошихъ пожеланій, а я обнимаю васъ.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

LVI.

Парижъ, 50, улица Дуэ.
Суббота, 11 янв. 79.

Мой дорогой другъ!

Я пріѣду къ вамъ тотчасъ, какъ только кончатся этотъ холодъ и снѣгъ, по всему вѣроятію въ концѣ будущей недѣли; конечно, я извѣщу васъ заранѣе. У меня тоже большое желаніе увидать васъ и говорить съ вами. Я не зналъ, что m-me Комманвиль вернулась въ Парижъ; завтра я навѣщу ее.

Положеніе ваше незавидно, мой бѣдный старина, но у васъ остаются здоровье, работа и истинные друзья; съ этимъ можно жить. Во всякомъ случаѣ не грызите самого себя: это — единственная вещь, которой человѣкъ не можетъ вынести.

Все семейство Віардо проситъ передать вамъ тысячу дружескихъ пожеланій, я же обнимаю васъ.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

LVII.

Парижъ, 50, улица Дуэ.
Вторникъ, 21 янв. 79.

Мой добрый старина!

Можетъ-быть вы спрашиваете себя, почему я не подаю признаковъ жизни? Увы, мой другъ! я рѣшительно сталъ только калѣкой, который ничего не можетъ предпринимать. Вотъ уже скоро двѣ недѣли, какъ подагра снова зацѣпила меня, и только со вчерашняго дня я началъ ходить по своей комнатѣ, разумѣется при помощи костылей. Я не могъ быть на первомъ представленіи *Assommoir*, который, выхолощенный въ должной степени, кажется имѣлъ большой успѣхъ въ родѣ старинной хорошей мелодрамы.

Вчера я получилъ извѣстіе о смерти моего брата *). Это меня сильно огорчило и лично, и по воспоминаніямъ прошлаго. Мы видались съ нимъ очень рѣдко, и между нами не было почти ничего общаго; но братъ—это иногда меньше, но нѣчто иное, нежели другъ; менѣе сильно и болѣе семейно. Мой братъ умеръ въ нѣсколько разъ милліонеромъ, но онъ оставилъ все свое состояніе родственникамъ жены. Мнѣ онъ завѣщалъ (какъ онъ мнѣ писалъ) 250000 франковъ. Это приблизительно 20-я часть его состоянія... **) Мнѣ, пожалуй, придется немедля отправиться на мѣсто дѣйствія. Это наслѣдство моего брата можетъ легко исчезнуть, какъ дымъ! Итакъ черезъ 10 дней я можетъ-быть буду на пути въ Москву. Въ такомъ случаѣ—когда мы увидимся? О томъ, чтобы ѣхать въ Круассе, нечего и думать, а между тѣмъ

*) Старшаго брата Николая.

**) Тутъ слѣдуютъ нѣкоторыя сильныя выраженія, выпущенныя редакціей въ этомъ письмѣ и слѣдующемъ.

я имѣю сильнѣйшее желаніе видѣть васъ! Развѣ такъ необходимо, чтобы вы оставались тамъ до конца февраля? Какая грустная зима! Ни одинъ кротъ не ведетъ болѣе уединенной жизни, чѣмъ я. Быть однимъ, совсѣмъ однимъ и ничего не дѣлать—это постоянно напоминаетъ о вашей безполезности. Но терпѣніе!

Къ счастью, всѣ въ домѣ здоровы. Напишите мнѣ два слова. Надѣюсь, что ваша работа правильно подвигается впередъ.

Обнимаю васъ.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

LVIII.

Парижъ, улица Дуэ.
Пятница, 24 янв. 79.

Мой дорогой старина,

Я получилъ ваше письмо, а вчера m-me Комманвиль была такъ любезна, что навѣстила меня. Мы довольно долго бесѣдовали; понятно, что вы были главнымъ предметомъ нашей бесѣды. Я нашелъ ее въ добромъ здоровьѣ и въ хорошемъ настроеніи для работы. Я отдамъ ей визитъ, какъ только буду въ состояніи ходить безъ палки и, главное, подниматься на лѣстницы.

Возможно, что моя поѣздка въ Россію будетъ отложена; все зависитъ отъ писемъ, которыя я получу оттуда. Въ такомъ случаѣ я непремѣнно пріѣду въ Круассе. . . . . .

. . . . . .

Ваша племянница сказала мнѣ, что ваше здоровье хорошо—это главное.

Вы не любите гулять, но васъ къ тому нужно принуждать. Я разъ сидѣлъ въ тюрьмѣ (въ одиночномъ заключеніи), болѣе мѣсяца. Камера была маленькая, жара удушливая. Два раза въ день я переносилъ 104 карты (двѣ игры), по одной, съ одного конца комнаты на другой. Эта составляло 208 концовъ=416 въ день; каждый конецъ по 8 шаговъ, составляетъ болѣе 3,300 шаговъ, или около 2 километровъ! Да придастъ вамъ мужество моя остроумная выдумка! Въ тотъ день, когда я такъ не проминался, у меня вся кровь бросалась въ голову.

Я вырѣзалъ для васъ изъ одной газеты статью, принадлежащую, какъ мнѣ кажется, воплощенному филистеру.

Скоро напишу вамъ, какъ только узнаю что-нибудь опредѣленное. А пока обнимаю васъ.

Вашъ *Ив. Тургеневъ.*

LIX.

50, улица, Дуэ.
Суббота, 19 марта.

Мой дорогой старина,

Вы должны были сказать себѣ вчера: „Хорошъ гусь! Онъ не ѣдетъ, потому что у него подагра, а на другой день разгуливаетъ по городу!“ Но я все же не такой обманщикъ; мнѣ совсѣмъ не хорошо было вчера, хотя я и выходилъ (меня не было дома ровно часъ, и вы пришли только пятью минутами раньше меня).

Третьяго дня я былъ такъ плохъ, мои обѣ ноги такъ болѣли, я чувствовалъ себя такимъ безпомощнымъ, старымъ,

погибшимъ подагрикомъ, что мысль ѣхать смотрѣть то, что намъ хотѣли показать, вызвала во мнѣ мрачную меланхолію. Я не сомнѣваюсь, что проскучалъ бы тамъ, даже хуже, даже еслибъ могъ, съ моими двумя язвами вмѣсто ногъ, подняться въ мастерскую.

Я рѣшилъ сидѣть дома, какъ старая жаба въ своей сырой дырѣ. Я употреблю всѣ усилія, чтобы завтра дотащиться до васъ. Если нѣтъ: прощайте!

Какъ только я буду въ состояніи сѣсть въ вагонъ, я уѣду; вѣроятно, въ концѣ будущей недѣли.

Съ грустью обнимаю васъ.

Ив. Тургеневъ.

LX.

Парижъ улица Дуэ.
Въ пятницу утромъ.

Мой дорогой больной *)

Я собирался отправиться въ путь, когда пришло ваше письмо. Если вы хотите, то я не поѣду сегодня, но мнѣ непремѣнно надо повидать васъ,—ради себя и также ради *васъ*,—и я поѣду *въ понедѣльникъ*. Что скажете вы о 2 часахъ? Я пріѣду утромъ, и останусь до слѣдующаго дня. Если у васъ не найдется для меня постели, то я переночую въ Руанѣ. Такъ какъ болѣе, чѣмъ вѣроятно, что я уѣду въ Россію черезъ недѣлю, то непремѣнно хочу повидать васъ передъ тѣмъ.

---

*) Флоберъ сломалъ себѣ ногу.

Отчего вы не отвѣтили на мою телеграмму (съ оплаченнымъ отвѣтомъ)? Вы продержали меня цѣлый день въ большомъ безпокойствѣ! А также и m-me Віардо, которая проситъ передать вамъ, что она сама не знала, насколько она привязалась къ вамъ. Вчера я написалъ къ m-me Комманвиль, и ея отвѣтъ успокоилъ меня. Но только она говорила о вывихѣ, а я вижу, что вы таки сломали себѣ ногу. Я видѣлъ во снѣ, что вы показываете мнѣ въ какомъ именно мѣстѣ, немного ниже праваго колѣна.

Итакъ, до *понедѣльника*— te volente aut nolente! *) У меня будетъ многое, что сказать вамъ, и о чемъ спросить васъ.

Надѣюсь, что вы будете совсѣмъ молодцомъ къ моему возвращенію изъ Россіи, которое совершится черезъ шесть недѣль. А пока обнимаю васъ.

Вашъ *Ив. Тургеневъ.*

LXI.

Буживаль. Les Frênes Châlet.
Четвергъ, 7 августа 79.

Мой дорогой другъ,

Рѣшительно я слишкомъ давно не имѣлъ отъ васъ извѣстій. Черкните мнѣ слова два о томъ, что вы дѣлаете, какъ себя чувствуете и т. д., и т. д. Что касается меня, то я физически совсѣмъ здоровъ, а относительно моей души, о ея состояніи вы можете имѣть понятіе, если поднимете

*) Хочешь ли ты или не хочешь...

крышку выгребной ямы и заглянете туда, но только это долженъ быть не англійскій ватерклозетъ,—тѣ обыкновенно чисты.

Весь мой здѣшній мірокъ свидѣтельствуетъ вамъ свои дружескія чувства. И я также,—изъ нѣдръ моего spleen'a—потому—я очень люблю васъ, вы это знаете.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

LXII.

Буживаль. Les Frênes Châlet.
Seine-et-Oise.
Суббота 30 августа 79.

Мой добрый старина,

Я согласенъ и буду ждать вашего сигнала, чтобы явиться къ вамъ.

Правда, я имѣю намѣреніе поѣхать въ Россію, не для того, чтобы тамъ работать,—о, нѣтъ! Но просто для того, чтобы подышать, какъ марселецъ, *роднымъ воздухомъ*. Это рѣшеніе вывело меня изъ того состоянія—невыносимой нервной раздражительности,—которое меня заѣдало, говоря по-филистерски. Смѣйтесь, если хотите, но мысль погрузиться вновь въ это болото вполнѣ успокоила меня. Что значитъ человѣческая натура!—сказалъ бы тотъ же филистеръ.

Я долженъ былъ обѣщать m-me Аданъ *) маленькій разсказъ въ десять страницъ, и я позволилъ себѣ сказать ей, что разсчитываю предварительно подвергнуть это капитальное

*) Издательница *Nouvelle Revue*.

произведеніе вашему просмотру. Вы предупреждены,—въ концѣ ноября я обрушусь на васъ съ этою рукописью.

Мнѣ также очень хочется познакомиться съ философіей „Б. и П.“ Все это зависитъ отъ васъ. Я жду, и въ ожиданіи обнимаю васъ.

Вашъ

И. Тургеневъ.

P. S. Я прочелъ первые фельетоны Додэ *).

LXIII.

50, улица Дуэ.
Воскресенье утромъ.

Самый дорогой другъ,

Нынѣшнею ночью моя нога опять распухла и я снова прикованъ къ моему креслу. Я не знаю, буду ли въ состояніи выѣхать послѣзавтра, но во всякомъ случаѣ сегодня я не могу выйти.

Возвращаю вамъ вашу рукопись. Если увидите Зола, то скажите ему, что я пришлю ему сюжеты для фельетоновъ, какъ только увижу Стасюлевича **) и переговорю съ нимъ. А пока я вотъ что придумалъ. Еслибъ онъ написалъ психологическій этюдъ о закулисной сторонѣ журнализма въ Парижѣ? Это не было бы темою на злобу дня, но могло бы быть очень любопытно;—публика лакома на подобныя вещи.

Ну, прощайте—и до свиданія до лучшаго времени. Обнимаю васъ.

Ив. Тургеневъ.

---

*) *Короли въ изгнаніи.*

**) Издатель *Вѣстника Европы.*

P. S. Тысячу дружескихъ пожеланій m-me Комманвиль и ея мужу.

LXIV.

Буживаль. Les Frênes Châlet.
Четвергъ, 13 ноября 79.

Мой милый добрый старина,

Я самъ лично привезу въ Круассе корректуры моей маленькой вещицы **). Это будетъ въ началѣ декабря, такъ какъ разсказъ долженъ появиться въ выпускѣ отъ 15. Я извѣщу васъ за сутки.

Знаете ли, что вотъ уже шесть дней, какъ мы съ восторгомъ, съ восхищеніемъ читаемъ *Сентиментальное воспитаніе?* Послѣ нашихъ другихъ чтеній (правда, что они состояли изъ романовъ *Revue des deux Mondes*, этимъ все сказано) намъ оно кажется чудеснымъ! Въ этомъ діалогѣ есть, впрочемъ, пятно, единственное, это описаніе пѣнія m-elle Arnoux: 1-е, такою, какою она представляется, она должна была бы пѣть иначе и другое; 2-е, контральто не можетъ искать эффектовъ на *высокихъ* нотахъ, при чемъ третья нота еще выше, чѣмъ двѣ первыя; 3-е, надо было бы точнѣе обозначить музыкально то, что она поетъ, безъ чего впечатлѣніе получается неясное, и даже немного комичное, чего, конечно, вы не хотѣли, не правда ли? Но помните классическій стихъ: Ubi plura in carmine... и проч., и я желаю „Б. и П.“ для ихъ великаго религіознаго дѣла необходимаго смиренія, и чѣмъ сильнѣе оно будетъ, тѣмъ могущественнѣе они воспрянутъ потомъ.

**) *Monsieur François*, воспоминанія 1848 г., появившіяся въ *Nouvelle Revue* 15 декабря 1879 г.

Здоровье мое хорошо, подагра молчитъ, но въ домѣ все-таки есть больные. Я передалъ Віардо ваши милыя слова, и они благодарятъ васъ за нихъ.

Дружески обнимаю васъ.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

LXV.

Буживаль. Les Frênes.
Воскресенье, 23 ноября 79.

Мой добрый старина,

Разумѣется я пріѣду въ Круассе 12 съ двумя бутылками шампанскаго подъ мышками, чтобы отпраздновать *)... которую годовщину вашего существованія? Ровно двѣ недѣли тому назадъ, 9 ноября, мнѣ исполнилось 61!

Корректуры моей вещицы для *Nouvelle Revue* будутъ у васъ въ первыхъ числахъ декабря, и вы отнеситесь строго, если найдете что-нибудь, что будетъ не совсѣмъ хорошо.

Я такъ же, какъ и вы, одинъ изъ патроновъ праздника въ пользу пострадавшихъ отъ наводненія въ Мурсіи (день этого праздника назначенъ на 11 ноября). Все, что намъ предстоитъ сдѣлать,—я предполагаю, что вы согласитесь,—это надѣть фракъ, бѣлый галстукъ и почтить праздникъ нашимъ присутствіемъ, съ маленькимъ значкомъ въ петлицѣ для отличія. Вы видите, что это не трудно. Для этого вамъ надо прислать ваше согласіе, и потомъ пріѣхать въ Парижъ

*) Флоберъ родился 12 декабря 1821 г. Ему было въ это время 58 лѣтъ.

11 или 10-го вечеромъ, и мы вернемся вмѣстѣ въ Круассе 11 вечеромъ или же 12 раннимъ утромъ. Вотъ!

Мы продолжаемъ всей *семьей* читать *Воспитаніе* и все съ тѣмъ же удовольствіемъ.

Нѣтъ, *Нана* не имѣетъ успѣха, а между тѣмъ нѣсколько дней тому назадъ вышли двѣ очень милыя главы. Но въ общемъ это скучно, и,—что особенно не понравилось бы Зола,—нельзя себѣ представить ничего менѣе наивнаго и болѣе тенденціознаго.

У меня завтра свиданіе съ вашей племянницей. Я уѣзжаю съ дачи въ концѣ этой недѣли.

До скораго свиданія. Обнимаю васъ.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

LXVI.

Парижъ, 50, улица Дуэ.
Вторникъ, 2 дек. 79.

Вотъ, мой дорогой старина, та обуза, о которой я вамъ писалъ и которая свалилась на вашу голову. И вотъ чего я прошу отъ вашей дружбы: прочитайте эту маленькую бездѣлку *), исправляйте, измѣняйте, выбрасывайте все, что захотите и перешлите мнѣ ее обратно завтра же, если это возможно. Я буду вамъ благодаренъ за это такъ, какъ только могу.

Вотъ уже два дня, какъ я вернулся въ Парижъ. Вы не сказали мнѣ, одобряете ли вы мой проектъ относительно того, чтобы вамъ пріѣхать сюда 11-го? Во всякомъ слу-

*) Monsieur François.

чаѣ 12-ое я провожу весь день въ Круассе. Это дѣло рѣшенное.

Тысячу благодарностей заранѣе и обнимаю васъ.

Ив. Тургеневъ.

LXVII.

Парижъ, 50, улица Дуэ.
Суббота утромъ.

Мой добрый старина,

Икра и семга были посланы четыре дня тому назадъ по адресу г. Пилона, Руанъ, Гаврская набережная, съ передачей г. Г. Ф. (Этотъ адресъ данъ былъ мнѣ Комманвилемъ). Наведите необходимыя справки. Я буду въ особенности жалѣть, если пропадетъ семга, которая была великолѣпна.

Стоящіе холода леденятъ меня и лишаютъ способности соображать. Тѣмъ не менѣе я уже началъ приготовленія къ отъѣзду: вино (какое вино!) готово—надо его выпить...

Въ скоромъ времени я пришлю вамъ романъ *) въ трехъ томахъ Льва Толстого, котораго я считаю первымъ современнымъ писателемъ. Вы знаете, кто, по моему мнѣнію, можетъ оспаривать у него это мѣсто? Къ несчастью, переводъ сдѣланъ русскою дамой, а я вообще боюсь дамъ-переводчицъ, въ особенности, когда дѣло идетъ о такомъ сильномъ писателѣ, какъ Толстой.

А пока обнимаю васъ.

Вашъ

И. Т.

*) *Война и Миръ.*

Въ письмѣ къ Льву Толстому отъ 12 января 1880 г. Тургеневъ сообщаетъ автору *Войны и Мира* отрывокъ изъ письма Флобера относительно этого произведенія. Мы полагаемъ, что будетъ интересно привести его.

„Благодарю, что вы дали мнѣ возможность прочесть романъ Толстого. Это перворазрядная вещь! Какой художникъ и какой психологъ! Два первые тома *изумительны,* но третій страшно катится подъ гору. Онъ повторяется и философствуетъ! Однимъ словомъ, здѣсь виденъ самъ авторъ и русскій, тогда какъ до тѣхъ поръ видны были только природа и человѣчество. Мнѣ кажется, что есть мѣста, достойныя Шекспира. Мнѣ случалось вскрикивать отъ восторга во время чтенія, а оно продолжительно...

Да, это сильно, очень сильно!

LXVIII.

Парижъ, 50, улица Дуэ.
Суббота, 24 января **1880**.

Мой добрый старина,

Вы не можете вообразить, какое удовольствіе доставило мнѣ ваше письмо и то, что вы говорите о романѣ Толстого. Ваше одобреніе укрѣпляетъ мое мнѣніе о немъ. Да, это очень могучій человѣкъ, а между тѣмъ вы замѣтили его больное мѣсто. Онъ создалъ себѣ философскую систему, въ одно и то же время мистическую, дѣтскую и высокомѣрную, которая чертовски испортила его второй романъ, написанный имъ послѣ *Войны и Мира*, но гдѣ находятся также въ полномъ смыслѣ *первоклассныя* вещи *). Не знаю, что скажутъ гг. критики (я послалъ также „*В. и М.*“ Додэ и Зола; но для меня вопросъ рѣшенъ: Flaubertus dixit. Остальное не важно **).

---

*) *Анна Каренина.*

**) Въ предыдущемъ письмѣ къ Льву Толстому Тургеневъ говоритъ, что послалъ экземпляры *Войны и Мира* Тэну, Эд. Абу, Андрэ Тёрье и

Я радъ, что ваши добряки („Б. и П.“) подвигаются впередъ.

Я покидаю Парижъ на будущей недѣлѣ, но я напомню вамъ о себѣ прежде, чѣмъ уѣду.

А пока обнимаю васъ.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

LXIX.

Парижъ, 50, улица Дуэ.
Среда утромъ.

Мой дорогой старина!

Шпроты прибудутъ только черезъ недѣлю, а пока посылаю вамъ другихъ шведскихъ рыбъ, которыя все же не могутъ сравняться со шпротами.

Объ книги отправляются сегодня, и я сегодня увижу вашу племянницу.

3 главы, которыя вы мнѣ прочли, доставили мнѣ самое большое удовольствіе, особенно 2-я и 3-я *). Работайте неустанно, подбадривайте себя нравственно и пріѣзжайте сюда, какъ только найдете это возможнымъ.

А пока я также постараюсь работать и обнимаю васъ.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

т. д., а къ письму отъ 12 января 1880 г. онъ приложилъ статью изъ *XIX Siècle* (редакторомъ котораго тогда былъ Абу) о романѣ Толстого. Мы поговоримъ объ особенномъ стараніи Тургенева познакомить Францію съ произведеніями своего знаменитаго русскаго собрата, когда будемъ печатать его письмо къ Андрэ Тёрье.

*) Здѣсь говорится о трехъ главахъ *„Бювара и Пекюше“*, послѣдняго произведенія Флобера, которое смерть помѣшала ему окончить.

LXX.

50, улица Дуэ.
Среда, 14 марта, $11^1/_2$ утра.

Мой дорогой старина!

Я только-что написалъ принцессѣ Матильдѣ, что не могу пріѣхать на ея обѣдъ. Я въ отчаяніи. Это истинная незадача, но я положительно не могу высунуть носу изъ своей квартиры. Я только-что ходилъ сейчасъ къ зубному врачу, и только-что вернулся. Кромѣ того, у меня были ночью сильныя невралгическія боли.

Пожалуйста, скажите все это принцессѣ, и что, къ несчастью, все это правда.

Еще вотъ что: Стасюлевичъ теперь пишетъ мнѣ, что, обдумавъ окончательно, онъ предпочитаетъ помѣстить *обѣ* легенды вмѣстѣ въ апрѣльскомъ нумерѣ. Это его дѣло, и можетъ-быть онъ правъ. Я написалъ маленькое предисловіе. Это не произведетъ никакихъ перемѣнъ въ здѣшнемъ изданіи. Стасюлевичъ пишетъ, что такъ какъ *Иродіада* одинаковаго размѣра съ *Св. Юліаномъ*, то онъ сдѣлаетъ расчетъ и тотчасъ же вышлетъ деньги. Я ему намекнулъ, что вамъ это было бы кстати.

Меланхолично жму вамъ руку.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

LXXI.

Парижъ, 50, улица Дуэ.
Суббота утромъ.

Мой дорогой старина!

Вотъ когда вы будете бранить меня прѣлою грушей, тряпкой, отрепьемъ и т. д., и я прибавлю, что вы правы.

Но все-таки выслушайте меня, прежде чѣмъ ударить (этимъ я отличаюсь отъ Ѳемистокла) *). Всѣ мои уѣзжаютъ сегодня, и я былъ бы свободенъ, *но* Поль Віардо **) завтра даетъ концертъ, о чемъ я забылъ, а я не могу не присутствовать на немъ. Во вторникъ вечеромъ я долженъ читать (въ нашемъ обществѣ покровительства русскимъ художникамъ) съ благотворительною цѣлью! Слѣдовательно, я могъ бы пріѣхать въ среду, но на обѣдѣ, достойномъ Сарданапала, которымъ третьяго дня насъ угостилъ Зола, мы сговорились:— онъ, Додэ, Гонкуръ и я—ѣхать къ вамъ въ *воскресенье* (не завтра, а черезъ недѣлю). Мы пріѣдемъ къ завтраку; они уѣдутъ вечеромъ, а я останусь съ вами на весь понедѣльникъ. А теперь, такъ какъ вы имѣете право больше мнѣ не вѣрить, я любезно подчиняюсь вашей брани, хотя думаю, что на этотъ разъ дѣло устроится.

Обнимаю васъ.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

---

*) Любопытная маленькая погрѣшность Тургенева: обыкновенно выраженіе „бей, но выслушай“ въ исторіи приписывается Аристиду, а не Ѳемистоклу.

**) Сынъ m-me Віардо.

Письма къ m-me Комманвиль.

I.

Буживаль, Seine-et-Oise, Maison Halgan.
Среда, 19 августа 1873.

Madame!

Первая записка, которую вамъ угодно было написать мнѣ, дошла до меня только по моемъ возвращеніи въ Парижъ изъ Карлсбада, почему я счелъ уже слишкомъ позднимъ отвѣчать на нее, но теперь я съ большою поспѣшностью отвѣчаю на вторую записку, только-что полученную мною.

Вы читаете мою вещь съ слишкомъ большою снисходительностью—это очевидно, но тѣмъ не менѣе то, что вы говорите, доставляетъ мнѣ большое удовольствіе, и я горжусь вашимъ одобреніемъ. Ваше сужденіе о *Вешнихъ водахъ* совершенно справедливо; что касается второй части, которая недостаточно мотивирована и недостаточно необходима, то я позволилъ себѣ увлечься воспоминаніями.

Я имѣю намѣреніе поѣхать въ Круассе въ сентябрѣ между 10 и 15; не завернете ли вы въ ту же сторону въ это время? По возвращеніи въ Парижъ я надѣюсь часто видать васъ.

Передайте мои дружескія чувства г. Комманвилю и примите увѣренія въ искренней симпатіи

отъ вполнѣ вамъ преданнаго

Ив. Тургенева.

II.

50, улица Дуэ.
Суббота утромъ.

Увы! моя дорогая m-me Комманвиль, я не могу пріѣхать къ вамъ сегодня вечеромъ. Вмѣсто того, чтобы провести очень пріятно часъ въ обществѣ вашемъ и Гёте, я долженъ скучать (это между нами) въ концертѣ m-me Гарвади, на которомъ не могу не присутствовать по высшимъ соображеніямъ.

Назначьте мнѣ другой день (исключая завтрашняго), и я буду счастливъ отдать себя въ ваше распоряженіе.

Примите увѣреніе въ моихъ дружескихъ чувствахъ.

Искренно преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

III.

50, улица Дуэ.
Среда утромъ.

Дорогая madame Комманвиль!

Вотъ: человѣкъ предполагаетъ, а подагра располагаетъ. Я твердо рѣшилъ, что поѣду къ вамъ сегодня, такъ какъ васъ можно застать по средамъ, но со вчерашняго утра я лежу на боку съ сильно распухшей колѣнкой и въ полной невозможности двинуться. Вѣрьте, что я очень жалѣю объ этомъ! Надѣюсь, что это не продержится долго, и что я скоро буду въ состояніи принести вамъ поздравленіе съ Новымъ годомъ и увѣреніе въ моемъ къ вамъ почтеніи.

Ив. Тургеневъ.

P. S. Мои дружескія пожеланія m-r Комманвилю.

IV.

Буживаль. Les Frênes Châlet,
Seine-et-Oise.
Вторникъ, 26 авг. 79.

Дорогая madame Комманвиль!

Вы очень любезны, что принимаете во мнѣ такое участіе и поздравляете меня съ назначеніемъ, котораго я не просилъ и котораго даже хорошо не понимаю. Что такое „officier“ народнаго просвѣщенія? Повидимому это даетъ право носить фіолетовую ленту, — фіолетовую, а не красную. Я нацѣплю ее на свой мундиръ доктора Оксфордскаго университета; этотъ мундиръ кстати ярко-красный, эти цвѣта прекрасно гармонируютъ другъ съ другомъ.

Вы не говорите мнѣ ни о вашемъ здоровьѣ, ни о вашихъ работахъ; я позволяю себѣ заключить изъ этого, что все идетъ хорошо. Долго вы останетесь въ Круассе? За мной письмо къ вашему дядѣ, все это время я находился не въ эпистолярномъ настроеніи. Поцѣлуйте его за меня, — я думаю, что могу возложить на васъ это порученіе, — и примите сердечное и дружеское shake-hands

отъ преданнаго вамъ

Ив. Тургенева.

V.

Парижъ, 50, улица Дуэ.
Четвергъ утромъ.

Какой ужасный случай *)! Я тотчасъ телеграфировалъ къ Флоберу съ уплаченнымъ отвѣтомъ, но не получилъ его,

*) Флоберъ сломалъ себѣ ногу, какъ это видно изъ писемъ, адресованныхъ къ нему.

что меня очень безпокоитъ. Завтра я ѣду въ Круассе. Не можете ли вы сообщить мнѣ что-нибудь?

Я поставилъ на адресѣ m-r или m-me, такъ какъ предполагаю, что одинъ изъ васъ поѣхалъ въ Круассе. Извините за безсвязность моего письма. Тысячу дружескихъ пожеланій.

Ив. Тургеневъ.

VI.

Парижъ, 50, улица Дуэ.
Суббота.

Тысячу разъ благодарю за ваше словечко, дорогая madame Комманвиль! Мнѣ немного лучше, т. е. я хожу на костыляхъ; но я еще не знаю, когда буду въ состояніи выйти изъ дома.

Мой первый визитъ будетъ, конечно, къ вамъ. Шлю свои дружескія чувства вамъ и г-ну Комманвилю.

Искренно преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

VII.

Буживаль. Les Frênes Châlet,
Seine-et-Oise.
Воскресенье, 23 ноября 79.

Chere madame!

Я еще не оставилъ дачи и получилъ ваше письмо только вчера вечеромъ. Я очень боюсь, что „будущее воскресенье“ значитъ сегодняшнее и что тогда свѣдѣнія, которыя вы у меня просите, и которыя я былъ бы счастливъ доставить

отцу Дидону, придутъ слишкомъ поздно. Тѣмъ не менѣе я завтра поѣду въ Парижъ и буду у вашихъ дверей около 4 часовъ; во всякомъ случаѣ я буду имѣть удовольствіе видѣть васъ, если даже не смогу быть полезнымъ о. Дидону.

Примите увѣреніе въ моей преданности.

Ив. Тургеневъ.

VIII.

Спасское, Орловской губерніи,
городъ Мценскъ.
Четвергъ, $^{27}/_{15}$ мая **1880**.

Chere madame Комманвиль!

Благодарю васъ, что вы вспомнили обо мнѣ среди вашего горя. Смерть вашего дяди была одной изъ самыхъ великихъ скорбей, которыя я испыталъ въ жизни, и я не могу привыкнуть къ мысли, что не увижу его больше *).

Я узналъ это самымъ грубымъ образомъ, здѣсь, нѣсколько дней тому назадъ, изъ газетнаго фельетона. Я много думалъ о васъ съ тѣхъ поръ съ самымъ глубокимъ сочувствіемъ, и съ самой искренней симпатіей. Это одна изъ тѣхъ скорбей, въ которыхъ не *хочешь* утѣшиться.

Я возвращаюсь въ Парижъ черезъ три недѣли и немедленно навѣщу васъ. Я отдамъ себя въ ваше полное распоряженіе какъ для изданія этого романа, который его убилъ, такъ и для всего другого. Я чувствую, что перенесъ на племянницу Флобера часть той любви, которую питалъ къ нему.

---

*) Флоберъ умеръ въ Круассе 8 мая 1880 г.

Итакъ до свиданія, и до скораго, а пока съ любовью жму вашу руку и остаюсь навсегда

Вполнѣ вамъ преданный

Ив. Тургеневъ.

IX.

Буживаль. Les Frênes.
Четвергъ, 22 іюля 80.

Chère madame Комманвиль!

Я очень сожалѣлъ, что не видалъ васъ въ Парижѣ, но это была не моя вина. Я получилъ ваше письмо отъ 15 іюля только въ Парижѣ послѣ полудня, и уже не было возможности послать вамъ телеграмму. Я пошелъ на всякій случай въ улицу Faubourg-St-Honoré, а въ 5 часовъ я долженъ былъ вернуться въ Буживаль. Такимъ образомъ наше свиданіе невольно отодвинулось на мѣсяцъ.

Что касается предложенія быть вторымъ товарищемъ предсѣдателя въ этомъ комитетѣ *), то не только я принимаю его, но я счастливъ, что обо мнѣ вспомнили. Я считаю это какъ бы долгомъ по отношенію къ бѣдному, дорогому другу, котораго я никогда не забуду. Я отдаю себя въ ваше полное распоряженіе для всего, что имѣетъ отношеніе къ Флоберу.

Вы очень удивили меня своимъ вопросомъ о *философіи* въ Россіи. Я долженъ сказать вамъ, что ею занимаются очень мало; недавно два молодыхъ писателя написали о ней двѣ книги; давно уже ничего подобнаго не случалось. И

*) Комитетъ для сооруженія памятника Флоберу.

что же,—одинъ изъ этихъ писателей уже сошелъ съ ума, а другой на дорогѣ къ этому. Религіозные вопросы, волнующіе Россію, не имѣютъ ничего общаго ни съ философіей, ни съ литературой.

До свиданія черезъ мѣсяцъ. Черкните мнѣ словечко, и я немедленно пріѣду въ Парижъ. Сердечно жму вамъ руку и остаюсь весь вашъ

Ив. Тургеневъ.

X.

Буживаль. Les Frênes.
Четвергъ, 11 ноября, 80.

Chère madame Комманвиль!

Я искренно сожалѣю, что мое письмо огорчило васъ, но посудите сами: г-нъ Комманвиль беретъ на себя возобновить переговоры съ m-me Аданъ и даетъ мнѣ полную власть вести переговоры отъ имени семейства, я иду туда, устраиваю дѣло, какъ могу лучше, а потомъ вдругъ все это считается какъ бы не бывшимъ, что ставитъ меня въ довольно фальшивое положеніе по отношенію къ m-me Аданъ. И я не понимаю, зачѣмъ мнѣ снова идти къ ней. Пусть г. Комманвиль дастъ ей знать, что онъ окончательно принимаетъ ея предложенія, и все будетъ исправлено.

Я получилъ списокъ комитета; все прекрасно, только я боюсь, какъ бы В. Гюго не отказался засѣдать вмѣстѣ съ Зола. Я назначилъ свиданіе Мопассану въ субботу въ Парижѣ; мы рѣшимъ, что надо сдѣлать. По всему вѣроятію, я отправлюсь къ Гюго.

Я остался здѣсь совсѣмъ одинъ, хочу попробовать, могу ли я работать. Со среды я водворяюсь въ Парижѣ, 50, улица Дуэ.

Что касается васъ, дорогая madame Комманвиль, то будьте увѣрены, что я привязанъ къ вамъ не только какъ къ племянницѣ моего бѣднаго друга, но и какъ къ особѣ, внушающей мнѣ самыя сердечныя чувства уваженія и симпатіи.

Прошу васъ засвидѣтельствовать мои дружескія чувства вашему мужу, и принять увѣренія въ моей полной преданности.

Ив. Тургеневъ.

P. S. Сообщу вамъ результаты моей бесѣды съ Мопассаномъ.

Въ началѣ этого письма Тургеневъ намекаетъ на легкое недоразумѣніе, которое возникло по поводу помѣщенія посмертнаго произведенія Густава Флобера: *Буваръ и Пекюше* въ *Nouvelle Revue*. Недоразумѣніе скоро было устранено Тургеневымъ, какъ это видно изъ слѣдующей его записки къ г-жѣ Комманвиль, помѣченной 29 ноября 1880 г.

„Вотъ договоръ, подписанный надлежащимъ образомъ. Другой экземпляръ остался въ рукахъ m-me Аданъ. Она проситъ г. Комманвиля принести ей рукопись завтра (во вторникъ) въ $3^1/_2$ часа.

Я очень радъ, что это дѣло устроено, и сердечно жму вамъ руку".

Къ стр. 185.

Вотъ стихотвореніе, о которомъ Тургеневъ упоминаетъ въ XLII-мъ письмѣ къ Флоберу, отъ 2 января 1877 года:

Chers parents.

Un nouvel an commence sa carrière,
Et vous savez les voeux que mon coeur peut former.
Il en est un surtout que l'amour nous suggère:

C'est de vous voir toujours m'aimer
Autant que je cherche à vous plaire!
Jaloux du bonheur des amants
Le temps s'amuse à détruire leur chaine,
Ce noeud, qui leur fut cher, les fatigue et les gêne,
Le vent emporte leurs serments.
Et pour l'amante infortunée
Le plus souvent la bonne année
Est celle qui vient de finir!
Mais la tendresse filiale
N'est point sujette au repentir;
Toujours vive, toujours égale
Le temps ne peut arrêter ses progrès.
Semblable aux feux de la Vestale,
Son ardeur ne s'éteint jamais!

т. е.

Дорогіе родители! Новый годъ открываетъ свое поприще, и вамъ извѣстны пожеланія моего сердца,—изъ нихъ есть одно, внушаемое любовью—это чтобы вы меня любили столько же, сколько я желаю вамъ угодить! Время, въ зависти своей къ счастью любовниковъ, тѣшится тѣмъ, что разрываетъ ихъ связь,—ихъ узы, когда-то имъ дорогія, ихъ уже утомляютъ и тѣснятъ,—ихъ клятвы уноситъ вѣтеръ,—и для несчастной любовницы счастливый годъ такъ часто—годъ уже прошедшій! Но любовь сыновняя не знаетъ раскаянія,—надъ нею, всегда живучею и ровною, время безсильно,—и подобно священному огню Весталки, она никогда не угасаетъ.....

Письма къ г-жѣ Жоржъ Зандъ.

(1871—1876.)

Предисловіе

г. Гальперинъ-Каминскаго къ письмамъ И. С. Тургенева къ Жоржъ Зандъ.

Тургеневъ познакомился съ Жоржъ Зандъ въ 1847 г. въ домѣ супруговъ Віардо. Г. Шарль Эдмондъ говоритъ въ своемъ письмѣ ко мнѣ, что слышалъ это отъ самой владѣтельницы Ногана. Г. Анненковъ, одинъ изъ старыхъ и интимныхъ друзей Тургенева, тоже утверждаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о молодыхъ годахъ русскаго романиста, что Тургеневъ въ 1847 г., лишенный матеріальной поддержки матери, принялъ радушное приглашеніе Жоржъ Зандъ погостить у нея въ имѣніи, находившемся на югѣ Франціи. Но г. Анненковъ ошибается, потому что мы знаемъ, по словамъ самого Тургенева, что это критическое время онъ провелъ въ Куртавенелѣ, имѣніи супруговъ Віардо. Какъ бы тамъ ни было, но въ это время Жоржъ Зандъ мало знала Тургенева, и какъ частнаго человѣка, и какъ литератора; его слава только начинала расти въ Россіи.

Тургеневъ же, наоборотъ, былъ давнымъ-давно ревностнымъ почитателемъ Жоржъ Зандъ, вліяніе которой чувствуется уже въ самомъ началѣ его литературной карьеры. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ русскому писателю Дружинину, въ 1856 г., Тургеневъ сознаётся, что Жоржъ Зандъ была учителемъ его молодости и что, хотя онъ впослѣдствіи и отдѣлался отъ этого вліянія, но все-таки обязанъ ей, говоритъ онъ, „той неполной правдою, которая находила и всегда

будетъ находить себѣ почитателей, въ томъ возрастѣ которому полная правдивость еще не сдѣлалась доступной". Немного спустя онъ пишетъ еще: „Жоржъ Зандъ нѣтъ въ Парижѣ. Но если бъ я даже ее и встрѣтилъ, то ничего не сказалъ бы ей о неудачѣ ея произведенія, которое дѣйствительно слабо. Какъ почтительный сынъ Ноя, я, отвернувшись, прикрываю родительскую наготу".

Интересно замѣтить, что говоря о Гоголѣ, главѣ реалистической школы въ Россіи, Тургеневъ употребляетъ то же выраженіе. Въ своемъ письмѣ отъ 14 ноября 1853 г. къ С. Т. Аксакову, онъ говоритъ по поводу второй части *Мертвыхъ Душъ*, которая была сожжена авторомъ, и отъ которой могли найти только нѣкоторые отрывки: „девятая глава превосходна, но зато пятая, съ арендаторомъ Муратовымъ, невозможна и неправдоподобна... Нѣтъ, лучше совсѣмъ объ этомъ не говорить и, *какъ почтительный сынъ Ноя, набросить покрывало на наготу нашего литературнаго отца*".

Употребивъ года три спустя то же самое выраженіе про Жоржъ Зандъ, онъ тѣмъ самымъ призналъ ее, вмѣстѣ съ Гоголемъ, своимъ первоначальнымъ литературнымъ наставникомъ.

Только много лѣтъ спустя, послѣ появленія французскаго перевода *Записокъ Охотника*, Жоржъ Зандъ могла оцѣнить литературное достоинство Тургенева, и это было для нея открытіемъ. Она выразила свое впечатлѣніе въ нѣсколькихъ строчкахъ посвященія Тургеневу, предшествующаго ея разсказу *Петръ Бонинъ*.

Найдя въ моихъ ящикахъ,—говоритъ она,—этотъ жалкій этюдъ, взятый съ лица неизвѣстнаго, умершаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я спросила себя, заслуживаетъ ли онъ быть напечатаннымъ. Я еще была очарована обширной галлереей портретовъ съ натуры, которые вы издали подъ заглавіемъ: *Записокъ Охотника*. Какое мастерское изображеніе! Какъ хорошо видишь, слышишь и узнаёшь всѣхъ этихъ крестьянъ сѣвера, еще рабовъ въ описываемую вами эпоху, и всѣхъ этихъ деревенскихъ жителей, мѣщанъ и дворянъ, съ которыми достаточно минутной встрѣчи и нѣсколькихъ словъ, чтобы начертать портретъ, дышащій жизнію и красками! Никто не въ состояніи сдѣлать это такъ же хорошо, какъ вы. (*Temps*, 30-го октября 1872).

Однако Тургеневъ продолжалъ оставаться ей мало извѣстнымъ. Въ письмѣ, въ концѣ 1868, къ Густаву Флоберу она говоритъ:

...Тургеневъ оказался счастливѣе насъ, потому что могъ оторвать тебя отъ твоей чернильницы. Лично я знаю его очень мало, но его произведеніе почти наизусть. Что за талантъ! И какъ все это оригинально и сочно! Я нахожу, что иностранцы пишутъ лучше насъ. Они не позируютъ, между тѣмъ какъ мы драпируемся или копаемся въ грязи. (Жоржъ Зандъ. Переписка, т. V, стр. 290).

Въ другомъ письмѣ, отъ 2-го апрѣля 1869 г., она пишетъ тому же Флоберу:

Я была бы рада возобновить знакомство съ Тургеневымъ, котораго я немного знала прежде чѣмъ начала читать, и котораго потомъ зачитывалась съ увлеченіемъ. Мнѣ кажется, ты его очень любишь; значитъ и я его люблю и хочу, чтобы ты, когда окончишь свой романъ, привезъ его съ собою къ намъ. (Loc. cit., стр. 312).

Знакомство дѣйствительно было возобновлено въ Ноганѣ, и отношенія сдѣлались болѣе частыми, благодаря Флоберу. Потомъ, вскорѣ послѣ войны 1870 г., Тургеневъ и Жоржъ Зандъ обмѣнялись первыми письмами. Ихъ переписка длилась до 1876 г.,—года смерти Жоржъ Зандъ.

Мы обязаны г-жѣ Морисъ Зандъ возможностью дать здѣсь все, что Тургеневъ написалъ къ знаменитой писательницѣ, исключая нѣсколькихъ записокъ, лишенныхъ всякаго интереса.

Мы видѣли изъ писемъ къ Флоберу, какое тяжелое впечатлѣніе произвела на Тургенева смерть Жоржъ Зандъ. Чтобы покончить съ характеристикой почти сыновней любви автора *Записокъ Охотника* къ автору *Маленькой Фадетты*, мы приведемъ еще одну трогательную страницу, написанную въ 1876 г. г. Суворину, издателю *Новаго Времени:*

Проѣздомъ въ Петербургъ, я прочелъ въ одномъ изъ вашихъ фельетоновъ слова:

„Жоржъ Зандъ умерла,—но у меня нѣтъ охоты говорить о ней"...

Вы, конечно, хотѣли сказать, что о ней надо говорить или много, или совсѣмъ ничего..

Я имѣлъ счастье лично знать Жоржъ Зандъ,—но прошу васъ не считать за фразу мое выраженіе что — кто могъ знать вблизи это рѣдкое существо, тотъ долженъ дѣйствительно считать себя исключительно счастливымъ.

Затѣмъ Тургеневъ цитируетъ письмо одной француженки, близко знавшей Жоржъ Зандъ, гдѣ говорится о добротѣ владѣтельницы Ногана и о привязанности, какую питали къ ней мѣстные жители. Въ концѣ онъ прибавляетъ:

Когда, лѣтъ восемь тому назадъ, я могъ лучше познакомиться съ Жоржъ Зандъ, энтузіазмъ, который она ранѣе вызывала во мнѣ когда-то, давно остылъ. Она не была для меня болѣе идеаломъ; но сдѣлавшись ея другомъ, нельзя не быть ея поклонникомъ, только въ иномъ смыслѣ, можетъ-быть, гораздо лучшемъ. Всякій тотчасъ же чувствовалъ, что находится въ присутствіи натуры безконечно доброй и великодушной, у которой эгоистическое чувство уже давно и навсегда уничтожено неугасимымъ гнемъ поэтическаго энтузіазма и вѣры въ идеалъ; натурѣ, которой было доступно и дорого все человѣческое, и отъ которой такъ и вѣяло добротой и симпатіей.. кромѣ того, ее окружалъ ореолъ чего-то возвышеннаго, свободнаго, героическаго... Повѣрьте мнѣ, Жоржъ Зандъ одна изъ нашихъ святыхъ... Вы, конечно, понимаете, что я хочу сказать.

Гальперинъ-Каминскій.

I.

Ружемонъ, близъ Клуа.
Четвергъ, не помню какого сентября, 1871.

Дорогая m-me Зандъ,

Послѣ обильнаго обѣда, за которымъ я много выпилъ прекрасной мадеры, голова моя еще настолько свѣжа, что я могу вамъ сказать, что Віардо и я посылаемъ вамъ трофеи нашей охоты: козулю и двухъ фазановъ. Все это очень вкусно, попробуйте. Меня страшно клонитъ ко сну, но все-таки я васъ безпредѣльно люблю, точно такъ же, какъ и всѣхъ обитателей Ногана.—До воскресенья!!.

Вашъ вѣрный другъ

Ив. Тургеневъ.

P. S.—Это Віардо убилъ козулю; онъ убилъ ихъ двѣ, что однако не мѣшаетъ ему жаловаться на свою охоту.

II.

Парижъ, 48 улица Дуэ.
Среда, 10 октября 1872.

Дорогая m-me Зандъ,

Дѣти вамъ пишутъ, нужно и мнѣ приписать словечко. Мнѣ хочется сказать вамъ, насколько я счастливъ, что видѣлъ Ноганъ и васъ. Вы создали въ немъ самое очарова-

тельное гнѣздо, о какомъ только можно мечтать, и все окружающее васъ также прекрасно. Дѣти только и говорятъ что о Ноганѣ, а я думаю еще разъ побывать тамъ въ теченіе зимы, когда подагра совсѣмъ оставитъ меня. Передайте нашей прелестной Лоло, *) что я разскажу ей тогда много прекрасныхъ сказокъ. Это будетъ получше исторіи про глупаго Блэза.

Черезъ нѣсколько дней вы пріѣдете въ Парижъ, не такъ ли? Я радуюсь мысли видѣть васъ, а пока нѣжно цѣлую ваши руки, прося передать мои лучшія пожеланія всѣмъ вашимъ.

Всѣмъ сердцемъ преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

III.

Парижъ, 48, улица Дуэ.
30 октября 1872.

Дорогая m-me Зандъ,

Вы легко можете представить себѣ, что почувствовалъ я, читая вчерашній номеръ *Temps* **). Самъ я не могу пере-

*) Лоло, уменьшительное ласкательное имя внучки Жоржъ Зандъ, которая такъ любила сказки своего великаго русскаго друга, что не переставала просить его разсказывать ихъ. Дѣйствительно Тургеневъ, который какъ мы знаемъ, мастерски умѣлъ разсказывать, имѣлъ особенный талантъ увлекать дѣтей своими сказками, полныхъ фантазіи и оригинальности. Также и дѣти просили русскаго поэта, въ письмахъ къ нему, разсказывать имъ сказки и Тургеневъ исполнялъ ихъ просьбу съ присущимъ ему добродушіемъ.

Но однажды, когда m-me Зандъ слушала одинъ изъ его разсказовъ, ея присутствіе смутило Тургенева, и онъ не имѣлъ обычнаго успѣха. На это онъ и намекаетъ въ слѣдующей фразѣ: „это будетъ нѣчто другое, чѣмъ бѣдный Блэзъ...“

(Галь. Каминскій.)

**) Тургеневъ намекаетъ на предисловіе къ *Pierre Bonnin,* повѣсть, которую Жоржъ Зандъ посвятила русскому писателю, о чемъ и упоминается въ предисловіи, помѣщенномъ въ заголовкѣ писемъ Тургенева къ Жоржъ Зандъ.

дать вамъ этого такъ, какъ бы хотѣлъ, потому что все, что я ни говорю или ни пишу, никогда не выражаетъ того, что я чувствую, когда дѣло касается меня лично. Робость ли эта или неловкость? Я не знаю. Напримѣръ, отправляясь въ Ноганъ, я имѣлъ твердое намѣреніе разсказать вамъ какое огромное вліяніе произвели вы на меня, какъ на писателя: ну и что жъ! я сидѣлъ какъ нѣмой. Но теперь я скажу вамъ, что былъ глубоко тронутъ и польщенъ тѣмъ, что Жоржъ Зандъ сказала о моей книгѣ, и счастливъ тѣмъ, что она соблаговолила сказать мнѣ это. У Шиллера есть двѣ строчки:

Кто жилъ для лучшихъ людей своего времени
Тотъ будетъ жить во вѣки *).

Теперь я усталъ жить, но вы дали мнѣ частицу вашего безсмертія!

Благодарю васъ, искренно благодарю и мнѣ хотѣлось бы поскорѣй увидѣть васъ въ Парижѣ, чтобы еще разъ поблагодарить васъ.

А пока нѣжно цѣлую ваши руки и остаюсь навсегда

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

IV.

48, улица Дуэ.
Воскресенье, 29 декабря 1872.

Дорогая m-me Зандъ,

Тысячу разъ благодарю васъ за прелестныя запонки, которыя я съ гордостью ношу со вчерашняго дня. Шлю иск-

*) Тургеневъ приводитъ эти стихи Шиллера въ слѣдующемъ французскомъ ихъ переводѣ:

Quiconque a vécu pour les meilleurs de son temps
Celui—là a vécu pour tous les temps.

реннія поздравленія и пожеланія по случаю Новаго Года вамъ и всѣмъ вашимъ! Если моя противная подагра не позволитъ мнѣ провести у васъ день Рождества, то надѣюсь, что она не помѣшаетъ мнѣ посѣтить Ноганъ, прежде чѣмъ я покину Францію въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. А пока цѣлую ваши руки и остаюсь навсегда

Вашимъ вѣрнымъ другомъ

Ив. Тургеневъ.

V.

Парижъ, 48, улица Дуэ.
Суббота, 12 апрѣля **1873**.

Дорогая m-me Зандъ,

Флоберъ долженъ былъ передать вамъ, что я могу пріѣхать къ вамъ въ понедѣльникъ, а теперь я вижу, что мнѣ удастся выбраться въ Ноганъ только въ *среду*. Но въ этотъ день я или умру или буду у васъ. Прошу васъ, простите меня за всѣ эти отсрочки. Вотъ что значитъ имѣть короткій большой палецъ—это признакъ слабой воли. Цѣлую нѣжно ваши руки и остаюсь

Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

VI.

Буживаль, Maison Halgan.
Среда, 3 сентября 1873.

Дорогая m-me Зандъ,

Думаю, что мнѣ нѣтъ надобности говорить вамъ насколько я счастливъ, что мои книги вамъ нравятся. Это будетъ

первымъ шагомъ къ моей славѣ, а пока доставило мнѣ неизмѣримое удовольствіе.

Если вы часто думаете о нашемъ пріѣздѣ, то и весь домъ здѣсь только и мечтаетъ о поѣздкѣ въ Ноганъ. М-me Віардо написала вамъ третьяго дня и ожидаетъ только вашего отвѣта, чтобы назначить день отъѣзда. Вѣроятно, это будетъ числа 15-го. Врядъ ли пріѣдетъ Віардо, но Поль непремѣнно; ему обѣщали доставить удовольствіе побывать у васъ, если онъ будетъ прилежно работать, и онъ, конечно, уже не станетъ лѣниться.

Я же могу пріѣхать тремя и четырьмя днями позднѣе, числа 18-го, потому что Флоберъ ждетъ меня 15-го въ Круассе; этотъ день я давно уже ему назначилъ. Постараюсь его привезти, но думаю, что это мнѣ не удастся: онъ съ головой ушелъ въ драматическую и литературную работу, и не захочетъ отрываться.

Карлсбадскія воды принесли мнѣ большое облегченіе; подагра моя до сихъ поръ молчитъ, и я полагаю, что она не испортитъ мнѣ удовольствія. О, какіе чудные дни проведемъ мы въ Ноганѣ!

А пока цѣлую ваши руки и остаюсь навсегда преданный вамъ

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. Шлю мои лучшія пожеланія всей вашей семьѣ.

VII.

Буживаль (Seine-et-Oise).
Maison Halgan.
Вторникъ, 9 сентября 1873.

Дорогая m-me Зандъ,

Я показалъ ваше письмо m-me Віардо и она поручила мнѣ передать вамъ, что выѣзжаетъ изъ Парижа *въ субботу, 13 сентября* въ 9 ч. 10 м. утра, и пріѣдетъ съ двумя молодыми дѣвушками и Полемъ въ Шатору въ 3 ч. 20 м. (по указателю).

Что касается меня, то я, вѣроятно, пріѣду въ будущій вторникъ, но пожалуйста не высылайте за мной лошадей, я самъ найду себѣ какой-нибудь экипажъ.

Итакъ до скораго свиданья, а пока нѣжно цѣлую ваши руки.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

VIII.

Парижъ, 48, улица Дуэ.
Понедѣльникъ, 17 ноября 1873.

Дорогая m-me Зандъ,

Не имѣя возможности послать вамъ дичи, по той простой причины, что мы съ Віардо ничего не настрѣляли, я позволяю себѣ послать вамъ маленькій боченочекъ устрицъ, и надѣюсь, что „онѣ окажутся хорошими“, какъ принято говорить.

Мы всѣ были очень огорчены дурнымъ извѣстіемъ, пронесшимся о вашемъ здоровьѣ, но добрый Плошю *) успокоилъ насъ. Пріѣзжайте въ Парижъ на нѣсколько дней, хотя бы для того, чтобы подышать воздухомъ; мы постараемся развлечь васъ, насколько умѣемъ.

Вся семья посылаетъ вамъ тысячи дружескихъ пожеланій. Вы знаете хорошо, что въ улицѣ Дуэ васъ обожаютъ, а я цѣлую ваши дорогія руки и остаюсь навсегда

вашъ вѣрный

Ив. Тургеневъ.

P. S. Шлю сердечный привѣтъ Морису и m-me Морисъ, малютокъ крѣпко цѣлую.

IX.

Парижъ, 48, улица Дуэ.
Суббота 6 декабря 1873.

Дорогая m-me Зандъ,

Охота моя прошла очень неудачно, но такъ какъ я не хочу, чтобы вы страдали отъ моей неловкости, то я позволю себѣ предложить вамъ вмѣсто козули или фазана, маленькій боченокъ устрицъ къ вашему завтраку.

Скажите, когда же вы наконецъ пріѣдете въ Парижъ? Всѣ здѣсь желаютъ васъ видѣть, спрашиваютъ о васъ и посылаютъ вамъ тысячу дружескихъ пожеланій. Я же цѣлую ваши руки и остаюсь навсегда преданнымъ вамъ

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

*) Эдмонъ Плошю, другъ Жоржъ Зандъ и сотрудникъ *Revue des Deux Mondes.*

P. S. Привѣтъ всѣмъ вашимъ. Пріѣзжайте смотрѣть пьесу Дюма; *) она дѣйствительно хороша.

X.

Парижъ, 48, улица Дуэ.
Среда, 15 апрѣля 1874.

Дорогая m-me Зандъ,

Тотчасъ же по полученіи вашего письма я написалъ другу нашему Плошю, прося его познакомить Роллина **) со мной. Буду радъ услужить ему. Я просмотрѣлъ его переводъ и нашелъ его прекраснымъ. Плошю привезетъ его, вѣроятно, завтра вечеромъ. (M-me Віардо принимаетъ по четвергамъ, на которыхъ много музыки).

Что скажу я вамъ о тѣхъ похвалахъ, съ какими вы отзываетесь о моихъ *Живыхъ Мощахъ*? Онѣ до того подавляютъ меня, что я едва осмѣливаюсь благодарить васъ за нихъ. Но онѣ доставили мнѣ большое удовольствіе, и я долженъ вамъ признаться въ одномъ: я имѣлъ намѣреніе посвятить вамъ этотъ маленькій разсказъ, но Віардо, къ которому я обратился за совѣтомъ, сказалъ мнѣ, чтобы я подождалъ, когда напишу что-нибудь болѣе значительное и болѣе достойное вашего славнаго имени. Теперь я жалѣю, что послушался его, потому что кто знаетъ какова будетъ моя слѣдующая вещь? Во всякомъ случаѣ я прошу васъ вѣрить моему доброму намѣренію.

Плошю сказалъ намъ, что можно надѣяться на вашъ пріѣздъ въ Парижъ; и такъ какъ я черезъ три недѣли

*) *La Femme de Claude*, представленная въ первый разъ 16 января 1873 г.
**) Авторъ *Névroses*, тогда еще дебютантъ.

уѣзжаю въ Россію, то боюсь, что намъ придется свидѣться только въ началѣ осени. Что дѣлать, надо имѣть терпѣніе.

Привѣтъ всѣмъ вашимъ; цѣлую ваши руки

Ив. Тургеневъ.

P. S. Осмѣливаюсь послать вамъ маленькій боченокъ устрицъ; надо пользоваться послѣднимъ мѣсяцемъ безъ „*р*“.

XI.

Парижъ, 50, улица Дуэ.
Суббота, 9 апрѣля **1875** г.

Я очень счастливъ, дорогая и добрая m-me Зандъ, что мои игрушки доставили удовольствіе вашимъ маленькимъ дѣвочкамъ, а мои разсказы вамъ; благодарю васъ за то, что вы такъ мило сообщили мнѣ объ этомъ. Не менѣе счастливъ былъ я, получивъ ваше письмо, потому что по Парижу прошелъ безпокойный слухъ о вашемъ здоровьѣ. „Если не было слона, то есть муха“, говорятъ у насъ въ Россіи,—и я надѣюсь, что муха кончила тѣмъ, что улетѣла.

Всѣ у насъ здоровы и посылаютъ вамъ дружескій привѣтъ; что же касается меня, то я осмѣливаюсь спросить васъ, удобно ли вамъ если я пріѣду въ Ноганъ между 15 и 20 апрѣля, такъ какъ мнѣ непремѣнно хочется побывать у васъ, прежде чѣмъ отправиться въ Карлсбадъ? Напишите мнѣ „да“, или назначьте другой день до перваго мая.

Вы, конечно, должны были видѣть этого добраго Роллина. Кланяйтесь ему отъ меня, такъ же какъ и вѣрному Плошю и всему дому. Флоберъ работаетъ сверхъ силъ,

такъ что его трудно узнать. Онъ васъ очень любитъ, и я васъ очень люблю и нѣжно цѣлую ваши руки. Остаюсь навсегда преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

XII.

Буживаль, близъ Парижа.
Пятница, 13 августа 75.

Дорогая m-me Зандъ,

Я такъ виноватъ передъ вами, или, вѣрнѣе, передъ самимъ собой по отношенію къ вамъ, что не смѣю даже пытаться извиняться. Я бью вамъ челомъ, какъ дѣлали это русскіе въ старое время, и говорю: вотъ моя голова, сѣките ее! Но такъ какъ я надѣюсь, что вы помилуете меня, то я поднимаюсь, и говорю вамъ, что я уже двѣ недѣли какъ здѣсь съ моими старыми друзьями, которые всѣ, какъ молодые такъ и старые, здоровы и думаютъ о васъ.

Здѣсь все идетъ какъ нельзя лучше, но есть еще другой другъ, который находится въ эту минуту въ ужасномъ положеніи. Другъ этотъ—Флоберъ, чье письмо я посылаю вамъ въ своемъ конвертѣ. Я тѣмъ болѣе упрекаю себя въ томъ, что давно не собрался вамъ писать, что, какъ вы увидите изъ его письма, онъ не перестаетъ думать о васъ... Одно слово ваше доставитъ ему большое облегченіе, и когда я подумаю, что его письмо находится болѣе десяти дней въ моихъ рукахъ, то, право, я возмущаюсь противъ самого себя, противъ своей лѣни и своего эгоизма.

Я знаю хорошо, что все, что говоритъ Флоберъ, есть невольное преувеличеніе человѣка впечатлительнаго, нервнаго и избалованнаго привольной и широкой жизнью; тѣмъ не

менѣе я чувствую, что онъ пораженъ и гораздо глубже, чѣмъ онъ самъ это думаетъ. Въ немъ есть упорство, но безъ энергіи, такъ же какъ и самолюбіе безъ тщеславія. Несчастье входитъ въ его душу, какъ ножъ въ масло. Я раза два спрашивалъ у него разрѣшенія пріѣхать навѣстить его въ Круассе, и онъ два раза отказалъ мнѣ.

Въ письмѣ, которое я недавно получилъ отъ него, онъ говоритъ о постигшемъ его смертельномъ ударѣ.

Здѣсь всѣ были несказанно рады, получивъ фотографіи Ногана, *маріонетокъ* и знаменитаго Баландара *). Я, я, который...

Впрочемъ не станемъ говорить объ этомъ, а будемъ надѣяться на лучшія времена.

Шлю дружескій привѣтъ всѣмъ, нѣжно цѣлую ваши руки.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. Будьте любезны прислать мнѣ обратно письмо Флобера.

XIII.

Парижъ, 50, улица Дуэ.
Вторникъ, 4 апрѣля 1876.

Дорогая m-me Зандъ!

Вчера я получилъ вашу книгу *), въ которой заключаются разсказы, до сихъ поръ мнѣ незнакомые. Отъ всего

*) Дѣло идетъ о театрѣ маріонетокъ, которыя подъ руководствомъ „знаменитаго Баландара“ занимали дѣтей, какъ подростковъ, такъ и маленькихъ, у Жоржъ Зандъ въ Ноганѣ. *(Гальпер. Камин.)*

*) *Говорящій дубъ.*

сердца благодарю васъ за нее. У насъ найдется теперь чтенія на нѣсколько вечеровъ и мы начнемъ съ сегодняшняго!

Я счастливъ, что мой маленькій разсказъ въ *Temps* понравился вамъ; это нѣчто въ родѣ дѣтскаго разсказа *). Я готовлюсь выпустить въ свѣтъ большой романъ **), но онъ появится только въ концѣ года, и до тѣхъ поръ я не могу думать ни о чемъ другомъ.

Всѣ здѣсь здоровы и шлютъ вамъ свой привѣтъ; я нѣжно цѣлую ваши руки и остаюсь навсегда

вашъ

Ив. Тургеневъ.

---

*) *Часы.* (Разсказъ старика въ 1850 г.)

**) *Новь.*

Письма къ Эмилю Зола.

(1874—1882.)

Предисловіе

Гальперина-Каминскаго къ письмамъ И. С. Тургенева къ Э. Зола.

По словамъ Зола, онъ въ началѣ 1872 г. встрѣтился въ первый разъ съ Тургеневымъ у Густава Флобера, жившаго тогда въ улицѣ Мурильо 4, въ квартирѣ, окна которой выходили въ паркъ Монсо. Въ это же самое время, и въ томъ же самомъ домѣ познакомился съ русскимъ писателемъ и Альфонсъ Додэ. Хотя въ своей статьѣ о Тургеневѣ, напечатанной въ 1880 г. въ нью-іоркскомъ *Century Magazine*, авторъ *Набаба* относитъ эту первую встрѣчу къ 1868 или 1870 г., но совершенно достовѣрно, что Зола и Додэ познакомились съ Тургеневымъ только послѣ войны и, самое раннее, въ началѣ 1872 г. Дѣйствительно Гонкуръ, принимавшій участіе въ обѣдахъ у Маньи, упоминаетъ о Тургеневѣ въ первый разъ 23 февраля 1863 года, но то была первая и кратковременная встрѣча, и только съ однимъ Э. Гонкуромъ *). Потомъ *Journal des Goncourt* упоминаетъ имя Тургенева только въ мартѣ 1872 г., и то какъ одного изъ гостей Флобера, вмѣстѣ съ Теофилемъ Готье. Съ другой стороны мы знаемъ, что Тургеневъ, уѣхавшій изъ Парижа 1870 г., возвратился туда только въ концѣ 1871 г. Такимъ образомъ только въ это время Зола и Додэ могли встрѣтить его у Флобера.

*) Зола и Додэ, оба родившіеся въ 1840 г., были тогда лѣтъ 22 и не печатали еще своихъ произведеній, стяжавшихъ впослѣдствіи имъ славу.

Но ихъ отношенія стали болѣе часты только съ 1874 г., когда они начинаютъ собираться на „обѣды пятерыхъ“, о которыхъ я уже говорилъ. Гонкуръ тоже опредѣляетъ намъ точно время перваго изъ этихъ обѣдовъ: „обѣдъ у Риша“ *), пишетъ онъ 14 апрѣля 1874 г., „съ Флоберомъ, Тургеневымъ, Зола, Альфонсомъ Додэ. Обѣдъ людей талантливыхъ, которые уважаютъ другъ друга; будущей зимой мы хотѣли бы сдѣлать эти обѣды ежемѣсячными“. Впослѣдствіи они дѣйствительно собирались сначала въ кафе Ришъ, а потомъ въ ресторанѣ въ улицѣ Фаваръ, противъ Комической Оперы, вплоть до самой смерти Тургенева въ 1883. Правда, что съ 1880 г., годъ смерти Флобера, ихъ осталось всего только четверо, а въ то время, когда Додэ писалъ свою статью для *Century Magazine*, ихъ уже стало трое, потому что Тургеневъ страдалъ жестокой болѣзнью, которая не оставляла ему ни минуты покоя, и два года спустя свела его въ могилу. Альфонсъ Додэ оканчиваетъ свою статью такимъ восклицаніемъ: „ахъ, мы возобновили обѣды Флобера, но насъ было только трое!“ Теперь же, послѣ смерти Гонкура, они были бы всего только вдвоемъ **).

* * *

До самой смерти Тургеневъ поддерживалъ съ участниками „обѣдовъ Флобера“ самыя сердечныя отношенія. Мы уже говорили, какая братская любовь связывала его съ Флоберомъ; равнымъ образомъ онъ сдѣлался искреннимъ другомъ и Зола съ самыхъ первыхъ встрѣчъ. Въ то время Зола не былъ еще тѣмъ извѣстнымъ писателемъ, какимъ мы знаемъ его теперь, онъ переживалъ тогда тяжелые дни дебютовъ, и только-что напечаталъ *Fortune des Rougon*—первый томъ серіи *Rougon-Macquart*, которая должна была составить эпоху въ

*) Café Riche—извѣстный парижскій ресторанъ.

**) Писано въ 1897 году. Нынѣ, за смертью Додэ, изъ участниковъ этихъ дружескихъ трапезъ въ живыхъ остался только Зола.

современной литературѣ. Онъ нашелъ въ Тургеневѣ почитателя и неутомимаго пропагандиста, и, благодаря ему, сдѣлался извѣстнымъ въ Россіи раньше даже чѣмъ во Франціи.

При свиданіи, о которомъ Жюль Гюрэ даетъ отчетъ въ *Фигаро*, Зола упоминаетъ, что Тургеневъ первый представилъ его русской публикѣ въ самую трудную минуту его литературной дѣятельности. „*Le Corsaire*, говоритъ онъ, гдѣ я писалъ, былъ запрещенъ герцогомъ Брой, и кажется изъза моей статьи *Le Lendemain de la Crise*. Ни въ одинъ журналъ меня не пускали. Я умиралъ съ голоду, въ меня со всѣхъ сторонъ бросали грязью и вотъ, въ это-то время онъ представилъ меня этой великой Россіи, гдѣ меня очень полюбили“ *). Прибавимъ къ этому, что *La Faute de l'abbé Mouret* была переведена по-русски ранѣе, чѣмъ она появилась по-французски.

Тургеневъ доказалъ, что цѣнилъ талантъ другихъ своихъ друзей школы реалистовъ—Гонкура, Додэ, Мопассана, рекомендуя всѣмъ ихъ произведенія, и самъ стараясь помѣстить ихъ въ русскихъ газетахъ и журналахъ.

Таковъ былъ русскій писатель, какъ товарищъ по профессіи. Что же касается *человѣка*, то вотъ что говоритъ о немъ Зола при томъ свиданіи, о которомъ мы только-что упоминали: „я очень любилъ Тургенева, и онъ также любилъ меня. Это было превосходное существо съ яснымъ и здравымъ умомъ, хотя и не безъ капризовъ“.

Съ своей стороны и Гонкуръ въ своемъ *Journal*, и Додэ въ своей статьѣ, съ большой симпатіей отзываются о Тургеневѣ; одинъ называетъ его „кроткимъ гигантомъ, любезнымъ варваромъ“, другой тоже свидѣтельствуетъ объ искренности ихъ отношеній.

„Онъ былъ однимъ изъ наиболѣе замѣчательнѣйшихъ писателей своего вѣка и въ то же время самый честный, прямой, искренній во всемъ и самый обязательный человѣкъ,

*) *Фигаро*, 5 ноября 1893 г.

какого только можно было встрѣтить". Таково начало статьи, написанной Мопассаномъ на смерть Тургенева. Дальше онъ повторяетъ: „Онъ былъ простъ, добръ и чрезвычайно прямодушенъ, обязателенъ, какъ никто, преданъ и вѣренъ друзьямъ безъ сравненія, живымъ и мертвымъ". Въ заключеніе онъ говоритъ: „никто не обладалъ душою, болѣе открытою, чуткой и проницательной, болѣе плѣнительнымъ талантомъ, болѣе честнымъ и искреннимъ сердцемъ!" *)

Вотъ какъ былъ оцѣненъ Тургеневъ тѣми людьми, которые были къ нему наиболѣе близки, и даже тѣ, которые, какъ я, рѣдко имѣли случай видѣть его, не могли не поражаться открытымъ выраженіемъ его лица и мягкостью его взгляда.

* * *

Но вотъ нѣсколько мнимыхъ „якобы разоблаченій", изданныхъ года четыре спустя послѣ смерти Тургенева, набросили мрачную тѣнь на его память **).

Мы уже неоднократно цитировали дружескія письма, адресованныя Тургеневу Додэ. Но пора упомянуть и о *post-scriptum*, прибавленномъ во время выхода статьи Додэ отдѣльнымъ изданіемъ:

Когда я поправлялъ корректуру статьи, напечатанной нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мнѣ принесли книгу „Воспоминаній", гдѣ Тургеневъ изъ-за могилы бранитъ меня напропалую. Какъ писатель, я ниже всякаго уровня, а какъ человѣкъ, — я самый послѣдній изъ людей. И мои друзья то хорошо знаютъ, и славныя про меня вещи разсказываютъ!.. О какихъ друзьяхъ говоритъ Тургеневъ, и какъ могли они оставаться моими друзьями, когда такъ хорошо меня знали? Да и самъ онъ, этотъ добрый славянинъ, чѣмъ былъ принуждаемъ носить дружескую личину относительно меня? Я вижу его въ моемъ домѣ, за моимъ столомъ, кроткаго, ласковаго, цѣлующаго моихъ дѣтей. У меня сохранились его милыя, дружескія письма. И вотъ что таилось подъ этой доброй улыбкой!.. Боже, какъ же странна жизнь, и какое же это мѣткое греческое слово: Σιρονια...

*) Gaulois, 5-го сентября 1883.

**) Воспоминанія о Тургеневѣ. Парижъ, 1887 г. Савинъ, издатель.

Этотъ *post-scriptum* вызвалъ при своемъ появленіи (въ 1888) длинные комментаріи и оживленные споры не только во французской и русской прессахъ, но вездѣ, гдѣ Тургеневъ и Додэ имѣли многочисленныхъ друзей и почитателей. Русскіе были удивлены тѣмъ, что авторъ *Набаба* могъ повѣрить анонимнымъ такъ называемымъ „разоблаченіямъ“ человѣка, искавшаго пріобрѣсти себѣ незавидную извѣстность, возводя клевету на память великаго русскаго писателя. Эта клевета казалась тѣмъ болѣе грустной, что она была дѣломъ одного изъ многочисленныхъ лицъ, которымъ Тургеневъ покровительствовалъ, и что она появилась уже въ то время, когда умершій оклеветанный не могъ ея опровергнуть. Уже одно это обстоятельство должно было бы возбудить въ Альфонсѣ Додэ подозрѣніе въ вѣрности „разоблаченій“ автора *Воспоминаній о Тургеневѣ*. А сверхъ того не долженъ ли былъ онъ принять въ соображеніе, если не долгій рядъ годовъ дружбы, связывавшихъ его съ русскимъ писателемъ, и различныя доказательства искренности этой дружбы, то по крайней мѣрѣ неопровержимыя свидѣтельства столькихъ людей, близко знавшихъ Тургенева, какъ во Франціи, такъ и въ Россіи, Германіи и Англіи! Какая же причина могла побудить Тургенева играть такую лицемѣрную роль, настолько, чтобы внушить Зола, Гонкуру, Мопассану и самому Додэ тѣ посмертныя похвалы его искренности и его прямотѣ, о которыхъ мы только-что упомянули выше?

Зола, котораго тоже задѣли въ этихъ *Воспоминаніяхъ о Тургеневѣ*, оказался далеко не такимъ впечатлительнымъ, хотя и онъ повидимому придаетъ нѣкоторую вѣру приписываемымъ покойному писателю отзывамъ. Въ своемъ разговорѣ съ Жюлемъ Гюрэ, приведенномъ нами выше, онъ говоритъ:

Его обвиняютъ, да... т. е. говорятъ, что онъ уже слишкомъ строго судилъ о насъ въ своихъ письмахъ къ своимъ друзьямъ въ Россіи. Это правда, что онъ довольно жестко отзывался о Гонкурѣ и Додэ, говорилъ, что ничего не понимаетъ въ утонченныхъ изысканностяхъ стиля Гонкура, а художественность творчества Додэ находилъ немного

узкою. Онъ повторялъ даже сплетни и непріятныя исторіи. Додэ былъ очень огорченъ этими разоблаченіями. Конечно, со стороны Тургенева не хорошо было пользоваться частной жизнью людей для злонамѣренной критики, но однако надо допустить, что писателю всегда позволительно, каковы бы ни были его литературныя отношенія, сохранить неприкосновеннымъ свое сужденіе о личности. Выходитъ ваша книга, ваши друзья говорятъ вамъ: „очень хорошо“, но неужели вы настолько наивны, чтобы думать, что это ихъ окончательное мнѣніе, и дѣйствительно имѣете ли вы право сердиться на нихъ, если они въ разговорахъ или письмахъ выражаютъ свое мнѣніе точное, критическое, однимъ словомъ, *настоящее*, о вашемъ произведеніи? Можно ли назвать это предательствомъ?

Этотъ взглядъ Зола, такой широкій и спокойный, тѣмъ болѣе замѣчателенъ, что онъ самъ вѣритъ не только разнымъ сомнительнымъ сплетнямъ, но и мнѣнію, выраженному самимъ Тургеневымъ въ письмахъ къ своимъ русскимъ друзьямъ. То же самое убѣжденіе находимъ мы и въ разговорѣ Додэ съ Жюлемъ Гюрэ, помѣщенномъ въ *Фигаро*:

Да, я считалъ себя другомъ этого человѣка, я его очень любилъ и сдѣлалъ даже послѣ его смерти его силуетъ въ одномъ американскомъ журналѣ, и собирался упомянуть о немъ въ *Trente ans de Paris*, когда мнѣ принесли письма, въ которыхъ онъ отдѣлывалъ меня такъ, какъ могутъ только отдѣлывать убійцу...

Я склоненъ думать, что въ этомъ случаѣ память нѣсколько измѣнила Жюлю Гюрэ. Его собесѣдникъ могъ говорить съ нимъ о письмахъ, но не могъ сказать, что онъ ихъ видѣлъ. Я самъ не разъ имѣлъ съ Альфонсомъ Додэ разговоры по этому поводу, и одинъ изъ нихъ, происходившій въ самый моментъ выше приведеннаго нами инцидента, былъ сообщенъ мною въ русскомъ журналѣ*). Правда, заходила рѣчь о письмахъ Тургенева, и Додэ называлъ даже то лицо, къ которому были адресованы письма, въ которыхъ заключались неблагопріятные отзывы, но ни разу онъ не сказалъ мнѣ, что видѣлъ ихъ самъ. Вотъ слова Додэ, которыя я тотчасъ же занесъ въ свою статью для *Новостей*:

---

*) *Новости*, 1/13 марта 1889.

Мое негодованіе показалось бы страннымъ, если бъ я узналъ о вѣроломствѣ Тургенева только по *Воспоминаніямъ* протежируемаго имъ лица, но эти разоблаченія были подтверждены мнѣ Робертомъ Казъ, читавшимъ письма Тургенева къ Захеръ-Мазоху, въ которыхъ онъ отзывался обо мнѣ далеко не по-дружески.

Значитъ Робертъ Казъ, а не самъ Додэ, — какъ-то ошибочно полагаетъ Жюль Гюрэ,—видѣлъ злополучныя письма. Кто-то даже увѣрилъ Додэ, что они будутъ напечатаны въ одномъ изъ русскихъ журналовъ.

Прошло много лѣтъ, но эти письма такъ нигдѣ и не появились, что служитъ прекраснымъ доказательствомъ тому, что писемъ этихъ никогда не существовало. Недавно я ѣздилъ въ Германію и разговаривалъ по этому поводу со старыми и интимными друзьями Тургенева, какъ напримѣръ извѣстный критикъ Питчъ, и его ученый собратъ Цабель. Ну вотъ они-то и подтвердили мнѣ, что Тургéневъ не только никогда не писалъ Захеръ-Мазоху, и никогда не видалъ его, но что онъ всегда энергически отказывался входить съ нимъ въ какія-либо отношенія. Подтвержденіе этому мы находимъ въ письмѣ, адресованномъ Тургеневымъ г. Суворину, издателю *Новаго Времени*, гдѣ онъ говоритъ о Захеръ-Мазохѣ:

Я лично его не знаю, да, признаюсь вамъ, я не большой любитель его романовъ... Я никогда не могъ понять почему его нѣкоторые сравнивали со мной.

Такъ падаетъ всякое основаніе этихъ нареканій. Они вытекаютъ въ сущности только изъ лживыхъ увѣреній, и весьма трудно понять, какую цѣль преслѣдуютъ иные люди, стараясь запятнать память хорошихъ и великихъ людей въ глазахъ ихъ наиболѣе близкихъ друзей.

Дѣйствительно только исторія съ мнимыми письмами придала *Воспоминаніямъ о Тургеневѣ* значеніе, котораго они сами по себѣ никогда не добились бы.

Но могутъ сказать, что если не къ Захеръ-Мазоху писалъ Тургеневъ въ этомъ смыслѣ, то вѣроятно кому-нибудь изъ своихъ русскихъ друзей, какъ то и полагаетъ Зола. Од-

нако, нѣтъ! Изъ цѣлыхъ тысячъ писемъ, адресованныхъ Тургеневымъ своимъ русскимъ друзьямъ, напечатанныхъ и не напечатанныхъ, которыя мнѣ довелось просмотрѣть, чтобы документально подтвердить мое теперешнее изданіе, я ничего не нашелъ, что могло бы подтвердить клевету его враговъ, кромѣ единственнаго мѣста въ письмѣ, адресованномъ 25 ноября 1875 г. Салтыкову *).

Когда Петръ Великій встрѣчалъ умнаго человѣка, то, говорятъ, цѣловалъ его въ лобъ. Но я, хотя и не Петръ, и не Великій, но прочитавъ ваше письмо отъ 18 ноября, охотно поцѣловалъ бы васъ, мой дорогой другъ, до такой степени показалось мнѣ вѣрнымъ все то, что вы говорите о романахъ Гонкура и Зола. Я самъ смутно чувствовалъ это, и боролся съ неопредѣленнымъ недоумѣніемъ, и только теперь я могу сказать: постой! Я понялъ. Имъ не таланта недостаетъ, особенно Зола, нѣтъ! но они идутъ по ложной дорогѣ и слишкомъ много выдумываютъ. Ихъ литература воняетъ литературой, вотъ въ чемъ ихъ недостатокъ. Но очевидно, что въ настоящее время это нравится нашей русской публикѣ и, хотя не слѣдуетъ слѣпо потворствовать этому вкусу, однако не надо забывать и того, что ихъ романы написаны не для насъ и что то, что можетъ показаться намъ слишкомъ прянымъ, покажется публикѣ столь же свѣжимъ, какъ первый снѣгъ. Итакъ—подождемъ отзыва редакціи *Отечественныхъ Записокъ*.

Сюжетъ романа Гонкура довольно смѣлъ. Это добросовѣстный и глубокій анализъ жизни публичной женщины **). Во всякомъ случаѣ это не *Подростокъ* Достоевскаго! Получивъ послѣднюю книгу *Отечественныхъ Записокъ*, я погрузился въ этотъ хаосъ. Боже! какая грязь, какая больничная вонь, какія ненужныя отрыжки, что за манія болѣзненной психологіи!! Вотъ къ чему должны быть какъ нельзя болѣе кстати отнесены слова, сказанныя въ вашемъ письмѣ по поводу подобной литературы...

Изъ этого письма видно, что рѣчь идетъ не о Додэ; къ тому же Тургеневъ скорѣе защищаетъ своихъ новыхъ французскихъ друзей отъ нападокъ своего корреспондента. Я говорю „новыхъ“, потому что письмо это помѣчено 1875 г., годомъ, когда „обѣды пятерыхъ“ только-что учреждались. Къ тому же выраженіе „отзываться, вонять литературой“

*) Щедрину, въ то время главному редактору петербургскаго журнала *Отечественныя Записки*.

**) La fille Elisa.

очень охотно употреблялось Тургеневымъ, и мы видимъ, что онъ часто прилагаетъ его и къ своимъ собственнымъ произведеніямъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ въ письмѣ къ Анненкову:

Я читалъ романъ Авдѣева *) въ *Современникѣ*. Нехорошъ, очень нехорошъ! И на меня онъ произвелъ тѣмъ болѣе непріятное впечатлѣніе, что я не могу не видѣть въ немъ нѣкотораго подражанія мнѣ, такъ что мои собственные недостатки становятся для меня болѣе явственными. Мнѣ кажется, если бы я былъ принужденъ часто читать произведенія Авдѣева, то я давно бы съ отвращеніемъ бросилъ перо. Ахъ, *эта литература, отзывающаяся литература*! Главное достоинство произведеній Толстого въ томъ, что они отзываются жизнью.

Однако я долженъ замѣтить, что если бы я, во время моихъ долгихъ поисковъ, и нашелъ у Тургенева гнѣвныя нападки на своихъ французскихъ друзей, то нисколько не удивился бы имъ, зная хорошо его крайне впечатлительный темпераментъ и плохое состояніе его здоровья, въ особенности за послѣднія десять лѣтъ его жизни. Вообще сужденія, высказываемыя въ интимномъ кружкѣ или въ совершенно частной перепискѣ, очень часто суть только несдержанныя выраженія мимолетныхъ впечатлѣній. Такъ, напримѣръ, мы видимъ въ этомъ же письмѣ, какъ Тургеневъ отзывается о *Подросткѣ* Достоевскаго.

И тѣмъ не менѣе, когда Дюранъ-Гревилю порученно было редакціей *Revue des Deux Mondes* изучить главныхъ представителей русской литературы, и тотъ для этой цѣли отправился въ Россію, Тургеневъ на запросъ Гревиля указалъ ему прежде всего на Толстого, Писемскаго и Достоевскаго, хотя послѣдній сильно напалъ на Тургенева въ своемъ романѣ *Бѣсы*. Онъ далъ Дюранъ-Гревилю рекомендательное письмо къ Достоевскому, въ которомъ говоритъ:

Я рѣшился написать вамъ это письмо, несмотря на факты, повлекшіе за собою прекращеніе отношеній между нами. Я увѣренъ, что вы не со-

*) Авдѣевъ — романистъ, пользовавшійся въ свое время славой въ Россіи. Романъ, о которомъ говоритъ Тургеневъ, озаглавленъ: *Между двухъ огней*, вышелъ въ *Современникѣ* 1868 г.

мнѣваетесь, что эти обстоятельства никакимъ образомъ не могли повліять на мое мнѣніе о вашемъ большомъ талантѣ, и о томъ высокомъ положеніи, какое вы по праву занимаете въ нашей литературѣ.

Въ другомъ письмѣ къ Анненкову,—къ одному изъ своихъ интимныхъ друзей,—1 апрѣля 1865 г., онъ говоритъ по поводу *Войны и Мира*:

Я читалъ романъ Льва Толстого... Это не то, что нужно, не то, не то! Впрочемъ, о немъ мы поговоримъ потомъ.

Правда, въ это время онъ прочелъ только первую половину романа. Но потомъ вездѣ, во всѣхъ своихъ писаніяхъ, публичныхъ и частныхъ, Тургеневъ выказываетъ себя страстнымъ поклонникомъ Толстого. Вотъ, напримѣръ, его мнѣніе по поводу этого же романа *Война и Миръ*, выраженное въ письмѣ къ своему другу Полонскому:

„Романъ Толстого вещь превосходная, но то, что публикѣ больше всего нравится, есть самая слабая сторона всего романа, а именно: часть историческая и психологія. Его исторія— это отводъ глазъ, хвастовство знаніемъ мелкихъ фактовъ; психологія — однообразное повтореніе уже сказаннаго. Зато все, что касается нравовъ, описаній, войны—все это первый сортъ. Тутъ у насъ не найдется мастера, котораго можно сравнить съ Толстымъ".

Равнымъ образомъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Флоберу, Тургеневъ прямо говоритъ, что „не пришелъ въ восторгъ отъ *Assommoir*". А самъ какъ разъ въ это время предлагалъ Суворину, издателю *Новаго Времени*, переводъ этого романа и писалъ ему: „Этотъ романъ, насколько я могу судить, весьма замѣчателенъ. Онъ рисуетъ нравы парижскаго рабочаго, которыхъ Зола знаетъ какъ никто".

Это разногласіе во впечатлѣніяхъ и противорѣчія въ сужденіяхъ очень хорошо объясняетъ Полонскій, другъ дѣтства Тургенева, самъ извѣстный писатель и проницательный наблюдатель. Въ письмѣ своемъ ко мнѣ, написанномъ въ то время, когда произошелъ занимающій насъ инцидентъ, онъ говоритъ:

Что касается вашего желанія перепечатать нѣкоторыя мѣста изъ моихъ писемъ въ вашей статьѣ *), то я даю вамъ на это мое полное

*) Моя статья въ *Новостяхъ*.

согласіе, особенно рекомендую я вамъ напечатать тѣ мѣста, гдѣ я говорю, что Тургеневъ, насколько я могу судить изъ разговоровъ съ нимъ, *не только никогда не клеветалъ на знакомыхъ ему французскихъ писателей, но скорѣе гордился ихъ дружбой и уваженіемъ.*

Однако Тургеневъ былъ натура сложная. Душа его была попеременно то душой мужчины, то женщины, то ребенка. Иногда, какъ мужчина, онъ не обращалъ вниманія на клеветы и сплетни, въ другой разъ, наоборотъ, онъ, какъ женщина, раздражался и вскипалъ отъ первой попавшейся выдумки, и въ эти минуты онъ могъ быть несправедливымъ даже къ самымъ близкимъ ему людямъ. Вѣдь не даромъ же онъ отказывалъ женщинамъ во всякомъ чувствѣ справедливости. Если въ одну изъ подобныхъ минутъ Х... *) разсказалъ бы ему что-либо неблагопріятное о Додэ или о другомъ, Тургеневъ могъ бы мимолетно повѣрить сплетнѣ и сказать какую-нибудь рѣзкость по адресу своихъ друзей.

Впрочемъ еще вопросъ, часто ли Тургеневъ видѣлся съ Х... и не есть ли этотъ Х... тотъ самый „ложный другъ“, о которомъ говоритъ авторъ *Неизвѣстнаго Тургенева*, напечатаннаго въ Парижѣ.

Дѣйствительно, Мишель Делинъ, авторъ *Неизвѣстнаго Тургенева*, довольно ясно обозначаетъ этого „ложнаго друга“. Онъ приводитъ даже мнѣнія Тургенева объ этой личности, мнѣнія, далеко не лестныя, какъ бы въ предчувствіи будущихъ „разоблаченій“. Но я повторять ихъ не стану, не желая утверждать, подобно автору *Воспоминаній о Тургеневѣ*, того, чего не могу провѣрить.

Что же касается писемъ, изъ которыхъ Полонскій разрѣшилъ мнѣ опубликовать нѣкоторыя мѣста въ моей статьѣ въ *Новостяхъ*, то я считаю лишнимъ пользоваться ими теперь, послѣ того, какъ я получилъ письмо, написанное на французскомъ языкѣ, заключающее въ себѣ все, что онъ могъ сказать мнѣ на этотъ счетъ прежде. Вотъ оно:

С.-Петербургъ $\frac{\text{30 августа}}{\text{11 сентября}}$ 1896.

Cher monsieur!

Во время моего пребыванія въ Спасскомъ (имѣніи Тургенева), я имѣлъ по обыкновенію длинные разговоры съ моимъ старымъ другомъ Иваномъ Сергѣевичемъ, который былъ со мной всегда очень откров-

*) Авторъ *Воспоминаній о Тургеневѣ*.

ненъ, и не скрывалъ отъ меня ничего. Вотъ почему я позволяю себѣ утверждать съ полнымъ убѣжденіемъ, что Тургеневъ даже въ самыхъ откровенныхъ бесѣдахъ отзывался съ большимъ уваженіемъ о своихъ друзьяхъ, французскихъ писателяхъ, какъ-то о Флоберѣ, Зола, Додэ, Мопассанѣ, Гонкурѣ и другихъ, которыхъ онъ очень любилъ. Онъ гордился своими дружескими отношеніями съ знаменитыми французскими писателями, и этого онъ ни отъ кого не скрывалъ...

Я очень хорошо помню, какъ послѣ смерти Густава Флобера, котораго онъ особенно чтилъ, Тургеневъ предложилъ русской публикѣ сдѣлать подписку на памятникъ великому покойнику; и какъ нѣкоторая часть прессы возстала противъ Тургенева, доказывая ему не безъ ироніи, что намъ странно было бы дѣлать подписки на памятникъ иностранному писателю, когда наши русскія знаменитости, какъ Гоголь, Грибоѣдовъ Лермонтовъ, давно ожидаютъ себѣ памятниковъ и таковыхъ еще не имѣютъ.

Преданный вамъ

Яковъ Полонскій.

Наконецъ, я приведу письмо, написанное мнѣ 14 ноября 1887 г. Салтыковымъ (Щедринымъ), которому Тургеневъ адресовалъ письмо, приведенное нами выше, и гдѣ онъ выражаетъ свое мнѣніе о Гонкурѣ и Зола:

Я ничего не вижу обиднаго или вѣроломнаго по отношенію къ друзьямъ въ оцѣнкѣ Тургенева современной реалистической школы во Франціи. Можно сохранять дружескія отношенія и не приходить въ восторгъ отъ всего въ своихъ друзьяхъ. Тургеневъ выразился немного грубо, говоря, что произведенія Гонкура и Зола воняютъ литературой, но вотъ и все. Эта оцѣнка была отвѣтомъ на мое письмо, въ которомъ я говорилъ, что по-моему эти писатели не реалисты, какъ, напримѣръ, Гоголь, Диккенсъ и др., но психологи, присвоившіе себѣ названіе реалистовъ...

Далѣе онъ прибавляетъ:

Какъ бы то ни было, я никогда не замѣчалъ въ характерѣ Тургенева ни малѣйшаго слѣда лицемѣрія.

Итакъ во всей перепискѣ Тургенева мы ничего не могли найти враждебнаго его французскимъ друзьямъ, кромѣ одного отзыва, вполнѣ невиннаго, который не опровергаетъ искренности его чувства, а, наоборотъ, только доказываетъ намъ независимость его сужденій. И дѣйствительно, какъ говоритъ

Салтыковъ, можно быть хорошимъ другомъ, вовсе не поклоняясь своему другу. Таково же и понятіе Зола. Да на самомъ дѣлѣ—какое же это лицемѣріе, когда мы видѣли уже изъ письма къ Додэ по поводу *Набаба*, что Тургеневъ, не стѣснялся выказывать неодобреніе на ряду съ похвалой?

* * *

До сихъ поръ это—одни слова, посмотримъ теперь факты. Изъ писемъ къ Зола, помѣщаемыхъ ниже, читатель убѣдится, съ какой готовностью, не щадя ни времени, ни трудовъ, Тургеневъ заботился о томъ, чтобы познакомить Россію съ произведеніями своего друга. Что онъ сдѣлалъ для Зола, онъ задолго уже передъ тѣмъ сдѣлалъ для Флобера, затѣмъ слѣдовала очередь Гонкура, а потомъ и Гюи де Мопассана. Никогда не употреблялъ онъ, чтобы охранить свои собственные интересы, такого старанія, какъ ради услуги другимъ. Онъ договаривался за нихъ, и взялъ у Зола для Россіи, такъ же какъ и отъ Толстого для Франціи, довѣренность относительно авторскихъ правъ, черновую которой Зола нашелъ въ своихъ бумагахъ, писанную рукою Тургенева:

Я, нижеподписавшійся, заявляю, что даю полную довѣренность г. Ивану Тургеневу относительно моихъ авторскихъ правъ на переводы моихъ произведеній на русскій языкъ. Вмѣстѣ съ этимъ я разрѣшаю г. Тургеневу входить въ переговоры съ переводчиками и издателями и заключать съ ними условія.

Кто хочетъ знать, какъ онъ старался выдвигать произведенія своихъ друзей, съ какимъ самоотверженіемъ онъ отступалъ на задній планъ, чтобы дать имъ мѣсто, пусть прочтетъ слѣдующія строчки изъ письма Шарля Эдмонда:

.... Газета *Temps* уже напечатала нѣсколько его произведеній, когда встрѣтивъ его однажды, я сообщилъ ему, что нашъ общій другъ Гебраръ съ большимъ удовольствіемъ предложилъ бы ему еще разъ гостепріимство въ *Temps*.

— Пройдемте, если вамъ можно, ко мнѣ,—отвѣтилъ Тургеневъ, послѣ минутнаго размышленія, и я обѣщаю Гебрару и вамъ такой сюрпризъ, которымъ вы останетесь вполнѣ довольны.

Я въ первый разъ слышалъ, чтобы Иванъ Сергѣевичъ хвалилъ свое собственное произведеніе.

Придя къ себѣ въ домъ, Тургеневъ вынулъ изъ письменнаго стола свертокъ бумаги.

Передамъ буквально его слова:

— Вотъ, сказалъ онъ,—матеріалъ перваго сорта для вашего журнала. Это значитъ, что не я его авторъ. Этотъ большой мастеръ,—потому что это дѣйствительно мастеръ, — почти совсѣмъ не извѣстенъ во Франціи, но я увѣряю васъ моей совѣстью, что я не достоинъ развязать ремень у его сапога.

Черезъ два дня появились въ *Temps Воспоминанія о Севастополѣ* графа Льва Толстого.

Это происходило въ апрѣлѣ 1876 г.

Вотъ что Тургеневъ умѣлъ дѣлать для своихъ друзей, и я думаю, что врядъ ли найдешь въ литературномъ мірѣ другого писателя, способнаго на такую скромность и такое самоотверженіе.

* * *

Если я настаиваю на томъ, чтобы показать въ настоящемъ свѣтѣ великодушный и честный характеръ Тургенева, то только потому, что помню мой недавній разговоръ съ Альфонсомъ Додэ, въ которомъ не было уже и помину ни о *Воспоминаніяхъ о Тургеневѣ*, ни о письмахъ къ Захеръ-Мазоху, но гдѣ рѣчь шла исключительно о личныхъ впечатлѣніяхъ автора *Набаба*.

— Вы должно-быть слышали,—сказалъ онъ мнѣ,—что нѣсколько лѣтъ тому назадъ на меня была подана въ судъ жалоба однимъ актеромъ, котораго я принялъ къ себѣ и который такъ отплатилъ мнѣ за это, потому что я отказался принять участіе въ нелѣпомъ переложеніи одного изъ моихъ романовъ въ драму. Его работа оказалась ниже всякой кри-

тики, и обличала даже полное невѣдѣніе орѳографіи. Онъ утверждалъ, что я присвоилъ себѣ этотъ трудъ и хотѣлъ имъ воспользоваться. Нечего говорить, что дѣло было легко выяснено, и онъ проигралъ процессъ, но мнѣ все-таки доставило это не мало хлопотъ. Незадолго до рѣшенія суда я встрѣтилъ Тургенева. „Послушайте, Додэ," сказалъ онъ мнѣ, „кажется ваше дѣло не вполнѣ чисто и многіе говорятъ, что вы можете его проиграть"... По тону, съ какимъ онъ это мнѣ сказалъ, я замѣтилъ, что тѣ, которые окружали тогда Тургенева и передавали ему о моемъ дѣлѣ, не были намъ друзьями. Очень возможно также, что Тургеневъ не могъ простить мнѣ того, что я никогда не былъ у него, несмотря на его постоянныя приглашенія. Будучи человѣкомъ женатымъ, я ѣздилъ куда бы то ни было только вмѣстѣ съ моей женой, а такъ какъ онъ приглашалъ меня одного, то я и не ходилъ къ нему".

Однако Альфонсъ Додэ признался мнѣ, что не написалъ бы этого *post-scriptum*, вызвавшаго всѣ эти толки и перебранки, если бы далъ себѣ время остыть послѣ первой вспышки гнѣва. Но, какъ онъ самъ говорилъ, именно въ то время, какъ онъ поправлялъ корректуру своего произведенія, услужливые друзья,—ихъ всегда много,—указали ему на страницы *Воспоминаній о Тургеневѣ*, гдѣ упоминалось о немъ.

Наконецъ, прочитавъ письма Тургенева къ Флоберу, напечатанныя мною здѣсь, Додэ написалъ мнѣ недавно слѣдующее:

Письма Тургенева, собранныя вами и сопровожденныя вашими умными и тонкими комментаріями, измѣнили мои чувства къ великому русскому писателю. Да,—вы правы,—Тургеневъ не былъ вѣроломнымъ; онъ не двуличенъ, развѣ только когда требуютъ этого свѣтскія и общественныя условія. Онъ представляется мнѣ, по его письмамъ, человѣкомъ тяжелымъ, брюзгою, недовольнымъ никѣмъ, въ особенности самимъ собою; не онъ управлялъ своей жизнью, а она вела его туда, куда онъ не хотѣлъ. Это больной, безпокойный на постели и ежащійся отъ складокъ простыни.

Въ этой перепискѣ я нахожу также новое доказательство того, что я уже зналъ, а именно, что иностранецъ, какимъ бы тонкимъ чутьемъ ни

обладалъ онъ, никогда не изучитъ хорошо нашего языка; сужденія, написанныя Тургеневымъ о французскихъ литераторахъ, а также и переданныя устно, подтверждаютъ эту истину. Я помню наши споры по поводу Шатобріана и *Memoires d'Outre-tombe*,—его удивленіе, когда Флоберъ и я доказывали ему, что великимъ учителемъ французскаго языка въ девятнадцатомъ столѣтіи былъ именно Шатобріанъ, а не кто другой...

Но тутъ я остановлюсь; воспоминанія потокомъ нахлынули на меня, но у меня нѣтъ времени разболтаться... (Дальше слѣдуетъ нѣсколько строкъ личнаго характера.)

Альфонсъ Додэ.

Это письмо ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что если въ сердцѣ Альфонса Додэ и остались слѣды горечи, то его сильный умъ начинаетъ освобождаться отъ внушенныхъ ему ложныхъ мыслей и что, уяснивъ себѣ многое изъ писемъ, опубликованныхъ мною теперь, онъ со временемъ отдастъ полную справедливость своему прежнему другу.

Что касается мнѣнія знаменитаго писателя о недостаточномъ знаніи Тургеневымъ французскаго языка, то я помню, что, въ письмѣ своемъ къ Жоржъ Зандъ, Флоберъ выражалъ сильное сожалѣніе, что не сходится во взглядахъ съ русскимъ писателемъ и другимъ—*французскимъ*,—на Шатобріана:

„Какъ трудно всѣмъ быть одного мнѣнія!“ восклицаетъ онъ. „Вотъ два человѣка, которыхъ я очень люблю, и на которыхъ смотрю, какъ на истинныхъ художниковъ, Тургеневъ и Зола. Однако это не мѣшаетъ имъ не чувствовать всей красоты прозы Шатобріана, а еще менѣе того прозы Готье. Фразы, отъ которыхъ я прихожу въ восторгъ, кажутся имъ пустыми. Кто изъ насъ правъ и какъ нравиться публикѣ, когда самые дорогіе вамъ люди такъ расходятся съ вами? Все это очень печалитъ меня. Не смѣйтесь! *).

Съ тѣхъ поръ Зола кажется перемѣнилъ свое мнѣніе. Развѣ это не показываетъ намъ, что можно восхищаться съ нѣкоторыми ограниченіями произведеніемъ великаго писате-

*) Густавъ Флоберъ, *Переписка*, четвертая серія, стр. 228.

ля, не рискуя быть названнымъ незнающимъ тонкостей языка? Самый фактъ спора съ иностраннымъ писателемъ о вопросахъ стиля уже доказываетъ, что за нимъ признаютъ извѣстную компетентность, особенно когда мы видимъ, какъ такой художникъ-стилистъ, какимъ былъ Флоберъ, спрашиваетъ самого себя по этому поводу: „кто же правъ?“

Дѣйствительно, воспитанный родителями, отлично знавшими французскій языкъ, упражнявшійся на этомъ языкѣ почти съ самаго ранняго возраста съ природными французами-гувернерами, и проведя затѣмъ во Франціи въ литературныхъ кружкахъ большую часть своей жизни, Тургеневъ могъ до тонкости изучить всѣ красоты языка своихъ друзей, такъ что Тэнъ сказалъ про него, что его языкъ былъ „языкомъ французскихъ салоновъ XVIII вѣка“.

Однако понимать языкъ, чувствовать его красоты и тонкости и писать на немъ художественныя произведенія—двѣ вещи разныя. Поэтому Тургеневъ всегда избѣгалъ писать даже свои мелкія произведенія на какомъ-нибудь другомъ языкѣ, кромѣ русскаго. Когда одинъ изъ его біографовъ, г. Венгеровъ, сталъ утверждать, что нѣкоторые его разсказы написаны по-французски или по-нѣмецки, Тургеневъ энергично протестовалъ. „Я не напечаталъ ни одной строчки, не написанной по-русски, въ противномъ случаѣ я былъ бы не художникомъ, но простымъ писакой. Какъ можно писать на иностранномъ языкѣ, когда и на своемъ родномъ языкѣ не выразить столько мыслей и образовъ, которые преслѣдуютъ васъ?“

И въ самомъ дѣлѣ, когда Тургеневъ хотѣлъ предложить французской публикѣ одно изъ своихъ произведеній, то онъ, несмотря на то, что владѣлъ изящнымъ слогомъ,—что можно видѣть изъ издаваемой нами переписки,—прибѣгалъ къ помощи своихъ друзей—супруговъ Віардо, Меримэ или же Флобера, что подтверждается письмами, которыя онъ ему адресовалъ по поводу *Monsieur François*, повѣсти, сперва

появившейся въ *Nouvelle Revue*. Въ этомъ отношеніи Додэ и Тургеневъ вполнѣ согласны.

Каковы ни были различные вопросы, поднятые только-что разсказаннымъ мною инцидентомъ, но на мою долю выпалъ благопріятный случай выяснить настоящій характеръ отношеній Тургенева съ его французскими друзьями.

Гальперинъ-Каминскій.

Письма къ Зола.

I.

48, улица Дуэ.
Пятница вечеромъ.
(Начало **1874**) *).

Дорогой Зола,

Мнѣ очень неловко, что я заставилъ васъ пройтись напрасно. Мнѣ казалось, что я сказалъ, что буду дома только до двухъ часовъ. Если нѣтъ, то прошу васъ извинить мою забывчивость. Угодно ли вамъ придти ко мнѣ завтра, воскресенье, или понедѣльникъ *до* двухъ часовъ, или же во вторникъ отъ 4—6? Буду ожидать васъ. Не сообщите ли вы мнѣ день и часъ наканунѣ.

Весь вашъ
Ив. Тургеневъ.

II.

Спасское, Орловской губ.
Городъ Мценскъ.
Четвергъ, $^{17}/_{5}$ іюня 1874.

Дорогой Зола,

Если у васъ есть атласъ, то найдите карту Россіи и проведите ..... отъ Москвы по направленію къ Черному

*) Число обозначено приблизительно, по адресу, 48, улица Дуэ, потому что съ 1874 № уже былъ 50; къ тому же Тургеневъ не переписывался съ Зола до 1873. Повторяю, я расположилъ всѣ непомѣченныя письма въ хронологическомъ порядкѣ, основываясь на содержаніи, или адресѣ, или воспоминаніи Эмиля Зола.

Морю. Вы найдете на вашемъ пути — немного къ сѣверу отъ Орла, — городокъ Мценскъ. Ну вотъ, мое имѣніе лежитъ въ 10 километрахъ отъ этого мѣстечка, трудно произносимаго, какъ вы видите. Здѣсь все такъ пустынно, спокойно, зелено и печально. Если я буду въ состояніи работать, то останусь здѣсь на нѣкоторое время, если же нѣтъ, уѣду, и послѣ шестинедѣльнаго пребыванія въ Карлсбадѣ, вернусь въ Парижъ, гдѣ надѣюсь увидать васъ.

А теперь поговоримъ о дѣлѣ!

Въ Петербургѣ я убѣдился, что, при настоящемъ законодательствѣ, ничѣмъ нельзя помѣшать всякому желающему переводить и печатать ваши произведенія, вслѣдствіи чего я не могъ помѣстить „*Conquête de Plassans*“. Ни одного перевода еще не появлялось, но издатель журнала, о которомъ я вамъ говорилъ *), не хотѣлъ рисковать заказывать переводъ, боясь, что онъ не будетъ первымъ. (Передъ моимъ отъѣздомъ изъ Петербурга *Curée* только-что появился въ одномъ книжномъ магазинѣ подъ заглавіемъ: *Добыча, брошенная собакамъ*). Но такъ какъ вышеупомянутый издатель очень желаетъ печатать ваши произведенія въ своемъ журналѣ, то предлагаетъ вамъ черезъ мое посредство 30 руб. (105 франковъ) съ печатнаго листа за все, что вы ни пришлете ему въ рукописи или въ корректурныхъ гранкахъ, и такъ какъ онъ долженъ заплатить почти столько же переводчику, то я нахожу, что это цѣна приличная, и вы сдѣлаете хорошо, если на нее согласитесь. Отвѣчайте мнѣ по слѣдующему адресу:

Г. И. Т. С.-Петербургъ. Гостиница Демута, Большая Конюшенная.

---

*) Вѣроятно Стасюлевичъ, редакторъ *Вѣстника Европы*.

Я пріѣду туда самое позднее дней черезъ двадцать и могу передать вашъ отвѣтъ кому слѣдуетъ.

Издатель читалъ *Conquête* и пришелъ въ восторгъ.

Романъ, который вы собираетесь писать, очень интересуетъ меня. Мнѣ кажется, что онъ будетъ превосходнымъ. Сюжетъ очень простъ и вмѣстѣ съ тѣмъ очень оригиналенъ *).

Я написалъ тоже Флоберу, но боюсь, что мое письмо не найдетъ его въ Круассе. Онъ собирался проѣхать въ Швейцарію на Риги, освѣжиться немного. Русская публика не удостоила своимъ вниманіемъ его *Антонія*, который однако былъ разрѣшенъ цензурой. Но не надо говорить Флоберу объ этомъ.

До свиданья, желаю вамъ здоровья, хорошаго расположенія духа и дружески жму вашу руку.

Ив. Тургеневъ.

P. S. Ваша политика принимаетъ странный оборотъ.

III.

Карлсбадъ, König von England.
Понедѣльникъ, 11 августа 1874.

Дорогой Зола,

Кто-нибудь меня сглазилъ: вотъ уже три мѣсяца, какъ я качусь все ниже и ниже. Жестоко пострадавъ въ „*cara patria*“, я снова заболѣлъ ногою здѣсь въ Карлсбадѣ! Какъ мнѣ надоѣло здѣсь все! какъ только я буду въ состояніи

*) *La Faute de l'abbé Mouret.*

двинуться, я отправлюсь въ Парижъ, а оттуда въ Буживаль. Страдать, такъ страдать, по крайней мѣрѣ тамъ я у себя.

Я не забылъ ни вашихъ интересовъ, ни своихъ обѣщаній. У меня были долгіе разговоры съ издателемъ русскаго журнала *(Вѣстника Европы)* г. Стасюлевичемъ. Я могу теперь подробно сообщить вамъ его предложенія, которыя по-моему весьма подходящи; но такъ какъ онъ долженъ пріѣхать въ Парижъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ (около 10 или 15) то я предпочитаю познакомить васъ съ нимъ, и тогда мы потолкуемъ, какъ люди умные и серьезные *). Вы будете въ это время въ Парижѣ, не такъ ли? Напишите мнѣ словечко въ Буживаль, (Sèine-et-Oise) Maison Halgan, близъ церкви. Надѣюсь быть тамъ черезъ недѣлю, если противная подагра не помѣшаетъ мнѣ.

Посылаю вамъ переводъ *Curée,* страшно изуродованный цензурой. *Conquète de Plassans* было напечатано вкратцѣ въ петербургскомъ журналѣ. *Московскія* же *Вѣдомости* даютъ полный переводъ въ фельетонѣ.

Желаю вамъ добраго здоровья и успѣха въ трудѣ. Сюжетъ вашего новаго романа **) немного скабрезенъ,—т. е. я хочу сказать: игривъ,—но вы сумѣете придать ему художественную форму. Вы неутомимый труженикъ, притомъ же у васъ нѣтъ подагры.

До свиданья, шлю дружескій привѣтъ.

Ив. Тургеневъ.

---

*) Изъ моего предисловія видно было, что Тургеневъ энергично старался упрочить Зола правильное и хорошо оплачиваемое сотрудничество въ русскомъ журналѣ. Это письмо, какъ и остальныя, сообщаетъ о его стараніяхъ у редактора журнала, въ которомъ онъ самъ работалъ.

**) La Faute de l'abbé Mouret.

P. S. Я получилъ письмо отъ Флобера. Онъ въ Круассе и собирается засѣсть за свой романъ *).

IV.

Буживаль.
Maison Halgan (Seine-et-Oise).
Среда, 23 сентября 1874 г.

Мой дорогой другъ,

Вотъ уже три недѣли, какъ я пріѣхалъ сюда, и попрежнему страдаю отъ подагры. (Теперь мнѣ лучше.) Не писалъ вамъ до сихъ, потому что ожидалъ пріѣзда Стасюлевича (издателя журнала, о которомъ я вамъ говорилъ) и вотъ теперь я получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ сообщаетъ мнѣ, что долженъ былъ прямо проѣхать въ Петербургъ, чтобы спасти свой журналъ, такъ какъ его собирались закрыть! Это ему удалось, но онъ не пріѣдетъ въ Парижъ раньше декабря мѣсяца. А пока онъ просилъ меня покончить съ вами, и прислалъ свои условія. Поэтому намъ надо увидаться, и какъ можно скорѣе. Къ несчастью, я потерялъ адресную книжку, а самъ вашего адреса не знаю, вслѣдствіе чего долженъ писать вамъ черезъ посредничество Шарпантье. Завтра я буду въ Парижѣ, но вы, быть-можетъ, не получите еще моего письма, а въ субботу,—хотя и прихрамывая,—долженъ отправиться къ дочери (близъ Шатодёна), гдѣ пробуду до вторника.

Мнѣ совѣстно просить васъ пріѣхать въ Буживаль въ такую дурную погоду, а потому я предложу вамъ слѣдующее: если Шарпантье передастъ вамъ это письмо завтра утромъ,

*) Bouvard et Pécuchet

то приходите въ улицу Дуэ къ двумъ часамъ, или же назначимъ свиданіе въ среду въ 11 часовъ въ кафэ Ришъ, напримѣръ, чтобы вмѣстѣ тамъ позавтракать. Согласны, не правда ли? Завтра или въ среду.

Я привезъ экземпляръ перевода *Curée. Conquête de Plassans* переведено два раза, два раза печатали его въ сокращенномъ видѣ, три и четыре выдержки и столько же критическихъ статей. Въ Россіи только и читаютъ васъ.

До свиданья, шлю дружескій привѣтъ.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

V.

Буживаль.
Maison Halgan (близъ церкви).
Четвергъ, 1 октября 1874 г.

Дорогой Зола,

Третьяго дня я вернулся изъ своей поѣздки въ Шатодёнъ, и имѣлъ намѣреніе отправиться вчера на свиданіе съ вами, но въ ночь меня поразилъ девятый припадокъ подагры, и я утромъ же написалъ вамъ письмо черезъ Шарпантье, чтобы предупредить васъ. Письмо мое отвезъ въ Парижъ молодой Шамеро, мужъ старшей дочери m-me Віардо, но посыльный, которому онъ передалъ его, говоритъ будто бы онъ не нашелъ № 21 въ вашей улицѣ (адресъ данъ былъ ему Шарпантье), такъ что вамъ пришлось придти въ кафэ, и тамъ напрасно ожидать меня. Прошу извинить меня.

Вчера я провелъ цѣлый день въ постелѣ, и не выйду изъ дому раньше трехъ или четырехъ дней. Однако мнѣ

хотѣлось бы видѣть васъ и поговорить съ вами о дѣлѣ. Если вамъ можно, то пріѣзжайте сюда завтра, въ пятницу, между завтракомъ и обѣдомъ. Нужно ѣхать со станціи St.-Lazare. Поѣзда отходятъ каждый часъ въ 35 мин. Доѣхавъ до станціи Рояль, вы пересядете въ американскій омнибусъ, который привезетъ васъ прямо въ Буживаль (не садитесь въ поѣздъ, который идетъ только до Рюэля). Въ Буживалѣ вамъ пять минутъ ходьбы до Maison Halgan, находящейся позади церкви.

Я буду очень радъ видѣть васъ. А пока дружески жму вашу руку.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. Вчера вечеромъ я послалъ вамъ телеграмму.

VI.

Буживаль.
Maison Halgan (около церкви).
Суббота, 3 октября 1874.

Дорогой Зола,

Конечно я буду радъ видѣть Шарпантье, но вотъ что я вамъ предложу. Теперь мнѣ лучше, и я въ понедѣльникъ могу пріѣхать въ Парижъ. Не хотите ли вы сдѣлать такъ же, какъ мы условились въ прошлую среду, и придти съ Шарпантье въ кафэ Ришъ въ 11 часовъ?

Если моя противная подагра опять вмѣшается, я тотчасъ же телеграфирую вамъ, теперь я знаю вашъ адресъ.

До скораго свиданія во всякомъ случаѣ, шлю дружескій привѣтъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. Если вы не можете пріѣхать въ понедѣльникъ, то не пріѣдете ли въ среду? Если вы мнѣ ничего не напишете, то я буду считать, что вы пріѣдете въ понедѣльникъ.

VII.

50, улица Дуэ.
Вторникъ,
(февраль **1875**).

Мой дорогой другъ,

Благодарю васъ за присылку вашей статьи о Дюма *). Она меня еще больше поссоритъ съ нимъ, но мнѣ все равно. Мнѣ хотѣлось свести васъ (васъ и Флобера) за обѣдомъ съ Салтыковымъ **). Послѣднее наше свиданіе произвело на меня такое глубокое впечатлѣніе, что я не прочь провести пятницу въ томъ же самомъ мѣстѣ. Согласны ли вы? Напишите мнѣ словечко. Я поговорю объ этомъ съ Флоберомъ. Въ воскресенье я быть не могъ.

Дружески жму вашу руку

Весь вашъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. Рѣшено, что я даю обѣдъ.

---

*) Эта статья появилась въ *Вѣстникѣ Европы* (1875, мартъ) подъ заглавіемъ: *Новый Академикъ: по поводу пріема во французскую Академію Дюма-сына.*

**) Щедринымъ.

VIII.

50, улица Дуэ.
Четвергъ, 25 февраля 1875 г.

Мой дорогой другъ,

Вашъ пакетъ отправленъ въ *тотъ самый день*, въ какой я его получилъ, т. е. въ понедѣльникъ. Думаю, что онъ придетъ во-время. Подождемъ отвѣта.

У меня назначено на субботу музыкальное и литературное утро (русское, съ благотворительною цѣлью); хлопотъ такая бездна, что голова кружится.

Въ воскресенье я непремѣнно буду у Флобера. Вы тоже пріѣдете?

Весь вашъ

Ив. Тургеневъ.

IX.

50, улица Дуэ, Парижъ.
Суббота, 27 февраля 1875 г.

Дорогой другъ,

Рѣшено—въ понедѣльникъ *). Благодарю за вашу книгу **), которую я уже началъ читать. Посылаю вамъ мою небольшую вещичку, напечатанную въ *Temps* ***).

Шлю мой привѣтъ, до свиданія.

Ив. Тургеневъ.

---

*) Обѣдъ съ Флоберомъ, Додэ и Гонкуромъ.
**) *La Faute de l'abbe Mouret.*
***) Разсказъ подъ заглавіемъ: *Стукъ, стукъ, стукъ.*

X.

50, улица Дуэ.
Четвергъ, 13 мая 1875 г.

Дорогой Зола,

Напишите, пожалуйста, сегодня ($^{13}/_{1}$ мая) же Стасюлевичу, что вы посылаете ему фельетонъ отъ $^{8}/_{20}$. Впередъ онъ проситъ васъ писать ему отъ $^{1}/_{13}$ каждаго мѣсяца, и предупреждать его посылаете ли вы ему фельетонъ или нѣтъ? Послѣзавтра утромъ я навѣщу васъ, чтобы *передать вамъ деньги*... Завтра я буду очень занятъ.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

XI.

50, улица Дуэ.
Вторникъ, $^{25}/_{13}$ мая 1875 г.

Дорогой Зола,

Если вы хотите видѣть мой портретъ, приходите послѣзавтра, въ четвергъ, въ *полдень,* улица Фонтэнъ, 42, къ Харламову; я буду тамъ. Это послѣдній сеансъ. Портретъ почти оконченъ. Это дастъ мнѣ возможность видѣть васъ лишній разъ передъ моимъ отъѣздомъ въ Карлсбадъ, который назначенъ на *пятницу*.

До свиданья, крѣпко жму вашу руку.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

XII.

Буживаль. Les Frênes.
26 сентября 1875 г.

Мой дорогой другъ,

Ваше письмо отъ 8 числа я получилъ только 20! Почта съ нѣкоторыхъ поръ начала играть со мной такія штуки. Я пишу вамъ въ надеждѣ застать васъ еще въ С.-Обенѣ. Не сомнѣваюсь, что морской воздухъ принесетъ большое облегченіе вашей женѣ, и радъ, что вы работаете и оканчиваете книгу. Значитъ есть еще люди, которые много трудятся.

Бѣдный Флоберъ,—его нравственное состояніе плачевно: надо, какъ вы говорите, чтобы всѣ друзья его собрались вокругъ него этой зимой, конечно, *если онъ только пріѣдетъ въ Парижъ*, потому что это еще не рѣшено. Такъ жестоко судьба поразила человѣка, менѣе всего способнаго жить своимъ трудомъ.

Стасюлевичъ, котораго я видѣлъ нѣсколько разъ во время его короткаго пребыванія въ Парижѣ, тоже очень жалѣлъ, что не познакомился съ вами; онъ сговорился съ Шарпантье по поводу вашего новаго романа *). Кстати, вы ничего не имѣете противъ того, что вашу фамилію выставятъ цѣликомъ подъ статьями въ *Вѣстникѣ Европы?* Онъ поручилъ мнѣ спросить васъ объ этомъ. Послѣдняя (о братьяхъ Гонкурахъ) превосходна. Стасюлевичъ переведетъ ихъ романъ, и кажется уже занесъ руку на *Renée Mauperin*.

---

[1]) Вѣроятно *Son Excellence Eugène Rougon*, появившійся въ русскомъ переводѣ въ *Вѣстникѣ Европы* (за январь, февраль, мартъ и апрѣль 1876 г.).

Какъ?—бѣдный Гонкуръ тоже находится въ денежномъ затрудненіи!? Это глупо и несправедливо.

Я пробуду здѣсь еще съ мѣсяцъ или недѣль шесть, но я часто пріѣзжаю въ Парижъ, и надѣюсь еще не разъ пожать вашу руку.

Ив. Тургеневъ.

XIII.

Понедѣльникъ, 50, улица Дуэ.
(1 декабря 1875 г.).

Мой дорогой другъ,

Только-что получилъ письмо отъ Стасюлевича, въ которомъ онъ *умоляетъ* васъ прислать вашъ фельетонъ, въ *видѣ исключенія*, не позднѣе $^{5}/_{17}$ декабря, т. е. не позднѣе четырехъ дней: съ 23 декабря *стараго* стиля всѣ рабочіе въ типографіяхъ Петербурга пьяны (по случаю праздника Рождества) и на нихъ нельзя разсчитывать.

Въ то же время онъ пишетъ мнѣ, что онъ получилъ всю рукопись вашего романа *), послалъ *вторые* 400 фр. Шарпантье, а въ началѣ января пришлетъ третьи и послѣдніе.

До воскресенья. А пока добраго здоровья и успѣха въ работѣ.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

XIV.

Парижъ, 50, улица Дуэ.
Понедѣльникъ, 24 января 1876.

Дорогой Зола,

Только-что получилъ письмо отъ Стасюлевича, въ которомъ онъ высказываетъ свой лирическій энтузіазмъ по

*) Son Excellence Eugène Rougon.

поводу вашей статьи о бракѣ *). Она произвела огромный фуроръ въ Россіи. У меня, какъ видите, хорошее чутье, если я направилъ васъ въ эту сторону.

Я страдаю подагрой уже недѣли двѣ, почему нашъ сегодняшній обѣдъ пропадаетъ; она же мѣшаетъ мнѣ пойти посмотрѣть *Данишевыхъ*. Какъ только мнѣ станетъ легче, я возьму ложу, гдѣ бы я могъ протянуть ногу, тогда не будете ли вы такъ добры поѣхать со мной?

Вы здоровы, не правда ли?

Желаю вамъ успѣха и добраго здоровья!

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

XV.

50. улица Дуэ.
Суббота полдень,
(февраля 1876 г.).

Мой дорогой другъ,

Ну точно какъ нарочно: вчера я вышелъ въ первый разъ, а вы какъ разъ и пришли; но я надѣюсь увидѣть васъ завтра у Флобера. Мы побесѣдуемъ о *Данишевыхъ* и о другихъ вещахъ **).

Дружески жму вашу руку.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

---

*) *Бракъ во Франціи*, статья, появившаяся въ январѣ 1876 г. въ *Вѣстникѣ Европы*.

**) *Данишевы* были представлены въ первый разъ въ театрѣ Одеонъ 8-го января 1876 г.

XVI.

50, улица Дуэ.
Среда.
(мартъ или апрѣль 1876.)

Мой дорогой другъ,

На дняхъ вы получите (а можетъ-быть уже и получили) письмо отъ г. Баймакова, собственника *Петербурскихъ Вѣдомостей*, съ предложеніемъ участвовать въ его газетѣ, присылая ему свои фельетоны. *Ничего не рѣшайте и не отвѣчайте,* не переговоривъ предварительно со мной.

Можете ли вы зайти ко мнѣ завтра до двухъ часовъ. Заодно вы увидите мой портретъ, который отправляютъ послѣзавтра на выставку *).

Вашъ
Ив. Тургеневъ.

XVII.

50, улица Дуэ.
Пятница, 7 апрѣля 1876.

Мой дорогой другъ,

До сихъ поръ не отвѣчалъ вамъ потому, что ожидалъ получить или телеграмму или письмо, но не получилъ ничего. Вѣроятно условія, которыя принуждены были предложить для *Assommoir*, оказались не подходящими.

Тѣмъ болѣе я одобряю вашу мысль замѣнить ежемѣсячную работу въ *Вѣстникѣ Европы* извлеченіемъ изъ романа, сопровождаемымъ его краткимъ анализомъ, особенно если это

*) Рѣчь идетъ о портретѣ, написаннымъ извѣстнымъ русскимъ художникомъ Харламовымъ.

извлеченіе не взято изъ начала романа и имѣетъ видъ новинки. Думаю, что Стасюлевичъ съ удовольствіемъ приметъ ваше предложеніе, и потому не считаю нужнымъ предупреждать его заранѣе. Слѣдовательно, вы можете съ завтрашняго же дня приниматься за работу, такъ какъ, видно, придется отказаться отъ мысли выгодно помѣстить переводъ.

Если что-нибудь случится непредвидѣнное, я извѣщу васъ телеграммой.

Во всякомъ случаѣ до воскресенья.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. Гонкуръ пишетъ мнѣ, что Флоберъ заболѣлъ рожей; это не опасно, но скучно.

XVIII.

Гостиница Демутъ С.-Петербургъ.

Четвергъ $\frac{27 \text{ мая}}{8 \text{ іюня}}$ 1876.

Мой дорогой другъ,

Вотъ уже три дня какъ я здѣсь, и только сегодня сѣлъ отвѣчать вамъ. Къ несчастью мой отвѣтъ не хорошъ. Послѣ цѣлаго дня размышленій Суворинъ (издатель *Новаго Времени*) объявилъ мнѣ, что онъ не можетъ ни продолжать *Assommoir*, ни предложить вамъ какую-нибудь цѣну, потому что извлеченіе, которое вы написали въ послѣднемъ фельетонѣ *Вѣстника Европы*, лишило романъ свѣжести, новизны и интереса. Дѣйствительная ли эта причина, или у него есть другая, я не знаю,—но эти господа не даютъ денегъ.

Что касается *Дѣла*, то я введенъ былъ въ заблужденіе: этотъ журналъ — (онъ выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ) напечаталъ романъ въ сокращеніи—да и самое положеніе его такъ ненадежно, что и здѣсь мы ничего не сдѣлаемъ.

Итакъ Assommoir зарѣзанъ! Вы можете себѣ представить мое горе!

Стасюлевичъ, тотъ всегда доволенъ вашими фельетонами, и охотно ихъ печатаетъ, такъ что я думаю можно было бы повысить цѣну, но Салтыковъ, съ которымъ я видѣлся въ Баденѣ, пріѣзжаетъ только послѣзавтра, такъ что и здѣсь намъ дѣлать нечего. Я вамъ напишу тотчасъ же, какъ Салтыковъ переговоритъ съ своимъ издателемъ *).

Все это не веселыя новости, но я прошу не сердиться на меня за нихъ. Напишу вамъ передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, послѣ свиданія съ Салтыковымъ.

Я здоровъ, надѣюсь что нѣмецкій докторъ и васъ поставилъ на ноги. Кланяйтесь отъ меня Флоберу и друзьямъ. Дружески жму вамъ руку.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

XIX.

Москва,
Контора Удѣльнаго Вѣдомства.
Четвергъ, 15/3 іюня 1876.

Мой дорогой другъ,

Я пріѣхалъ сюда вчера, и завтра уѣзжаю въ деревню. (Если вы хотите писать мнѣ, то вотъ вамъ мой адресъ: Г. И. Т..., Россія, Орловской губ., городъ Мценскъ).

---

*) Издатель *Отечественныхъ Записокъ*—Краевскій.

Салтыковъ вернулся изъ Бадена въ Петербургъ наканунѣ моего отъѣзда. Я съ нимъ видѣлся раза два и говорилъ. Онъ намѣревался написать вамъ и предложить присылать имъ четыре фельетона въ годъ, — по 100 руб. (330 фр.) за печатный листъ. Такъ какъ вы пишете по два и по два съ половиной листа въ фельетонѣ, то это составляетъ 800 франковъ за фельетонъ и 3,200 фр. въ годъ. Я совѣтую вамъ принять это предложеніе, конечно *не упуская* Стасюлевича, т. е. продолжая посылать ему 12 писемъ въ годъ. Думаю, что это не составитъ вамъ большого труда, а Стасюлевичъ хорошій человѣкъ, котораго нужно держаться, особенно послѣ неудачи съ бѣднымъ *Assommoir*.

Салтыковъ сказалъ мнѣ, что вамъ дадутъ темы, на которыя вамъ слѣдуетъ писать, и что самое лучшее, если вы начнете съ октября.

Сообщите мнѣ результатъ моихъ предложеній.

Смерть m-me Зандъ очень опечалила меня; думаю, что она поразила не менѣе и Флобера; я ему тоже напишу.

Вы можете написать прекрасную статью на ея смерть *).

Дружески жму вашу руку.

Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

XX.

Спасское.
Орловской губ.
Городъ Мценскъ.

Понедѣльникъ $\frac{3 \text{ іюля}}{21 \text{ іюня}}$ 1876.

Мой дорогой другъ,

Только-что получилъ ваше письмо въ моемъ уединенномъ гнѣздѣ и спѣшу отвѣтить вамъ. Очень сожалѣю, что

*) Зола дѣйствительно написалъ статью на смерть Жоржъ Зандъ и объ ея произведеніяхъ въ *Вѣстникѣ Европы* за іюль 1876 г.

косвеннымъ образомъ причинилъ вамъ вредъ, рекомендовавъ нѣмецкаго врача: рѣшительно ничто нѣмецкое не идетъ на пользу французамъ. Радуюсь, что вамъ лучше, и не сомнѣваюсь, что морской воздухъ совсѣмъ возстановитъ васъ.

Что касается вашихъ корреспонденцій, то дѣло выяснилось теперь. Салтыковъ, поселившійся на лѣто въ окрестностяхъ Москвы, писалъ мнѣ вчера. Вы знаете условія: четыре фельетона въ годъ — въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, — 300 франковъ за печатный листъ, — въ 2 и 3 листа. Желательно, чтобы вы начали съ октября этого года. Вамъ предоставляется выборъ сюжета: о направленіи журнала я вамъ уже говорилъ.

Я вернусь въ Парижъ къ 28 или 30 іюля. Мы выберемъ день въ концѣ августа и устроимъ все. Салтыковъ вернется въ Петербургъ къ 15 сентября. Журналъ выйдетъ 1 октября стараго стиля, т. е. 13. Думаю, что времени вамъ будетъ достаточно, въ противномъ случаѣ перенесите на 1-ое января. Стасюлевича мы предупредимъ деликатнымъ образомъ.

Онъ тоже писалъ мнѣ. Онъ получилъ вашу статью о Жоржъ Зандъ, и остался ею очень доволенъ. Очень возможно, что впослѣдствіи я напишу нѣчто по поводу вашей статьи, такъ въ родѣ дружеской полемики. Мнѣ очень интересно прочесть вашу статью.

Я работаю здѣсь, какъ каторжникъ, ложусь въ 2 часа, а засыпаю въ три; встаю въ 9 и цѣлый день заваленъ дѣлами. Къ счастью подагра не посѣщаетъ меня до сихъ поръ. Г. Нитерсгаузеръ лѣчилъ меня удачнѣе, нежели васъ.

Мое письмо застанетъ васъ еще въ Парижѣ. Оставьте вашъ адресъ на морскихъ купаньяхъ въ улицѣ Дуэ; я на-

пишу вамъ тотчасъ же по моемъ возвращеніи.

До свиданья, дружески жму вашу руку

Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. Очень мало надеждъ получить 200 фр. за небольшую корреспонденцію. Я побывалъ уже въ двухъ или трехъ редакціяхъ, но безуспѣшно. Однако надежды совсѣмъ терять не надо.

P. S. S. Названіе вашего новаго журнала — *Отечественныя Записки.* Это длинно, но что дѣлать. Подъ такимъ названіемъ его купили въ царствованіе Николая I, когда запрещено было основывать новые журналы.

XXI.

Буживаль,
Les Frênes.
Понедѣльникъ, 7 августа 1876.

Мой дорогой другъ,

Бумажка, на которой я вамъ пишу, ужъ очень изящна и фантастична, но я нашелъ ее совершенно случайно.

Я вернулся сюда вчера, послѣ 8-дневной ѣзды изъ глубины Россіи. Здѣсь я нашелъ письмо отъ васъ, и два отъ Стасюлевича. Очень радъ, что все хорошо устроилось, вы поступили умно, что не упустили вѣрной добычи изъ-за призрачной; — впрочемъ я не то хотѣлъ сказать, потому что и другой журналъ не призракъ. Наконецъ отъ добра — добра не ищутъ, а усиленная работа могла бы надорвать ваши силы; и все-таки вы не остались въ убыткѣ. Будьте спокойны,

я все напишу Салтыкову, и въ такой формѣ, чтобы не поссорить васъ съ нимъ.

Мнѣ удалось окончить мой романъ въ деревнѣ и теперь я сажусь за переписку его *). Я не двинусь отсюда въ теченіе шести недѣль,—раньше я не успѣю—развѣ съѣзжу дня на два или на три въ Круассе къ Флоберу.

Желаю вамъ вполнѣ поправиться и окончить *Assommoir!* Пьеса для театра очень хороша и интересна, и то немногое, что я прочелъ изъ *Assommoir* (я читалъ его отрывками въ фельетонахъ), дало мнѣ о немъ великое понятіе.

До свиданія! Прошу увѣдомить меня, когда вы вернетесь въ Парижъ. Дружески жму вашу руку.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

XXII.

50, улица Дуэ.
Среда 1876.

Мой дорогой другъ,

Обращаюсь къ вамъ съ слѣдующей просьбой: можете ли вы прочесть небольшой отрывокъ изъ какого-нибудь вашего произведенія (отъ 8 до 10 минутъ) на музыкально-литературномъ утрѣ, которое мы устраиваемъ въ пользу недостаточныхъ русскихъ студентовъ въ Парижѣ, и которое состоится въ воскресенье (черезъ 10 дней) въ домѣ въ улицѣ Дуэ. Ваше имя, напечатанное на афишѣ, привлечетъ моихъ соотечественниковъ, какъ медъ мухъ. Я тоже прочту что-нибудь, m-me Віардо споетъ и т. п. Если это возможно,

*) *Новь.*

то отвѣтьте и укажите отрывокъ для того, чтобы можно было заранѣе помѣстить его въ программѣ. Если же невозможно, то, что дѣлать! мы покоримся, хотя и съ тяжелымъ сердцемъ.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. Все окончится къ 3 часамъ, прежде чѣмъ намъ отправиться къ Флоберу.

Тургеневъ устраивалъ музыкально-литературные утра и вечера въ пользу различныхъ обществъ. Вотъ на такое-то утро онъ и приглашалъ участвовать Зола. Несмотря на волненія и страхъ выступить публично, авторъ *Ругона-Макаровъ* согласился прочесть прелестный эпизодъ Міетты и Сильвера у „общаго колодца“ (*Fortune des Rougon*). Авторъ самъ писалъ мнѣ по этому поводу такъ: „...чтеніе на музыкально-литературномъ вечерѣ m-me Віардо было моимъ первымъ публичнымъ чтеніемъ и я передъ нимъ не спалъ три ночи“. Значитъ такъ велико было желаніе Зола сдѣлать пріятное своему другу, что онъ рѣшился даже побороть свой страхъ!

XXIII.

1876.

Мой дорогой другъ,

Флоберъ долженъ былъ передать вамъ вчера *программу*, (точно такъ же какъ и присылку Стасюлевича). И такъ до субботы 3 часовъ. Но если вы желаете, чтобы мы устроили небольшую репетицію, которая, по-моему, будетъ не лишней, то я могу придти къ вамъ завтра (вторникъ) къ 4 часамъ и прочесть все. Это не займетъ болѣе четверти часа.

Жду отвѣта.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

XXIV.

50, улица Дуэ.
Суббота, 13 января 1877.

Мой дорогой другъ,

Во вторникъ я не свободенъ. Всѣ остальные дни (исключая четверга) въ вашемъ распоряженіи.

Мнѣ прислали январскій номеръ *Вѣстника Европы*. Противъ обыкновенія ваша статья о Бальзакѣ содержитъ 40 страницъ; вашъ фельетонъ (о духовенствѣ), которымъ такъ восторгается Флоберъ, 33 страницы.

Жду отвѣта насчетъ обѣда и жму вашу руку.

Вашъ
Ив. Тургеневъ.

XXV.

50, улица Дуэ, Парижъ.
Среда, 21 марта 1877.

Мой дорогой другъ,

Только-что счелъ страницы вашего фельетона за мартъ мѣсяцъ, который я вчера получилъ. Ихъ въ немъ 21 (430 до 451). Я еще не имѣлъ времени прочесть его. (Онъ кажется написанъ на школьную жизнь *). Не могу сказать въ какомъ мѣстѣ есть выпуски, но я сегодня же серьезно напишу ему **).

Добрый Стасюлевичъ не особенно-то радуется теперь. Ему вырѣзали цѣлый романъ изъ мартовской книжки. Но это еще не причина.

---

*) Настоящее заглавіе этой статьи: *Школа и школьная жизнь во Франціи.*

**) Т. е. Стасюлевичу.

Быть-можетъ вы какъ-нибудь затронули классическое образованіе? При нынѣшнемъ министрѣ народнаго просвѣщенія объ этомъ говорить опасно. Ему удалось убѣдить государя, что только революціонеры осуждаютъ эту систему.

Вы знаете, что вы обѣдаете со мной и со всѣми нами *) въ будущій понедѣльникъ, 26 марта, въ $7^1/_2$ час., въ кафэ Ришъ.

Шлю дружескій привѣтъ

Ив. Тургеневъ.

XXVI.

50, улица Дуэ, Парижъ.
Четвергъ, 29 марта 1877.

Мой дорогой другъ,

Я получилъ отъ Стасюлевича письмо, въ которомъ онъ увѣряетъ, что *рѣшительно ничего* не выпустилъ изъ вашего послѣдняго фельетона, въ доказательство чего прислалъ его мнѣ, прося сравнить переводъ съ оригиналомъ. Сегодня я не могъ этого сдѣлать, потому что отдалъ книжку *Вѣстника Европы* одному господину, который вернетъ мнѣ ее только завтра; но не думаю, чтобы Стасюлевичъ захотѣлъ насъ обмануть, вѣдь его такъ легко провѣрить,—тѣмъ болѣе что онъ самъ даетъ къ тому средства,—поэтому вѣроятнѣе всего, что вы сами ошиблись, разсчитывая по подлиннику.

До свиданья. Въ воскресенье мы во всякомъ случаѣ увидимся у Флобера; я передамъ вамъ еще одну просьбу, съ которой ко мнѣ обращаются.

Шлю дружескій привѣтъ.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

*) Съ Флоберомъ, Гонкуромъ и Додэ.

XXVII.

Парижъ, 50, улица Дуэ.
Пятница, 18 мая 1877.

Дорогой Зола,

Я все еще вожусь съ противной подагрой, которая рѣшительно не хочетъ оставить меня. Тѣмъ не менѣе я надѣюсь имѣть возможность уѣхать въ половинѣ будущей недѣли.

Возвращаю вамъ ваши два рукописныхъ фельетона. Если можно будетъ, я завтра приду къ Флоберу, гдѣ увижу и васъ. Ну а теперь обращаюсь еще къ вамъ съ просьбой: можете ли вы прислать мнѣ вашу фотографическую карточку съ слѣдующей надписью, сдѣланной вашей рукой:

„Г-жѣ Самарской-Быховецъ.
Парижъ 1877. Э. Зола *).*

Эта дама живетъ въ Петербургѣ и обожаетъ васъ; вы сдѣлаете ее безгранично счастливой и притомъ благодарной мнѣ. Она прекрасная личность и вполнѣ заслуживаетъ эту маленькую жертву. Исполните ея желаніе, я буду за это вамъ очень признателенъ.

Шлю вамъ дружескій привѣтъ и, можетъ-быть, до свиданья.

Ив. Тургеневъ.

XXVIII.

С.-Петербургъ.
$^{21}/_{9}$ іюня 1877 г.

Мой дорогой другъ,

Вотъ уже двѣ недѣли, какъ я здѣсь, и имѣю видъ упавшаго въ большой котелъ, наполненный водой, въ которомъ

*) Текстъ надписи Тургеневъ пишетъ разумѣется по-французски.

варюсь вмѣстѣ съ другими. (Не понимайте эту фразу буквально, потому что, съ другой точки зрѣнія, здѣсь такой холодъ, что я жалѣю, что не захватилъ съ собой шубы).

Въ Россіи я пробуду еще мѣсяцъ, потомъ вернусь въ Буживаль, гдѣ запрусь до зимы.

Я не сдержалъ моего обѣщанія и не прислалъ вамъ *сюжета* передъ отъѣздомъ изъ Парижа; прошу простить меня. Но мнѣ кажется, что у васъ есть сюжетъ на іюль мѣсяцъ. (Здѣсь были чрезвычайно довольны вашей статьей о военныхъ; вы, какъ и прежде, самый популярный писатель). Что касается сюжета статьи на *августъ* мѣсяцъ, то мнѣ пришла блестящая идея. Если вы не думаете писать статьи о *закулисной сторонѣ парижской журналистики,* какъ я писалъ Флоберу,—не знаю, показывалъ ли онъ вамъ это мѣсто изъ моего письма,—то вы хорошо сдѣлали бы, если бы прислали намъ идиллическую статью о югѣ Франціи, гдѣ вы теперь находитесь, описаніе образа жизни и т. п. обитателей юга. Какъ контрастъ, это произведетъ огромный фуроръ, а я полагаю, что вы отлично справитесь съ задачей, и что она заинтересуетъ васъ самого. Подумайте-ка объ этомъ *)

Предполагая, что вы принялись уже за работу, я желаю вамъ здоровья, хорошаго расположенія духа и спокойствія души, насколько это возможно при современномъ состояніи Франціи.

Стасюлевичъ просилъ меня передать вамъ свой привѣтъ, я дружески жму вамъ руку и прошу засвидѣтельствовать

---

*) Зола дѣйствительно послѣдовалъ совѣту Тургенева и написалъ статью о французской прессѣ, появившуюся въ августѣ 1877 г. въ *Вѣстникѣ Европы*.

мое почтеніе m-me Зола. Я напишу вамъ какъ только вернусь во Францію.

Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. Думаю, что мнѣ удалось устроить дѣло вашего лондонскаго друга, хотя иначе, чѣмъ предполагалъ раньше.

XXIX.

Буживаль (Seine-et-Oise)
16, улица Mesmer
Среда, 11 іюля 1877.

Мой дорогой другъ,

Я получилъ ваше письмо въ день моего отъѣзда изъ Петербурга, и теперь, вернувшись сюда, спѣшу отвѣтить вамъ. Пріѣхалъ я сюда раньше, чѣмъ предполагалъ, благодаря новому (пятому въ этомъ году) припадку подагры. Мнѣ это страшно надоѣло, и вотъ я снова въ моемъ старомъ гнѣздѣ.

Очень радъ, что вы здоровы и работаете.

Стасюлевичъ уже выѣхалъ изъ Петербурга, когда пришло ваше письмо; но онъ долженъ быть въ Парижѣ около 15 августа и пробудетъ недѣлю. Мы увидимся и поговоримъ. Думаю, что онъ приметъ ваше предложеніе съ удовольствіемъ. О результатѣ нашихъ переговоровъ я сообщу вамъ тотчасъ же.

Вашъ лондонскій другъ не прислалъ *статьи на образецъ*. Однако я думаю, что устрою для него что-нибудь въ другомъ журналѣ, который скоро начнетъ издаваться въ Петербургѣ и у котораго величайшіе шансы на успѣхъ.

Я напишу Флоберу.

Кажется романъ Додэ начнется въ № 15 *Temps* *).

Я нашелъ здѣсь всѣхъ своихъ здоровыми и веселыми.

Дѣла на Востокѣ очень печалятъ меня.

Засвидѣтельствуйте мое почтеніе m-me Зандъ, вамъ дружески жму руку.

Ив. Тургеневъ.

XXX.

Буживаль (Seine-et-Oise)
Les Frênes.
Среда, 5 сентября 1877.

Мой дорогой другъ,

Мнѣ не хотѣлось писать вамъ прежде, чѣмъ я не увижусь съ Стасюлевичемъ; онъ долженъ былъ пріѣхать сюда въ началѣ августа, но пріѣхалъ только теперь. Я видѣлъ его и говорилъ съ нимъ о вашемъ романѣ **). Онъ съ удовольствіемъ напечатаетъ его, но *не раньше* 1878 года, вы же говорили мнѣ, что во Франціи его начнутъ печатать 20 ноября. Если число это измѣнить нельзя, то переводъ на русскій языкъ будетъ невозможенъ. Въ этомъ году у него столько расходовъ, что ему трудно будетъ дать еще вашъ романъ подписчикамъ 1877 года. Онъ выразилъ также опасеніе, чтобы вашъ новый романъ не походилъ на *Assommoir* (въ смыслѣ *цензуры*, *censura morum*). Я увѣрилъ его, что то, что вы теперь пишете, совсѣмъ въ другомъ духѣ. Подумайте о томъ, что я вамъ сказалъ, и отвѣчайте скорѣе. Боюсь, удастся ли намъ это дѣло?

Я пробуду здѣсь еще мѣсяцъ. Все это время я страшно страдалъ отъ противной подагры. (Надѣюсь, что вы и m-me

*) *Набабъ*.

**) Une page d'amour.

Зола, которой я почтительнѣйше кланяюсь, оба вполнѣ здоровы).

Я не видѣлъ никого, только разъ обѣдалъ съ Флобером, который чувствуетъ себя хорошо и теперь уѣхалъ въ Круассе.

Когда вы вернетесь въ Парижъ?

Дружески жму вашу руку и остаюсь преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

XXXI.

50, улица Дуэ, Парижъ.
Понедѣльникъ (конецъ ноября 1877).

Мой дорогой другъ,

Вотъ первый томъ вашихъ парижскихъ писемъ, напечатанныхъ Стасюлевичемъ. Онъ содержитъ ваши литературныя оцѣнки Бальзака, Флобера, Гонкура, Додэ, Мюссе, Тэна, Ремюза, Тьера, Ж. Занда, В. Гюго и Дюма сына. Второй томъ выйдетъ скоро.

Какъ только Стасюлевичъ выручитъ затраченныя имъ на изданіе деньги, то всю прибыль отъ продажи пришлетъ вамъ; на этотъ счетъ вы можете быть вполнѣ покойны, такъ какъ онъ вполнѣ честный и добросовѣстный человѣкъ. Изданіе вышло очень изящное; не такъ ли?

Я продолжаю читать *Набаба*. Все-таки въ этой книгѣ много таланта. Какъ-нибудь напишу словечко Додэ.

Я все еще лежу въ постелѣ, но мнѣ два дня какъ стало лучше.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. Эту книгу посылаетъ вамъ Стасюлевичъ.

XXXII.

50, улица Дуэ.
Четвергъ утромъ **1878**.

Мой дорогой другъ,

Я отправился было вчера къ вамъ, но мнѣ сказали, что вы еще не вернулись изъ деревни. Надѣюсь, что вы не долго будете жить тамъ, и что мы скоро возобновимъ наши свиданія. А пока вотъ что я вамъ скажу: въ вашемъ послѣднемъ фельетонѣ вы обѣщаетесь поговорить въ будущемъ о „*Княгинѣ Боровской*“. А между тѣмъ фельетонъ *Débats*, говоря о фіаско этой пьесы, прибавляетъ почти слѣдующее: „Надо полагать, что на будущее время будутъ осторожнѣе, и не станутъ заимствовать изъ русской драматической литературы“ и т. д. Это уже слишкомъ! Авторъ „К-ни Б.“ не имѣетъ имени въ Россіи, и онъ менѣе чѣмъ нуль. Его первая пьеса, *Данишевы*, прошла въ Россіи при громкомъ смѣхѣ и свисткахъ, —и ей-то суждено было представить русскій театръ во Франціи! Очень возможно, что нашъ театръ не можетъ удовлетворить французскую публику, но по причинамъ, которыя не имѣютъ ничего общаго съ причинами, по которымъ была освистана „К-ня Б.“; эта послѣдняя есть, по моему мнѣнію, не что иное, какъ плохая французская пьеса.

Вы знаете, что я всегда имѣлъ намѣреніе познакомить васъ съ нашимъ настоящимъ театромъ, и я это непремѣнно сдѣлаю, какъ только вы вернетесь въ Парижъ;—всѣ русскіе будутъ вамъ очень признательны, если вы пожелаете, въ слѣдующемъ же фельетонѣ, возстановить истину фактовъ. Право, даже досадно слышать, что на Крюковскаго (!!!) смотрятъ во Франціи какъ на представителя русскаго театра!

До свиданія и до скораго, не такъ ли?
Дружески жму вашу руку

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

XXXIII.

50, улица Дуэ.
Суббота, 11 января 1879.

Дорогой Зола,

Дѣло съ Ста...сю...ле...вичемъ *) улажено. Онъ пишетъ мнѣ, что телеграфировалъ Шарпантье и написалъ ему письмо, въ которомъ онъ ставитъ слѣдующія условія: 1) первая половина текста должна быть представлена къ 1-му декабря, а онъ пришлетъ 150 руб. (нужно выслать сейчасъ же все, что есть готоваго); 2) вы пріѣдете сюда не позднѣе $^{8}/_{20}$ февраля и вышлите Ст. остальную половину,—онъ же пришлетъ вамъ другіе 150 руб.

Я думаю, что все это очень хорошо. Что же касается денежныхъ дѣлъ и аккуратности Стас., то они не оставляютъ желать ничего лучшаго, и я за него ручаюсь.

Благодарю за вашъ отвѣтъ и разсчитываю на билетъ и, если возможно, на генеральную репетицію **) Вечера у меня свободны и подагра оставила на время меня въ покоѣ.

Шлю дружескій привѣтъ.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

---

*) Такъ написана фамилія въ подлинникѣ.
**) На *Assommoir*.

XXXIV.

Вторникъ утромъ.
14 января 1879.

Дорогой Зола,

Пишу вамъ въ постели, послѣ безсонной ночи, въ теченіе которой я раза два или три чуть было не задохнулся. У меня такой сильный насморкъ, о которомъ я никогда и не слыхивалъ. Очень сожалѣю, что случилось такое препятствіе, но я положительно не въ состояніи двигаться; это вынуждаетъ меня возвратить вамъ вашъ билетъ. Передайте его, пожалуйста,— если имѣете кому передать,—если же нѣтъ, то пришлите его мнѣ, я самъ передамъ его. У меня есть другъ, который будетъ апплодировать вамъ такъ же, какъ сдѣлалъ бы это я самъ.

Я такъ надѣялся на сегодняшній вечеръ, а вышло совсѣмъ досадно.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

XXXV.

Парижъ, 50, улица Дуэ.
Воскресенье утромъ.
19 января 1879.

Мой дорогой другъ,

Искренно поздравляю васъ съ огромнымъ вчерашнимъ успѣхомъ. Къ несчастью, я не видалъ его *своими глазами,* потому что вотъ уже дней шесть, какъ лежу въ постели, благодаря новому припадку подагры; я передалъ мой билетъ сыну m-me Віардо, одному изъ самыхъ большихъ вашихъ почитателей. Ручаюсь, что онъ усердно апплодировалъ. Мо-

жете ли вы достать мнѣ ложу на четыре лица (платную конечно) на слѣдующее представленіе As...? Если да, то я буду вамъ очень признателенъ.

Дружески жму вашу руку

Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

XXXVI.

50, улица Дуэ.
Суббота 1879.

Мой дорогой другъ,

Крайне непріятная вещь то, что вы сообщили мнѣ. Я постараюсь пойти къ Флоберу, но такъ какъ я уѣзжаю въ 7 ч. вечера, то попрошу васъ, для большей вѣрности, придти ко мнѣ къ $11^1/_2$. Посмотримъ, что можно сдѣлать *).

Итакъ до завтра.

Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

XXXVII.

50, улица Дуэ.
Понедѣльникъ 5 ч. 1879.

Мой дорогой другъ,

Только-что вернулся отъ Флобера и спѣшу сообщить вамъ, что ему лучше, насколько это возможно въ его положеніи. Онъ успокоился, философствуетъ и дней черезъ десять, можетъ-быть, встанетъ.

---

*) Рѣчь идетъ о денежномъ затрудненіи Флобера.

Я говорилъ съ нимъ *о важномъ* дѣлѣ: онъ очень признателенъ и тронутъ,—но хочетъ знать точную цифру жалованья. Я обѣщался телеграфировать ему отвѣтъ завтра. Вѣдь—8 т. франковъ (съ квартирой) не такъ ли? Если вы знаете что-нибудь вѣрное, напишите мнѣ сегодня вечеромъ; если нѣтъ, придется спросить у Шарпантье.

Шлю дружескій привѣтъ.

Ив. Тургеневъ.

XXXVIII.

Парижъ, 50, улица Дуэ.
Четвергъ утромъ 1879.

Мой дорогой другъ,

Сейчасъ получилъ письмо отъ Флобера, онъ *принимаетъ*, но хочетъ знать, можетъ ли онъ разсчитывать навѣрное. Я зайду къ вамъ часамъ къ двумъ (удобно ли вамъ?), и мы обстоятельно переговоримъ съ вами. Если вы предпочитаете другой часъ, сообщите. Я свободенъ до обѣда. Шлю дружескій привѣтъ.

Ив. Тургеневъ.

Дѣло идетъ о должности хранителя при библіотекѣ Мазарини. По этому поводу мы находимъ въ *Journal des Goncourt* слѣдующее, помѣченное 8 іюля 1879, мѣсто:

„Онъ (Флоберъ) говоритъ мнѣ, что дѣло его окончено. Онъ назначенъ хранителемъ библіотеки Мазарини, съ жалованьемъ 3,000 фр., которое черезъ нѣсколько мѣсяцевъ увеличится. Онъ прибавляетъ, что долго не рѣшался принимать эти деньги, но намѣренъ когда-нибудь вернуть ихъ правительству. Его братъ, человѣкъ богатый и находящійся при смерти, оставитъ ему 3,000 ливровъ ренты; все это вмѣстѣ: рента, мѣсто и литературный заработокъ поставитъ его на ноги.

Съ другой стороны Ковалевскій разсказываетъ, что друзья Флобера, узнали, что Гамбетта открыто высказался за кандидатуру автора *Madame Bovary* и просили Тургенева отправиться въ Руанъ и убѣдить Флобера принять предложеніе. Флоберъ согласился.

Однако, прибавляетъ Ковалевскій, по личнымъ расчетамъ это мѣсто хранителя обѣщано было друзьями Гамбетты г. Инару, если не ошибаюсь. Тургеневъ написалъ Гамбеттѣ, чтобы сообщить ему результатъ своихъ переговоровъ съ Флоберомъ, но не получилъ отвѣта. Онъ написалъ вторично—то же молчаніе. Тогда онъ рѣшилъ прибѣгнуть къ помощи m-me Аданъ, вечера которой Гамбетта посѣщалъ очень часто. Журналы разсказывали въ то время про ту нелюбезность, съ какою извѣстный трибунъ отнесся къ этой просьбѣ. Но, судя по словамъ Тургенева, все это происходило не такъ, какъ разсказывалъ *Фигаро*. Зная, что мѣсто уже обѣщано, Гамбетта, съ нескрываемымъ раздраженіемъ, отвѣтилъ m-me Аданъ: „Не настаивайте, прошу васъ, это невозможно!“ И когда хозяйка дома, какъ бы ища себѣ опору, вывела Тургенева, Гамбетта не всталъ съ своего стула по той простой причинѣ, что русскій писатель, подойдя къ нему съ той стороны, гдѣ у него былъ стеклянный глазъ, не былъ имъ замѣченъ“. (*Воспоминанія о Тургеневѣ* Максима Ковалевскаго. *Русскія Вѣдомости* 1883.).

XXXIX.

Парижъ, 50, улица Дуэ.
Понедѣльникъ *).

Мой дорогой другъ,

Идетъ въ понедѣльникъ! Попрежнему близъ Комической Оперѣ, не такъ ли?

Посылаю вамъ фунтъ *отличнаго чаю* и небольшую чайницу, чтобы всыпать его туда. Вы можете пить его отъ времени до времени, даже несмотря на запрещеніе доктора.

Это мой новогодній подарокъ, который прошу принять отъ меня.

Вашъ *Ив. Тургеневъ*.

---

*) Вѣроятно въ концѣ года, передъ смертью Флобера, вернувшись изъ Россіи, Тургеневъ послалъ Зола чай и чайницу, которая хранятся у Зола и до сихъ поръ. Благодаря этому обстоятельству можно установить дату. Въ этомъ же письмѣ рѣчь идетъ не о театрѣ Комической Оперы, но о ресторанѣ, находившемся на углу улицы Фаваръ, гдѣ въ это время собиралось *общество пятерыхъ*: Флоберъ, Гонкуръ, Зола, Додэ и Тургеневъ.

XL.

50, улица Дуэ.
Четвергъ, января 1880.

Мой дорогой другъ,

Я здѣсь на короткое время и не могу навѣстить васъ. Но я знаю, что вы видѣли вчера Стасюлевича и думаю, что вы остались довольны свиданіемъ. Флоберъ говорилъ мнѣ о генеральной репетиціи пьесы Додэ (назначенной на сегодня) *) и хотѣлъ взять меня съ собой, но до сихъ поръ я нигдѣ никого не видалъ, что заставляетъ меня думать, что она отложена. Надѣюсь, что вы тоже придете. Напишите мнѣ въ Буживаль, чтобы я могъ пріѣхать сюда (точно такъ же какъ и на первое представленіе). Во всякомъ случаѣ напишите мнѣ, что знаете, и до свиданья и, конечно, до скораго.

Вашъ *Ив. Тургеневъ.*

XLI.

Парижъ, 50, улица Дуэ.
Понедѣльникъ утромъ 26 января 1880.

Мой дорогой другъ,

Додэ еще не отвѣчалъ мнѣ, но Гонкуръ пишетъ мнѣ, что онъ принимаетъ приглашеніе. Только онъ боится, что не будетъ въ состояніи придти, потому что простуженъ. Такъ какъ мнѣ очень хочется видѣть его за моимъ прощальнымъ обѣдомъ, то я предполагаю отложить этотъ обѣдъ до *пятницы* (кануна моего отъѣзда). Обѣдъ состоится въ кафе

*) *Набабъ.*

Ришъ, въ 7 ч. Если вы не имѣете ничего противъ этого измѣненія, то я тотчасъ же телеграфирую Гонкуру и дамъ также знать Мопассану и Додэ. Жду отвѣтъ.

Жму вашу руку.

Вашъ *И. Тургеневъ.*

XLII.

Спасское (городъ Мценскъ).
Воскресенье $^{11}/_{23}$ мая 1880.

Дорогой другъ Зола,

Благодарю, что вы вспомнили обо мнѣ. Это было какъ дружеское пожатіе руки. Ударъ поразилъ меня самымъ грубымъ образомъ, здѣсь, дня три тому назадъ, въ то время, когда я читалъ *Голосъ* *). Мнѣ нѣтъ надобности говорить вамъ о моемъ горѣ: Флоберъ былъ человѣкомъ, котораго я любилъ болѣе всѣхъ на свѣтѣ. Отъ насъ ушелъ не только великій талантъ, но и избранное существо,—центръ, объединявшій насъ.

Я пріѣду въ Парижъ недѣли черезъ три самое позднее. Когда мы увидимся съ вами, мы поговоримъ о напечатаніи его романа **), который онъ не кончилъ, но который тѣмъ не менѣе *долженъ* появиться.

А пока дружески жму вашу руку и остаюсь

преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

---

*) Петербургская газета.
**) Bouvard et Pécuchet.

XLIII.

50, улица Дуэ, Парижъ.
Пятница, 28 ноября 1880.

Мой дорогой другъ,

Вчера я заходилъ къ вамъ, но узналъ, что вы еще въ деревнѣ, и вернетесь только черезъ мѣсяцъ. Это хорошій знакъ: вы работаете и дадите намъ за эту зиму какое-нибудь прекрасное произведеніе. Въ то же время я хотѣлъ просить васъ прислать мнѣ (какъ вице-президенту комитета Флобера) письменное заявленіе о желаніи вашемъ быть членомъ его. Я получилъ уже заявленія отъ остальныхъ. Пришлите мнѣ, если можно, сюда. Вы знаете, что этотъ комитетъ никогда не будетъ засѣдать: мы избрали исполнительный подкомитетъ (два вице-президента, два секретаря, Гонкуръ и Мейеръ изъ *Gaulois*, котораго мы хотѣли бы назначить кассиромъ), который приметъ всѣ необходимыя мѣры, и представитъ ихъ на одобреніе всѣхъ остальныхъ членовъ комитета. Исполнительный комитетъ соберется сегодня въ первый разъ у меня.

Засвидѣтельствуйте мое почтеніе m-me Зола. Жму дружески вашу руку и до свиданья, не такъ ли? какъ только вы вернетесь въ Парижъ.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

XLIV.

50, улица Дуэ, Парижъ.
Суббота утромъ 1880.

Мой дорогой другъ,

Скажу вамъ откровенно, что мнѣ просто противно входить въ сношенія съ ***. Я не знаю въ Парижѣ никого,

кто бы былъ въ состояніи выполнить это дѣло (развѣ попробовать попросить Дюранъ-Гревиля, мужа m-me Анри Гревиль, живущаго въ Батиньолѣ, 1, rue Турлакъ).

Въ Россіи—дѣло другое. Я знаю здѣсь одного, который сдѣлалъ бы это охотно, хорошо и скоро,—это нашъ общій другъ Петръ Боборыкинъ; онъ живетъ въ Москвѣ, на Срѣтенскомъ бульварѣ, Фроловская улица, д. Губонина. Пусть обратятся къ нему, но только посовѣтуйте ему не вдаваться въ излишнія подробности и не произносить моего имени.

Шлю дружескій привѣтъ.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

XLV.

Среда утромъ.
50, улица Дуэ.
Января **1881**.

Мой дорогой Зола,

Только-что узналъ изъ газетъ, что ваша пьеса *) назначена на пятницу, 30-го, т. е. послѣзавтра.

Всѣ эти дни я сидѣлъ дома по случаю страшнаго насморка, но надѣюсь послѣзавтра выйти. Вы оставили мнѣ билетъ, не правда ли? Нужно ли мнѣ посылать за нимъ? Все-таки я жду отвѣта относительно репетиціи.

Стасюлевичъ долженъ былъ телеграфировать Шарпантье, сдѣлалъ ли онъ это?

До свиданья, до послѣзавтра. Во всякомъ случаѣ

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

---

*) *Нана.*

XLVI.

Понедѣльникъ вечеромъ.
Января 1881.

Мой дорогой другъ,

Я почти выздоровѣлъ, но я былъ боленъ и чуть было не пропустилъ перваго представленія *Нана*. Очень благодаренъ вамъ за память обо мнѣ. Вы можете отдать книгу подателю сего письма.

Шлю дружескій привѣтъ.

Ив. Тургеневъ.

XLVII.

50, улица Дуэ.
$^{14}/_{1}$ мая 1881.

Вы очень любезны, дорогой другъ, что освѣдомляетесь о моемъ здоровьѣ. Я былъ сильно боленъ; но теперь мнѣ немного лучше, хотя я не встаю еще съ постели. Докторъ увѣряетъ, что я могу на будущей недѣлѣ перейти въ кресло, что доставитъ мнѣ большое удовольствіе. Дружески жму вашу руку.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. Надѣюсь, что вамъ недурно живется въ Меданѣ?

XLVIII.

Парижъ, 50, улица Дуэ.
Четвергъ, 22 декабря 1881.

Мой дорогой другъ,

Долго еще разсчитываете вы пробыть въ Меданѣ, и не думаете ли вы вернуться на этихъ дняхъ въ Парижъ? Я

былъ бы очень радъ васъ видѣть; вмѣстѣ съ тѣмъ мой другъ, художникъ Верещагинъ, о которомъ я, кажется, много вамъ разсказывалъ, желалъ бы показать вамъ нѣкоторыя изъ своихъ новыхъ картинъ; онѣ выставлены въ настоящее время въ редакціи *Gaulois*.

Напишите мнѣ, если вы въ самомъ дѣлѣ думаете пріѣхать въ Парижъ, и назначьте мнѣ часъ и день, когда бы я могъ зайти за вами, чтобы позавтракать вмѣстѣ и потомъ пойти осматривать картины.

Дружески жму вашу руку. Засвидѣтельствуйте мое почтеніе m-me Зола.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

XLIX.

Буживаль (Seine-et-Oise),
Les Frênes.
4 ноября **1882**.

Мой дорогой другъ,

Это письмо передастъ вамъ другъ мой П., чтобы постараться окончательно уладить дѣло. Московскій издатель согласенъ только на *3 тысячи* франковъ, которые можетъ уплатить при самой передачѣ рукописи. Мнѣ кажется, что вы можете согласиться; но вотъ затрудненіе, о которомъ я только что узналъ: вы не можете представить всей рукописи теперь (что необходимо для заказа иллюстрацій). Вы предполагаете представить все въ три раза до марта мѣсяца. Но это нѣсколько затрудняетъ московскаго издателя: онъ могъ бы выпустить переводъ въ одно время съ оригиналомъ, но тогда явится конкуренція со стороны тѣхъ, кто пожелаетъ переводить съ печатнаго.

Хорошо, если бы вы могли прислать третью часть рукописи мѣсяцемъ раньше. А въ какія числа пришлете вы ваши части? Первую, напримѣръ, 15-го ноября, а двѣ остальныя? Объясните все это П.; онъ тотчасъ же телеграфируетъ въ Москву. Если вы не уладите дѣла, то вотъ что можно сдѣлать: сообщите всѣ три части рукописи П., одну за другой, чтобы онъ сдѣлалъ не переводъ, но подробное резюме (какъ это у насъ дѣлается съ романами Диккенса и другими), которое появится въ трехъ первыхъ номерахъ (январѣ, февралѣ, мартѣ) *Вѣстника Европы*. Конечно, это не опередитъ оригиналъ, но зато принесетъ вамъ меньше дохода. Впрочемъ возможно, что московскій издатель согласится еще получать рукопись частями. Скажите только точныя числа П.

Шлю дружескій привѣтъ.

Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

P. S.—Если рукопись будетъ прислана въ три раза, то вы не можете просить болѣе 3,000 фр. Только требуйте, чтобы все было заплачено впередъ при полученіи первой части.

L.

Парижъ, 50, улица Дуэ.
1 декабря **1882**.

Мой дорогой другъ,

Вотъ уже нѣсколько разъ мнѣ писали изъ Москвы, что пришлютъ мнѣ деньги за вашъ романъ, а вмѣсто того я ничего не получаю. Вѣроятно есть препятствія со стороны

цензуры. Тѣмъ не менѣе у меня есть причина думать, что деньги не замедлятъ придти скоро. Съ другой стороны переводчики захотятъ имѣть начало рукописи, чтобы приняться за переводъ. Поэтому вотъ что я вамъ посовѣтую: передайте П., когда онъ придетъ къ вамъ, первыя главы. Если къ тому времени деньги не придутъ, то рукопись и переводъ будутъ вамъ возвращены: *за это я вамъ отвѣчаю;* если же деньги получатся, ну, что жъ! работа ваша успѣетъ значительно подвинуться. Будьте спокойны, я не оставлю васъ. Телеграфируйте мнѣ: „да или нѣтъ“—и я тотчасъ же сообщу П.

Вы еще долго пробудете въ Меданѣ? Я здѣсь уже съ недѣлю.

Шлю дружескій привѣтъ и остаюсь

преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

LI.

Парижъ, 50, улица Дуэ.
Воскресенье, 10 декабря 1882.

Мой дорогой другъ,

Я получилъ вашу записку. П. сообщилъ мнѣ, что послалъ вамъ слѣдуемые вамъ 1,500 франковъ, переведенные изъ Москвы. Вѣрно ли это? Отвѣтьте мнѣ.

Шлю дружескій привѣтъ

Ив. Тургеневъ.

Письма И. С. Тургенева.

къ Гюи-де-Мопассану, Сентъ-Бёву, Теофилю Готье, Шарлю Эдмонду, Ипполиту Тэну, Эрнесту Ренану, Амбруазу Тома, Жюлю Кларси, Андре Терьё, Филиппу Бюрти, Жозефу Рейнаку.

(1868—1882).

Два предисловія г. Гальперинъ-Каминскаго.

I.

Тургеневъ познакомился съ Гюи-де-Мопассаномъ черезъ Флобера.

„Я увидѣлъ Тургенева въ первый разъ у Густава Флобера", говоритъ Мопассанъ въ статьѣ, написанной имъ по поводу смерти русскаго писателя. — „Отворилась дверь. Вошелъ великанъ. Великанъ съ серебряной головой—какъ изъ волшебной сказки".

Эта первая встрѣча относится вѣроятно къ 1876 г., когда Мопассанъ еще не выступалъ на литературное поприще, по крайней мѣрѣ подъ своимъ именемъ. Дѣйствительно, извѣстный разсказъ *Boule de Juif*, создавшій Мопассану репутацію, и первый сборникъ „*Стихотвореній*" появились только въ 1880 г. Но уже въ письмѣ отъ 24 января 1877 г. (къ Густаву Флоберу, см. выше) Тургеневъ говоритъ о Мопассанѣ, какъ объ одномъ изъ своихъ близкихъ людей.

Несомнѣнно, что Мопассанъ съ первыхъ же дней знакомства возымѣлъ живѣйшую дружбу къ Тургеневу, какъ къ *человѣку*, и великое уваженіе къ писателю. Не забудемъ, что Тургеневъ былъ собратъ по литературѣ и безусловно довѣренный другъ Флобера, вліяніе котораго на автора *Boule de Juif* общеизвѣстно. Онъ такъ же внимательно прислушивался къ мнѣніямъ и совѣтамъ русскаго писателя, какъ и своего французскаго учителя. Въ упомянутой выше статьѣ

Мопассанъ какъ бы признаетъ Тургенева однимъ изъ провозвѣстниковъ современнаго реализма:

Несмотря на возрастъ и почти на закатѣ поприща — у него на литературу были взгляды самые современные и передовые; онъ отбрасывалъ всѣ устарѣвшія формы романовъ съ „завязками и развязками“, съ хитроумными драматическими комбинаціями, требуя, чтобы писали „жизнь“,—только жизнь,—„ломти жизни“,—безъ интригъ и невѣроятныхъ приключеній.

Въ свою очередь и Тургеневъ платилъ Мопассану искренней привязанностью, и рано угадалъ въ немъ того несравненнаго художника, которымъ онъ впослѣдствіи сдѣлался. Гр. Л. Н. Толстой, въ своей статьѣ о Мопассанѣ, такъ, излагаетъ свое первое знакомство съ его произведеніями.

Разъ Тургеневъ, гостя у меня, кажется въ 1881 году, взялъ въ своемъ чемоданѣ маленькую французскую книжку подъ заглавіемъ *La maison Tellier* и передалъ ее мнѣ.

— Прочтите это при случаѣ,—сказалъ онъ тѣмъ же наружно равнодушнымъ тономъ, съ которымъ годъ передъ тѣмъ передалъ мнѣ номеръ *Русскаго Богатства* съ помѣщеннымъ въ немъ разсказомъ Гаршина, тогда только-что выступавшаго въ литературѣ.

Очевидно—какъ и относительно Гаршина, онъ остерегался такъ или иначе повліять на меня, и желалъ имѣть мое совершенно самостоятельное мнѣніе.

— Это молодой французскій писатель, — сказалъ онъ.—Посмотрите: это не дурно; онъ васъ знаетъ и высоко цѣнитъ,—прибавилъ онъ, какъ бы желая расположить меня въ его пользу. — Какъ человѣкъ, онъ мнѣ напоминаетъ Дружинина: прекрасный сынъ, отличный другъ,—человѣкъ вполнѣ корректный въ отношеніяхъ, и сверхъ того онъ много живетъ среди рабочихъ, помогаетъ имъ и учитъ ихъ.

Дружба съ Мопассаномъ не измѣнилась до самой смерти Тургенева, и изъ всѣхъ статей, ею вызванныхъ, наиболѣе горячимъ и восторженнымъ былъ отзывъ Мопассана.

Переписка ихъ должна была быть довольно обширною, но я могъ отыскать только помѣщаемыя ниже шесть писемъ.

Я обязанъ ихъ полученіемъ г. Ф. Лаварейлю, администрирующему наслѣдство Мопассана, и любезно испросившему у его матери разрѣшеніе ихъ напечатать.

II.

Мы группируемъ здѣсь также тѣ изъ собранныхъ нами писемъ, которыя Тургеневъ писалъ другимъ участникамъ обѣдовъ Маньи.

Первое, по времени, письмо адресовано Сентъ-Бёву. По всей вѣроятности оно было единственнымъ, по крайней мѣрѣ другого мы не нашли. Къ тому же оно написано за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Сентъ-Бёва, и намъ извѣстно, что въ этомъ же году, т. е. 1868, отношенія между французскимъ критикомъ и русскимъ романистомъ приняли болѣе дружественный характеръ.

Изъ писемъ къ Теофилю Готье тоже нашлось только одно. Его содержаніе показываетъ намъ, что другихъ писемъ не существовало: Тургеневъ уѣзжаетъ надолго въ Россію и выражаетъ надежду увидѣть Теофиля Готье въ слѣдующемъ году,—но этотъ слѣдующій годъ не наступилъ для послѣдняго, такъ какъ онъ умеръ въ томъ же 1872 году.

Въ сущности отношенія между Тургеневымъ и Сентъ-Бёвомъ и Теофилемъ Готье никогда не были постоянными, такъ что продолжительное отсутствіе Тургенева не могло прервать ихъ переписки.

И только благодаря любезности извѣстнаго библіофила, виконта де-Шпёльбергъ де-Лованжуль, мы имѣемъ возможность представить нашимъ читателямъ эти два интересныя письма.

Письма къ Шарлю Эдмонду принадлежатъ по времени отъ 1872 до 1880 гг.; но они составляютъ незначительную часть писемъ, написанныхъ Тургеневымъ къ Шарлю Эдмонду, съ которымъ онъ познакомился еще въ 1843 г. на курсахъ философіи Шеллинга въ Берлинѣ; отношенія же ихъ сдѣла-

лись болѣе интимными только по пріѣздѣ Тургенева въ Парижъ въ 1847 г. Изъ всей переписки сохранились только три письма, которыя мы и предлагаемъ теперь читателямъ; и этимъ мы обязаны любезному сообщенію г. Жюля Кларси.

Затѣмъ слѣдуетъ шесть записокъ, адресованныхъ Тэну, и четыре письма Ренану, которыя были сообщены намъ семьями этихъ двухъ знаменитыхъ писателей.

Значеніе этой группы писемъ, конечно, не столько важно по своему личному интересу, сколько по тому, что они опредѣляютъ степень отношеній между русскимъ писателемъ и великими представителями французской литературы. Вотъ единственная цѣль, какую я имѣлъ, печатая эти письма, и я надѣюсь, что они составятъ интересную главу исторіи интеллектуальныхъ отношеній между Франціей и Россіей.

Гальперинъ-Каминскій.

Письма къ Гюи-де-Мопассану.

I.

Буживаль. Frênes.
Понедѣльникъ, 15 ноября **1880.**

Мой дорогой другъ,

Я хочу поговорить съ вами объ одномъ очень щекотливомъ дѣлѣ, которое вы, конечно, поймете. Видите ли, по нѣкоторымъ соображеніямъ мнѣ не хотѣлось бы, чтобы вы писали статью обо мнѣ. Вы напишете ее конечно превосходно, съ тактомъ и осторожностью, но я боюсь, какъ бы не сочли ее—простите за выраженіе—за дружескую рекламу. Серьезно,—я не имѣю столько читателей во Франціи, чтобы ощущалась потребность въ спеціальной статьѣ. Во всякомъ случаѣ, если вы настаиваете на томъ, чтобы напечатать въ *Gaulois* серію статей о великихъ иностранныхъ писателяхъ,—эту мысль я очень одобряю и для нея вполнѣ отдаю себя въ ваше распоряженіе, когда вамъ понадобятся какія-нибудь свѣдѣнія,—то прошу васъ пропустить меня.

Начните, напр., въ Россіи съ Пушкина или Гоголя; въ Англіи съ Диккенса, въ Германіи съ Гёте, котораго Барбей д'Орвильи самымъ глупымъ образомъ втопталъ въ грязь, а потомъ переходите къ *dii minorum gentium* *). Надѣюсь, что

*) Буквально—къ „богамъ меньшихъ племенъ".

вы не перетолкуете въ дурную сторону моихъ словъ и поймете истинную причину моей просьбы.

До скораго свиданія. Вѣрьте въ искренность моей къ вамъ дружбы.

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ*.

Гюи де Мопассанъ не исполнилъ своего намѣренія написать серію статей о главныхъ представителяхъ иностранныхъ литературъ. Я склоненъ думать, что то былъ только предлогъ получить отъ Тургенева согласіе написать статью о немъ и о его произведеніяхъ. Отказъ, только-что прочитанный нами въ письмѣ, заставилъ Мопассана бросить свое намѣреніе, и именно на это-то отвращеніе своего друга ко всякаго рода „рекламѣ“ онъ и намекаетъ въ слѣдующихъ строкахъ своей статьи:

„Доводя свою скромность почти до уничиженія, онъ не хотѣлъ, чтобы о немъ говорили въ газетахъ; и сколько разъ статьи, полныя восторговъ и похвалы, оскорбляли его, болѣе нежели порицаніе, потому что онъ не допускалъ, чтобы писали что-нибудь другое, кромѣ чисто литературныхъ произведеній. Даже критика художественныхъ произведеній казалась ему пустой болтовней, а когда какой-нибудь журналистъ давалъ по поводу его послѣдней книги подробное описаніе его самого и его жизни, онъ приходилъ въ сильное негодованіе, смѣшенное съ чувствомъ стыдливости писателя, скромность котораго походила на цѣломудріе“.

Итакъ Мопассанъ могъ написать свою статью только послѣ смерти Тургенева. „Теперь, когда не стало этого великаго человѣка, скажемъ въ нѣсколькихъ словахъ, чѣмъ онъ былъ“,—читаемъ мы.—Въ послѣднемъ письмѣ Мопассана къ издателю Оллендорфу, говорится о литературныхъ статьяхъ,—которыя онъ желалъ бы издать отдѣльной книгой,—о Флоберѣ, Зола, Буйэ, кажется, а изъ иностранныхъ писателей, только о Тургеневѣ и Стивенсонѣ.

II.

50, улица Дуэ.
Вторникъ, 21 декабря 1880.

Дорогой другъ,

Я не могъ найти адреса Гередіа; будьте такъ любезны сообщите ему, что мы собираемся въ улицѣ Дуэ, 50, въ пятницу, 4 часа. Остальнымъ *) я уже написалъ.

Дружески жму вашу руку *Ив. Тургеневъ*.

---

*) Вѣроятно это—одно изъ собраній комитета постановки памятника Флоберу, президентомъ котораго былъ В. Гюго, а вице-президентомъ—Тургеневъ.

III.

50, улица Дуэ, Парижъ.
Понедѣльникъ утромъ **1881**.

Мой дорогой другъ,

Мнѣ очень жаль, что вы нездоровы. Что касается меня, я тоже не выхожу изъ комнаты, благодаря припадку подагры, и долженъ былъ сообщить вчера m-me Аданъ, что не могу присутствовать на банкетѣ. Я напишу ей еще сегодня, чтобы объяснить ей ваше вчерашнее отсутствіе, и испросить приглашеніе для Поля Делеажъ. Я съ большимъ удовольствіемъ прочелъ вашу новую повѣсть въ *Nouvelle Revue,* и наши друзья въ улицѣ Дуэ (которые очень требовательны) вполнѣ раздѣляютъ мое мнѣніе *).

Я не писалъ еще г. Р..., не желая напрасно тратить время, но какъ только я буду въ состояніи выходить и увижу ту даму, о которой я вамъ говорилъ, я напишу ему; моя болѣзнь пришла очень некстати... Но что дѣлать, нужно имѣть терпѣніе!

Шлю дружескій привѣтъ

Ив. Тургеневъ.

IV.

50, улица Дуэ, Парижъ.
Воскресенье утромъ.

Мой дорогой другъ,

Все идетъ хорошо и я доволенъ.

Англійскіе матросы поютъ: „Rule Britannia, Britannia rules the waves“. Можно ограничиться первыми двумя словами.

*) *En Famille*, повѣсть, напечатанная въ *Nouvelle Revue* 15 февраля 1881.

Какъ только получу отвѣтъ изъ Петербурга, такъ сообщу вамъ.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

V.

50, улица Дуэ, Парижъ.
Воскресенье, 8 апрѣля 1881.

Мой дорогой другъ,

Я уѣзжаю сегодня вечеромъ и мы не увидимся раньше моего возвращенія, т. е. августа мѣсяца. А пока вотъ что я сдѣлалъ. Я видѣлся съ Дюи-Канъ и просилъ его прислать 500 фр. Л... въ Руанъ. Если вы не нашли рукописи, то пойдите отъ моего имени къ m-lle G... доктору медицины въ Парижѣ, она ее переводила. Разскажите ей ваши обстоятельства, и уговоритесь съ ней передѣлать этотъ переводъ, который вы будете такъ любезны передать Yung'у для *Revue politique et littéraire*. Вы передадите также m-elle G... прилагаемую мною карточку. Это очень умная особа, она можетъ васъ вылѣчить отъ многихъ болѣзней, если онѣ когда-нибудь васъ постигнутъ, и приметъ васъ крайне любезно...

Возвращаю вамъ вашу драму *).

*) Вѣроятно рѣчь идетъ о той „исторической драмѣ", о которой упоминается и въ письмѣ Флобера къ Мопассану. Въ другомъ мѣстѣ Флоберъ, рекомендуя этого послѣдняго m-me Жюльеттѣ Аданъ, говоритъ: „Этотъ молодой человѣкъ ставилъ прошлой зимой (письмо помѣчено 1879) небольшой актъ у Балланда, имѣвшій несомнѣнный успѣхъ: *Histoire du Vieux temps*" (См. Густавъ Флоберъ, *Переписка* стр. 248 и 342) Эта пьеса была впослѣдствіи напечатана. Какъ бы то ни было, но въ бумагахъ Гюи-де-Мопассана не нашли никакого драматическаго произведенія, относящагося къ той эпохѣ. Тѣмъ менѣе можетъ идти рѣчь о *Musotte*, написанной въ сотрудничествѣ съ Жакомъ Норманомъ, за шесть мѣсяцевъ до ея представленія (1891) или *Paix du Ménage*, тоже произведеніи недавняго времени.

А теперь желаю вамъ здоровья, счастья и успѣха въ работѣ!

Вашъ другъ

Ив. Тургеневъ.

VI.

Буживаль, Frênes Chalêt,
Понедѣльникъ, 26 сентября
1881.

Мой дорогой другъ,

Вотъ уже скоро двѣ недѣли, какъ я вернулся. Былъ у васъ, но мнѣ сказали, что вы въ Африкѣ и что вамъ надо писать въ Алжиръ до востребованія, что я и дѣлаю. Скоро ли вы вернетесь въ Парижъ, и что вы подѣлываете? Напишите мнѣ слова два объ этомъ.

Ваше имя гремитъ въ Россіи; перевели все, что было переводимаго, и я привезъ съ собой огромную статью о васъ (напечатанную въ *Голосѣ*) очень хорошую и очень теплую.

Я пробуду здѣсь до конца ноября. До сихъ поръ никого еще не видалъ.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

Къ Сентъ-Бёву.

Парижъ. Вторникъ, 24 ноября **1868**.
Hotel Вугоп, улица Лафайетъ.

Monsieur!

Письма, полученныя мною изъ Бадена, заставляютъ меня выѣхать сегодня же вечеромъ, и лишаютъ удовольствія обѣдать съ вами. Мнѣ нѣтъ надобности говорить вамъ, на-

сколько это меня огорчаетъ: такой случай не скоро повторится.

Нѣсколько дней тому назадъ я позволилъ себѣ предложить вамъ нѣкоторыя изъ моихъ сочиненій; но я не помню были ли посылаемыя мною теперь книги въ числѣ ихъ *). Вы видите, я рискую даже показаться навязчивымъ, чтобы только имѣть честь быть прочитаннымъ вами.

Примите увѣреніе въ моемъ глубокомъ къ вамъ уваженіи.

Искренно преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. Позвольте сообщить вамъ мой адресъ въ теченіе этой зимы: Карлсруэ, великое герцогство Баденское, до востребованія.

Къ Теофилю Готье.

Парижъ. Суббота, 19 мая **1872**.
48, улица Дуэ.

Cher monsieur Готье!

Собираясь въ продолжительный отъѣздъ въ Россію, я ощущаю потребность сказать вамъ насколько я жалѣю, что мы ни разу не встрѣтились съ вами послѣ пріятнаго обѣда, устроеннаго въ домѣ нашего друга Флобера; надѣюсь имѣть больше успѣха въ будущемъ году.

А теперь позвольте сообщить вамъ еще вотъ что. Въ первое же мое посѣщеніе Салона мнѣ очень понравилась картина Бланшара (№ 149, очень неудачно озаглавленная:

*) Одна изъ книгъ вѣроятно была *Дымъ*, французскій переводъ котораго вышелъ въ 1868 г.

Куртизанка). Я пріобрѣлъ ее, и нахожу, что эта самая прекрасная женская фигура во всемъ Салонѣ. Но мнѣ кажется, я одинъ держусь этого мнѣнія. Никто не отзывается о ней съ похвалой. Дамы называютъ ее даже уродливой. Признаюсь, это немного смущаетъ меня. Не подумайте, что я хочу просить васъ рекламировать ее, нѣтъ, я просто интересуюсь знать ваше мнѣніе, потому что знаю, что вы при всей вашей снисходительности, такой же серьезный критикъ, какъ и серьезный писатель. Если вы ничего не скажете, я сумѣю понять это. Все-таки я люблю мою бѣдную, отверженную картину, и буду любить ее вопреки всему. Но ваше одобреніе поможетъ поправить дѣло.

Прошу извинить меня за то, что утруждаю васъ, но льщу себя надеждой, что вы знаете меня достаточно для того, чтобы быть увѣреннымъ, что если вы оставите безъ вниманія и мое письмо, и мою просьбу, то это не уменьшитъ моей искренней къ вамъ симпатіи.

Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

Къ Шарлю Эдмонду.

I.

48, улица Дуэ.
Пятница, 22 ноября **1872**.

Милостивый государь!

Я погружаюсь прямо въ medias res *) и спрашиваю васъ, знаете ли вы Нубара-Пашу и правда ли, что онъ ищетъ къ себѣ наставницу, въ отъѣздъ въ Египетъ. Если правда, я могу рекомендовать вамъ мою соотечественницу, молодую, хо-

*) Въ „суть дѣла“.

рошо воспитанную, изъ хорошей семьи и говорящую на трехъ языкахъ.

Я бы самъ пріѣхалъ къ вамъ, если бы не противный припадокъ подагры, который держитъ меня уже нѣсколько мѣсяцевъ и не позволяетъ выходить изъ комнаты.

Надѣюсь, что вы здоровы и у васъ нѣтъ подагры, самой несносной и самой неинтересной изъ всѣхъ болѣзней. А пока дружески жму ваши руки и прошу вѣрить въ мою къ вамъ преданность.

Ив. Тургеневъ.

II.

48, улица Дуэ.
Суббота, 30 ноября 1872.

Дорогой m-r Шарль Эдмондъ!

Гетцель намѣревается издавать мои вещи и требуетъ тотъ небольшой разсказъ, который, вы знаете, печатался въ *Temps*. У меня его нѣтъ, я писалъ Гебрару, прося его прислать мнѣ, но у него и безъ того много дѣла въ настоящее время, такъ что я ничего не получилъ. Не будете ли вы настолько любезны и не придете ли вы мнѣ на помощь? Если нужно, то я отдамъ переписать эти три фельетона, но все-таки нужно же имѣть печатный подлинникъ. (Онъ выходилъ въ началѣ этого года *).

*) Невозможно сказать о какомъ разсказѣ идетъ рѣчь. Ни одно произведеніе Тургенева не выходило въ *Temps* ни за 1871, ни за 1872 г. Быть-можетъ письмо помѣчено ошибочнымъ числомъ, или же вкралось маленькое недоразумѣніе и дѣло идетъ о разсказѣ Тургенева *Степной король Лиръ*, напечатанномъ въ *Revue des Deux Mondes* 15 марта 1872 г. Наконецъ, если письмо относится къ ноябрю 1874 г., что очень вѣроятно, то рѣчь идетъ о *Живыхъ мощахъ*, напечатанныхъ въ *Temps* 8 апрѣля 1874 г.

Прошу извинить меня за то, что утруждаю васъ, но съ вашей стороны будетъ очень мило, если вы окажете мнѣ эту маленькую услугу.

А пока дружески жму вашу руку.

Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

III.

50, улица Дуэ.
Четвергъ, 15 января, 1880.

Я пишу вамъ, такъ какъ вижу, что трудно мнѣ получить отвѣтъ отъ Гебрара.

Вотъ въ чемъ дѣло: вы, можетъ-быть, помните русскую повѣсть (озаглавленную, если не ошибаюсь, *Воспоминанія Няни*) переданную редактору *Temps*, черезъ третье лице, мѣсяца три тому назадъ. Авторъ ея очень желалъ бы знать принята она или нѣтъ.

Я выѣзжаю изъ Парижа черезъ пять или шесть дней въ продолжительное путешествіе. Будьте настолько любезны прислать эту повѣсть автору, если она не нужна редакціи *Temps;* а если редакція ее приметъ, то прислать ему корректурные листы. Авторъ и я будемъ вамъ очень признательны за это.

Вотъ ея адресъ: Г-жа Аделаида Луканина, улица Тенаръ, 6, въ „Сведенборгскую“ книжную торговлю.

Примите увѣреніе въ моемъ искреннемъ къ вамъ расположеніи.

Ив. Тургеневъ.

Къ Ипполиту Тэну.

I.

Парижъ, 50, улица Дуэ.
Четвергъ утромъ.

Cher monsieur Тэнъ,

Зная вашу любезность, я осмѣливаюсь просить васъ извинить меня. Вотъ въ чемъ дѣло:

Намъ прислали ложу на сегодняшній вечеръ (даютъ *Misérables*), и такъ какъ я единственный мужчина въ домѣ, который можетъ выѣзжать сегодня вечеромъ, то на мою долю выпадаетъ честь сопровождать дамъ. Поэтому не будете ли вы настолько добры отложить наше свиданіе до другого дня?—предоставляю вамъ полное право выбора дня и часа.

Если я причиняю вамъ тѣмъ нѣкоторое неудобство, то прошу извинить меня.

До скораго свиданія, надѣюсь. Примите увѣреніе въ моемъ искреннемъ къ вамъ расположеніи.

Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

II.

50, улица Дуэ.
Понедѣльникъ утромъ.

Cher monsieur Тэнъ,

Съ удовольствіемъ принимаю ваше предложеніе; буду у васъ въ четвергъ въ 7 ч. и мы побесѣдуемъ.

Дружески жму вашу руку.

Весь вашъ

Ив. Тургеневъ.

III.

Парижъ, 50, улица Дуэ.
Пятница, 22 марта 1878.

Cher monsieur Тэнъ,

Прежде всего поблагодарю васъ за *Révolution;* я только-что ее получилъ и немедленно сяду за чтеніе.

Что же касается другого пункта вашего письма (которое я уничтожилъ, какъ вы того желали), то оно очень обезпокоило меня. Хотя я не вполнѣ согласенъ съ вами, однако сознаю, что въ сущности вы правы, высказавъ вслухъ тѣ мысли, которыя я таилъ про себя, и что дружба, питаемая нами къ Ф. *), налагаетъ на насъ, можетъ-быть, очень тяжелыя обязанности.

Мнѣ хотѣлось бы какъ слѣдуетъ поговорить съ вами объ этомъ прежде, чѣмъ принять какое-нибудь рѣшеніе. Назначьте мнѣ день и часъ, когда я могъ бы придти къ вамъ послѣ *среды*. Я вполнѣ подчинюсь вашему распоряженію и, быть-можетъ, мы придемъ къ какому-нибудь результату.

Въ ожиданіи вашего отвѣта, я дружески жму вашу руку и остаюсь преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

(M-me Тэнъ полагаетъ, что въ этомъ письмѣ идетъ рѣчь о свиданіи Тургенева и Тэна, искреннихъ друзей Флобера, чтобы отыскать средство заставить его отказаться отъ его романа *„Буваръ* и *Пекюшэ“*. Тэнъ и Тургеневъ видѣли въ *Madame Bovary* шедёвръ современной литературы, и затрудненія, какія чувствовалъ Флоберъ при созданіи своего новаго произведенія, заставляли ихъ опасаться, что оно на много уступитъ его прежнимъ.

*) Флоберъ.

IV.

Парижъ, 50, улица Дуэ.
Пятница, 9 марта.

Дорогой monsieur Тэнъ,

Послѣ жестокой зубной боли, сопровождаемой невралгическими болями головы, которая чуть не свела меня съ ума, у меня вдругъ появился такой флюсъ, что на меня и смотрѣть страшно (sic!). Сомнѣваюсь, чтобы это прошло къ завтрашнему дню, почему считаю долгомъ предупредить васъ. Если я не буду у васъ въ назначенный часъ, значитъ мнѣ невозможно показать свое лицо. Нѣтъ надобности говорить вамъ, на сколько это огорчитъ меня.

Не смѣю сказать вамъ до завтра, но употреблю всѣ усилія, а пока дружески жму вашу руку.

Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

V.

50, улица Дуэ.
Четвергъ, 20 января.

Мой дорогой Тэнъ (вы позволите мнѣ,—не такъ ли,—не прибавлять больше слова monsieur?) я воспользовался вынужденнымъ бездѣйствіемъ, на которое обрекла меня подагра, чтобы прочитать вашу книгу *), и прошу принять мои искреннія поздравленія. Это образцовое произведеніе, изъ котораго могутъ многое позаимствовать даже тѣ, кто нападалъ на него. Вы создали нѣчто, что останется навсегда и при-

*) Révolution.

томъ полезнымъ,—двѣ вещи, которыя не всегда идутъ рука объ руку.

Если я буду въ состояніи выйти во вторникъ, то приду пожать вамъ руку и дружески побесѣдовать.

А пока прошу принять увѣреніе въ моемъ къ вамъ расположеніи.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

VI.

50, улица Дуэ. 11 марта **1881**.

Дорогой другъ,

Съ удовольствіемъ принимаю ваше предложеніе на 21-ое.

Благодарю за подписку и за списокъ жертвователей *). На этихъ дняхъ назначено будетъ засѣданіе комитета, чтобы рѣшить, что дѣлать съ собранными деньгами.

Шлю дружескій привѣтъ.

Весь вашъ

Ив. Тургеневъ.

Къ Эрнесту Ренану.

Буживаль. Les Frênes Chalet
(Seine-et-Oise).
Вторникъ, 18 ноября **76**.

Дорогой г. Ренанъ,

Я давно получилъ прилагаемый здѣсь лоскутокъ бумажки, но такъ какъ васъ не было въ Парижѣ, то я счелъ за лучшее подождать вашего возвращенія. Вопросы предло-

*) На памятникъ Флоберу.

жены однимъ изъ вашихъ истинныхъ почитателей,—бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія въ Россіи; — будьте настолько любезны проставить просто *имена* на поляхъ бѣлой бумаги, *если найдете это удобнымъ*, и верните листокъ въ улицу Дуэ, 50. Мой корреспондентъ будетъ очень благодаренъ вамъ, точно такъ же какъ и я.

Я еще на дачѣ и кончаю вашу послѣднюю книгу *). Вы вносите свѣтъ въ мой разумъ и помогаете уяснить всѣ эти глубокіе и трудные вопросы: не знаю, чему я долженъ больше удивляться — тонкости или справедливости вашего психологическаго анализа — если я могу такъ выразиться—того какъ создалась Церковь. Чтеніе подобной книги составляетъ истинное очарованіе.

Примите, дорогой г. Ренанъ, увѣреніе въ моемъ искреннемъ къ вамъ почтеніи.

Ив. Тургеневъ.

P. S. Подъ бандеролью, которую я заклеилъ, написано нѣсколько предположеній, напримѣръ — Викторъ Гюго — по отношенію къ первой выпискѣ; я нахожу ихъ справедливыми, но желательно было бы знать навѣрно.

II.

Парижъ 50, улица Дуэ.
24 марта **82**.

Дорогой учитель,

Вы были настолько любезны, что прислали мнѣ билетъ на засѣданіе въ Академіи? но, къ несчастью, я не могу имъ воспользоваться, потому что ужасно страдаю отъ зубной

*) L'Eglise Chrétienne.

боли. Тѣмъ не менѣе я спѣшу поблагодарить васъ за вашу память.

Примите увѣреніе въ моей глубокой симпатіи къ вамъ и преданности.

Ив. Тургеневъ.

III.

Парижъ, улица Дуэ, 50.
Суббота, 23 апрѣля.

Дорогой учитель,

Ваши 50 франковъ, присланные на памятникъ Флоберу, мною получены и переданы кассиру комитета.

Шлю вамъ дружескій привѣтъ

Ив. Тургеневъ.

IV.

50, улица Дуэ.
Парижъ (число не помѣчено).

Дорогой г. Ренанъ,

Это письмо передастъ вамъ г. Бойеренъ, американскій писатель, очень выдающійся, пріѣхавшій въ Европу съ цѣлью изучить университеты различныхъ странъ и результаты изложить въ спеціальной статьѣ. Не говоря уже о его желаніи, весьма естественномъ, познакомиться съ такимъ человѣкомъ, какъ вы, я позволилъ себѣ обѣщать ему, что вы будете такъ любезны — дадите ему нѣсколько цѣнныхъ указаній о пріемахъ изслѣдованія этого вопроса, въ чемъ онъ находитъ здѣсь гораздо больше затрудненій, чѣмъ въ Италіи и Германіи. Надѣюсь, что вы примите его съ присущей вамъ

благосклонностью, и прошу въ то же время принять увѣреніе въ моей глубокой симпатіи къ вамъ и преданности.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

Слѣдующая группа писемъ относится къ тѣмъ отдѣльнымъ случаямъ, когда Тургеневъ писалъ къ простымъ знакомымъ или даже постороннимъ. Порядокъ расположенія этихъ писемъ хронологическій.

Письмо къ Амбруазу Тома чрезвычайно интересно и нельзя не сожалѣть, что вдова знаменитаго композитора не могла отыскать въ его перепискѣ никакихъ другихъ писемъ, которыя были вѣроятно довольно многочисленны, въ виду долговременной пріязни съ французскимъ музыкантомъ русскаго писателя, большого поклонника музыки.

Изъ самаго содержанія адресованнаго къ г. Жюлю Кларси письма видно уже, что оно первоначальное. Однако онъ утверждаетъ, что есть еще письмо Тургенева къ нему, напечатанное въ газетѣ *Temps*, въ которомъ русскій писатель „оправдывается“ („не знаю кто его обвинялъ, но во всякомъ случаѣ не я“, прибавляетъ г. Кларси) въ томъ, что взялъ будто бы сюжетъ для одного изъ своихъ разсказовъ изъ одной моихъ пьесъ, *Le Père*, написанной въ сотрудничествѣ съ г. Адріеномъ Декурсель“.

Письма къ Филиппу Бюрти и Андре Терьё служатъ новымъ доказательствомъ того, съ какимъ рвеніемъ Тургеневъ старался распространить во Франціи знакомство съ произведеніями гр. Л. Толстого. Я не буду останавливаться на этой чертѣ характера Тургенева, отмѣченной уже мною въ предисловіи къ его письмамъ къ Зола.

Слѣдующее письмо, адресованное Жозефу Рейнаку, имѣетъ въ виду Гамбетту, котораго Тургеневъ считалъ самымъ замѣчательнымъ изъ государственныхъ людей республики. Однако, судя по сообщеніямъ г. Рейнака, весьма сомнительно, чтобы Тургеневъ когда-либо писалъ лично Гамбеттѣ. Во всякомъ случаѣ никакихъ его писемъ не нашлось въ бумагахъ покойнаго трибуна, часть которыхъ находится въ рукахъ г. Дельпёша, племянника Спюллера, а другая у Рейнака. Но, согласно воспоминаніямъ г. Ковалевскаго, Тургеневъ будто бы писалъ къ Гамбеттѣ по поводу назначенія Флобера на должность хранителя библіотеки Мазарини.

Письмо къ Амбруазу Тома.

Баденъ, Тиргартенштрассе 3.
Апрѣля 27 1868.

Мой дорогой другъ,

Пишу вамъ изъ моей квартиры въ Баденѣ, куда я пріѣхалъ нѣсколько дней тому назадъ, и гдѣ, между прочимъ, буду радъ принять васъ, если вы какими-нибудь судьбами заглянете въ этомъ году въ наши края. Я проѣхалъ черезъ Парижъ только въ концѣ марта, и не имѣлъ матеріальной возможности видѣть моихъ друзей: иначе я прежде всего постучался бы въ вашу дверь.

Однако сегодня я взялся за перо не ради одного желанія напомнить вамъ о себѣ; дѣло идетъ объ одной вещи, которая можетъ заинтересовать и васъ.—Перебирая свои старыя бумаги, Віардо нашелъ недавно проектъ либретто пятиактной оперы, сценарій (пока озаглавленный *Fléau d'Orchomène*); онъ увѣряетъ, что когда-то его показывалъ вамъ,

и что вы нашли его превосходнымъ, судя по вашему письму, найденному между страницами рукописи. То же самое впечатлѣніе произвело либретто и на Ожье, который вызвался переложить его въ стихи. Это происходило въ 1850 г.; послѣ этого всѣ разстались и все было забыто. Віардо прочелъ мнѣ сценарій послѣ того, какъ сдѣлалъ въ немъ нѣсколько легкихъ измѣненій, и я долженъ признаться, что я былъ пораженъ. Это безспорно прелестный сюжетъ для оперы. Особенно третій актъ (дѣйствіе происходитъ въ лѣсу Додона) кажется мнѣ восхитительнымъ. Это *живой антикъ*, и во всемъ произведеніи замѣтно большое разнообразіе тоновъ и красокъ, которое должно плѣнить музыканта, одареннаго фантазіей. Мнѣ нѣтъ надобности прибавлять, что въ настоящее время вы единственный въ Европѣ человѣкъ, способный выполнить такую задачу, единственный, котораго изученіе античныхъ произведеній ни чуть не умалимо.

Васъ, должно-быть, завалили предложеніями составить либретто; однако хорошія либретто очень рѣдки и теперь совсѣмъ не слышно, чтобы говорили (и думаю что это къ счастью, потому что сюжетъ, сокращенный соразмѣрно сценѣ, будетъ не что иное, какъ мелодрамма и притомъ еще самая обыкновенная) о *Франческѣ ди-Римини*. Желаете ли вы, чтобы Віардо прислалъ вамъ сценарій? Перечтите его и посмотрите можно ли изъ него сдѣлать что-нибудь?

Гг. Барбье и Карре кажутся мнѣ болѣе чѣмъ подходящими людьми для переложенія въ стихи. Что касается Віардо, то онъ будетъ несказанно радъ доставить вамъ случай создать шедевръ, и это одно удовлетворитъ его вполнѣ *).

*) Этотъ проектъ оперы по сценарію Віардо никогда не осуществился.

Пришлите отвѣтъ и вѣрьте въ искренность моей старой дружбы.

Иванъ Тургеневъ.

P. S. Вы все еще живете въ прежней квартирѣ?

Къ Жюлю Кларси.

50, улица Дуэ.
Пятница, 4 мая **1875.**

Monsieur,

Я только недавно узналъ отъ Луи Депре, что вы оказали мнѣ честь посѣтить меня; привратникъ нашего дома никогда не передавалъ мнѣ вашей карточки. Я очень объ этомъ сожалѣю и прошу извинить меня за то, что вы могли принять за невѣжливость. Я былъ бы счастливъ лично познакомиться съ такимъ выдающимся писателемъ, какъ вы, и не хочу терять надежды, что это когда-нибудь осуществится.

А пока позвольте предложить вамъ прилагаемую здѣсь книгу *), которая только вышла въ печати, и вѣрьте въ чувство высокаго къ вамъ уваженія, съ которымъ имѣю честь быть

вашимъ покорнымъ слугой

Ив. Тургеневъ.

---

*) Жюль Кларси думаетъ, что вышеупомянутая книга есть романъ *Дымъ*, но французскій переводъ этого произведенія напечатанъ былъ въ 1868 г., а Тургеневъ говоритъ о книгѣ только-что вышедшей. Вѣроятно это собраніе разсказовъ, потому что послѣдній романъ появился по-французски раньше этого письма, а *Вешнія воды* въ 1871 г.

Къ Андрэ Терьё.

Парижъ, 50, улица Дуэ.
Суббота утромъ **1880**.

Вотъ, дорогой m-r Терьё, книга, о которой я говорилъ вамъ вчера **). Вмѣстѣ съ этимъ присылаю вамъ нумеръ *XIX Siècle*, въ немъ я написалъ нѣсколько словъ о ней. Надѣюсь, что чтеніе романа Л. Толстого заставитъ васъ раздѣлить мое о немъ мнѣніе и заранѣе благодарю васъ за тѣ лестныя слова, какія вы пожелаете сказать о немъ.

Дружески жму вашу руку и прошу вѣрить въ искренность чувствъ

преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

Къ Филиппу Бюрти.

Парижъ, 50, улица Дуэ.
Вторникъ утромъ 1880.

Мой дорогой monsieur Бюрти,

Верещагинъ поручилъ мнѣ передать вамъ прилагаемый здѣсь небольшой эскизъ. (Съ него онъ писалъ своего *Шпіона*) *) и надѣется, что вы пожелаете сохранить его объ немъ на память.

---

*) *Война и Миръ*.

**) Жюль Кларси, который былъ настолько любезенъ, что сообщилъ мнѣ это письмо, пишетъ, что *Шпіонъ* представляетъ лицо, одѣтое въ нѣмецкое платье, въ круглой шляпѣ, и приведенное въ главную квартиру русскаго генеральнаго штаба.

Пользуюсь случаемъ поблагодарить васъ еще разъ и дружески пожать вашу руку.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. Будьте такъ любезны сообщить мнѣ, кто пишетъ рецензіи на книги въ *République Française*. Г. Арэнъ—не правда ли? Сообщите мнѣ пожалуйста его адресъ, я пошлю ему романъ графа Льва Толстого.

Къ Жозефу Рейнаку.

Благодаря посредничеству Жозефа Рейнака, Тургеневъ познакомился съ Гамбеттой. Въ то время Жозефъ Рейнакъ былъ личнымъ секретаремъ Гамбетты и секретаремъ редакціи *République Française*. Изъ двухъ записокъ, адресованныхъ Тургеневымъ къ Рейнаку, можно заключить, что эти отношенія завязались по желанію Гамбетты, тогда президента Палаты. Дѣйствительно, въ одной изъ этихъ записокъ Тургеневъ говоритъ: „Я счастливъ служить m-r Гамбеттѣ чѣмъ могу, и буду ожидать васъ въ четвергъ утромъ съ 10 часовъ“. Въ другой запискѣ стоитъ: „Я очень счастливъ присутствовать на обѣдѣ m-r Гамбетты и буду ожидать васъ послѣзавтра утромъ въ назначенный часъ“. Обѣ эти записки относятся къ 1881 г., и по всей вѣроятности къ январю мѣсяцу.

Эти отношенія не успѣли, конечно, сдѣлаться болѣе дружественными, потому что Гамбетта умеръ почти года два спустя. Именно по случаю его смерти и написано это письмо, которое печатаю здѣсь.

Г. Жозефъ Рейнакъ,

Думаю, что буду истолкователемъ чувства горестной симпатіи большаго числа моихъ соотечественниковъ, прося васъ возложить отъ имени ихъ вѣнокъ на могилу знаменитаго мужа, котораго лишилась Франція.

Ив. Тургеневъ.

Сюда же относится слѣдующее письмо къ неизвѣстному лицу, пріобрѣтенное г. Гальперинъ-Каминскимъ на публичномъ аукціонѣ, и представляющее интересъ въ томъ отношеніи, что оно знакомитъ со взглядомъ Тургенева на столь спорный вопросъ о переложеніи романа и повѣсти въ драматическія произведенія.

Письмо къ г. Х***.

Буживаль Les Frênes.
(16, улица Mesmer).
Воскресенье, 23 іюня.

Милостивый Государь,

Я только вчера получилъ ваше письмо, и такъ какъ въ четвергъ я уѣзжаю въ Россію, откуда вернусь только въ октябрѣ, то мнѣ, къ сожалѣнію, невозможно назначить день для желаемаго вами свиданія.

Однако не могу скрыть отъ васъ, что въ принципѣ я противъ всякаго рода примѣненія романа къ театру, а въ особенности въ случаѣ, о которомъ идетъ рѣчь, такъ какъ *Рудинъ* есть только психологическій этюдъ.

Въ Россіи уже пытались примѣнить его къ сценѣ, но скоро отказались отъ этой мысли.

Буду очень радъ познакомиться съ вами по моемъ возвращеніи изъ Россіи, а пока прошу принять увѣреніе въ моемъ къ вамъ почтеніи.

Ив. Тургеневъ.

Письма И. С. Тургенева

КЪ ПЕРЕВОДЧИКАМЪ ЕГО ПРОИЗВЕДЕНІЙ:

г. Дюранъ-Гревилю и Графинѣ де-Губернатисъ.

(1872—1892).

Письма къ г. Дюранъ-Гревилю *).

I.

Парижъ, 48, улица Дуэ.
Суббота $^{23}/_{11}$ марта **1872.**

Милостивый государь,

Я только-что получилъ ваше письмо, и такъ какъ моя поѣздка отложена на двѣ недѣли (я выѣду изъ Парижа только 25 апрѣля), то признаюсь вамъ, что былъ бы очень радъ получить отъ васъ тѣ 65 страницъ, о которыхъ вы говорите, если это не причинитъ вамъ много хлопотъ.

*) Изъ писемъ Тургенева къ его переводчикамъ мы видимъ, что г. Дюранъ Гревиль, въ сотрудничествѣ съ своей женой, m-me Анри Гревиль, былъ однимъ изъ главныхъ переводчиковъ его произведеній. Въ самомъ дѣлѣ ему мы обязаны первымъ переводомъ произведеній: *Лѣсъ и степь*, *Вешнія воды*, *Пунинъ и Бабуринъ*, *Живыя мощи*, *Часы* и т. п. *Дымъ* перевелъ князь А. Голицынъ, а не Меримэ, какъ ошибочно предполагали, на томъ основаніи, что послѣдній писалъ къ нему предисловіе. Графъ Соллогубъ перевелъ *Дворянское гнѣздо;* Делаво—нѣсколько разсказовъ, написанныхъ приблизительно въ 1860 г. и напечатанныхъ въ Revue des Deux Mondes; Ксавье Мармье перевелъ другіе разсказы, напечатанные у Гашеттъ подъ общимъ заглавіемъ *„Сцены изъ русской жизни“*, а г. Шарьеръ *Дневникъ лишняго человѣка* и притомъ такъ неудовлетворительно, что Тургеневъ остался имъ очень недоволенъ. Потомъ два другихъ перевода, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ мнѣ, вышли подъ ихъ настоящимъ заглавіемъ: *„Записки охотника“*.

Однако надо отдать справедливость, что Луи Віардо положилъ начало карьеры Тургенева во Франціи, познакомивъ съ его произведеніями французскую публику и, если ему продолжали приписывать переводы позднѣйшихъ произведеній, то только потому, что Гетцель, издававшій ихъ, изъ принципа не помѣщалъ на книгахъ имена переводчиковъ Тургенева.

Вотъ что случилось со времени моего послѣдняго письма: я получилъ отъ г. Шарля де-Кутули, брата одного изъ редакторовъ *L'Avenir National* и *Temps*, рукопись полнаго перевода *Вешнихъ водъ* съ просьбой разрѣшить ихъ напечатать. Я отвѣчалъ ему отказомъ, такъ какъ далъ уже разрѣшеніе и назвалъ васъ. Тогда онъ пришелъ ко мнѣ вторично и просилъ вашъ адресъ; мнѣ кажется, что онъ намѣренъ предложить вамъ денегъ въ видѣ отступного. Я далъ ему вашъ адресъ, но повторилъ, что считаю себя связаннымъ съ вами даннымъ мною словомъ. Переводъ хорошъ, но такъ какъ я имѣю массу причинъ быть увѣреннымъ, что вашъ переводъ еще лучше, то я считаю своимъ долгомъ предупредить васъ объ этомъ, предоставляя вамъ полную свободу дѣйствій. Я на васъ смотрю, какъ на своего переводчика.

А пока я буду имѣть честь просить васъ прислать мнѣ начало вашей работы и принять увѣреніе въ искренности моихъ чувствъ.

Ив. Тургеневъ.

Изъ этого правила было сдѣлано только одно исключеніе, именно для меня когда я напечаталъ свой переводъ *Наканунѣ*.

Что же касается произведеній Тургенева, переведенныхъ Луи Віардо вмѣстѣ съ авторомъ, то вотъ какимъ образомъ это происходило: „Тургеневъ,—говоритъ Дюранъ-Гревиль въ своей великолѣпной статьѣ о русскомъ писателѣ,—диктовалъ свой переводъ насколько возможно дословно, а Луи Віардо передавалъ его литературнымъ языкомъ, но подъ его редакціей. Каждая трудная фраза, каждое сомнительное слово они обсуждали вмѣстѣ, послѣ чего, конечно, результатъ получался блестящій... Мы знаемъ также,—прибавляетъ Дюранъ-Гревиль,—что m-me Віардо участвовала въ этихъ переводахъ, въ послѣдніе годы она перевела нѣсколько разсказовъ“.

Графиня же де-Губернатисъ, урожденная Безобразова, перевела на итальянскій языкъ *Вешнія воды* и *Нови*, но послѣдній переводъ не былъ напечатанъ.

Гальперинъ-Каминскій.

II.

Парижъ, 48, улица Дуэ.
Суббота, $\frac{6 \text{ апрѣля}}{25 \text{ марта}}$ **1872**.

Ваше письмо отъ 26 марта я получилъ почти вслѣдъ за письмомъ 20 марта, а вчера я получилъ и рукопись, о которой вы упоминали. Г. де-Кутули сообщилъ мнѣ недѣлю тому назадъ, что настоящія обстоятельства заставляютъ его отказаться отъ своего перевода, или по крайней мѣрѣ онъ не думаетъ печатать его теперь; онъ сдѣлалъ это какъ благородный человѣкъ, соглашаясь, что переводъ вашъ лучше. Итакъ съ этой стороны все улажено. Я едва имѣлъ время просмотрѣть вашу рукопись, но то, что я прочелъ, убѣждаетъ меня, что г. де-Кутули былъ правъ.

Надѣюсь имѣть въ своихъ рукахъ всю рукопись до моего отъѣзда,—а также встрѣтить васъ въ Петербургѣ, и тамъ познакомиться съ вами. Я думаю сдѣлать маленькое измѣненіе въ концѣ *Вешнихъ водъ:* немного смягчить его, введя въ него новую сцену. Она будетъ не длинная и мы устроимъ это легко, въ какой-нибудь часъ *).

Мой пріѣздъ въ Петербургъ состоится *раньше* конца апрѣля стараго стиля, а вернусь я въ Парижъ въ іюнѣ. Полагаю, что эти числа не испортятъ вашихъ расчетовъ.

Когда получу конецъ вашего перевода, то напишу вамъ еще, а на другой день моего пріѣзда въ Петербургъ приду навѣстить васъ. А пока прошу принять увѣренія въ моей къ вамъ преданности.

Ив. Тургеневъ.

---

*) Этого измѣненія не послѣдовало.

III.

С. Валери на Соммѣ.
Maison Ruhaut.
Воскресенье, 21 іюля 1872.

Милостивый Государь,

Я вернулся въ Парижъ 8 числа этого мѣсяца и пробылъ тамъ недѣлю; къ несчастью привратникъ не передалъ мнѣ вашей карточки, почему я и не зналъ вашего адреса. Уѣзжая, я оставилъ письмо къ вамъ, которое убѣдительно прошу взять. Въ немъ я написалъ вамъ о несчастномъ инцидентѣ съ Франчески, и о вознагражденіи, какое я хотѣлъ предложить вамъ, потому что ни редакція *Temps*, ни редакція *Revue des Deux Mondes* не хотятъ печатать стараго произведенія. Этимъ несчастнымъ *Вешнимъ водамъ* положительно не везетъ. Я вернусь въ Парижъ черезъ недѣлю, гдѣ мы, если вы того пожелаете, можемъ увидѣться и обсудить что намъ дѣлать. Тогда же *я передамъ вамъ* и рукопись. Нечего говорить о томъ, что я дамъ вамъ полное право издавать переводы томами.—Гетцель (издатель, мой другъ и прекрасный человѣкъ) сдѣлаетъ это охотно. Пойдите къ нему отъ меня; онъ даже сказалъ мнѣ, что, несмотря на переводъ *Nord'a*, можно найти парижскій журналъ или обозрѣніе, которые примутъ вашу рукопись и напечатаютъ ее.

Гетцель издалъ уже нѣсколько томовъ моихъ переводовъ; онъ хотѣлъ бы издать еще одинъ съ *Вешними водами,* прибавивъ туда, можетъ-быть, *Стукъ, стукъ, стукъ!* *) и *Бриг*а-

*) Тургеневъ имѣлъ намѣреніе напечатать *Вешнія воды* (въ переводѣ Дюранъ-Гревиль) въ *Temps* или въ *Revue des Deux Mondes,* но другой переводъ, появившійся въ *Nord* (выходившемъ тогда въ Брюсселѣ) помѣшалъ осуществить это намѣреніе. Переводъ же Дюранъ-Гревиля вышелъ позднѣе въ собраніи произведеній Тургенева, изданномъ Гетцелемъ.

дира, или *Лейтенанта Ергунова*, или *Степного короля Лира,* которые вышли только въ *Revue des Deux Mondes*, но повторяю, что объ этомъ мы поговоримъ черезъ нѣсколько дней въ Парижѣ. Я увѣдомлю васъ наканунѣ о моемъ отъѣздѣ отсюда.

А пока прошу принять увѣренія въ моей искренней преданности къ вамъ.

Ив. Тургеневъ.

IV.

С. Валери на Соммѣ.
Maison Ruhaut.
Пятница, 26 іюля 1872 г.

Милостивый Государь,

Никогда не было еще у меня такого упорнаго припадка подагры, какъ теперь; онъ продолжается почти шесть недѣль. Я только вчера бросилъ свои костыли и потому не могу вернуться въ Парижъ раньше конца будущей недѣли; думаю, что къ тому времени я вполнѣ оправлюсь. Во всякомъ случаѣ я извѣщу васъ наканунѣ моего пріѣзда.

Я никогда не сомнѣвался въ пріемѣ, какой окажетъ вамъ Гетцель: эта натура на столько же прекрасная, на сколько и деликатная, и я увѣренъ, что вы вполнѣ сойдетесь съ нимъ.

Г. Франчески находится теперь, какъ я узналъ, въ Валери. Я съ удовольствіемъ напишу ему, хотя не могу себѣ представить, чтобы онъ имѣлъ намѣреніе издать отдѣльно *Вешнія воды* въ Бельгіи. Можетъ-быть вамъ удастся узнать его точный адресъ (въ редакціи *Nord*) въ Парижѣ, тогда, пожалуйста, пришлите мнѣ.

Я предоставляю вамъ полное право предлагать *Вешнія воды* всѣмъ обозрѣніямъ и журналамъ, и если *Revue Universelle* приметъ ихъ, то тѣмъ лучше. Что же касается сокращеній, которыя желаетъ сдѣлать Гетцель, то на это я ничего не могу сказать, такъ какъ не имѣю возможности критически оцѣнить произведеніе, недавно написанное; но я обѣими руками принимаю все, и не страдаю авторскимъ самолюбіемъ. Я вполнѣ довѣряю вкусу Гетцеля, но думаю, что исключать теперь слишкомъ поздно, послѣ того какъ *Nord* издалъ все цѣликомъ. Однако повторяю, что я отказываюсь судить объ этомъ вопросѣ.

Разсказы графа Толстого предназначены для народнаго чтенія, но это не значитъ, что они написаны для дѣтей. Изъ нихъ я читалъ только два. Второй подъ заглавіемъ *Кавказскій плѣнникъ* (помѣщенный въ *Зарѣ*) прекрасенъ; я думаю, что дѣтямъ онъ непремѣнно понравится.

Но обо всемъ этомъ мы поговоримъ при свиданіи, а пока примите увѣреніе въ моей преданности.

Ив. Тургеневъ.

V.

С. Валери на Соммѣ.
Maison Ruhaut.
Понедѣльникъ, 5 августа 1872.

Милостивый Государь,

Мнѣ положительно не везетъ; послѣ шести недѣль болѣзни и въ то время, какъ я разсчитывалъ, что подагра совсѣмъ оставила меня, она снова вступила въ колѣнку и заставила меня лечь въ постель.

Думаю, что вернусь въ Парижъ не ранѣе, какъ черезъ недѣли три, тогда отдамъ вамъ и рукопись. Но если вы

желаете имѣть ее сейчасъ, то я пришлю ее вамъ съ нѣсколькими замѣтками, которыя я позволилъ себѣ сдѣлать мѣстами.

Жду вашего отвѣта и адреса г. Франчески, если только вы могли его достать, и считаете необходимымъ, чтобы я написалъ ему.

Друзья, которыхъ я спрашивалъ, не думаютъ, чтобы можно было дѣлать выпуски, какъ того желаетъ Гетцель; но повторяю вамъ, я предоставляю вамъ полное право дѣйствовать по своему усмотрѣнію.

Прошу принять увѣреніе въ моемъ къ вамъ почтеніи.

Ив. Тургеневъ.

VI.

50, улица Дуэ.
Вторникъ, 5 января **1874.**

Дорогой monsieur Дюранъ,

Угодно ли вамъ придти посмотрѣть два портрета Харламова? (г. и г-жи Віардо) Они находятся теперь въ нижней галлереѣ. Вмѣстѣ съ этимъ я покажу вамъ три картины, которыя я купилъ у совсѣмъ еще молодого французскаго художника Э. Валлэса,—это многообѣщающій талантъ. Лучше всего придти между двѣнадцатью и двумя часами,—хотя бы завтра.

Примите вмѣстѣ съ моими новогодними поздравленіями увѣреніе въ искренней къ вамъ преданности.

Ив. Тургеневъ.

VII.

48, улица Дуэ.
Вторникъ, 11 марта 1874.

Cher monsieur,

До сихъ поръ я не имѣлъ возможности прочитать рукопись, присланную мнѣ вами *); чтобы избавить васъ отъ напрасной ходьбы, я попрошу васъ отложить вашъ визитъ ко мнѣ до пятницы утра.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я посылаю вамъ Leconte de Lisle'я и фельетоны *Journal de St.-Petérsbourg*, которые очень заинтересовали меня.

Примите увѣреніе въ моемъ совершенномъ къ вамъ почтеніи

Ив. Тургеневъ.

VIII.

Буживаль, Maison Halgan
(Seine-et-Oise)
10 сентября 1874.

Cher monsieur,

Вы были такъ любезны, что спрашивали о моемъ здоровьѣ: теперь я могу сказать, что оно поправилось. Когда я вернулся сюда изъ Германіи, то я могъ ходить только съ помощью костылей, но въ настоящее время я довольствуюсь одной палкой. Надѣюсь, что на этотъ разъ я совсѣмъ отдѣлался отъ болѣзни, и что въ концѣ сентября буду въ состояніи попытаться отправиться на охоту.

---

*) Переводъ драмы Островскаго *Гроза*, сдѣланный Дюранъ Гревилемъ вмѣстѣ съ женой своей, m-me Анри Гревиль. Тургеневъ остался доволенъ этой работой, которую мѣстами поправилъ.

Я былъ бы очень радъ увидѣться съ вами до тѣхъ поръ, и такъ какъ я думаю поѣхать въ Парижъ на будущей недѣлѣ, то возьму на себя смѣлость назначить вамъ день свиданія наканунѣ.

Я привезъ рукопись *Грозы*—и съ добрыми обѣщаніями Островскаго *).

Съ большимъ удовольствіемъ прочелъ я живой и остроумный прологъ, который прислалъ мнѣ Анри Гревиль. Что же касается m-me Зандъ, то я не сомнѣваюсь въ ея радушномъ пріемѣ, но въ настоящее время она находится въ своемъ замкѣ въ Ноганѣ (въ Индрѣ), откуда она пріѣдетъ въ Парижъ только въ концѣ года.

Надѣюсь, что ваша маленькая Жанна благополучно перенесла опасное время прорѣзыванія зубовъ. Прошу васъ, такъ же какъ и m-me Дюранъ, принять уваженіе въ моей искренней къ вамъ преданности.

И. Тургеневъ.

IX.

(1875).

Дорогой monsieur Дюранъ,

Вотъ что приходится вамъ за вашъ второй фельетонъ — 55 франковъ. Это не много, но вы знаете русскую пословицу: „*Курочка по зернышку клюетъ,—сыта бываетъ*“ **).

Шлю дружескій привѣтъ и до свиданія до августа.

Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

---

*) Обѣщанія эти—разрѣшеніе Островскаго переводить его произведенія и присылка біографическихъ свѣдѣній.

**) Въ подлинникѣ слова эти русскія, написаны французскими буквами.

X.

1875.

Дорогой monsieur Дюранъ!

Посылаю вамъ первыя страницы съ нѣкоторыми поправками *). Вы увидите, что онѣ незначительны, пожалуй обойдетесь и безъ меня, продолжайте.

Съ Новымъ (русскимъ) годомъ!

Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

Суббота $^{13}/_{1}$ января.

XI.

Спасское.
(Орлов. губ. Мценскаго уѣзда).
Воскресенье $\frac{2 \text{ іюля}}{20 \text{ іюня}}$ 1876.
Вторникъ—50, улица Дуэ.

Дорогой monsieur Дюранъ,

Спасское—это названіе деревни (въ глубинѣ Россіи), гдѣ я живу уже недѣли двѣ, и куда мнѣ прислали ваше письмо, адресованное въ Буживаль. Извѣстія, сообщенныя вами, доставили мнѣ большое удовольствіе, и я весьма радъ, что послѣ столькихъ тщетныхъ попытокъ, вы, наконецъ, выбрались на торную дорогу. Передайте мое почтеніе m-me Дюранъ. Я не сомнѣваюсь, что талантъ ея будетъ оцѣненъ должнымъ образомъ, тѣмъ болѣе, что онъ такъ долго оставался въ тѣни.

---

*) Рѣчь идетъ о переводѣ *Нови*, сдѣланномъ супругами де-Гревиль, и появившемся въ *Temps* за подписью одного г. де-Гревиль, а впослѣдствіи у *Гетцеля* безъ фамиліи переводчика, по правиламъ этого издателя.

Здѣсь я не получаю *Revue des Deux Mondes*; но знаю, что статья о Шевченко уже появилась. Я работаю здѣсь не покладая рукъ, и думаю увезти отсюда оконченный романъ. Выѣду изъ деревни только недѣли черезъ двѣ, такъ что въ Парижѣ разсчитываю быть къ первому августа.

Смерть m-me Зандъ глубоко опечалила меня; она останется надолго одною изъ самыхъ крупныхъ фигуръ въ современной литературѣ. Она питала ко мнѣ дружескую привязанность, что же касается меня, то я могу сказать, что нѣжно любилъ ее. Если вамъ попадется *Новое Время*, прочтите въ № 105 небольшую мою замѣтку о ней.

Будьте здоровы, работайте, не теряя надежды и примите вмѣстѣ съ m-me Дюранъ увѣреніе въ моей къ вамъ преданности.

Ив. Тургеневъ.

По поводу этого письма monsieur Гревиль писалъ мнѣ, что оно было отвѣтомъ на письмо, въ которомъ онъ увѣдомлялъ Тургенева, что статья его о Шевченко, вмѣстѣ съ романомъ m-me Анри Гревиль и рекомендаціей о немъ Тургенева, появятся 15-го іюня въ *Revue des Deux Mondes*, и что *два дня* спустя послѣ смерти m-me Жоржъ Зандъ *Revue des Deux Mondes* приняло романъ его жены *l'Expiation de Saveli* (появившійся 1-го и 15-го іюня), а *Journal des Débats* принялъ *Dosia*, который началъ печататься 27-го іюня.

XII.

50, улица Дуэ.
Воскресенье, 11 марта **1877**.

Дорогой monsieur Дюранъ!

Посылаю вамъ два билета (для m-me Дюранъ и для васъ). Если программа покажется вамъ интересной, приходите *).

*) Приглашеніе на литературное и музыкальное утро, даваемое ежегодно у супруговъ Віардо въ пользу русскихъ студентовъ. Тургеневъ читалъ тамъ всегда одинъ изъ своихъ разсказовъ.

Извините, пожалуйста, что не могъ васъ принять въ послѣдній разъ, но увѣряю васъ, я дѣйствительно ужасно страдалъ. Съ тѣхъ поръ ни разу не выходилъ, и не знаю какъ мнѣ быть завтра? Щека до того у меня опухла, что я не могу открыть рта. Вотъ гдѣ надо сказать: авось!

У меня нѣтъ больше рукописи, а типографія понукаетъ меня...

Дружески жму руки вамъ обоимъ.

Ив. Тургеневъ.

XIII.

Парижъ, 50, улица Дуэ.
Четвергъ, 22 марта 1877.

Дорогой monsieur Дюранъ!

Мой другъ, г. Віардо, которому я даю читать корректуру *Нови*, предложилъ мнѣ вставить въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорятъ о свадьбѣ Маріанны съ Соломинымъ слѣдующую замѣтку:

„Если бы романъ г. И. Т—а не былъ бы написанъ, и даже напечатанъ, раньше политическаго процесса, который разбирается теперь въ петербургскомъ Сенатѣ, то можно было бы подумать, что онъ былъ простымъ переписчикомъ, тогда какъ онъ пророкъ. Дѣйствительно, въ этомъ процессѣ находимъ мы тѣ же смѣлыя иллюзіи, и тѣ же полнѣйшія заблужденія, все, до неожиданныхъ браковъ и браковъ фиктивныхъ включительно. Такимъ образомъ романъ *Новь* сдѣлался вдругъ историческимъ. (Замѣтка переводчика) *).“

*) Эта замѣтка появилась въ фельетонѣ, печатавшемся въ *Temps*, но въ изданіи Гетцеля мы ея не видимъ.

Г. Віардо думаетъ этой вставкой устранить нѣкоторое недоразумѣніе читателя; но такъ какъ эта замѣтка появится подъ вашимъ именемъ, то я считаю своимъ долгомъ послать ее вамъ. Надѣюсь, что вы ничего не будете имѣть противъ нея; однако, если вы найдете это неудобнымъ, то сообщите мнѣ, прошу васъ, сегодня же, чтобы я могъ распорядиться.

Я разсчитываю имѣть удовольствіе видѣть васъ раньше вашего отъѣзда въ Россію, а пока дружески жму вашу руку и остаюсь

преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. Приношу благодарность m-me Дюранъ за присылку ея книги: *A travers Champs;* чтеніе ея доставитъ мнѣ истинное наслажденіе,—но въ ея слишкомъ лестномъ предисловіи есть одно не совсѣмъ вѣрное выраженіе: нельзя называться ученикомъ тому, кто, какъ она, былъ уже истиннымъ мастеромъ.

XIV.

Парижъ, 50, улица Дуэ.
Воскресенье 4½ ч., **1878**.

Дорогой monsieur Дюранъ!

Приношу вамъ, какъ говорятъ по-русски: мою повинную голову. Надѣюсь, что вы не отсѣчете ее. За послѣднее время въ ней происходитъ такой безпорядокъ, что въ концѣ-концовъ я скоро забуду свое собственное имя. Вотъ моя просьба: не приходите завтра, а лучше во вторникъ въ 5 часовъ. Постараюсь утромъ сходить къ m-me Аданъ и устроить ваше дѣло; на этотъ разъ непремѣнно.

А пока примите мои извиненія и вѣрьте

преданному вамъ *Ив. Тургеневу.*

XV.

Парижъ, 50, улица Дуэ.
Среда утро, 1878.

Дорогой monsieur Дюранъ!

Не помню сегодня или завтра я долженъ былъ придти къ вамъ; во всякомъ случаѣ я приду къ вамъ завтра около трехъ часовъ, если вамъ это удобно. А пока посылаю вамъ входный билетъ на нашу выставку; вмѣстѣ съ тѣмъ я совѣтую вамъ обратить вниманіе на небольшія, но замѣчательныя картины Похитонова *).

Шлю дружескій привѣтъ. До завтра.

Ив. Тургеневъ.

XVI.

Буживаль. (Seine-et-Oise).
Воскресенье, 10 августа **1879**.

Дорогой monsieur Дюранъ!

Начну письмо съ извиненія за то, что такъ поздно отвѣчаю вамъ на ваше письмо, но въ этомъ не моя вина; по непонятному недоразумѣнію я получилъ его только вчера. Спѣшу увѣдомить васъ, что я съ удовольствіемъ принимаю ваше предложеніе, и что рукопись *Казаковъ* пришлю вамъ тотчасъ же, какъ только просмотрю ее и сдѣлаю необходимыя поправки. Къ ней я прибавлю также маленькое біографическое предисловіе. Можете разсчитывать на мою аккуратность.

Я останусь здѣсь до конца сентября, а потомъ думаю отправиться въ двухнедѣльное путешествіе по Англіи.

Шлю мои лучшія пожеланія m-me Гревиль, а вамъ сердечное *shake-hands*.

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ.*

---

*) Выставка русскихъ художниковъ въ залѣ Кружка русскихъ художниковъ въ Парижѣ.

Г. Дюранъ-Гревиль въ своихъ запискахъ, которыя онъ такъ обязательно сообщилъ мнѣ, говорилъ, что въ 1874 г. онъ писалъ Толстому, прося его разрѣшенія перевести *Казаковъ* подъ редакціей Тургенева, но не получилъ отвѣта. Позднѣе, въ 1879 г., одинъ изъ его петербургскихъ друзей прислалъ ему переводъ *Казаковъ*, но на плохомъ французскомъ языкѣ. Такъ какъ поправокъ было бы очень много, то г. Дюранъ отказался отъ него.

Тѣмъ не менѣе по поводу этого романа въ письмѣ Тургенева къ Толстому отъ 9 января 1879 мы читаемъ слѣдующее:

„Здѣсь находится издатель, который желалъ бы издать отдѣльно переводъ, помѣщенный въ *Journal de St-Pétersbourg*. Но такъ какъ онъ знаетъ, что переводъ слабъ, то желаетъ, чтобы французскій писатель, Дюранъ (владѣющій вполнѣ русскимъ языкомъ) и я тщательно пересмотрѣли его, что мы охотно исполнимъ. (Я напишу маленькое предисловіе). Издатель проситъ также вашего разрѣшенія, которое можно формулировать хотя, напримѣръ, такъ: „Я, нижеподписавшійся, объявляю какъ отъ моего имени, такъ и отъ имени лица, которое перевело и напечатало въ *Journal de St-Pétersbourg* мой разсказъ *Казаки*, что я даю разрѣшеніе гг. Тургеневу и Эдмонду Дюранъ печатать этотъ разсказъ во Франціи, сдѣлавъ предварительно въ такомъ переводѣ всѣ необходимыя поправки".

„Надѣюсь", прибавляетъ Тургеневъ далѣе, „что это не покажется вамъ неудобнымъ, и я могу васъ увѣрить, что оба мы употребимъ всѣ старанія, чтобы представить французской публикѣ *Казаковъ* въ достойной ихъ формѣ, и во всякомъ случаѣ болѣе точной, чѣмъ это сдѣлалъ американскій переводчикъ".

Этотъ переводъ, просмотрѣнный Тургеневымъ и Дюранъ-Гревилемъ, долженъ былъ появиться у Плона, но Дюранъ, найдя эту трудную работу плохо вознагражденною, не привелъ этого намѣренія въ исполненіе.

Извѣстно, что нѣсколько лѣтъ спустя у Гашетта появился другой переводъ этого произведенія.

XVII.

50, улица Дуэ.
Парижъ.
Среда, 28 декабря **1881**.

Мой дорогой monsieur Дюранъ,

Вотъ маленькій этюдъ, который составляетъ какъ бы продолженіе къ *Старымъ портретамъ* и который я обѣщалъ *Revue politique et littéraire*. Хотите ли вы взять на себя трудъ перевести ихъ, какъ и предыдущій разсказъ? *). Есть нѣсколько очень трудныхъ мѣстъ, но я буду всегда къ вашимъ услугамъ. *Revue* хотѣлъ бы помѣстить этотъ

*) *Отчаянный*, разсказъ, который Тургеневъ написалъ въ одно время съ *Записками охотника*, но не напечаталъ, потому что герой былъ еще живъ.

разсказъ 14 или 21 января. Но 14 мнѣ кажется неудобнымъ. Шлю дружескій привѣтъ (и поздравляю съ новымъ годомъ) m-me Гревиль и вамъ.

Ив. Тургеневъ.

XVIII.

Буживаль (Seine-et-Oise)
Les Frênes
Четвергъ, 12 августа **1882**.

Мой дорогой monsieur Дюранъ,

Посылаю вамъ сегодня по почтѣ небольшую книжку подъ заглавіемъ: *Разсказы В. Гаршина.*

Г. Юнгъ поручилъ мнѣ попросить васъ перевести одинъ изъ этихъ разсказовъ (*Ночь,* стр. 100) для *Revue politique et littéraire.* Гаршинъ изъ всѣхъ молодыхъ русскихъ писателей тотъ, талантъ котораго подаетъ наиболѣе надеждъ. Если вы найдете нужнымъ показать мнѣ переводъ, прежде, чѣмъ передать его г. Юнгу, то я всецѣло къ вашимъ услугамъ *).

Надѣюсь, что ваше здоровье вполнѣ поправилось, чего не могу сказать о своемъ. Я попрежнему не могу ни ходить, ни стоять болѣе двухъ, трехъ минутъ. Я не вернусь въ Парижъ раньше 20 ноября.

Передайте мое почтеніе m-me Дюранъ-Гревиль. Я читаю ея *Instruction morale et civique.* Какая прекрасная книга и на столько же полезная, на сколько пріятная для чтенія!

Дружески жму вашу руку.

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ.*

---

*) Г. Дюранъ-Гревиль перевелъ *Ночь*, которая была напечатана въ *Revue Bleue* 9 декабря 1882 г., и другой разсказъ Гаршина подъ заглавіемъ: Après la Bataille, напечатанный въ томъ же журналѣ за 1884 г. Большая часть другихъ разсказовъ этого автора была переведена мною и вышла двумя томами, одинъ подъ заглавіемъ *Война*, а другой — *Надежда Николаевна.*

Письма къ графинѣ де-Губернатисъ.

I.

Saint-Valery-sur-Somme.
Maison Ruhaut
12 сентября 1872.

Madame,

Ужъ очень поздно собрался я благодарить васъ за присланные мнѣ вами два номера *Rivista Europa*, въ которыхъ напечатаны были первыя главы *Вешнихъ водъ*; но эти номера я получилъ только недавно.

Насколько я могу судить, вашъ переводъ превосходенъ, и не ваша вина будетъ въ томъ, если разсказъ не найдетъ радушнаго пріема въ итальянской публикѣ.

Я просмотрѣлъ и другія статьи, помѣщенныя въ двухъ номерахъ, и убѣдился, что *Rivista* солидный журналъ, и я считаю за честь видѣть свое произведеніе напечатаннымъ на его страницахъ.

Примите, м. г-ня, увѣреніе въ моемъ искренномъ къ вамъ почтеніи.

Иванъ Тургеневъ.

P. S. Мой постоянный адресъ: Парижъ, 48, улица Дуэ.

II.

Парижъ, 48, улица Дуэ.
18 марта 1873.

Madame,

Только-что получилъ два экземпляра вашего прекраснаго перевода *Вешнихъ водъ*, которые вы были настолько любезны прислать мнѣ, за что сердечно вамъ благодаренъ.

Въ отвѣтъ на вашъ вопросъ я скажу вамъ, что Лиза изъ *Дворянскаго гнѣзда* скорѣе дастъ итальянской публикѣ болѣе выгодное мнѣніе о русской женщинѣ, чѣмъ Марія Николаевна въ *Вешнихъ водахъ*. Если послѣдняго романа нѣтъ въ вашей библіотекѣ, то я почту за счастье предложить его вамъ, точно такъ же какъ и остальныя мои произведенія.

Не знаю когда удастся мнѣ снова посѣтить Италію,—эту страну, которая произвела на меня такое глубокое впечатлѣніе, но если я когда-нибудь пріѣду во Флоренцію, то непремѣнно постучусь въ вашу дверь, чтобы познакомиться съ вами и съ графомъ де-Губернатисъ, этимъ достойнымъ и симпатичнымъ ученымъ.

Спѣшу послать вамъ мою карточку, крайне сожалѣя, что не могу имѣть лучшей, но ваше желаніе такъ для меня лестно, что я считаю долгомъ немедленно исполнить его.

Примите, madame, увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи.

Ив. Тургеневъ.

P. S. Я узналъ изъ *Rivista*, что мой другъ, графъ Алексѣй Толстой *) находится во Флоренціи; поэтому осмѣливаюсь просить васъ передать ему, а также и графинѣ, мой искренній привѣтъ.

III.

50, улица Дуэ, Парижъ
Вторникъ, 20 февраля 1877.

Madame,

Спѣшу увѣдомить васъ о томъ, что съ удовольствіемъ предоставляю вамъ всѣ права на переводъ *Нови*, вполнѣ

*) Извѣстный поэтъ.

увѣренный, что мои произведенія никогда не были и не будутъ въ болѣе компетентныхъ и опытныхъ рукахъ, чѣмъ ваши.

Очень радъ, madame, что первая часть моего романа заслужила ваше одобреніе, и надѣюсь, что вторая, которую вы, должно-быть, уже получили, не очень испортитъ это впечатлѣніе.

На второмъ листѣ этого письма вы найдете посвященіе, которое вы будете настолько любезны помѣстить на первой страницѣ тома моихъ произведеній, присланнаго вамъ изъ Москвы.

Будьте такъ добры передать графу де-Губернатисъ мой искренній привѣтъ, а васъ, madame, прошу принять увѣреніе въ моей къ вамъ преданности.

Ив. Тургеневъ.

Послѣсловіе.

Французская переписка Тургенева, которую я могъ собрать и напечатать, далеко не полна. Видя сотни писемъ, написанныя его русскимъ друзьямъ, и напечатанныя послѣ его смерти, и зная какое обширное знакомство велъ онъ съ французскимъ литературнымъ міромъ, всякій пойметъ сколько труда стоила первая попытка собрать всю эту переписку. Въ моемъ вступленіи я уже сообщалъ о тѣхъ пробѣлахъ, пополнить которые я не имѣлъ возможности. Письма, адресованныя Виктору Гюго, Проспѐру Меримэ, Жюлю Симону, Эдмонду де Гонкуръ, Альфонсу Додэ и др., по разнымъ причинамъ не могли быть включены въ эту серію. Потомъ я узналъ, что переписка Тургенева съ Эмилемъ Ожье, однимъ изъ его интимныхъ друзей, останется, пожалуй, навсегда неизвѣстной для публики. Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на всѣ свои поиски, Поль Дерулэдъ не могъ найти никакихъ слѣдовъ ея. M-me Эдмондъ Абу потерпѣла такую же неудачу, разыскивая письма, адресованныя къ автору *Roman d'un brave homme*. Письма къ Максиму Дю-Канъ, если они только существуютъ, не могутъ появиться въ свѣтъ ранѣе 1910 г., когда будутъ напечатаны одновременно съ другими литературными бумагами, оставленными имъ. M-me Аданъ желаетъ сохранить письма Тургенева у себя, чтобы отвести имъ мѣсто въ своихъ мемуарахъ, и т. д.

Было бы слишкомъ долго разсказывать здѣсь о всѣхъ моихъ поискахъ, и называть двери, въ которыя я стучался.

Но какъ бы ни было ограничено число писемъ, нынѣ собранныхъ, ихъ все-таки достаточно, чтобы не только освѣтить намъ нѣкоторыя новыя черты въ характерѣ русскаго писателя, но и ввести незнакомые еще элементы въ исторію интеллектуальныхъ отношеній между Франціей и Россіей.

Меня упрекаютъ въ томъ, что я ничего не выпустилъ изъ переписки Тургенева, но включилъ въ нее все, до малѣйшей записки, не представляющей никакого интереса. Я же напротивъ боялся взять на себя смѣлость пожертвовать хотя одной изъ этихъ записокъ. Помню, я, какъ-то разъ, получилъ письмо отъ одного очень извѣстнаго русскаго писателя, въ которомъ онъ умолялъ меня не выпускать ничего:—ни одной строчки, ни одного слова: „все драгоцѣнно,—писалъ онъ мнѣ,—что хотя немного прибавляетъ къ тому, что мы знаемъ объ этомъ великомъ человѣкѣ“.

И дѣйствительно, одна строчка, одно слово, кажущіяся теперь намъ мало или вовсе неинтересными, могутъ впослѣдствіи доказать какой-нибудь фактъ, установить дату. Даже количество писемъ служитъ намъ уже указателемъ степени дружбы между Тургеневымъ и лицами, съ которыми онъ велъ переписку; и въ этомъ отношеніи мы видимъ, напримѣръ, что Тургеневъ больше всего писалъ Флоберу и Зола.

Однако, не слѣдуетъ придавать особеннаго значенія тому или другому письму, но именно всему собранію этихъ литературныхъ документовъ.

Среди разныхъ мнѣній, вызванныхъ напечатаніемъ этихъ писемъ, я нашелъ, въ одномъ Брюссельскомъ журналѣ, по поводу писемъ къ Зола, изъ которыхъ нѣкоторыя показались неинтересными, вполнѣ справедливое замѣчаніе. Бельгійскій журналистъ начинаетъ съ того, что эти письма

написаны наскоро, небрежнымъ слогомъ, съ фамильярной простотой и телеграфической лаконичностью, и что ихъ надо считать скорѣе записками, чѣмъ письмами.

Однако, и онъ признаетъ, что

подобныя письма драгоцѣнны для насъ уже потому, что открываютъ намъ нѣчто новое, до сихъ поръ незнакомое, выясняютъ непонятное и исправляютъ неточности,—такъ какъ зависть часто умаляетъ истинное достоинство великаго человѣка. Уже по одному тому слѣдуетъ печатать такія письма, что они заставятъ умолкнуть строгихъ и напыщенныхъ рецензентовъ, которые такъ много говорятъ о вредномъ любопытствѣ. Для читателя пожалуй важнѣе даже чѣмъ для писателя, чтобы на геній послѣдняго было пролито какъ можно больше свѣта.

Таково было мнѣніе и самого Тургенева, который издалъ переписку болѣе интимнаго характера, — переписку Пушкина съ его женой. Въ своемъ предисловіи къ этому изданію онъ говоритъ, что считаетъ его самымъ почетнымъ трудомъ изъ всей своей литературной дѣятельности. „Эти письма,—пишетъ онъ,—бросаютъ яркій свѣтъ на весь характеръ Пушкина и даютъ ключъ къ объясненію многихъ фактовъ изъ его жизни и даже того, что такъ трагически окончило ее. Написанныя въ то время, когда онъ былъ покинутъ всѣми своими, безъ помарокъ, перифразъ и недоразумѣній, письма эти тѣмъ болѣе показываютъ намъ чистоту нравственнаго образа поэта“.

До сихъ поръ мы могли собрать только дружескую переписку Тургенева, но она помогла намъ лучше ознакомиться съ нимъ: она подтвердила доброту его души, его преданность друзьямъ, отсутствіе писательской гордости; она уничтожаетъ всѣ недоброжелательные доводы, а главнымъ образомъ показываетъ намъ литературную связь, о которой я только-что упоминалъ. Тутъ же мнѣ хотѣлось бы привести еще новое доказательство искренности Тургенева, въ которой одно время сомнѣвался Альфонсъ Додэ.

Старый другъ Тургенева, знавшій его уже лѣтъ сорокъ, и къ свидѣтельству котораго я уже прибѣгалъ, г. Питчъ, прислалъ мнѣ письмо, адресованное Тургеневымъ m-me Питчъ, въ которомъ русскій романистъ говоритъ о Захеръ-Мазохѣ въ такихъ выраженіяхъ, что никакъ нельзя допустить интимной дружбы между этими обоими писателями. Письмо это доказываетъ лишній разъ, что Тургеневъ никогда не зналъ лично Захеръ-Мазоха и, какъ справедливо замѣчаетъ г. Питчъ, не могъ вести съ нимъ никакой переписки.

Г. Дюранъ-Гревиль пишетъ мнѣ съ своей стороны слѣдующее: „дѣло съ письмами къ Захеръ-Мазоху внушало мнѣ всегда одни сомнѣнія, но я остерегался говорить о нихъ въ своей статьѣ объ И. С. Тургеневѣ. Додэ, къ которому я какъ-то разъ, —давно уже, — обратился съ вопросомъ, *гдѣ* бы я могъ видѣть эти письма, повернулся къ Гонкуру и сказалъ ему: — „кажется они были у Роберта Каза, не такъ ли?“ — „Да“, отвѣтилъ Гонкуръ. — Тѣмъ и кончилось. А какъ разъ въ это время Робертъ Казъ умеръ. Одинъ изъ моихъ друзей, человѣкъ очень честный и правдивый, сообщилъ мнѣ, что письма эти *предлагались Гонкуру* за очень умѣренную цѣну. Я увѣренъ, хотя доказательствъ у меня и нѣтъ, что письма эти подложныя, сфабрикованныя съ корыстной цѣлью, и въ надеждѣ, что Гонкуръ, купивъ ихъ, по всей вѣроятности уничтожитъ. Если бы они не были подложными, то ихъ напечатали бы, чтобы пріобрѣсти себѣ извѣстность и деньги“.

Но не будемъ настаивать больше. Думаю, что инцидентъ этотъ достаточно освѣщенъ, и я заговорилъ вновь о немъ лишь потому, что появились новые документы, подтверждающіе старые, и потому что я коснулся значенія, какое вообще представляетъ собою собраніе писемъ Тургенева.

Это не что иное какъ подробное описаніе жизни человѣка. Но на сколько увеличивается значеніе этихъ писемъ, когда они открываютъ передъ нами источникъ творчества писателя! Вотъ, напримѣръ, письма къ Жоржъ Зандъ, въ которыхъ одинъ парижскій журналъ видѣлъ только ничего не значащія записки. А между тѣмъ среди нихъ есть одно, которое несомнѣнно увеличиваетъ важность всей этой переписки. Благодаря Жоржъ Зандъ за нѣсколько строчекъ, которыми она посвящала ему свой разсказъ *Петръ Боннинъ*,—Тургеневъ говоритъ между прочимъ: „отправляясь въ Ноганъ, я имѣлъ намѣреніе сообщить вамъ о томъ громадномъ вліяніи, которое вы произвели на меня, какъ писателя“... Эта фраза не могла пройти не замѣченной для внимательнаго читателя, особенно если онъ прочелъ примѣчаніе, помѣщенное мною въ предисловіи къ письмамъ Тургенева къ Жоржъ Зандъ. Оно опредѣляетъ важный вопросъ въ исторіи литературы и дѣлаетъ несомнѣннымъ вліяніе, которое произвела великая французская писательница на такого же великаго русскаго писателя.

Во всякомъ случаѣ только не Бальзакъ,—какъ то предполагаетъ г. Мельхіоръ де-Вогюэ,—могъ имѣть воздѣйствія на талантъ Тургенева. Въ письмѣ къ Вейнбергу, поэту и переводчику, который просилъ его перевести на русскій языкъ произведенія Бальзака, Тургеневъ отказался отъ этого за неимѣніемъ времени. „Я скорѣе перевелъ бы,—прибавляетъ онъ, — нѣсколько страницъ изъ Монтаня или Рабле, но только не Бальзака, котораго я не могу прочесть десяти страницъ кряду, до того этотъ писатель чуждъ и антипатиченъ моей натурѣ!“

Только вліяніе Жоржъ Зандъ было признано, какъ мы это уже видѣли, самимъ Тургеневымъ. Этотъ фактъ, не

отмѣченный еще во Франціи, неоднократно занималъ русскихъ критиковъ. Еще недавно Каренинъ (псевдонимъ женщины, талантливаго романиста) упоминаетъ о вліяніи Жоржъ Зандъ на нѣкоторыхъ русскихъ писателей: Достоевскаго, Григоровича, Салтыкова-Щедрина и въ особенности Тургенева. Каренинъ доказываетъ намъ, что *Рудинъ*, напримѣръ, есть какъ бы отраженіе *Гораса*. „Если отбросить всѣ особенности расы или касты, которыя отличаютъ *Рудина* отъ *Гораса*, то передъ нами встало бы одно и то же лицо, одинъ и тотъ же типъ краснобая-энтузіаста, который увлекаетъ другихъ, и самъ увлекается своимъ краснорѣчіемъ, но который не способенъ дѣйствовать... И если Рудинъ, опьяненный своими словами, умираетъ на баррикадѣ 1848 г., между тѣмъ какъ Горасъ ловко избѣгаетъ участія въ дѣлѣ С.-Мери въ 1832,—если вообще Рудинъ симпатичнѣе и безкорыстнѣе чѣмъ его прототипъ, то причину этого нужно искать именно въ характеристическихъ чертахъ расъ или кастъ, вѣрно и художественно переданныхъ Жоржъ Зандъ и Тургеневымъ".

Другой критикъ, г. Сумцевъ, находитъ еще болѣе аналогіи между Касьяномъ изъ *Записокъ охотника* и Пасьянсомъ *Мопра*.

„По своему уму, кротости, любви къ природѣ и главнымъ образомъ къ птицамъ, Касьянъ литературный братъ Пасьянсу", говоритъ онъ: „Пасьянсъ питаетъ отвращеніе къ работѣ, Касьянъ тоже. Пасьянсъ отъ природы философъ, Касьянъ, благодаря своей склонности къ философіи, получилъ прозвище простофили. Оба они считаются среди крестьянъ за колдуновъ. Даже въ мелочахъ, какъ, напримѣръ, въ особенномъ пристрастіи къ птицамъ, Жоржъ Зандъ и Тургеневъ сходятся... Пасьянсъ неловокъ и робокъ съ женщинами; Касьянъ унаслѣдовалъ тоже эту черту, что мы видимъ въ концѣ разсказа Тургенева... У Тургенева есть даже одно плохо объяснимое обстоятельство, мало соотвѣтствующее нравамъ русскаго мужика той эпохи, и которое вслѣдствіе этого кажется искусственнымъ и фальшивымъ: Касьянъ умѣетъ читать и учитъ читать свою дочь Аннушку. Здѣсь уже прямо чувствуется вліяніе грамотнаго Пасьянса, и притомъ вліяніе противоположное дѣйствительности русской среды".

Я могу провести эту параллель еще дальше чѣмъ Каренинъ и Сумцевъ; я могу доказать, что почти всѣ лица въ *Рудинѣ* имѣютъ своихъ прототиповъ въ *Горасѣ*. Лежневъ, другъ Рудина, развѣ не похожъ на Теофиля, друга Гораса? Не видитъ ли онъ, подобно Теофилю, недостатки и хорошія качества своего друга,—и не поддается ли онъ чарамъ его энтузіазма? А Волынцевъ, развѣ это не Поль Арсенъ съ его добрымъ и благороднымъ сердцемъ? Подобно Полю Арсену, не страдаетъ ли онъ отъ напыщенныхъ фразъ краснобая? Наталія—та же Марта, съ пылкой и благородной душой. Подобно Мартѣ, она дѣлается жертвой обманчивой наружности. Липина—вторая Евгенія. Какъ та, такъ и другая не поддаются обольщенію героя, предпочитая человѣка дѣла—человѣку слова.

И не только характеры, но и многія подробности и многіе факты покажутся намъ до мелочности тождественными. Но что до этого? *Горасъ* и *Рудинъ* все-таки останутся произведеніями различными,—различными по средѣ, по манерѣ разсуждать о предметѣ, по заключенію, естественнымъ образомъ выводимому изъ характеровъ, различныхъ по своей народности. Я скажу еще, что типъ Рудина слишкомъ русскій для того, чтобы авторъ его искалъ себѣ модель гдѣ-нибудь внѣ Россіи. Тургеневъ могъ изучать своего героя съ натуры по Бакунину, извѣстному анархисту, котораго онъ лично зналъ,—и Рудинъ—болѣе русскій, нежели Горасъ—французъ, или Вертеръ—нѣмецъ.

Что касается сходства между Касьяномъ и Пасьянсомъ, то оно дѣйствительно бросается въ глаза, но мы не можемъ назвать это подражаніемъ, потому что хорошо знаемъ, что Тургеневъ рисовалъ своихъ героевъ прямо съ натуры, а типъ Касьяна и Пасьянса найдется во всякой странѣ.

Нѣтъ, не въ сходствѣ характеровъ и другихъ подробностей нужно искать вліяніе Жоржъ Занда на талантъ Тургенева, потому что вліяніе это гораздо шире. Мы его находимъ въ трогательной жалости къ слабымъ и жертвамъ общественнаго строя, въ склонности къ крестьянской средѣ, въ трезвости описаній, въ художественной реальности дѣйствующихъ лицъ. Но Тургеневъ еще реальнѣе Жоржъ Зандъ. Въ этомъ отношеніи онъ приближается скорѣе къ Флоберу.

Но здѣсь не мѣсто такъ подробно останавливаться на этомъ пунктѣ исторіи литературы. Я только хотѣлъ подтвердить, что въ письмахъ Тургенева, даже въ самыхъ незначительныхъ его запискахъ, его будущіе біографы, какъ и историки литературы, найдутъ себѣ не мало полезныхъ матеріаловъ.

Гальперинъ-Каминскій.

СТОЛ...
С.Н.К.

Замѣчанная во время печатанія опечатка.

Напечатано:	*Слѣдуетъ читать:*
На стр. 333, въ титулѣ (1872—1892).	(1872- 1882)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. Отъ издателя . . . . . 5—10

II. Вступленіе г. Гальперина-Каминскаго . . . . . I—XIII

III. Письма къ г-жѣ Віардо (1846—1865) 1

IV. Письма къ Густаву Флоберу и г-жѣ Комманвиль (1863—1880) 127

V. Письма къ г-жѣ Жоржъ Зандъ (1871—1876) 225

VI. Письма къ Эмилю Золà (1874—1882) 243

VII. Письма къ Гюи де-Мопассану, Сентъ-Бёву, Теофилю Готье, Шарлю Эдмонду, Ипполиту Тэну, Эрнесту Ренану, Амбруазу Томà, Жюли Кларси, Андре Тёрье, Филиппу Бюрти и Жозефу Рейнаку (1868—1882). 305

VIII. Письма къ г. Дюрану-Гревилю и графинѣ де-Губернатисъ (1872—1882) 333

IX. Послѣсловіе г. Гальперина-Каминскаго 354

БИБЛИОТЕКА
СТО...
С...

3 2044 058 260 712

THE BORROWER WILL BE CHARGED THE COST OF OVERDUE NOTIFICATION IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW.

CANCELLED JUN 24 1978

WIDENER NOV 29 2002 CANCELLED